

В. Ларцев

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ
ПОЛИВАНОВ

СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Ларцев

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ
ПОЛИВАНОВ
СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

МОСКВА 1988
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

Ответственные редакторы
Л. Р. КОНЦЕВИЧ, В. М. АЛПАТОВ

Рецензент
А. А. ЛЕОНТЬЕВ

Ларцев В.

Л 25 Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности.— М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

328 с. с ил.

Эта книга — творческий портрет Е. Д. Поливанова (1891—1938), выдающегося русского советского языковеда, во многом предвосхитившего современные лингвистические идеи. В книге использованы документальные свидетельства людей — писателей, ученых, лично знавших Е. Д. Поливанова. В качестве приложения даны поэтические опыты Е. Д. Поливанова и переводы его с японского, дунганского, киргизского и других языков.

Л 1402000000-073 59-87
013(02)-88

ББК 81г

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

Будущее прорастает через настоящее. Асфальт трещит под ногами. Сколько мы еще не знаем и сколько сокрыто еще в темноте! Будем же внимательно к нашему прошлому.

Виктор Шкловский (1984 г.)

И сам Е. Д. Поливанов, и то, что он сделал, и его судьба — необыкновенны и должны войти в историю русской науки.

Вениамин Каверин (1984 г.)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Имя Евгения Дмитриевича Поливанова, крупнейшего советского лингвиста-полиглота, теоретика языкознания и выдающегося ориенталиста, широко известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Необычайно широк круг проблем, которыми занимался Е. Д. Поливанов. Он оставил богатейшее наследие в языкознании и в смежных областях науки — педагогике, литературоведении, истории, этнографии... Как истинный ученый Поливанов стремился охватить целиком науку, которой он посвятил все силы ума и души.

Он занимался фонологией, морфологией, синтаксисом, лексикой, фразеологией, диалектологией, этимологией, сам создавал словари, буквари, учебники и учебные пособия. Его интересовали социальные функции языка, и он написал статью о воровском жаргоне и о языке интеллигенции.

Выдающиеся врожденные способности к языкам в соединении с гигантской работоспособностью, неутомимой и пытливой мыслью и дали Поливанову возможность сделать столько удивительных, прорывающихся в будущее открытий в разных языках и прийти к истине ошеломляющим по новизне и смелости замыслам — к созданию «свода поэтик», «метаязыка» и «грамматики всех народов».

Более чем два десятилетия его активной и плодотворной работы в науке совпали со временем методологических исканий, стремлением создать основы советского языкознания. Изменения, происходившие в обществе, меняли язык на глазах языковедов. Сама эпоха ставила невиданные по размаху проблемы языкового строительства и отвергала традиционные каноны описания языка.

Прикладные начала в языковедении для Е. Д. Поливанова являлись необходимым подступом к лингвистической теории. Поэтому разрешение важных теоретических задач у него всегда имело выход в практику — лингвопедагогику, методику обучения языку и со-

поставительную грамматику. Новизна языкового материала, знакомство с малоизученными языками позволяли впервые сформулировать положения, которые и сегодня не утратили своей актуальности.

Известно, что Е. Д. Поливанов был ярким примером творческой интеграции лингвистических и литературоведческих устремлений.

Все это по-новому осмысливается сегодня, когда опубликованы «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране», требующие от работников высшей школы перейти к формированию специалистов широкого профиля. Это касается и утвердившейся в университетах нашей страны практики традиционной специализации студентов-филологов по языковедческому и литературоведческому циклам. Сложившейся дифференциации теперь, думается, должна сопутствовать интеграция филологических наук. Само состояние нашей науки, ведущийся в ней поиск склоняют к мысли о необходимости готовить кадры, способные решать задачи гуманитарного направления в широком плане. Та разобщенность в подходе к художественному тексту, к его анализу, которую демонстрируют современные работы литературоведов и языковедов, наводит на грустные порой думы.

Истинный конструктивный стык, переплетение и плодотворное взаимодействие между «дочерними» ветвями филологии, видятся сегодня делом насущным, требующим еще немало усилий. Решать эту задачу надо сейчас в стенах филологических факультетов университетов. Следует серьезно подумать о возрождении славных традиций отечественной филологии, такие представители которой, как А. Потебня, Б. Томашевский, В. Жирмунский, Е. Поливанов, М. Алексеев, В. Виноградов, плодотворно работали в сфере и лингвистики, и литературоведения.

О способностях Е. Д. Поливанова, его методах изучения языков ходили легенды. Но еще больше мифов породили сам образ его жизни, его аскетизм, его чудачества, его путешествия. Да и как же не возникнуть легендам, когда многие его шаги в жизни и науке, описанные друзьями и очевидцами, иначе как легендарными не назовешь.

Неординарностью поведения, поступками, удивлявшими многих, врожденным талантом этот поразительный человек так и просился на страницы романа. Неудивительно, что он стал одним из героев романа В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» и рассказа «Большая игра».

И печально осознавать сегодня, что углубленное изучение наследия великого лингвиста началось только в конце 50-х годов и до сих пор не изданы многие его труды, не найдены многие ценнейшие рукописи.

Так возникло у меня непреодолимое желание изучить его жизнь и деятельность, собирая по крупицам документы, письма, воспоминания.

пания, и попробовать на этом материале написать книгу о нем. Я всерьез «заболел» Поливановым. И где только я не побывал, с кем только не беседовал, чтобы найти все, что еще пока можно найти?!

Что греха таить, часто встречались люди черствые, недоверчивые, видевшие в таком искреннем интересе к судьбе гениального ученого нездоровые помышления или даже опасные намерения. Некоторые его, с позволения сказать, «ученики» отреклись от своего учителя и успешно продвигались по научной и служебной лестнице лишь только потому, что вовремя отдалились, отстранились от Е. Д. Поливанова.

Писать о человеке такой сложной судьбы и гениальных свершений — задача не из легких. И меня постоянно одолевали те же сомнения и робость, которые пережил и прекрасно выразил А. А. Леонтьев в книге «Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание» (М., 1983): «Во-первых, сжившись с его образом в результате двадцатилетней работы над его рукописями и любя его как ученого и человека, сильнее всего боишься не суметь передать читателю этот внутренний образ, особенно не суметь раскрыть ту цельность, принципиальность, коммунистическую идейность и убежденность, которые были так характерны для Поливанова во все периоды его жизни. Во-вторых, надо было быть по эрудиции вторым Поливановым ... напомним, однако, что его эрудиция не имела равных даже среди его современников» (с. 4—5).

Намерение написать книгу о Е. Д. Поливанове пришло ко мне не сразу. Надо сказать, что я долгие годы интересовался деятельностью и творчеством поэтов-ученых и в свое время опубликовал статьи и книги о Лукреции Каре, Гёте, Ломоносове, Брюсове, Хлебникове, о современных поэтах-ученых.

Меня также занимали ученые, которые в одно и то же время были выдающимися лингвистами и литературоведами и являли собой совершенно особый тип ученого-филолога.

Я начал разыскивать и собирать архивные материалы о Е. Д. Поливанове, изучать его наследие. В этом мне помогли ученые Москвы, Ленинграда, Ташкента, Фрунзе, я побывал во многих местах, где жил ученый, беседовал с теми, кто знал его лично и вместе с ним работал. А лет пять назад в мои руки попал бесценный материал — архив Самаркандской «поливановской» конференции 1964 г., который тщательно хранил известный лингвист, переводчик Руссо, А. Д. Хаятин.

Книга эта зародилась как серия очерков о творчестве Е. Д. Поливанова на страницах самаркандской областной газеты «Ленинский путь» и республиканских «Комсомолец Узбекистана», «Учитель Киргизстана», в журнале «Звезда Востока». На публикацию обратили внимание филологи и писатели: З. С. Паперный, А. Н. Тихонов,

В. М. Никитевич, М. М. Копыленко, Е. К. Озмитель, П. И. Тартаковский и другие, приславшие свои письменные отклики, а В. А. Каверин в письме ко мне от 10 апреля 1984 г. настойчиво советовал написать книгу о Е. Д. Поливанове: «Я глубоко благодарен Вам за то, что Вы прислали мне Ваши очерки, в которых я нашел много, казалось бы, навсегда забытого и много нового. Вы проделали крайне важную работу и, мне кажется, что Вы уже близки к тому, чтобы написать о Поливанове хотя бы небольшую книгу. Небольшую — потому что, как и я, Вы вынуждены будете останавливаться перед необъятностью его познаний, перед обширной панорамой всего, что он сделал в науке. Прошу Вас передать мою сердечную благодарность редакции газеты „Ленинский путь“ и редактору Борису Васильевичу Щеголихину, который напечатал Ваши очерки и тем самым включился в работу по изданию наследия гениального лингвиста Поливанова, известного во всем мире.

Я надеюсь, что Вы, Василий Григорьевич, будете продолжать собирать материалы о Поливанове, тем более, что тот период в его жизни, о котором Вы пишете в своих очерках, никому неизвестен...»

Об этом же писал редакции газеты „Ленинский путь“ В. Б. Шкловский в августе 1984 г.: «То, что делается в Средней Азии по Поливанову,—значительно. Это большая работа. Я с интересом прочел опубликованные в самаркандской областной газете „Ленинский путь“ очерки Ларцева В. Г. „Незабываемые встречи“. Прочитал и узнал для себя что-то новое. Это очень полезная и нужная работа, которая может вылиться в настоящую большую книгу о Е. Д. Поливанове».

Почему я книгу начал с описания Самаркандской «поливановской» конференции 1964 г.? Хотя в 1957 г. в третьем номере журнала «Вопросы языкознания» была опубликована обстоятельная статья Вяч. Вс. Иванова, тем не менее конференция явилась началом широкого изучения творческого наследия Е. Д. Поливанова, незадолго перед этим — в апреле 1963 г. — реабилитированного. Именно после этой конференции, по существу, начинается настоящее изучение его лингвистических и литературоведческих работ, его поэзии и переводов.

Я старался в этой книге использовать свой опыт и навыки писателя и исследователя — ведь в ней пришлось совместить разные по стилю и жанру фрагменты текста. Ведь, с одной стороны, надо было показать незаурядную роль Е. Д. Поливанова в политической жизни страны, когда он с небольшой группой товарищей по заданию В. И. Ленина переводил тайные договоры царского правительства, был редактором газеты «Китайский работник», наконец, осуществлял в Средней Азии языковую политику — дело сугубо государственной важности; а с другой — представить его как гениального филолога, а также поэта и переводчика стихотворений совре-

менных ему поэтов Средней Азии и киргизского народного эпоса «Манас». К тому же надо было использовать в книге большой архивный материал, воспоминания о его жизни и деятельности современников, знавших его и работавших вместе с ним. (Кстати сказать, в воспоминаниях, поскольку они принадлежат разным лицам, есть расхождения в датах, названиях книг и рукописей, учреждений. Комментировать это я не считал возможным.)

Все это и определило композицию книги. Первая часть построена на архивных материалах и воспоминаниях современников Е. Д. Поливанова, во второй — анализируется его литературоведческая, поэтическая и переводческая деятельность.

В качестве приложений даны собственные литературные произведения Е. Д. Поливанова и его переводы, а также письма к друзьям, видным деятелям науки и культуры; список неопубликованных работ ученого, находящихся в государственных и частных архивах, и список пока еще не обнаруженных его рукописей.

Надеюсь, что опубликование книги будет способствовать выявлению не найденных еще работ и новых свидетельств жизненного пути ученого.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ — СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«ПОЛИВАНОВСКАЯ» КОНФЕРЕНЦИЯ В САМАРКАНДЕ

Среди гениальных языковедов мира одно из первых мест принадлежит замечательному советскому лингвисту-полиглоту Евгению Дмитриевичу Поливанову.

Замечательный... В этом негромком слове — безошибочность и прозорливость научных предвидений и смелых гипотез Е. Д. Поливанова, неустанно искавшего объяснения самым сложным явлениям языка.

Е. Д. Поливанов стоял у истоков советской лингвистики и в течение двух десятилетий активно и плодотворно работал в этой области знания. Одним из первых он со знанием дела пытался сформулировать принципы советского языкознания, не отделяя интересы фундаментальной науки от потребностей языковой практики.

Пионером в изучении поливановского наследия в нашей стране был Вяч. Вс. Иванов, опубликовавший в 1957 г. статью «Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова» с первой библиографией трудов ученого.

Событием особой важности была проходившая в Самарканде в сентябре 1964 г. межвузовская научная конференция «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Конференция, давшая стимул в изучении творческого наследия Е. Д. Поливанова, в поисках многих его работ, единодушно и сразу же получила лаконичное название «поливановской».

Организаторы конференции — ректор Самаркандского государственного университета проф. В. А. Абдуллаев, проф. У. Т. Турсунов, проф. А. А. Леонтьев (Москва), доценты Л. И. Ройзензон, А. Д. Хаютин (Самарканд) — проделали большую предварительную работу. Они же выступили с интересными сообщениями, внося существенный вклад в изучение творческого наследия Е. Д. Поливанова. Работа поливановской конференции объединила усилия посланцев многих научных учреждений, откликнувшихся и прибывших из самых разных уголков. Языковеды СамГУ представили 23 доклада и сообщения. На четырех пленарных заседаниях конференции и на заседаниях семи секций было заслушано 97 докладов, связанных с идеями и жизнью Е. Д. Поливанова.

Гостем конференции был известный советский писатель В. А. Каверин, который близко знал Е. Д. Поливанова в 20-х годах и часто общался с ним. С воспоминаниями о Е. Д. Поливанове выступили на конференции проф. СамГУ И. И. Умняков, доцент А. И. Абражеев, научный сотрудник фундаментальной библиотеки СамГУ Ф. Мааруфи, пенсионерка С. Л. Лифшиц и др.

Выступления участников конференции обогатили наши представления о жизни и деятельности Е. Д. Поливанова, о его научных свершениях и замыслах. Шутка ли сказать, более двадцати докладов и сообщений были непосредственно связаны с его именем и творчеством и содержали новые данные. Неоценимую помощь в изучении научной биографии ученого и его трудов оказали присланные и зачитанные на конференции воспоминания ученых и журналистов, близко знавших и долгое время работавших вместе с Поливановым, но не сумевших прибыть на конференцию. Это — воспоминания М. С. Кардашева, Н. П. Архангельского, Ю. Яншансина и др.

На конференции были установлены точная дата и место рождения Е. Д. Поливанова на основе архивной справки, привезенной одной из участниц из Смоленского бюро ЗАГС. С некоторыми материалами о командировке Е. Д. Поливанова в Японию в 1915 г. ознакомил участников конференции Д. М. Насилов (Ленинград).

Было также установлено, что Е. Д. Поливанов сотрудничал с М. Горьким в «Новой жизни» после начала первой мировой войны. Определено было точно время работы Е. Д. Поливанова над расшифровкой и опубликованием тайных договоров царского правительства (ноябрь — декабрь 1917 г.).

По архивным документам уточнены названия курсов, которые Е. Д. Поливанов читал на восточном факультете Среднеазиатского государственного университета,— общего и сравнительного языкознания, этнографии и антропологии и др.

Выяснились подробности о пребывании Е. Д. Поливанова во Владивостоке в 1926 г. и о его новой командировке в Японию в том же году.

Было установлено, что многие работы Е. Д. Поливанова полностью были подготовлены к печати, но так и не увидели света.

Е. Д. Поливанов, ведя многостороннюю педагогическую, научную и общественную работу, находил время для участия (а порой и для руководства) в комплексных экспедициях. Он описал маргеланский, самаркандский, гурленский, кият-кунградский, хивинский, казлийманский, туркестанский, кашгарский говоры узбекского языка, а также говор евреев Ферганы.

Обо всем этом подробно говорилось на конференции. Материалы конференции составили сборник статей и тезисов и были опубликованы в 1964 г. Конференция внесла весомый вклад в изучение биографии и творческого наследия Е. Д. Поливанова в связи с новейшими направлениями в языкознании, стала данью уважения памяти великого лингвиста, идеи которого живы и продолжают жить в наши дни.

Конференция приняла резолюцию, представляющую собой развернутую программу действий по дальнейшей систематизации и разысканию поливановского наследия, где, в частности, отмечалось: считать целесообразным устраивать раз в два года при Самаркандском университете «Поливановские чтения», ходатайствовать перед Исполкомом Самаркандского совета депутатов трудящихся присвоить имя проф. Е. Д. Поливанова одной из улиц города Самарканда и др.

Претворением этих решений стал второй этап «знакомства» с исследованиями Е. Д. Поливанова — выпуск сборника избранных работ — «Статьи по общему языкознанию» (М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968). Вскоре этот сборник был издан в издательстве «Мутон» на английском языке. Появление такого сборника оказалось возможным благодаря кропотливой работе видных лингвистов страны — Вяч. Вс. Иванова, А. А. Леонтьева, Ф. Д. Ашнина, В. П. Григорьева, А. А. Реформатского и других — по

отысканию неопубликованных трудов Е. Д. Поливанова, находящихся в архивах СССР и ЧССР¹.

За время, прошедшее после конференции, неизмеримо возросла литература о Е. Д. Поливанове. Появилось более 120 статей и заметок, специально посвященных поливановскому наследию, не считая множества упоминаний в монографических исследованиях, в которых широко комментируются положения Е. Д. Поливанова.

Конечно, после 1968 г. наши языковеды проделали значительную работу по сбору, публикации, изучению трудов Е. Д. Поливанова. Но из того, что было намечено, сделано далеко не все. Например, вскоре после конференции перестали созываться «Поливановские чтения»; все еще не опубликованы труды Е. Д. Поливанова по узбекскому языкознанию и востоковедению; не вышли в свет архивные материалы и воспоминания о нем; в Самарканде так и не появилась улица имени Поливанова; не организован при СамГУ кабинет общего языкознания и диалектологии имени проф. Е. Д. Поливанова.

Перед языковедами стоит ряд других первоочередных задач, связанных с творчеством Е. Д. Поливанова. Это — подготовка и издание работ Е. Д. Поливанова в нескольких томах; создание подробной научной биографии; издание популярной книги о нем в серии «Жизнь замечательных людей».

Думается, что в долгу перед Е. Д. Поливановым и литературоведы, внимание которых не привлекли пока его статьи по поэтике. Не исследованы его переводы эпоса «Манас», повести Я. Шивазы «Судьба Мэй Янцзы», поэтический сборник «Поэзы и кляксы» и др.

Значительным явлением в изучении творческого наследия Е. Д. Поливанова стала состоявшаяся 27 февраля 1981 г. в Москве конференция, посвященная девяностолетию со дня рождения Е. Д. Поливанова. Конференция была организована по инициативе отдела языков Института востоковедения и при участии Института языкознания АН СССР. В своем вступительном слове И. Ф. Вардуть охарактеризовал Е. Д. Поливанова «как одного из самых ярких лингвистов XX века, внесшего огромный вклад в развитие различных отраслей отечественного восточного и общего языкознания»².

29 апреля 1981 г. в Институте языкознания АН СССР состоялся семинар по диахронической лингвистике, посвященный девяностолетию со дня рождения Е. Д. По-

ливанова. Руководил семинаром В. К. Журавлев. Готовящийся к изданию сборник материалов конференции станет новой вехой в изучении творчества Е. Д. Поливанова.

Многие материалы самаркандского поливановского архива, как увидит читатель, использованы мною в различных разделах книги, в начало же ее так и просятся воспоминания В. А. Каверина, давшего «поливановской» конференции глубоко перспективное направление.

В день отъезда из Самарканда Вениамин Александрович сообщил мне, что он имел намерение дать краткий отчет о конференции в «Литературную газету». «Но что-то нездоровится,— сказал он.— Да это ничего, напишут другие. У меня не выходит из головы Поливанов. Вот здесь много написано,— он показал ученическую тетрадь с голубыми корочками, исписанную сплошь карандашом — вдоль и поперек,— и все о нем. Но, видно, придется к этой теме обратиться позднее...»

Что писал в ней Вениамин Александрович, дважды подчеркнувший в тетрадке название своих заметок: «Трагедия Поливанова»?

ТРАГЕДИЯ ПОЛИВАНОВА

«Представьте себе гениального ученого, оставившего глубокий след в мировом языкознании, рукописи которого по крохам, по отдельным листкам собираются в различных городах Советского Союза и за рубежом.

Представьте себе Всесоюзную конференцию лингвистов, которая прошла без портрета того, кому она посвящена, потому что, несмотря на все усилия, портрет достать не удалось.

Представьте себе ученого, знавшего лингвистически не меньше 35 языков, написавшего грамматику японского, китайского, бухаро-еврейского, дунганского, мордовского, туркменского, казахского, таджикского языков (четыре последних еще не найлены), о котором спорят, пошел ли он в 1891 или 1892 г., в Петербурге или Смоленске.

Представьте себе человека, которому удалось напечатать лишь двадцатую часть своих работ, в то время когда едва ли не каждая его фраза может быть развернута в принципиально новую теоретическую работу.

Представьте себе политического деятеля, опубликовавшего тайные договоры царского правительства в

1917 г., который впоследствии годами бродил по стране, как дервиш.

Представьте себе человека, оставившего, несмотря на необычайно сложную, трагическую жизнь, более ста научных работ, в том числе 17 книг,— человека, имя которого в течение трех десятилетий замалчивалось, пока в 1957 г. известный наш лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов не опубликовал о нем статью, положившую конец этой беспримерной несправедливости.

Этот человек — Евгений Дмитриевич Поливанов.

В сентябре 1964 г. из Москвы, Ленинграда, Казани, Рязани, Ельца, Алма-Аты и многих других городов в Самарканде собрались ученые, чтобы говорить о нем и о своих, связанных с его деятельностью работах.

Самаркандский государственный университет пригласил меня на эту конференцию. Я рассказал ее участникам о своих встречах с Поливановым в 20-х годах.

Я жил в ту пору у Юрия Тынянова. Поливанов был частым гостем в нашей „коммуне“ на Греческом, 15. Это было в самом деле нечто вроде студенческой коммуны, собравшейся вокруг Тынянова в большой холодной квартире богатого чиновника, сбежавшего за границу.

Поливанов приходил в солдатской шинели, слегка прихрамывая, вежливый, спокойный, говорящий тихим голосом и слушающий собеседника с глубоким интересом. К нашему более чем скромному ужину, состоявшему обычно из сушеных овощей, он прибавлял какое-то китайское блюдо, которое сам готовил из муки, сахара и, кажется, перца. Изумление взыскательного Тынянова, несомненно чувствовавшего в Поливанове человека необыкновенного, поражало меня. Не понимая сущности их разговоров — я был тогда студентом первого курса, я чувствовал, что полусхутия, между прочим Поливанов высказывает необычайные по глубине и значению мысли. Об этом нетрудно было судить — не по Поливанову с его изысканностью и небрежностью, а по Тынянову, у которого взволнованно загорались глаза.

Он приходил и оставался иногда надолго, на несколько часов, устраиваясь в холодном кабинете хозяйна и утверждая вполне серьезно, что лучше всего ему работается, когда в комнате не более восьми градусов тепла.

Он никогда не рассказывал о себе, и мы, разумеется, не расспрашивали. Мы знали, по слухам, что еще

мальчиком, гимназистом, он потерял левую руку, положив ее на пари под колеса поезда. У него были какие-то загадочные приключения в Японии и Китае, где он бродил среди простых людей, изучая диалекты и скрывая, что он — человек науки.

Мы знали, что он связан с Коминтерном, что он принимал непосредственное практическое участие в Октябрьской революции, а во время Февральской останавливал извозчицки пролетки и устраивал из них баррикады. Виктор Шкловский говорил, что он видел это своими глазами.

Словом, он был фигурой странной, загадочной и, естественно, вызывавший у меня, девятнадцатилетнего студента, глубокий интерес. Услыхав однажды через полуоткрытую дверь, как Поливанов рассказывал об Институте живых восточных языков, в котором он работал в Петрограде, я вышел из своей комнаты и сказал, что хочу поступить в этот институт. И поступил. К сожалению (поддавшись уговорам приятеля), я поступил не на японский факультет, которым руководил Поливанов, а на арабский.

Постепенно мы привыкли к нему — каждые два-три дня он бывал в нашей „коммуне“. Он узнал, что я плохо живу — университетская стипендия была ничтожно мала — и предложил мне работу — преподавать пятерым китайцам русский язык. Это было сложно: я не знал китайского, а китайцы не знали русского. Кажется, теперь именно этот способ изучения языков представляется наиболее надежным. Мне тогда этого не казалось. Мои ученики не понимали падежных окончаний. Об именительном падеже они довольно здраво говорили, что это вообще не падеж, а когда в качестве примера я привел им фамилию Поливанов, они в один голос сказали, что поскольку она кончается на „-ов“ — это не именительный падеж, а родительный множественного...

В молодости кажется, что необыкновенное — обыкновенно и будет продолжаться долго, может быть, всегда. Я не записывал своих разговоров с Поливановым и теперь глубоко сожалею об этом. У меня всегда было ощущение, что научные факты, о которых он говорит, это не просто факты, а события, и что среди этих событий он чувствует себя как дома.

Однажды зимой я провожал его в университет, где он жил более чем скромно, в студенческом общежитии.

Мы переходили Неву, и Поливанов, которому хотѣлось, чтобы я занялся лингвистикой, рассказал мне вполне законченную работу, посвященную фонемам.

— Почему бы, вернувшись домой, вам не записать ее, чтобы потом представить в университет, как диплом? — сказал он...

Я рассказал участникам конференции о том, как Поливанова бойкотировали академические круги, о том, как Виктор Шкловский хранил его рукописи в негорящем шкафу.

Впоследствии, в романе „Скандалист, или Вечера на Васильевском острове“ я попытался изобразить поразившую меня фигуру Поливанова. Не стал бы раскрывать это обстоятельство, если бы Вяч. Вс. Иванов не упомянул в своей известной статье о том, что некоторые особенности характера Поливанова навеяли В. А. Каверину образ профессора Драгоманова в романе „Скандалист“. Конечно, нельзя ставить знак равенства между этими двумя фигурами. Но некоторые черты Драгоманова были подсказаны мне знакомством с его гениальным прототипом.

На конференции, собравшейся в Самарканде, я узнал многое, заново осветившее фантастическую по силе и необычности фигуру Е. Д. Поливанова. Время признания, замалчивания прошло. Его биография изучается, труды печатаются. Лингвистика за последние десятилетия шагнула вперед, но то, что сделал Поливанов, не потеряло значения. Недаром доклад Вяч. Вс. Иванова на заключительном пленарном заседании конференции назывался „Е. Д. Поливанов и современное языкознание“. Он изучал живые языки, на которых говорят тысячи людей, но предсказал многое в эволюции языка. Он безошибочно предсказал и постепенное падение той теории, которую исповедовали люди, погубившие его — марристы.

Странного противоречия между гениальностью и признанием, научным величием и унижением не было бы, если бы в конце 20-х годов Поливанов не выступил против яфетидологии Н. Я. Марра. Розыски А. А. Лентьева, содержательный доклад которого был заслушан на конференции, нарисовали картину мужественной борьбы, которую Поливанов вел против марристов.

Великий ученый, крупный общественный деятель, человек обширного и быстрого ума, Поливанов был опаснейшим врагом для тех, кто канонизировал яфетидоло-

гию и насаждал это учение, уничтожая подлинных языковедов.

С 4 февраля 1929 г., когда он открыто выступил против марристов, его труды были объявлены „истощенным во всем эпигона субъективно-идеалистической школы“, а он сам — „разоблаченным в свое время черносотенным лингвистом-идеалистом“. Так писал о нем некто В. Б. Аптекарь³ в книге „Н. Я. Марр и новое учение о языке“, вышедшей в 1934 г.

На дискуссиях принимались резолюции, в которых клеймили позором „хулигански-наглое, циничное выступление профессора Поливанова“. Его называли „кулацким волком в шкуре советского профессора“. Ответ Поливанова (разумеется, оставшийся ненапечатанным) полон достоинства. Он писал: „В пересмотре, которому подлежит все наследуемое советской наукой, нет места ни авторитарному мышлению, ни кваканью профанов“.

Тогда-то и был сделан оправдавшийся в полной мере прогноз, о котором я упомянул выше. Поливанов предсказал, что яфетический культ „будет постепенно уходить в тень, отступать на задний план“.

Нетрудно представить себе, что должно было произойти с человеком, который смело отказался признать культ личности в языковедении.

Поливанов был изгнан отовсюду, лишен всех своих должностей, лишен возможности печатать свои работы. Он уехал в Ташкент, потом в Самарканд. Одна из его последних работ посвящена самаркандскому говору. Ему надо было немного, точнее сказать, ему ничего было не надо. Он никогда не стремился к благополучию и славе. Но как же работал, как жил в пустыне осторожности, клеветы, подозрительности этот человек, представлявший собой чудо науки? Теперь мы знаем, как он жил и работал.

Старый узбек Махмуд Хаджимурадов рассказал на конференции, как Поливанов приехал к нему едва ли не босиком, в рваной одежде и остался на несколько недель в кишлаке, изучая особенности местного диалекта, составляя словарь, которого еще не было в мире. Он работал неустанно, упорно, а для отдыха поправлял ошибки в религиозных книгах на арабском языке, которыми пользовались муллы.

Что произошло с этой работой? Где она? Махмуд Хаджимурадов сжег ее, узнав об аресте Поливанова. Он сказал об этом со спокойным достоинством, и никто

из нас, помнящих те тяжёлые годы, не посмел упрекнуть его за этот поступок.

Вот так Поливанов и жил в кишлаках, пригородах, где придется. В сущности, с ним ничего нельзя было сделать. Ведь куда бы он ни попадал, везде были люди, и он мгновенно усваивал их язык, научно изучая его и пользуясь им для развития своих воззрений.

В 1937 г. он был арестован в г. Фрунзе и 25 января 1938 г. погиб.

За что он был арестован? Почему расстрелян? Следователь, просивший у меня отзыв о Поливанове, необходимый для реабилитации ученого, в ответ на эти вопросы только махнул рукой.

Вскоре после смерти Поливанова его рукописи продавались во Фрунзе на базаре. Очевидно, на вес? Или на обертку?

Он был реабилитирован поздно, в 1963 г., у него не осталось родных, которые прежде позаботились бы о восстановлении его честного имени. И после реабилитации немедленно начались поиски его наследия. Много уже сделано, хотя далеко не все. На превосходно организованной, глубоко содержательной самаркандской конференции из 100 докладов Поливанову были посвящены 42. Предполагается издать его работы в двух томах. Это, разумеется, избранные произведения. Одновременно публикуются вновь найденные многочисленные работы. Внимание к великому лингвисту, этнографу, фольклористу, историку привлечено, и недалеко то время, когда Поливанов займет свое место среди тех, кто стал гордостью нашей науки...

Я бродил по Самарканду, городу Поливанова, тенистому, зеленому, непохожему ни на один город в мире. Огромный парк-бульвар, в котором прохладно в самые жаркие дни, упирается в здание оперы — это новый Самарканд, который возводится с таким расчетом, чтобы чудесные строения — мечети и медресе, мавзолей Тимура Гур-Эмир — не были скрыты, а как бы вписывались в городской пейзаж.

Я бродил по Самарканду, городу Поливанова, городу гостеприимства, вдоль дувалов — толстых, глухих, глиняных заборов — по извилистым пыльным переулкам. Старый город легко узнать по подъемным кранам, с помощью которых он быстро превращается в новый.

Зайдите в любые ворота, и за дувалом откроется прохладный сад с клювом крана. Вас приветливо встре-

тят, знаменитое узбекское гостеприимство мгновенно вступит в свои права. Настойчивые уговоры, против которых трудно устоять, в конце концов приводят к тому, что, как бы вы ни были заняты, вы остаетесь. Эта черта относится, разумеется, не только к Самарканду. Это весь Узбекистан, любой его кишлак, любой дом при дороге, в горах, в долине.

Я бродил по Самарканду, думая о Поливанове, судьба которого странным образом напоминает судьбы двух других замечательных русских людей—Хлебникова и Лобачевского. Как и Хлебников, Поливанов с грудой неизданных рукописей бродил по стране, как и Лобачевский, он погиб, не дождавшись признания.

Днем здесь жарко, ночью прохладно. Легкой походкой проходят девушки в платьях из хан-атласа, старики в халатах с белыми чалмами плетутся верхом на маленьких лопоухих осликах. На базарах фантастически огромные груды арбузов и дынь. Необычное ощущается здесь на каждом шагу, может быть, потому что в этом городе за трехтысячелетнее его существование произошло много необычного.

Думая о странном человеке без руки, очень вежливом, сдвигавшем целые миры лингвистических понятий, понимавшем язык как общение, как поэзию, как тайну природы, я бродил по Самарканду. Теперь к его чудесам прибавилось еще одно — Поливанов» (В. Каверин.— Из архива автора⁴).

ЕМУ ВСЕ УДАВАЛОСЬ⁵

«Лингвисту следует быть знакомым хотя бы с основами или элементами акустики, психологии, социологии, истории, литературоведения, теории информации, статистики, этнографии, антропологии, культурологии, текстологии, географии, философии...»⁶.

Это как будто сказано о Е. Д. Поливанове, который, будучи прежде всего языковедом, занимался, кроме того, педагогикой, текстологией, этнографией, фольклором, литературоведением, логикой, психологией, социологией, историей, статистикой и другими науками. Эти знания, безусловно, способствовали ему в бесчисленных его открытиях в языкознании.

Вяч. Вс. Иванов пишет: «Создание Е. Д. Поливановым... оригинальной лингвистической концепции и ее

обоснование фактами очень большого числа самостоятельно изученных им языков различных семей было возможно благодаря объединению в его лице исключительно одаренного полиглота, талантливого япониста, китаевода, тюрколога и лингвиста-теоретика, хорошо знакомого не только с русской и западноевропейской, но также дальневосточной и арабской лингвистикой»⁷.

В чем же открытия Е. Д. Поливанова? В чем состояли основные положения концепции Е. Д. Поливанова? Чем определяется его вклад в теорию языкознания?

Для лингвистики первой половины XX в. было характерно изолированное рассмотрение языковой системы в отвлечении от исторических, культурных, социальных факторов. Господствовавшая в мировой науке точка зрения была выражена во фразе, которой кончался знаменитый «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»⁸. Исследователи не шли дальше выявления системных отношений между единицами языка: фонемами, морфемами и т. д. Вопрос же о том, почему эти отношения таковы, не решался и даже не ставился как выводящий за пределы науки о языке. Точно так же выводились за ее пределы и социолингвистические исследования. Ведущие ученые изучали язык синхронно, в отвлечении от его истории. Историческое языкознание продолжало в это время оставаться на уровне XIX в., изучая отдельные изолированные факты. Наблюдалась и противоположная тенденция к построению широких глобальных теорий, не подкрепленных фактами, нашедшая выражение в марризме, о котором нам придется еще говорить.

Е. Д. Поливанов не мог согласиться ни с тем, ни с другим подходом. Он в полной мере воспринял сильные стороны современной ему мировой лингвистики: строгое обращение с фактами, стремление к системному охвату явлений языка. Но ему чуждо было рассмотрение языка «в самом себе и для себя», не созвучное, по его мнению, революционной эпохе. Он стремился создать основанную не на абстрактных догмах, а на анализе огромного количества фактов марксистскую теорию языкового развития.

Первым в мировой науке того времени Е. Д. Поливанов распространил принцип системности на историю языка. Им была разработана теория фонологических из-

менений, рассматривающая их во взаимосвязи и взаимообусловленности, выявлен механизм конвергенций (объединения первоначально разных фонем в одну) и дивергенций (расщепления фонемы на несколько фонем)⁹. Под влиянием Е. Д. Поливанова эта теория была в дальнейшем развита Р. Якобсоном¹⁰. На материале японских диалектов Е. Д. Поливанов впервые рассмотрел процесс «цепочечного» изменения фонетической системы, когда каждое изменение является причиной следующего¹¹. Этот процесс позднее исследовали такие лингвисты, как, например, А. Мартине. Поливановские идеи оказались хорошо применимыми к объяснению истории английского и других языков.

Е. Д. Поливанов стремился вскрыть причины языковых изменений. Он выделял два комплекса таких причин. Один связан с физиологическими характеристиками речи, из которых он главным считал принцип экономии произносительной энергии, ведущий к постоянному упрощению фонологической и грамматической системы¹²; эта концепция также позднее нашла продолжение в науке, например в книге А. Мартине «Принцип экономии в лингвистике» (М., 1960).

Другой комплекс причин определяется социально-экономическими условиями. Е. Д. Поливанов был далек от свойственного некоторым советским ученым 20—30-х годов упрощенного понимания этих причин. Он указывал, что сами изменения звуков или речевых форм нельзя объяснять воздействием «материально-общественной жизни», как писал Н. Я. Марр, или «силой производственно-общественных корней», однако «экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции». Е. Д. Поливанов выявлял и законы функционирования языка в обществе; известен, например, «закон Поливанова»: «Развитие литературного языка заключается отчасти в том, что он все меньше развивается»¹³.

Е. Д. Поливанов был основоположником нашей отечественной социолингвистики. В 1929 г. он так определял проблемы этой науки:

1. Определение языка как социально-исторического фактора. Собственно говоря, сочетание лингвистики и марксизма в одном лице уже предполагает решение

этой задачи. Но все-таки нужна еще формулировка. Итак, это лишь первый необходимый шаг, не более того.

2. Описание языков и диалектов с социологической точки зрения. Нужна, конечно, методология прежде всего (с новыми понятиями вроде социально-групповых диалектов и т. д.).

3. Оценочный анализ данного языка как орудия общения.

4. Изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями.

5. Оценочный анализ языка (и отдельных его сторон) как средства борьбы за существование.

6. Общая типологическая схема эволюции языка в связи с историей культуры.

7. Прикладные вопросы социологической лингвистики: языковая политика.

Каждый из этих пунктов мог бы быть освещен в самостоятельной статье. Надеюсь, что это будет делом недалекого будущего¹⁴.

Для 1929 г. сама постановка этих проблем была новой и перспективной. По сути это была задача создания теоретических основ для языкового строительства в СССР, в котором активное участие принимал Е. Д. Поливанов. Частично эти проблемы были рассмотрены в книге «За марксистское языкознание», которую Е. Д. Поливанов издал в 1931 г. Однако он далеко не все успел сделать и часть из перечисленных вопросов не решена и продолжает быть актуальной в наше время.

Много нового внес Е. Д. Поливанов в изучение языковых контактов. В науке XIX в. сходства между языками рассматривались либо в связи с языковым родством (сравнительно-историческое языкознание), либо безотносительно к историческим взаимосвязям языков (типология). Однако сходства языков могут вызываться и контактами между языками, эти сходства могут проявляться не только в области лексики, но и в области фонетики и грамматики. В связи с этим в лингвистике возникло понятие языкового союза — общности контактных языков, приобретших общие черты. Это понятие было введено двумя выдающимися учеными, хорошо знавшими друг друга и во многом близкими по идеям, — Е. Д. Поливановым и Н. С. Трубецким. Хотя идеи Трубецкого получили более широкую известность, роль Поливанова неоднократно отмечалась. Е. Д. Поливанов

развивал новаторские идеи о возможности создания сравнительной фонетики неродственных, но контактировавших языков. Он стремился также объяснить механизмы языковых контактов¹⁵.

Велик вклад Е. Д. Поливанова и в другие области теоретического языкознания. Именно он впервые установил фонологическую роль слога и выявил законы слоговой структуры¹⁶. Значительно продвинул он вперед изучение ударения; до Е. Д. Поливанова был хорошо изучен лишь один его вид — силовое ударение (типа русского), к нему часто сводили ударение других видов. Е. Д. Поливанов создал общую типологию ударений, разграничил ударение и тон. Едва ли не впервые в советском языкознании он выдвинул мысль о выделении фразеологии в особый раздел лингвистики¹⁷.

Он был также основателем такой дисциплины, как изучение «звуковых» жестов¹⁸. В 1914 г. вышла первая небольшая книжка В. Шкловского, которая, по словам самого автора, «приводила случай глоссолалии — слова, восклицания, звуковые жесты, не получающие смысл, иногда как бы предваряющие слово»¹⁹. В. Шкловский пишет, что этой книжкой «заинтересовался ученик Бодуэна де Куртенэ — одорукий Евгений Дмитриевич Поливанов, специалист по корейскому языку, человек широчайших лингвистических знаний и безумной жизни»²⁰.

Продолжая исследования в этом направлении, Е. Д. Поливанов закладывал основы паралингвистики. По его словам, «значение слов дополняется разнообразными видоизменениями звуковой стороны, куда входит главным образом мелодия голосового тона (а кроме нее, еще темп речи, различные степени силы звука, разные оттенки в звукопроизводных работах отдельных органов, например, вялая или энергичная их деятельность и пр. и пр.), и, наконец,— жестами. Не надо думать, что эти стороны речевого процесса есть нечто не подлежащее ведению лингвистики, т. е. науки о языке. Только, разумеется, рассмотрение этих фактов... составляет особый самостоятельный отдел лингвистики... При этом надо иметь в виду, что в разных языках имеется различное использование интонаций и жестов»²¹. Эти мысли Е. Д. Поливанова по ряду причин, к сожалению, не получили дальнейшего развития в советском языковедении в 20-х годах.

Все теоретические положения формулировались Е. Д. Поливановым на материале огромного количества

языков, которыми он в той или иной степени владел. Наряду с общей теорией языка он внес большой вклад и во многие частные области языкознания: тюркологию, японистику, китаистику и др. Об этом мы еще будем говорить.

Он многое мог бы сделать, но неблагоприятные условия жизни мешали замыслам воплотиться в книги.

Со слов В. Б. Шкловского Вяч. Вс. Иванов сообщает, что Поливанов «предполагал начать работу над трудом „Corpus poetiarum“ („Свод поэтик“), где собирался сопоставить особенности строя отдельных языков мира с особенностями поэтики соответствующих литератур»²². В. Б. Шкловский в воспоминаниях о Ю. Тынянове пишет о том, что Евгений Дмитриевич «мечтал об элементах создания общей грамматики всех языков, в которой явления не только бы сравнивались, но и объясняли сущность друг друга. Он хотел знать не только языки, но и причины их разнообразия»²³.

Вероятно, многие важнейшие идеи содержались в тех его трудах, которые мы уже никогда не прочтем. Но и того, что осталось, достаточно, чтобы согласиться с характеристикой, данной Е. Д. Поливанову М. В. Пановым: «Гениальный языковед, замечательный полиглот и филолог-энциклопедист»²⁴.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ

О способностях Поливанова ходили легенды. Вот небольшой отрывок из «Воспоминаний о Е. Д. Поливанове» М. С. Кардашева — одного из старейших журналистов Узбекистана, многие годы близко знавшего Е. Д. Поливанова. Его воспоминания о Поливанове не окончены. Он готовился выступить на «Поливановских чтениях» в Самарканде в 1966 г., но неожиданно умер в феврале 1965 г.

«Евгений Дмитриевич Поливанов действительно читает, говорит или пишет на... Да, пожалуй, он и сам сразу бы не сказал на скольких языках.

— Разве это много? — обронил он однажды. — Всего сорок шесть, а кардинал Меццофанти знал семьдесят два. Вот это, действительно, полиглот!

Но он умолчал о самом главном. Кроме умения говорить на куче языков, у Меццофанти за душой больше ничего не было. А Поливанов, хоть ему чуть боль-

ше тридцати, уже крупнейший советский лингвист, автор ряда работ, далеко — как узнаем теперь мы — опередивших эпоху. Человек, предложивший в „Японо-малайских параллелях“ свою гипотезу происхождения японского языка. Японист, синолог, тюрколог... лингвист широчайшего профиля. Да разве только это? Он пишет блестящие по форме стихи. Как-то, вычитав объявление о конкурсе на краткий сценарий, Евгений Дмитриевич тут же набросал несколько страниц. Послал — и получил первую премию!

Его левая рука изуродована: нет кисти по самое запястье. Но на рояле он играет так, что профессиональные музыканты только ахают и разводят руками.

— Непостижимо! Ведь он просто тыкает культиком в басы. А получается... Не у всякой знаменитости такая экспрессия! Талант! Мало того — феномен!

Работает он фантастически много и фантастически быстро. На моих глазах, не более чем за десять минут, „Песня Мефистофеля“ была переведена на узбекский с немецкого подлинника. Казалось, ему кто-то без пауз диктует, а он сам без остановки стенографирует. Но это была не запись, это — высокой марки перевод с сохранением размера и рифмовки оригинала!»²⁵.

Ю. Яншансин вспоминает: «Я приходил к нему в гостиницу (г. Фрунзе, 1935 г.— В. Л.), и мы часто беседовали на разные темы на дунганском языке. Многие я тогда узнал о развитии языков и поражался гениальности Евгения Дмитриевича — он молниеносно сравнивал сразу десятки языков, искал закономерности, подчеркивал особенности. Поражался я и другому: он работал день и ночь — откуда такая энергия! — сам читал рукописи, корректировал, добавлял, изменял, тут же писал свои статьи. А память? Казалось, у него не голова, а лингвистический завод — моментально ссылался на десятки книг, цитировал целые страницы...» (Ю. Яншансин.— Из архива автора).

Но еще больше ходило легенд о его аскетическом образе жизни, привычках, чудачествах, путешествиях и бродяжничестве. Да и как не возникнуть легендам, когда многие его действия в жизни и науке, описанные друзьями и очевидцами, иначе как легендарными не назовешь.

«Большая переполненная аудитория Туркестанского института восточных языков в Ташкенте перед началом лекций Е. Д. Поливанова. Ждут нетерпеливо, почти вос-

торженно. Звонок, и на кафедре более чем странная фигура. Среднего роста, худощавый, почти тщедушный, большеголовый шатен, с круглым лицом и огромными светло-голубыми глазами. На нем грязный, нараспашку, узбекский халат. На голове — тубетейка.

А через несколько минут довольно высокий, чуть носового оттенка баритон полностью захватывает аудиторию.

— Черт-те что! Так читать фонетику, — не выдерживает кто-то. Да, такого лектора никто и никогда, вероятно, уже не услышит.

...Академический час кончен. Е. Д. спасается от оваций через задний выход. А там уже Бригитта, Люлли (его жена и сестра жены. — В. Л.) и я, заранее выскользнувшие из аудитории.

Сегодня мы направляемся в старый город, в чайхану... Надеюсь, теперь понятно, почему профессор оказался в узбекском халате? Ведь сразу после лекции — к узбекам, и незачем терять времени на переодевание. В пиджаке гораздо труднее. А аудитория может думать и пересуживать как ей угодно. А почему чайхана? Причина проста. Е. Д. узнал, что именно в ней по пятницам, то есть сегодня, собираются старики из пригородных кишлаков. Значит, там будут звучать разговоры на два поколения старше современных. Значит, прояснятся пути и направления их эволюции... Е. Д. почтительно прислушивается к произношению старика, ловко ставит наводящие вопросы, но ничего не записывает. Его изумительная память сработает лучше любой записи. А слух у него тончайший, почти абсолютный. Любую, хоть мельком услышанную фонему, он воспроизводит не только совершенно точно, но и подчеркнув все ее особенности.

...По дороге домой — целая лекция. Е. Д. не только запомнил все, что ему хотелось, но уже успел обобщить и сделать нужные выводы...» (М. С. Кардашев. — Из архива автора).

Именно так вел себя Евгений Дмитриевич и раньше, в 1915 г., когда был в Японии. В свободное от университетских занятий время он, переодевшись буддийским монахом, систематически просиживал у ворот буддийских храмов, собирал материал для работ, которые потом получили название «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами» и «Одна из японо-малайских параллелей».

А вот еще более удивительные случаи из жизни Евгения Дмитриевича, описанные М. С. Кардашевым и прямо просящиеся в миф, настолько они невероятны, граничат с вымыслом и фантастикой. Но Поливанову удалось и это.

«В Ташкенте только что унифицировали стоимость трамвайных билетов. Хотя одна остановка, хоть из конца в конец — все равно 15 копеек. А инвалидам войны — проезд бесплатный.

И вот как-то Е. Д. и я ждем трамвая у театра имени Кафанова. Я донашиваю военную форму. Е. Д. в штатском. Ехать нам — до Саларского моста — две остановки.

Е. Д. хмурится, морщится и начинает:

— Это просто несправедливо! Всего две остановки и 15 копеек! А другие из Старого Города, чуть не десятков остановок за тот же пятиалтынный... Не хочу платить!.. Еду зайцем...

— А мне по закону бесплатно. Предъявлю инвалидную книжку, да еще с передней площадки влезу.

— Тогда, — оживившись, говорит Е. Д., — я тоже скажусь инвалидом войны.

Напоминаю — у Е. Д. не было всей кисти левой руки. А у меня, на левой же руке, осколком гранаты оторваны три пальца.

...Влезли с передней площадки. Вагон полон. Стоят в проходах. Но кондуктор — тут как тут. Вариант с зайцем отпадает.

— Гражданин, получите билетик!

Я молча показываю культепку. Кондуктор видит: изуродованная рука, шинель, папаха со звездочкой... Ясно: инвалид. Кивает головой и поворачивается к Е. Д.

— А вы?

— Я тоже инвалид, — говорит Е. Д. и демонстрирует свой обрубок...

Но он в штатском...

— Прошу предъявить инвалидную книжку!

Е. Д. пристально смотрит кондуктору в глаза, достает из внутреннего кармана чистый, новенький блокнот, с неоторванной даже запечатывающей ленточкой, и протягивает его кондуктору. Пассажиры, да и я в том числе, весело ждем скандала.

Но кондуктор вежливо берет блокнот и, повертев его в руках, так же вежливо возвращает владельцу.

— Благодарю вас!

И проталкивается дальше. Через минуту — хоть вагон и переполнен — около нас пустота. Пассажиры молча пятятся, бросая на Е. Д. удивленные, опасливые взгляды.

Когда доехали до моста, я ошарашенно спросил:

— Как это понимать?! Ведь все же видели — блокнот.

— А кондуктор увидел инвалидную книжку.

И больше ничего я из Е. Д. не вытянул... Тогда я попробовал вызнать что-нибудь у Бригитты. Она помолчала, потом задумчиво обронила:

— А знаешь, он и женился на мне примерно таким же образом.

И рассказала поразительную историю. Но: 1) произошла эта история еще до знакомства с Е. Д. Значит, я тут не очевидец и мог бы говорить лишь с чужих, пусть даже Бригиттиных, слов; 2) речь идет об интимной стороне начала ее и Е. Д. романа и, пока у меня нет разрешения Бригитты, я вынужден молчать. Могу лишь сказать: речь шла о внушениях на расстоянии, неоднократных и систематических галлюцинациях...

Но я был очевидцем еще одного такого же, как с кондуктором, случая, мгновенного, без всяких пассов и усыпления, гипноза. Случилось это в Москве, несколько месяцев спустя. Не помню, куда мы договорились отправиться, но когда я зашел за Поливановым, то угодил на „семейное счастье“.

Разозленная Бригитта стояла у письменного стола и яростно спорила:

— Не буду писать! Бесполезно.

Е. Д. в кресле, с газетой на коленях, невозмутимо твердит:

— А ты пиши!

— Не буду! Ведь это для стеклографа...

— А ты пиши...

— Да глупо же!

Сразу соображаю в чем дело. Бригитта почти всегда перебелила поливановские черновики, но правописание у нее было почти дореволюционное. Твердый знак она, правда, отбросила, но от „и с точкой“, „ятя“ и так далее никак отделаться не могла. Поскольку беловик сперва попадал на машинку, большой беды тут не было. В машинописи все приходило в должный вид. Но сейчас речь шла о стеклографе, а он работает прямо с рукописи и неизбежно воспроизведет всю Бригиттину ор-

фотографию. Это совершенно недопустимо. Бригитта целиком права... Но почему Е. Д. упорно требует явно бесполезной работы?

В конце концов Бригитта взрывается:

— Хорошо же! Вот напишу... И все забракуют! И тебе же будет стыдно. И ты всюду опоздаешь...

— А ты пиши!

Взбешенная Бригитта хватается ручку и яростно строчит. Е. Д. поднимает газету и как будто углубляется в чтение. Но в газете, как раз на уровне глаз, дырочка.

Спустя несколько минут, перо внезапно падает на стол. Опираясь обеими руками о столешницу, не отводя остановившихся глаз от рукописи, Бригитта медленно-медленно встает. Она бледна как саван.

— Женечка... я... я...

У нее перехватывает горло.

— Я... я по-новому пишу!

— Ну, я же тебе говорил — пиши. Вот так теперь и будет.

Так оно и стало! Как получилось — ни я, ни она не знаем, но с того дня Бригитта писала только „по-новому“.

...Как ни пытался я — тогда и потом — хоть что-нибудь выяснить — ничего не вышло. Е. Д. отмалчивался и только однажды нехотя буркнул:

— Все это гораздо проще, чем ты думаешь». (М. С. Кардашев.— Из архива автора).

Не говорит ли это об испытаниях психики и воли, испытаниях, которые Евгений Дмитриевич специально создавал для себя в молодые годы? «В молодости своей он считал для себя все возможным. Однажды он положил руку на рельсы под идущий поезд: целью было превзойти Колю Красоткина из „Братьев Карамазовых“ — тот мальчик только лег между рельсами. Евгений Дмитриевич не отдернул руку, колесо ее отрезало, мальчики разбежались. Поливанов встал, взял отрезанную руку за пальцы и пошел с ней. Он мне рассказывал, как с ужасом, нахлестывая лошадей, разъезжались от него извозчики»²⁶. Но есть и другие версии.

Как о человеке гениальном и легендарном, «диковинном», о Е. Д. Поливанове пишет и Вяч. Вс. Иванов, ссылаясь на воспоминания отца, писателя Всеволода Иванова, который близко знал ученого.

«Еще в детстве, до того, как я стал лингвистом, а позднее увлекся лингвистическими трудами Е. Д. По-

ливанова и участвовал в их изданиях и комментировании, я слышал рассказы отца о его дружбе с этим замечательным ученым и диковинным человеком. Моего отца (который считал себя неспособным к языкам, хотя он с детства помнил казахский) Поливанов изумлял своим даром полиглота: когда они вместе шли Цветным бульваром — тогда китайским кварталом города [Москвы], — Поливанов заговаривал с каждым встречным китайцем на его родном диалекте. Еще больше удивил отца Поливанов, когда он побывал в гостях у ученого. Придя к тому домой, отец заподозрил что-то неладное — соседка озадачила его встречным вопросом, когда он спросил, здесь ли живет Поливанов: „А вы его предупредили, что вы придете?“ Отец ответил утвердительно и, постучавшись, вошел. Из соседней комнаты донесся голос Поливанова: „Всеволод, это вы? Садитесь в кресло у двери и не шевелитесь, пока я не приду. Я скоро добреюсь“. Сев в кресло, отец в полумраке предвечернего часа разглядел двух больших кошек, которые подошли с двух сторон к его креслу и начали лизать ему руки шершавыми языками. Это были тигрята, вывезенные Поливановым из очередной поездки на Дальний Восток. Хозяин пришел в комнату вовремя, потому что от шершавости языка на руке выступила кровь, начавшая возбуждать хищников (вскоре Поливанов расстался с ними — когда они перегрызли всех собак в околоте). Отец помнил, какие странные книги о Востоке читал Поливанов. Интерес моего отца к востоковедению, быть может, поддерживался и памятью о его собственном отце — моем деде, студенте Лазаревского института восточных языков, чьи персидские и арабские тетради отец берег в своем архиве и не раз мне показывал в мои детские годы»²⁷.

Интересны отдельные факты из жизни Е. Д. Поливанова, рассказанные во время Самаркандской конференции К. Н. Арбузовым (СамСХИ).

«Я познакомился с Поливановым в УзГНИИКСе. Было это, кажется, в 1929 г. Человек это был необычайно странный, склонный к озорству и мистификациям. Например, ему ничего не стоило во время занятий со студентами выйти из аудитории, спуститься со второго этажа, где проходили занятия (это было в помещении нынешнего горкома партии на улице Войкова, д. 3), подняться по водосточной трубе и появиться в окне к великому удивлению студентов.

...Помню, однажды он меня очень поразил, когда я увидел его сидящим на берегу большого арыка, макающим в воду хлебные корки и жуящим эти корки. Помоему, при виде меня он даже не смутился.

Любимым его занятием было кормить многочисленных собак, которых он собирал иногда с целой улицы.

Поливанов был человеком необычайной физической силы, как об этом свидетельствует приведенное выше сообщение о его „путешествиях“ по водосточной трубе. Если мне не изменяет память, он когда-то рассказывал, что „работал“ в цирке, но утверждать это наверняка не могу» (К. Н. Арбузов.— Из архива автора).

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Во время учебы в университете и в последующие годы Евгению Дмитриевичу «везло» на знакомства и сотрудничество с людьми, ставшими теперь символом своей эпохи, впрочем, как и он сам. О Петербургском университете тех лет В. Шкловский писал так: «В университете читали мировые ученые — востоковед И. Ю. Крачковский, лингвист Бодуэн де Куртенэ.

Рядом с ними работал тогда еще непонятый приват-доцент Щерба...

Рядом с ними работали высоколобый, доказывающий реальное различие поэтического и прозаического языка Лев Петрович Якубинский, любимый ученик Бодуэна Евгений Дмитриевич Поливанов, специалист по языкам Дальнего Востока...»²⁸.

Интересен и такой факт. Е. Д. Поливанов встречался с Ю. Н. Тыняновым не только на его петроградской квартире, но и в Москве, в Коминтерне, где в 1921 г. Евгений Дмитриевич работал заместителем заведующего Дальневосточной секцией, а Юрий Николаевич был сотрудником французского отдела²⁹.

«Поливанов слушал Зелинского и Платонова, Шахматова и Щербу, китаиста В. М. Алексеева и литературоведа В. В. Сиповского — многих замечательных ученых. Но Евгений Дмитриевич с самого начала выделил среди них одного и остался его учеником до конца дней своих. Это был Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, вступивший в то время в седьмое десятилетие своей жизни. „Со второго курса мое мировоззрение обусловлено всестороннейшим на меня влиянием моего учителя Бо-

дуэна де Куртенэ — по убеждениям интернационалиста-радикала“, — писал Поливанов четверть века спустя»³⁰.

В свою очередь, И. А. Бодуэн де Куртенэ высоко отзывался о способностях своего ученика: «В представлении Бодуэна факультету по поводу оставления Поливанова при кафедре говорится, что Поливанов, „правда, неизвестен в ученой литературе, но отличается обширными познаниями в области избранной им специальности и смежных с ней областях“»³⁰.

Евгений Дмитриевич был всегда благодарен судьбе за то, что она свела его с Бодуэном де Куртенэ, у которого были свои принципы в воспитании молодых ученых: «Общее направление в воспитательной работе Бодуэна: никогда ничего не советовать, добиваться того, чтобы ученик сам размышлял над всем, и прежде всего над темой своей диссертации. Собственно, это был критерий отбора будущего научного работника: если он сам „заболеет“ темой, если сам до нее дойдет, тогда из него может вырасти настоящий ученый. Самостоятельность мысли — вот чего добивался Бодуэн от своих учеников, вот чего он от них ждал. Высшая аттестация у Бодуэна — типа данной им Е. Д. Поливанову: „Он умеет критически и вполне самостоятельно относиться к разбираемым им вопросам“»³¹.

Интересные факты из жизни Бодуэна де Куртенэ описал в своих воспоминаниях профессор И. И. Умняков (1890—1976), который учился вместе с Е. Д. Поливановым в Петербургском университете: «Позволю себе привести один эпизод, характеризующий проф. Бодуэна, свидетелем которого я был. В 1910—1911 учебном году, когда я был студентом второго курса факультета восточных языков, мне пришлось слушать лекции Бодуэна по курсу „Введение в языкознание“. Напомню, что на конец 1910 г. приходятся события, свидетельствующие о начавшемся переломе „настроений демократических масс“. Одним из симптомов приближения нового этапа общественного оживления явилась проходившая в ноябре 1910 г., в связи со смертью Л. Н. Толстого, трехтысячная демонстрация на Васильевском острове, организованная студентами Петербургского университета. В самом университете шли студенческие сходки, митинги. К университету были стянуты конные казаки, а внутрь университета была введена полиция. И вот приходит на очередную лекцию проф. Бодуэн и заявляет нам, студентам, что пока этот „гарнир“ находится в стенах „хра-

ма науки“, он читать лекции не может и предлагает нам, если мы желаем, продолжать слушать лекции у него на квартире, что мы и делали. Под „гарниром“ профессор имел в виду полицию, размещенную на лестнице, ведущей на третий этаж, где Бодуэн читал лекции. В беседах Евгений Дмитриевич всегда тепло отзывался о своем учителе» (И. И. Умняков.— Из архива автора).

В 1913 г. Е. Д. Поливанов, как и другие ученики Бодуэна — Э. Я. Блессе, Л. П. Якубинский, В. Б. Томашевский — получает профессорскую стипендию.

В 1917 г. Е. Д. Поливанов работал вместе с Алексеем Максимовичем Горьким. Особо надо отметить активное участие Евгения Дмитриевича в работе ОПОЯЗа, на заседаниях которого он встречался с В. А. Каверинным, В. Б. Шкловским, О. М. Бриком, В. Б. Томашевским, Б. М. Эйхенбаумом, В. М. Жирмунским и др.

В газете «Китайский работник» в 1918 г. рядом с Е. Д. Поливановым ежедневно трудился будущий академик Н. И. Конрад.

Оказывается, Е. Д. Поливанов был знаком и с В. Я. Брюсовым. Об их деловых и дружеских отношениях (и, по-видимому, длительных) говорит письмо Евгения Дмитриевича к Валерию Яковлевичу (апрель, 1924). В этом письме Евгений Дмитриевич просит В. Я. Брюсова передать ему через его жену, Б. Поливанову-Нирк, список лингвистических статей для Литературной энциклопедии с «заметками» Валерия Яковлевича, сообщает о том, что у него уже готов ряд статей, которые он «на днях» занесет ему сам (см. ниже, с. 150).

В ЦГАЛИ, в архиве В. Б. Шкловского, я ознакомился с перепиской Е. Д. Поливанова и Виктора Борисовича, из которой видно, что связь между ними не оборвалась и после отъезда Евгения Дмитриевича в Ташкент, а затем в Самарканд и во Фрунзе. Евгений Дмитриевич делится с В. Б. Шкловским своими творческими планами. Письмо последнего, отправленное Е. Д. Поливанову 26 февраля 1929 г., говорит о тесных научных контактах двух ученых:

«Очень любопытно было бы сделать книгу заявок. В эту книгу было бы весьма ценно ввести Вашу заявку о конвергенции и Ваше мнение о современном положении марксистского языкознания, предостережение против его поспешного построения и указание, что же, наконец, получится. Книга³² будет собираться, вероятно, месяц-полтора. На оплату материала мы достанем день-

ги и издадим нечто весьма популярное, но совершенно необходимое для освежения воздуха. Все контуры старых теорий сбились, как много раз переведенная с камня на камень литография»³³.

«Везло» профессору Е. Д. Поливанову и на учеников. Евгений Дмитриевич умел находить талантливых молодых людей, которые, как и он, были преданы науке, отдавали ей все свои силы и все время. Это были В. В. Решетов, И. А. Батманов, У. Т. Турсунов и другие. Многие из них стали, как известно, крупными лингвистами.

Учеником Евгения Дмитриевича в Туркестанском восточном институте, а затем в Среднеазиатском государственном университете был и К. К. Юдахин, впоследствии ставший академиком АН КиргССР. «В университете К. К. Юдахин основательно изучает тюркские языки, этнографию тюркских народов. Под руководством профессора Е. Д. Поливанова Константином Кузьмичом была написана дипломная работа по карабулакскому говору узбекского языка, материалы для которой были собраны в диалектологической экспедиции. В этой экспедиции участвовал и сам Е. Д. Поливанов. Его-то Константин Кузьмич и считает основоположником узбекской диалектологии»³⁴.

Уже в 1927 г. К. Юдахин выпускает «Краткий узбекско-русский словарь» (Ташкент, Издательство Акц. о-ва «Средазкнига», 816 с.), где в предисловии высоко оценивает труды Евгения Дмитриевича: «Подробное изложение правил новой узбекской орфографии с обстоятельной ее критикой желающие могут найти в „Краткой грамматике узбекского языка“ профессора Е. Д. Поливанова» (с. 5).

Ученик Евгения Дмитриевича профессор У. Т. Турсунов, имя которого носит одна из самаркандских улиц, долгое время заведовал кафедрой узбекского языкознания СамГУ и подготовил целую плеяду известных языковедов.

Е. Д. Поливанов был всегда внимателен к своим ученикам, в любое время, в любой обстановке он готов был делиться с ними своими обширнейшими познаниями в различных областях языкознания, вводил их в сложную область языковедческих исследований. П. А. Данилов в своих воспоминаниях 1964 г. приводит такой эпизод:

«Весной 1935 г. я встретил Поливанова на улице Куйбышева, направлявшегося в фундаментальную библиотеку САГУ. Я очень обрадовался этой встрече и попро-

сил Е. Д. разъяснить мне значение одного знака аналитического алфавита Марра, обозначавшего один из абхазских звуков. Е. Д. прочел мне целую лекцию об этом звуке, несколько раз продемонстрировал его в собственном произношении и предложил мне воспроизвести его. У меня, помнится, получилось что-то очень далекое от этого абхазского звука, но Поливанов упорно тренировал меня в произношении этого звука. Беседа продолжалась, вероятно, около часа... Меня поразила и готовность Е. Д. поделиться своими знаниями с теми, кто к нему обратился, и снисходительность к своему собеседнику, не обнаруживавшему должной теоретической подготовки» (П. А. Данилов.— Из архива автора).

Надо особо подчеркнуть важное качество Е. Д. Поливанова — ученого и учителя: он вводил учеников в методологию своих исследований, охотно шел на соавторство с ними, щедро делясь своими научными находками, нацеливая своих подопечных на решение очередных задач, стоящих перед советским языкознанием.

В Самарканде вместе со своим учеником И. А. Батмановым Евгений Дмитриевич создал проект программы по русскому языку для начальных политехнических школ коренных национальностей.

В 1930—1931 гг. в Самаркандской государственной педагогической академии Е. Д. Поливанов работал вместе со своим учеником Б. И. Виноградовым и, всячески помогая ему, напечатал в соавторстве с ним несколько статей. В своей анкете 1932 г. Б. И. Виноградов пишет: «Не напечатаны, но приняты к печати следующие работы мои в сотрудничестве с профессором Поливановым: 1) Грамматический очерк самаркандского говора таджикского языка (принято к печати Наркомпросом); 2) Краткая характеристика ходжентского говора таджикского языка (принято к печати Академией наук СССР); 3) Краткий очерк гармского говора таджикского языка (в печать не сдано)»³⁵.

ЯПОНИЯ. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ КАК ЯПОНОВЕД

Как уже говорилось, параллельно с занятиями в университете Е. Д. Поливанов учился в Восточной практической академии, закончив ее по японскому разряду в 1911 г. С этого времени он постоянно занимается япон-

ским языком. В короткий срок он подготовил статьи «Сравнительно-исторический очерк японского и рюкюского языков» (1914 г.), «Материалы по японской диалектологии» и «Музыкальное ударение в говоре Токио» (1915 г.). Для сбора материала по теме диссертации «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами» несколько раз побывал в Японии.

Приведу материалы о поездке Е. Д. Поливанова в 1915 г. в Японию, предоставленные мне в 1964 г. Д. М. Насиловым.

«Весной 1915 г. Евгений Дмитриевич Поливанов, тогда магистрант Петроградского университета, обратился в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии с просьбой командировать его в Японию с целью продолжения диалектологической работы по японскому языку.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях был организован в Петербурге в начале 1903 г. как национальный и в то же время центральный орган Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии. Вдохновителем, организатором и председателем Русского комитета был известный тюрколог академик Василий Васильевич Радлов. Этот комитет сыграл положительную роль в организации планомерного исследования истории и материальной культуры Восточной Азии. Поскольку комитет получал государственную субсидию, он мог организовывать экспедиции и поездки, а также приобретать ценные этнографические и лингвистические материалы...

Комитет на своем заседании 20 июня (т. е. 3 июля по новому стилю) 1915 г., рассмотрев просьбу Е. Д. Поливанова, решил финансировать (в размере 500 рублей) его поездку в Японию с предоставлением ему бесплатного проезда из Владивостока до Японии и обратно. Срок командировки был определен до 1(13) октября 1915 г.

Евгений Дмитриевич 17(30) июня 1915 г., т. е. еще до получения согласия комитета, выехал из Петрограда во Владивосток, так как именно туда ему телеграфировал акад. В. В. Радлов о выдаче бесплатного билета до Японии. В Японию Е. Д. Поливанов попал 6(19) июля, находился там восемь с половиной недель и в сентябре выехал из Токио в Россию. 24 октября (6 ноября) 1915 г. он представил в комитет отчет о своей поездке. Поскольку этот отчет краток, его интересно привести целиком.

Отчет о поездке в Японию
командированного Комитетом
Евгения Дмитриевича Поливанова

Выехав из Петрограда 17 июня текущего года, я был в Токио 6 июля. Несмотря на диалектологические задачи поездки, Токио был для меня неизбежным пунктом, так как там я рассчитывал встретить лиц, с которыми я уже в прошлом году занимался различными говорами. К сожалению, пребывание в Токио во время летних каникул сделало для меня невозможным общение с профессорами Токийского Имперского Университета, которых удалось увидеть только после 15 сентября нового стиля, т. е. за несколько дней до отъезда в Россию.

Главным результатом поездки было ознакомление с киотским говором, начатое в Токио при помощи уроженцев Киото и продолженное в самом Киото. Мне удалось составить довольно полный (около 14000 слов) фонетический словарь киотского говора, а также очерк морфологии и записать несколько текстов.

Из Киото я отправился на остров Сикоку, где поселился в небольшой деревне (Мороги) около города Коти (провинция Тоса). Там я имел возможность продолжать начатое в прошлом году изучение тосаского диалекта, наблюдая речь крестьян и рыбаков. Некоторые из записанных текстов могут иметь фольклористический интерес.

По возвращении в Токио (через Кобэ — Киото) я продолжал занятия с уроженцами Киото, префектуры Нагасаки (составлен фонетический словарь около 10000 слов одного из нагасакских говоров) и Рюкюских островов (говор Нафа). 4 сентября старого стиля я выехал из Токио в Россию.

24 октября 1915 года. Евгений Поливанов.

Из этого краткого отчета видно, как много и плодотворно работал Евгений Дмитриевич в Японии. Посвятив эту поездку углубленному изучению западного и восточного диалектов японского языка, он всячески старался пополнить свои материалы и по южнояпонским диалектам. Пребывание в Японии летом 1914 г., эта поездка и путешествие в следующем, 1916 г. позволили Е. Д. Поливанову собрать исключительно богатый диалектологический материал.

Даже приведенный краткий отчет показывает, на каком обширном фактическом материале основывались ис-

следования Евгения Дмитриевича по японскому языку. На базе этих материалов он собирался дать полное фонетическое и морфологическое описание ряда японских диалектов и их лексического состава и приступил к составлению «Этимологического и диалектологического японского словаря» (Д. М. Насилов.— Из архива автора).

О поездках Е. Д. Поливанова в Японию имеются и свидетельства ученых наших дней и очевидцев тех лет: «Сохранились и опубликованы на японском языке дневники известного японского лингвиста Сакума Канаэ, относящиеся к первой поездке Поливанова в Японию. В них подробно описывается работа Поливанова с информантами — представителями различных диалектов — над экспериментально-фонетическим исследованием японского ударения. Другой японский лингвист, Мураяма Ситиро, рассказывает в той же книге о посещении Е. Д. Поливановым деревни Миэ, а также о своей собственной „контрольной“ поездке в Миэ через 60 лет; Ситиро застал в живых некоторых информантов, помнивших „Пори-сан“»³⁶.

Интересную информацию любезно предоставил мне специалист по японскому языку В. М. Алпатов (Москва) в виде конспекта статьи Сугито Миёко «Поливанов в деревне Миэ префектуры Нагасаки», опубликованной в «Ученых записках женского колледжа Осака-сёин» (№ 20, 1983, с. 191—210).

«Автор статьи вслед за Мураяма Ситиро посетила в феврале 1978 г. деревню Миэ (Мураяма был там в 1972 г.). Застала Ива Эй, единственного человека в Японии, помнящего Поливанова. Ива Эй была знакома с Поливановым, когда ей было 18 лет; Поливанов работал с ней как с информантом; основным его помощником в деревне был ее старший брат, учитель (рано умерший). С ним Поливанов ездил в Токио. По мнению Сугито, „человек из деревни“, упоминаемый в воспоминаниях Сакума Канаэ, и есть брат Ива Эй.

Воспоминания Ива Эй подтверждают, что Поливанов был в деревне Миэ дважды: в 1914 г. и летом 1915 г. Деревня Миэ ныне в черте г. Нагасаки, но и сейчас расположена далеко от центра города. Поливанов добирался до деревни на лодке целый день. Сейчас залив обмелел, пляжа уже нет, рыболовство прекратилось, население уменьшилось. Диалект совсем не исчез, но скоро исчезнет и вряд ли просуществует еще 60 лет; молодежь

говорит на языке, близком к литературному (с сохранением некоторых диалектных черт).

Ива Эй называет Поливанова „Пори-сан“³⁷ или „Массирона хито“ („Белоснежный человек“), так как помнит его, когда он купался. Полной фамилии не помнит. Ива Эй слышала, что Поливанов был революционером и поэтому потерял руку. Поливанов хорошо плавал, несмотря на отсутствие руки, говорил на местном диалекте, что вызывало смех³⁸. Обычно считается, что Поливанов начал поездку по Японии с Нагасаки, но Ива Эй утверждает, что ее брат познакомился с Поливановым в Токио и лишь потом они приехали в Миэ. Поливанов остановился в Миэ в гостинице Икэдая.

Сугито Миёко сделала запись диалекта, используя метод обратного перевода: текст, записанный Поливановым и переведенный Мураяма Ситиро на литературный японский, она просила перевести обратно на диалект. Совпадение с записями Поливанова весьма значительное, что подтверждает их большую точность. В статье приводится текст обратного перевода. Сугито Миёко также указывает, что книга Сакума Канаэ по акцентологии японского языка, вышедшая в 1929 г., написана под непосредственным влиянием Поливанова. Среди изучавшихся Поливановым диалектов Сугито Миёко называет диалект Аомори, о чем говорил Сакума, хотя опубликованных исследований Поливанова по нему нет. Биографические сведения о Поливанове в статье излагаются по напечатанным по-японски воспоминаниям Н. Н. Поппе. Автору статьи также принадлежит книга „Исследования по японской акцентуации“ (1982), где много места уделено значению работ Е. Д. Поливанова» (В. М. Алпатов.— Из архива автора).

В книге «Языкознание в Японии» (М., 1983), говоря об исследованиях Хаттори Сиро 1954—1955 гг., В. М. Алпатов пишет: «Разграничение, аналогичное разграничению фонетики и фонологии, Хаттори проводит и в области акцентуации, где в японской науке до него часто смешивались явления разных уровней. Хаттори наряду с учетом всех акцентуационных явлений стремится выявить характеристики, которые имеют дифференциальный характер. Исходя из этого, он выделяет фонологически значимые типы акцентуации в японском языке. Следует иметь в виду, что здесь у Хаттори был предшественник в лице Е. Д. Поливанова, который проводил аналогичные исследования еще в 10-х годах и пришел

к выводам, сходным с выводами Хаттори» (с. 22). Этот же подход другой японский языковед — Кунихиро Тэцуя — в своей книге «Аспекты семантики» переносит и на семантические исследования (см. с. 23).

И еще один комментарий к научным позициям японского ученого Хасимото Синкити: «...Хасимото под слогом фактически понимал единицу, которую в современной японистике принято называть морой (впервые различие слога и моры для японского языка ввел Е. Д. Поливанов)» (с. 270).

В. М. Алпатов передал мне также и свой конспект статьи Сато «Поливанов», опубликованной в 1976 г. в журнале «Гэнго» («Язык») (№ 2, с. 98—103).

«„Гэнго“ — ведущий лингвистический журнал Японии, рассчитанный на довольно широкий круг читателей. Данная статья — одиннадцатая в серии „Великие лингвисты“, где давались очерки жизни и деятельности крупнейших мировых (неяпонских) ученых. Опубликован портрет Е. Д. Поливанова из книги „Статьи по общему языкознанию“ (М., 1968). Сейчас в Японии имя Поливанова знакомо специалистам, но больше всего знают о его поездках в Японию и о его борьбе с Марром³⁹. Теоретическое же значение его работ раскрывается только сейчас. Многие о Поливанове неизвестно, даже даты жизни установлены лишь недавно. Биографические данные приводятся по вводной статье к книге „Статьи по общему языкознанию“ с некоторыми фактическими неточностями (Вяч. Вс. Иванов назван среди друзей Е. Д. Поливанова). Отмечается влияние на Е. Д. Поливанова Бодуэна де Куртенэ, а также Л. В. Щербы (в связи с экспериментально-фонетическими методами). Бодуэн оценивается очень высоко и ставится наравне с Ф. де Соссюром.

Е. Д. Поливанов был в Японии недолго, но его работы превосходили уровень японистики его времени. Обсуждается вопрос о связях Е. Д. Поливанова с Н. И. Конрадом и Н. А. Невским⁴⁰, отмечено, что об этом сведений мало, однако люди, знавшие Невского в Японии, свидетельствуют, что он часто упоминал Е. Д. Поливанова и отмечал его влияние на себя. Довольно подробно сказано и о роли Е. Д. Поливанова в ОПОЯЗе, использованы воспоминания В. Б. Шкловского⁴¹. Отмечено, что молодые интеллигенты в России, как правило, приветствовали революцию.

Много сказано о значении японистических работ

Е. Д. Поливанова, особо — о его транскрипции. Высоко оцениваются работы его о конвергенции и дивергенции. Выделены исследования первого ташкентского периода, но расцветом его деятельности Сато считает московский период. О работах же 30-х годов почти ничего не сказано. По мнению Сато, работы Е. Д. Поливанова московского периода напоминают работы Р. Якобсона того же периода. Вывод: Е. Д. Поливанов близок не столько к Щербе, сколько к Трубецкому и Якобсону» (В. М. Алпатов. — Из архива автора).

Наконец, В. М. Алпатов отмечает такой интересный факт, отраженный в журнале «Гэнго» (1979, № 9, с. 121): в нем приведены образцы экзаменационных билетов по общему языкознанию для японских студентов, изучающих английскую филологию. Студенты, в частности, должны сказать, кто из ведущих лингвистов какое совершил открытие. На вопрос о Е. Д. Поливанове, который упомянут в числе других, надо было ответить, что он открыл законы структуры слога (фигурирует также Бодуэн де Куртенэ, основоположник теории фонемы).

В самаркандской анкете 1931 г., в пункте № 23 Поливанов говорит о поездке на Дальний Восток в 1926 г. Был ли он в это время там? Есть архивная справка Государственного архива Приморского края за № 43 от 26/VIII—1964 г., посланная в оргкомитет «поливановской» конференции. В ней, в частности, говорится, что в документальных материалах архивного фонда Дальневосточного государственного университета, в приказе № 134, § 3 от 30 марта 1926 г. значится: «Профессора Поливанова Е. Д. полагать прибывшим и приступившим к занятиям на Восточном факультете с 24 марта 1926 г.». Протоколом № 37 заседания правления ДВГУ от 8 мая 1926 г. утверждена заграничная командировка профессора Поливанова.

В протоколе № 42 заседания правления университета от 12 июня 1926 г. записано: «С л у ш а л и: Заявление профессора Поливанова, присланное из Иркутска. П о с т а н о в и л и: Предложить проф. Поливанову определенный круг поручений на 1926/27 уч. год».

«24 марта 1926 г. Поливанов пребывает во Владивостоке, где читает курс лекций на Восточном факультете Дальневосточного университета. 8 мая того же года правление ДВГУ предоставляет проф. Поливанову заграничную командировку». Характер этой заграничной командировки нам неизвестен. Однако (как это показал

А. А. Леонтьев) примерно в это время Поливанов, направляясь в одну из своих командировок, в течение трех дней находился в Японии. В самом начале июля 1926 года Е. Д. Поливанов оказывается в Иркутске... Из Иркутска Поливанов направляет в правление ДВГУ заявление, из которого видно, что он «намеревается в 1926/27 уч. году вести определенные курсы в этом университете. Правление университета даже утверждает ему на 1926/1927 учебный год определенный круг поручений».

Сегодня еще совершенно недостаточно исследованы работы Е. Д. Поливанова, посвященные изучению японского языка. И здесь, несомненно, большой интерес представляет обширная статья (65 стр. машинописи) В. М. Алпатова «Е. Д. Поливанов как японовед» (1978) для работы «Изучение японского языка в России и СССР». В. М. Алпатов дал согласие включить в эту книгу те ее страницы, которые характеризуют многолетнюю работу Е. Д. Поливанова над изучением японского языка.

«Во время своих поездок в Японию в 1914—1916 гг. Е. Д. Поливанов собрал и частично обработал большой текстовой и экспериментально-фонетический материал как по диалекту Токио, в основном совпадающему с литературным языком, так и по другим японским диалектам. Как указывает он сам, „детальному изучению подверглись: говор города Токио, говор клана Цугару префектуры Аомори, говор города Акита, говор города Киото, говор деревни Мороги провинции Тоса (префектуры Коти), говор деревни Миэ (префектуры Нагасаки), говор провинции Кумамото и рюкюский говор города Нафа“ (ныне Наха) ⁴². Эти диалекты были исследованы Поливановым в разной степени: значительный материал был собран по четырем диалектам — Токио, Киото, Нагасаки (деревня Миэ) и Тоса (деревня Мороги). По свидетельству Поливанова, диалект Мороги представлен для всего района Тоса, говор Миэ сильно отличается даже от говора соседних деревень.

В Японии Е. Д. Поливанов встречался со многими видными японскими лингвистами. Кроме Сакума Канаэ, в экспериментально-фонетических исследованиях ему помогал и другой крупный ученый, впоследствии глава школы японских диалектологов, Тодзё Мисао (1884—1966). Среди ученых, с которыми встречался Е. Д. Поливанов, упоминается и виднейший японский лексиколог и лексикограф Симмура Идзуру (1876—1967), по-види-

мому, встречался он и с Ёзимбо Каку (1883—1969), на чью тогда еще не опубликованную работу он ссылается в статье „Музыкальное ударение в говоре Токио“⁴³. Отметим, что все они были пенамного старше Е. Д. Поливанова и только начинали свою деятельность; по-видимому, у Е. Д. Поливанова с ними было определенное сходство во взглядах. Скорее всего, в Японии Е. Д. Поливанов ознакомился с исследованиями японских лингвистов, особенно с существовавшими к тому времени работами по фонетике и диалектологии, которые Поливанов широко использует.

Из Японии Е. Д. Поливанов привез обширный материал, который был им тогда же обработан и подготовлен к публикации. Однако судьба этих работ оказалась сложной и во многом трагической. Им были подготовлены к печати записи текстов, очерки фонетики и морфологии и фонетические словари по четырем диалектам. Из них в 1915—1917 гг. он опубликовал тексты, очерки фонетики и морфологии по диалекту Нагасаки⁴⁴ и очерки акцентуации диалектов Токио⁴⁵ и Киото, а также небольшую часть киотоских текстов⁴⁶. Это были первые работы Е. Д. Поливанова по японскому языку.

К 1917 г. оставались неопубликованными основная часть текстов Киото, тексты Тоса, фонетическое и морфологическое описание диалекта Тоса и фонетические словари всех четырех диалектов. В отношении морфологических описаний диалектов Токио и Киото предполагалось написание коллективных работ⁴⁷. Трудности первых лет советской власти и изменившиеся условия жизни Е. Д. Поливанова помешали публикации этих исследований. В 1928 г. Е. Д. Поливанов издал очерк фонетики диалекта Тоса и небольшую часть тосаских текстов⁴⁸. Издана была также грамматика литературного языка, написанная Е. Д. Поливановым совместно с Олегом Плетнером⁴⁹, в которой реализован план коллективного описания токийской морфологии. В этой книге ученый впервые опубликовал полное описание фонологии (а не только акцентуации) токийского диалекта. Все остальное (основная часть текстов Киото и Тоса, морфологическое описание диалекта Тоса, все фонетические словари) опубликовано не было и (по крайней мере в основной своей части) безвозвратно потеряно. Не осуществился и план морфологического описания киотоского диалекта. Система фонем диалекта Киото Поливановым специально не описывалась, так как она почти полностью

совпадает с токийской. Тексты Токио он, видимо, не собирался публиковать ввиду их широкой известности.

После Октября японистические исследования отошли у Поливанова на второй план. В Японии он больше не был⁵⁰, прекратились его связи с японской наукой (в его работах 20—30-х годов совершенно нет ссылок на японские исследования того времени, ср. широкое их использование в то же время в работах Н. И. Конрада и др.); не производил он, по крайней мере в большом объеме, сбор материала по японскому языку⁵¹ и после 1921 г. Поливанов постоянно не занимался преподаванием этого языка (хотя в период работы в Москве в 1926—1929 гг. он по совместительству был профессором Московского института востоковедения).

Тем не менее работать в области японского языкознания Поливанов продолжал в течение всей своей дальнейшей деятельности. Появились его работы по японскому языку⁵², включая такие крупные, как „Грамматика японского разговорного языка“. Экскурсы в область японского языка и большое количество японских примеров содержатся и во многих его работах по общему языкознанию, а также в книге „Введение в языкознание для востоковедных вузов“ (Л., 1928). Вопросы японского языка затрагиваются в различных публикациях Поливанова вплоть до одной из последних изданных при его жизни статей⁵³.

Однако основная часть крупных исследований Е. Д. Поливанова опубликована не была. Об этих работах известно лишь из упоминания о них в других его работах, дошедших до нас. Так, Поливанов неоднократно упоминал о большом своем исследовании по акцентуации японского языка, в которой на обширном материале и более детально описывалась акцентуация японских диалектов, кратко изложенная в опубликованных статьях. Существовала и работа „Фонетика японского языка“. Фонетическое (а по сути фонологическое) описание японского языка (видимо, также различных его диалектов) должно было быть опубликовано во втором томе „Введения в языкознание для востоковедных вузов“, который не вышел, а впоследствии эта работа должна была появиться в „Трудах Пражского лингвистического кружка“ (рукопись была послана Р. Якобсону), но и там по каким-то причинам не увидела света (сейчас уже нельзя сказать, имелась ли в виду в обоих случаях одна и та же работа или же речь шла о двух работах, близких

по содержанию). Поливанов осуществил морфологические описания диалекта Тоса, южнояпонских и рюкюских диалектов. Была им подготовлена большая книга „Историческая фонетика японского языка со статистической характеристикой образцов главнейших диалектных систем“. Сохранился и был впоследствии опубликован план этой книги⁵⁴.

Введение содержало обзор привлекаемого материала. В главе 1 давалось определение основных единиц: слова, лексической морфемы (минимального форманта) и форманта. В главе 2 исследовался закон открытых слогов в японском языке, здесь же помещался экскурс: „Признаки японо-аустронезийского родства“. Глава 3 содержала описание общей структуры системы фонем и акцентуационно-мелодических характеристик японских диалектов. В главе 4 (единственной сохранившейся) были проанализированы система согласных, их основные дифференциальные признаки и их история. В главе 5 дано более подробное описание отдельных согласных. В главе 6 — описание японского вокализма и его истории. В главе 7 Поливанов исследовал дояпонские явления в области гласных, предлагал гипотетические объяснения японского аблаута и проводил анализ музыкальной акцентуации. В последней главе содержится статистическая характеристика пяти диалектных систем, а также реконструкция общеяпонской акцентуации, которая сопоставлялась с аустронезийской (тагальской) и отчасти с корейской. В приложении были даны тексты диалектов Киото, Тоса, Токио, Нагасаки, Кумамото, а также образцы классического языка в чтении уроженца Киото. Из плана книги видно, какой значительной по содержанию была эта монография Поливанова.

Наконец, Поливановым было осуществлено еще одно фундаментальное исследование: этимологический словарь японского языка. В нем даны этимологии более чем 1000 основ, опиравшихся на диалекты Токио, Тоса, Нагасаки и в меньшей степени — на диалекты Аомори и Рюкю. Для каждой основы был указан ее вид в каждом из этих диалектов, были восстановлены праформы, установлена этимология и проведено сопоставление с другими языками (там, где оно было возможно).

Все эти работы (вполне вероятно, что ими не исчерпывается все, что было создано Поливановым-японистом) были исследованиями первостепенного значения для японистики и для языкознания в целом. Достаточно

сказать, что два последних из указанных труда были единственными трудами, созданными на эти темы когда-либо в мировой японоведческой литературе, однако мы никогда не сможем их прочитать. Кое-что пропало еще при жизни Е. Д. Поливанова: так случилось с тремя первыми главами „Исторической фонетики“ (Е. Д. Поливанов собирался написать эти главы заново, но неизвестно, осуществил ли он этот замысел). Многие из указанных исследований, видимо, перестали существовать после гибели их автора.

Осталась 4-я глава „Исторической фонетики“, подготовленная автором к изданию, но напечатанная только посмертно в 1959 г. под названием „Категории согласных в японском языке“ в „Японском лингвистическом сборнике“. По-видимому, основные выводы автора относительно системы консонантизма, содержащиеся в книге, вошли и в одну из последних японоведческих статей, опубликованных при жизни Е. Д. Поливанова⁵⁵.

Статья „Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка“ была подготовлена Поливановым к печати. Она также не была опубликована при его жизни, но сохранилась у А. А. Холодовича и была напечатана лишь в 1960 г. в журнале „Проблемы востоковедения“ (№ 3). В статье приводится семь этимологий из более чем 1000, еще десятков-другой этимологий встречается в других статьях Поливанова. Основное содержание двух этих фундаментальных исследований вряд ли может быть восстановлено в обозримом будущем.

Ничего неизвестно и о содержании работ по морфологии диалектов. К тому же, как указывается в книге „Статьи по общему языкознанию“, в Архиве Чехословацкой Академии наук сохранилась „Краткая фонетика японского языка“ (имеется ряд вариантов, а также множество комментированных текстов на различных диалектах с переводом)⁵⁶; видимо, это часть рукописи, посланной Р. Якобсону в Прагу⁵⁷.

Опубликованные работы представляют собой лишь небольшую часть японоведческих исследований Е. Д. Поливанова. Но и их достаточно для того, чтобы считать Е. Д. Поливанова одним из самых крупных японоведов-лингвистов в мировой науке» (В. М. Алпатов).

В конце своей статьи В. М. Алпатов говорит о том признании, которое получили труды Е. Д. Поливанова в мировой науке, в частности в Японии.

«Японской науке в целом свойственно довольно малое внимание к изучению японского языка в других странах. Многие исследования по японскому языкознанию, выполненные вне Японии, даже ценные сами по себе, не вызвали интереса среди японских ученых. Одним из немногих исключений являются труды Е. Д. Поливанова. По существу, он — единственный среди русских и советских лингвистов-японистов, получивший известность в Японии⁵⁸. Высоко оцениваются в Японии и его работы по общему языкознанию.

Например, в „Большом словаре японского языкознания“ Е. Д. Поливанову посвящена специальная статья (из содержащихся в ней около четырех десятков статей — персоналий зарубежных лингвистов и философов языка — это единственная, посвященная русскому или советскому ученому). Автор ее — крупный японский языковед Хаттори Сиро. Поливанов здесь назван „русским и советским лингвистом, востоковедом и литературоведом“, приводятся краткие биографические сведения. Особо отмечаются исследования японских диалектов, грамматики японского и китайского языков и книги „Введение в языкознание для востоковедных вузов“, „Замарксистское языкознание“. Высоко оцениваются труды Е. Д. Поливанова и в „Большой японской энциклопедии“⁵⁹, где Е. Д. Поливанов — также один из немногих наших лингвистов, удостоившихся персональной статьи.

Свидетельством внимания к трудам Е. Д. Поливанова является и факт уже упоминавшегося их издания на японском языке (такого рода издания нечасты в Японии)⁶⁰. В послесловии к книге Мураяма Ситиро перечисляет заслуги Е. Д. Поливанова в области изучения японского языка. По его мнению, португальский миссионер Ж. Родригес, автор первой грамматики японского языка (1604), и Е. Д. Поливанов были двумя самыми крупными зарубежными исследователями японского языка.

Ценность японоведческих трудов Е. Д. Поливанова ни у кого не вызывает сомнения. В то же время по ряду причин их влияние на последующее развитие советского японоведения не было очень большим⁶¹. И здесь дело не только в самой судьбе Е. Д. Поливанова. Безусловно, сказалось и то, что он, в отличие от Н. И. Конрада, не создал научной школы и почти не имел учеников-японоведов⁶². Во многом научное творчество Е. Д. Поливанова шло по другим направлениям, чем советское япо-

поведение. В ряде областей японского языкознания Поливанов оказался в советской науке не только первым, но и единственным или почти единственным исследователем. Так, в последующие годы японские диалекты почти не привлекали внимания советских ученых. Не получили развития и его акцентологические исследования. Родственные связи японского языка и проблемы этимологии стали предметом изучения в работах Н. А. Сыромятникова лишь с 60-х годов, а вопросы реконструкции праяпонской фонологической системы вновь привлекли внимание только в 70-х годах (работы С. А. Старостина). Вопросам фонологии японского языка специально посвящена лишь одна статья Н. А. Сыромятникова, опубликованная в 1952 г.; с тех пор эта важная линия японского языкознания у нас, по сути, не развивается. В то же время с 30-х годов более или менее интенсивное развитие получили как раз те области японского языкознания, которые мало привлекали внимание Поливанова: грамматическая семантика, синтаксис, историческая грамматика, словообразование, изучение письма и др.

В настоящее время для советского японоведения актуальным является освоение научного наследства Поливанова и дальнейшее развитие его идей с учетом новых фактов и концепций, появившихся за последние полвека» (В. М. Алпатов).

«Я ВСТРЕТИЛ РЕВОЛЮЦИЮ КАК РЕВОЛЮЦИЮ ТРУДА...»

Удивительна судьба Е. Д. Поливанова и как общественного деятеля. В самое грозное и неустойчивое время, между февралем и октябрём 1917 г., Е. Д. Поливанов сотрудничает с большевиками. Революция для него была желанным событием, о которой он потом говорил: «Я встретил революцию как революцию труда. Я приветствовал именно свободный любимый труд, который для меня стал рисоваться полезным именно в революционной обстановке»⁶³.

В ноябре — декабре 1917 г. он проводит большую работу по расшифровке, переводу и публикации тайных договоров царского правительства. К этому времени Е. Д. Поливанов был вполне зрелым политиком, о чем, в частности, говорит его заметка в «Правде»:

Чиновники Министерства иностранных дел обрекли на голодную смерть наших военнопленных в Германии и Австрии, прекратив посылку им денег. Это называется на их языке забастовкой против большевистской власти. Мы привыкли уже к тому, что сторонники войны до победного конца по отношению к армии высказывают полное отсутствие заботливости и бессердечие. Наши дипломаты, например, с момента Февральской революции прекратили посылку вещей в окопы; ненависть к революционному солдату была в них так же естественна, как и вражда против народного правительства. Но мы все же не ожидали такого бессовестного шантажа, как обречение военнопленных на голод. И это со стороны «патриотов!»⁶⁴.

Поливанов вскоре стал в Наркоминделе «уполномоченным народного комиссара по иностранным делам, т. е. заместителем наркома по Востоку»⁶⁵. Его потом сменил А. Н. Вознесенский. Е. Д. Поливанов занимался большой и многосторонней деятельностью и имел большой авторитет. И. И. Умняков писал: «В эти годы я работал в Полпредстве РСФСР в Бухаре и помню поступавшие иногда из Наркоминдела телеграммы за подписью Поливанова. В моем архиве имеется копия исторического документа, связанного с именем Поливанова. Со времени Октябрьской революции Российское Резидентство (позже полномочное представительство) в Бухаре продолжительное время не имело никаких указаний от Наркомата иностранных дел из Петрограда.

Лишь 21 февраля 1918 г. была получена первая телеграмма из Петрограда за подписью Поливанова следующего содержания: *Прежде всего требуем публичного признания власти Совета Народных Комиссаров. Ответьте немедленно.* В Петроград на имя Комиссара иностранных дел была отправлена соответствующая телеграмма за подписью членов Коллегии по бухарским и хивинским делам. Позднее, когда Е. Д. работал в Туркестанском восточном институте в Ташкенте, он иногда в канун годовщины Октября выступал со своими воспоминаниями об Октябрьской революции в Петрограде и о своей работе в Наркоминделе» (И. И. Умняков. — Из архива автора).

Затем Е. Д. Поливанов занимает не менее ответственный пост в Союзе китайских рабочих, в политотделе Балтфлота и в политотделе 9-й Армии, в Коминтерне. В 1919 г. он вступает в ряды РКП(б).

В 1921 г. по приезде в Ташкент он был заместителем председателя Научного совета Наркомпроса Туркестанской АССР. Делом большой государственной важности было обеспечение национальных школ учебной и методической литературой. С 1921 г. при Туркестанском Наркомпросе работали в этом направлении национальные научные комиссии, большинство из которых возглавлял Е. Д. Поливанов.

«В 1923 г. профессора Е. Д. Поливанова назначают председателем этнографической комиссии при Туркнаркомпросе. Ученый со свойственным ему энтузиазмом не только оживил работу местных лингвистов-этнографов, но фактически поставил на научную основу сбор местного языкового и литературного материала. Е. Д. Поливанов делает доклад на заседании ГУСа „О лингвистической переписи“, составляет план сбора местного материала, организует многочисленные экспедиции. Через год работы этнографической комиссии ученый сдает отчет, в котором отмечает, что описан ташкентский диалект, составлен словарь наречий Туркестана, записаны многочисленные сведения по узбекскому фольклору»⁶⁶.

В московский период жизни (с 1926 по 1929 г.) Е. Д. Поливанов был выдвинут на руководящую работу в РАНИОН (Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук), был действительным членом лингвистической секции Института языка и литературы, профессором Института востоковедения, руководителем секции родных языков Коммунистического университета трудящихся Востока, действительным членом Института народов Востока (Иннарвоста), членом бюро лингвистического отдела Института языка и литературы, а с 1927 г. — председателем лингвистической секции РАНИОНа.

Е. Д. Поливанов находил время для организации и руководства комплексными диалектологическими экспедициями: Хорезмской (1930), Памирской (1930), Сайрано-Чимкентской (1931), Ферганской (1930) и позднее — Чирчикско-Ахангаранской (1932), по маршруту Ташкент — Андижан — Нарынский район — Наманган — Коканд (1932). В 1935—1936 гг. он организовал в Киргизии несколько экспедиций для изучения диалектов дунганского языка. Этот важный участок его работы до сих пор остается неисследованным.

Е. Д. Поливанов «нашел себя в последовательной и столь нужной (особенно в те годы) работе по передаче

и распространению тех многочисленных знаний, которыми он располагал, углублению культурной революции на периферии, к чему он считал себя призванным» (Ю. Ю. Авалиани.— Из архива автора).

Работая в Самарканде, Е. Д. Поливанов руководил двумя методобъединениями: одно состояло из преподавателей вузов и техникумов Самарканда, преподававших русский язык в национальных школах, другое — из преподавателей узбекского языка для русских. Методобъединения включали обширный круг вопросов относительно деятельности вузов и техникумов Самарканда. Е. Д. Поливанов постоянно был тесно связан с преподавательским коллективом города, руководил им, организовывал ту большую работу, которая была определена на заседании кафедры языка и литературы Узбекского государственного научно-исследовательского института (УзГНИИ): «1) консультация работников Академии, преподавателей вузов, техникумов Самарканда и рабфаков; 2) разбор методических вопросов, связанных с преподаванием языков; 3) рассмотрение учебных программ и планов; 4) коллективное составление учебников и учебных пособий; 5) устройство периодических собраний преподавателей вузов и техникумов по методическим вопросам; 6) связь с работниками УзГНИИ по этим вопросам» (Из архива автора).

К сожалению, не сохранились данные о том, как и в каких вузах и техникумах проводил эту работу Е. Д. Поливанов. Они бы раскрыли нам конкретно еще одну сторону его деятельности.

Именно такое осознание задач, стоящих тогда перед новой интеллигенцией, преподавателями русского языка нерусским, и выделяло научно-практическую деятельность Е. Д. Поливанова в Средней Азии в 20—30-х годах. Это тоже была важная государственная работа.

Как видим, начиная с февраля 1917 г. Е. Д. Поливанов работал на многих ответственных постах, из которых каждый достоин особого изучения и отдельного описания. Мы же здесь остановимся только на двух видах его общественной деятельности.

«ЗАДАНИЕ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА...»

Участие Е. Д. Поливанова в таком исключительно важном государственном деле, как поиск, перевод и

публикация тайных договоров царского правительства, заслуживает подробного описания.

Опубликование тайных договоров непосредственно связывалось с прекращением войны, борьбой за мир, открывало глаза рабочим всех стран на кровавые замыслы царского правительства. Именно поэтому опубликование тайных договоров В. И. Ленин ставил в один ряд с другими существенно важными политическими вопросами и требовал их скорейшего обнародования в печати.

«В полдень 25 октября, когда еще предстоял штурм Зимнего, Владимир Ильич Ленин сказал на заседании Петроградского — уже большевистского — Совета: революционная Россия предлагает народам и их правительствам немедленно приступить к переговорам о перемирии — на всех фронтах, между всеми воюющими государствами. Ленин выражал уверенность, что предложение заключить справедливый, немедленный мир найдет горячий отклик как в России, так и в международных пролетарских кругах. Но для укрепления доверия рабочих всех стран мало одних обещаний. Необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры»⁶⁷.

Известно, что эту работу возглавил талантливый ученый-биолог, профессиональный революционер Иван Абрамович Залкинд, знавший многие европейские языки. Каким же образом с ним рядом оказался Е. Д. Поливанов?

«...Поливанов интересовался не только филологией. Февральская революция вовлекла его в океан политики. Он стал выполнять задания Всероссийского Совета крестьянских депутатов, а месяца за два до Октября был прикомандирован к отделу печати Министерства иностранных дел. Там обслуживал азиатский (восточный) департамент. Через день после Октябрьского восстания послал в Смольный письмо, где предложил свои услуги новому правительству. Письмо попало к Залкинду. Тот пригласил Поливанова для переговоров. Так Поливанов оказался на Дворцовой, 6. Маркин был третьим»⁶⁸.

Двадцатипятилетний революционер, матрос-балтиец, Николай Маркин, знакомый с редакционно-издательской работой, был направлен в Наркоминдел Я. М. Свердловым⁶⁹. И. А. Залкинд возглавлял там отдел сношений с Западом, Е. Д. Поливанов — с Востоком, Н. Г. Мар-

кин руководил тремя отделами — лекционным, типографским и отделом контроля.

«Я разыскал Поливанова и вместе с ним начал объезд виднейших чиновников министерства по их квартирам, требуя от каждого из них, за личной их ответственностью, присутствия на другой день в здании министерства для „решающих переговоров“... На другой день, запасшись ордерами на арест за подписью т. Урицкого, мы с Поливановым явились в министерство»⁷⁰.

И. А. Залкинд, по-видимому, не раз обсуждал с Е. Д. Поливановым создавшееся положение. Одна из газет тогда писала: «Вчера в здании Министерства иностранных дел вновь приезжал смоленский комиссар Залкинд и некий Поливанов. Они посетили пустующий кабинет А. А. Нератова (зам. министра иностранных дел.— В. Л.) и там совещались около часа»⁷¹.

А газета «Наша речь» от 16(29) ноября 1917 г. уже с негодованием сообщала: «В министерстве все время хозяйничает лишь г. Поливанов, приглашенный на амплуа специалиста по расшифровке тайных договоров, и секретарь народного комиссара г. Залкинд». Действительно, в эти дни они были заняты одним важным делом — переводом и публикацией тайных договоров. «В короткий срок (ноябрь — декабрь 1917 г.) Маркин и его товарищи, работая с огромным напряжением, подготовили семь сборников секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел»⁷².

«Многие документы надо было дешифровать, а шифровальщики министерства продолжали бастовать. Маркин позвонил в Военно-морской революционный комитет:

— Помогите, дело серьезное. Задание товарища Ленина. Пришлите шифровальщиков, наиболее надежных и расторопных.

Приехали. Сразу же засели за работу.

Большинство документов было на английском, французском, немецком, японском. В работу включились переводчики. Поначалу Залкинд и Поливанов...

Работали день и ночь. Снова день и ночь. Почти без отдыха.

8 ноября. Звонок Бонч-Бруевича:

— Владимир Ильич интересуется ходом дела... Просим первые же документы представить ему.

— Передайте, пожалуйста, товарищу Ленину, что сегодня же пришлем...

В тот же вечер в Смольном заседал ВЦИК. Среди участников был Владимир Ильич Ленин...

От имени Советского правительства с официальным заявлением выступил народный комиссар иностранных дел.

— Задание Совета Народных Комиссаров выполнено. Особо важные дипломатические бумаги уже в руках Наркоминдела.

Приступаем к публикации»⁷³.

Утром 10 ноября первые документы были опубликованы в «Правде» и «Известиях» под заголовком «Тайная дипломатия».

И. А. Залкинда, профессионального революционера, В. И. Ленин знал, о Н. Г. Маркине был наслышан — и не только по работе в НКИДе.

Знал ли В. И. Ленин о Поливанове? Конечно, должен был знать. Ведь над тайными документами в министерстве в основном трудились трое, о работе которых В. И. Ленину докладывали не раз. Очень интересный факт приводит М. Сонкин:

«Ленин нередко просматривал бумаги до того, как их передавали в печать. В конце ноября на Дворцовой, 6 нашли и дешифровали осведомительное донесение румынского дипломата Дияманди. Когда Ленин прочитал его, позвонил в Наркоминдел:

— Это следует опубликовать вне очереди и, пожалуйста, крупно»⁷⁴.

Это очень интересный и важный факт, который свидетельствует о том, что Владимир Ильич еще до публикации читал и те дипломатические документы, которые переводил или готовил к печати Е. Д. Поливанов.

РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ «КИТАЙСКИЙ РАБОТНИК»

Один из важнейших и интересных фактов биографии и общественно-политической деятельности Е. Д. Поливанова — это работа в Союзе китайских рабочих, одним из организаторов и руководителей которого он был, и редактирование газеты «Китайский работник». Один из китайских рабочих, живших тогда в Петрограде, вспоминал: «Летом 1920 г. в Петрограде была создана китайская ячейка РКП(б). Один ответственный работник — товарищ Поливанов, говоривший по-китайски, часто проводил с нами, китайскими рабочими, беседы на

политические темы, обучал русскому языку. С помощью товарища Поливанова и китайской коммунистической ячейки я понял глубокий смысл совершившейся революции»⁷⁵.

Этот период деятельности Е. Д. Поливанова надо описать более подробно, с привлечением материалов или уже забытых, или неопубликованных.

В ответах «Ведомственной анкеты Наркомпроса УзССР» за 1931 г. в пункте 40 сам Поливанов говорит о том, что он с 1919 по 1921 г. был «организатором китайской коммунистической секции в Петроградском комитете ВКП(б)»⁷⁶.

«Главное его занятие после февраля 1918 г.— организация петроградских китайцев вокруг РКП(б). В октябре 1918 г. вышел первый номер китайской коммунистической газеты под его редакцией... Он был связан с китайским Советом рабочих депутатов, помещавшимся на Второй линии Васильевского острова, и руководил жизнью китайской колонии в Петрограде» (А. А. Леонтьев, Г. Г. Суперфин.— Из архива автора).

В книге «По следам Пау. История одного литературного поиска» (М., 1962) Г. Новогрудский и А. Дунаевский сообщают шаг за шагом о своих находках. Вот выписка из «Известий ВЦИК» от 17 октября 1918 г.: «На днях вышел 1-й номер еженедельной газеты „Китайский работник“, издающейся Исполнительным Комитетом Совета китайских рабочих Северной области под редакцией Поливанова. Новая газета имеет целью распространение коммунистических идей среди находящихся на территории Советской Республики китайцев» (с. 64).

Далее, из «Известий ВЦИК» за 1919 г.: «...Из докладов начальников частей выяснилось, что... среди отрядов (имеются в виду отряды китайских добровольцев.— *Ред.*) широко распространены китайская газета „Китайский работник“ и агитационные брошюры на китайском языке» (с. 66).

Но иногда и не прямые упоминания о деятелях Союза китайских рабочих и издателях китайской газеты наводили меня на мысль о том, что это мог быть и Евгений Дмитриевич.

Вот одно из таких сообщений.

Поиски «Китайского работника» привели Г. Новогрудского и А. Дунаевского к товарищу Куо Шаотану (Го Чжаотану), ныне профессору, шанхайцу, ставшему

москвичем Крымовым Афанасием Гавриловичем. На вопрос: «Где могла печататься газета? — Он ответил: — Только в Петрограде. В Петрограде и нигде больше. Вы поймите, чтобы издавать газету на китайском языке, нужны очень грамотные люди — по-китайски грамотные. Но этого мало. Они, кроме того, должны были быть еще революционерами... Такие находились в Петрограде. Они организовали Всесоюзный [ошибка: Всероссийский.— В. Л.] союз китайских рабочих, объединили десятки тысяч китайских тружеников, и они же выпускали газету. Она сначала называлась „Китайский работник“, потом ее переименовали в „Великое равенство“» (с. 67).

Предположения и находки Г. Новогрудского и А. Дунаевского подтвердил акад. Н. И. Конрад, который дал ясный ответ: «Да, редактировал китайскую газету именно Евгений Дмитриевич Поливанов... Лингвист Поливанов...». «Они оба — Поливанов и Конрад — были тесно связаны с китайским Советом рабочих депутатов в Петрограде, участвовали в его работе, помогали китайским товарищам переводить декреты Советского правительства, писали агитационные листовки, а Поливанов, кроме того, на первых порах взял на себя редактирование „Китайского работника“» (с. 76—77).

Яркие и достоверные картины жизни и деятельности Е. Д. Поливанова того времени нарисовал Н. И. Конрад в беседе с авторами книги «По следам Пау»: «Уверяю вас, это была нелегкая работа. Сколько бились мы, пытаюсь перевести на китайский язык слово „Совет“. Рылись в словарях, поднимали фолианты классических китайских трудов, поворачивали всякое сколько-нибудь близкое слово и так и этак — ничего не получалось, ни одно не в состоянии было в точности передать то, что вложил русский народ в понятие „Совет“, „Советы“, „Советский“.

Сидим вот так, мучаемся, и вдруг Евгений Дмитриевич как стукнет кулаком по столу: „Есть слово!..“ То, что предложил Поливанов, было действительно отлично. Ведь, пока мы спорили и искали, китайские рабочие и китайские красноармейцы, не вдаваясь ни в какие филологические тонкости, решили этот вопрос без нас. Они и не пытались перевести русское слово „Советы“ на родной язык, они просто включили это великое слово в свою речь так, как оно звучало.

И Поливанов, лингвист удивительной чуткости и удивительного таланта, первый понял: слово „Совет“ на

всех языках лучше всего будет звучать так, как оно звучит по-русски. К этому и свелось его предложение. „Совета! — произнес он на пекинский манер. — Прекрасное китайское слово! Точнее не скажешь“.

Так и пошло с его легкой руки. Так в дальнейшем по-китайски и писалось.

Газету делали там же, где была сосредоточена вся общественная жизнь революционно настроенных китайцев петроградской колонии — в двухэтажном особняке на Васильевском острове.

— Этот дом сохранился,— продолжал Николай Иосифович.— Во время недавней своей поездки в Ленинград я был в том районе: та же темная окраска, тот же фасад. Он стоит на Второй Линии, совсем близко от Среднего проспекта. Здание, несомненно, историческое. Здесь размещался первый в мире китайский Совет рабочих депутатов, здесь формировались первые отряды китайцев-красногвардейцев Севера России, здесь делалась первая в мире советская китайская газета. Я убежден: как только в исполкоме Ленинградского Совета узнают о примечательном особняке — на нем установят мемориальную доску. И нужно, чтобы текст ее не был излишне лаконичен. Пусть будет увековечено и имя Лау Сиу-джау⁷⁷, возглавлявшего Всероссийский союз китайских рабочих, и имя Евгения Дмитриевича Поливанова — талантливейшего русского китаевода, преданного друга китайского народа...» (с. 77—78).

Почему именно Е. Д. Поливанов был одним из организаторов Союза китайских рабочих? Да потому, что к этой работе, как и к редактированию «Китайского работника», он был подготовлен более, чем другие.

Он был прекрасным знатоком и теоретиком китайского языка. «Публикации Поливанова по китайскому языку начинаются с 1916 г. Из них назовем „О метрическом характере китайского стихосложения“, „Краткую фонетическую характеристику китайского языка“, „Пособие по китайской транскрипции“ в соавторстве с Н. Поповым-Татива, написанную совместно с А. И. Ивановым „Граматику современного китайского языка“. И здесь он оставил ряд основополагающих идей и множество учеников и последователей»⁷⁸.

М. С. Кардашев пишет о том, что «авторитет среди китайцев у Евгения Дмитриевича был огромен и непрекращаем. В СССР были китайцы, которые его почитали и любили, были боявшиеся, но, кажется, не было ни

одного, который бы о нем не знал или не слышал. Почтительное отношение к Е. Д. Поливанову было настолько велико, что рикошетом отражалось и на мне. Везде, где бы мне ни приходилось сталкиваться с китайцами, одно упоминание, что меня хорошо знает Евгений Дмитриевич, сразу налаживало отношения» (М. С. Кардашев.— Из архива автора). М. С. Кардашев приводит в своих письмах и другие данные, касающиеся истории создания Союза китайских рабочих, его деятельности, роли в его работе Е. Д. Поливанова.

ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Октябрьская революция создала условия для быстрого и продуктивного осуществления реформ в области народного образования. Были поставлены и решены проблемы реформирования письменностей и создания алфавитов для бесписьменных народов. Это было средством решения проблем культурной революции в стране.

Ученые нашей страны, в частности В. В. Бартольд, Л. И. Жирков, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, А. М. Сухотин, Л. В. Щерба, Н. В. Юшманов, Н. Ф. Яковлев, приняли деятельное участие в работе по языковому строительству. Активно включился в нее и Е. Д. Поливанов. Реформа письменности касалась многочисленных тюркских народов — азербайджанцев, туркмен, узбеков, татар, башкир, каракалпаков, ногайцев и др. Они пользовались письменностью на арабской графике, которая не соответствовала фонетическому строю тюркских языков.

И до революции деятели культуры и писатели, в частности в Азербайджане, предлагали перевести письменность на латинскую основу и, таким образом, вернуться лицом к русской и европейской культуре. С установлением советской власти в тюркоязычных республиках эта борьба перестала быть делом только литераторов и просветителей.

Латинизация письменности оказалась делом очень трудным. Она натолкнулась на серьезное сопротивление со стороны буржуазно настроенной интеллигенции, клерикалов и «арабистов», т. е. тех, кто считал, что замена традиционного арабского алфавита, которым пользовались тюркские народы от турок в Малой Азии до уйгур в Китае и который был одним из оснований му-

сульманской образованности, разорвет традиционные национальные и религиозные связи.

По мнению Е. Д. Поливанова, латинизация означала важный идеологический шаг. И дело здесь не во внешних различиях арабских и латинских букв. Латинская основа алфавита способствовала сближению национальных культур народов СССР и приемов графического общения в международном масштабе.

*...Это Октябрьская революция по отношению к предшествующему дооктябрьскому периоду и направлению в истории возрождения и зарождения национальных графических культур, обусловленных политическим Октябрем 1917 года*⁷⁹.

Главное Е. Д. Поливанов видел не в выборе того или иного пути, а в высшей цели и социальной сущности этого движения.

Инициатором движения за латинизацию стал Азербайджан. 11 августа 1922 г. В. И. Ленин «принимает председателя Азербайджанского ЦИК С. А. Агамали-оглы и сопровождающего его А. С. Енукидзе, беседует с ними, в частности, об отношении азербайджанских трудящихся к проекту создания нового алфавита»⁸⁰. Это говорит о том, какое большое значение правительство молодой Советской Республики придавало реформе письменности.

В 1922 г. был создан Комитет нового тюркского алфавита (НТА), а в декрете Азербайджанского ЦИК от 20 октября 1923 г. новый латинский алфавит был признан «государственным и обязательным»⁸¹. Это сразу дало ощутимые результаты. Вот почему создание нового алфавита Е. Д. Поливанов, по словам ташкентского педагога Н. П. Архангельского, считал одной из важнейших языковедческих задач в эпоху языкового строительства и культурной революции, поскольку это требовало теоретического осмысления и обоснования проблемы соотношения звукового, или фонетического, строя языка и реализации его на письме. *Я был, может быть,—говорил Е. Д. Поливанов,—в первых рядах тех ученых, которые вошли в латинизирующее движение (Н. П. Архангельский.—Из архива автора).*

Будучи в Узбекистане на втором съезде работников просвещения в 1922 г., Е. Д. Поливанов делал доклад о латинизации с практической точки зрения. Он предупреждал о возможном «вавилонском столпотворении», если проводить реформу некоординированно, вразброд.

Именно по этой, организационной, линии и пошла дальнейшая работа по созданию нового алфавита.

В 1926 г. в Баку состоялся Первый всесоюзный тюркологический съезд, на котором было принято решение принять новый латинизированный тюркский алфавит. В целях координации усилий по введению нового алфавита был создан Центральный комитет нового тюркского алфавита (ЦК НТА), который в 1929 г. был преобразован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР⁸².

Основной доклад на съезде в Баку делал Н. Ф. Яковлев, блестящий лингвист и знаток кавказских языков, который указал на то, что контакт местных «культурных работников» и теоретиков-лингвистов «в вопросах проработки проблем массовой письменности... благоприятно отразился на развитии нового направления в лингвистической науке, которое можно обозначить термином... „теория прикладной лингвистики“... Базируется она на результатах не историко-сравнительного изучения языков, но на относительно недавно возникшей теории фонем как главе вновь возникающей лингвистической дисциплины — так называемой „статической“, или „синхронической“, лингвистики, которую правильнее было бы назвать „теорией грамматики“ в научном смысле этого слова»⁸³.

Е. Д. Поливанову принадлежат более двадцати работ по теории и практике латинизации. В 1928 г. он был введен в состав Научного совета ЦК НТА⁸⁴.

*Самое важное в моей работе,— писал Е. Д. Поливанов,— это ее прикладной характер для настоящего времени и ближайшего будущего*⁸⁵.

Сейчас, в ретроспекции, шаги по демократизации письменности следует оценивать на фоне конкретных социально-политических условий. У каждого народа были собственные предпосылки к созданию или восприятию нового и свои трудности в преодолении устаревшего. Хронологически первым шагом было создание якутской латиницы для бесписьменного народа. Автор ее, С. А. Новгородов (1892—1924), еще до революции, будучи студентом Петербургского университета, создал проект якутской письменности. В 1917 г. вышел первый якутский букварь. Недостатком якутской латиницы было то, что С. А. Новгородов слепо следовал международной фонетической транскрипции (МФА), потому его

алфавит и был похож на транскрипцию. Е. Д. Поливанов оказывал С. А. Новгородову непосредственную помощь. Говоря о живом участии Л. В. Щербы и Е. Д. Поливанова, С. А. Новгородов в одной из работ писал: «Считаю своим долгом выразить им обоим свою глубокую признательность за их просвещенные советы»⁸⁶.

Е. Д. Поливанов создал и первый проект латинизированной письменности для узбеков. Но решение этой проблемы для Узбекистана имело еще и другие трудности. Дело в том, что узбекские деятели культуры в условиях острой политической борьбы не имели средств для решения вопроса о том, какова должна быть диалектная основа «стандартного» узбекского языка. С точки зрения современной функциональной стратификации языков макросистема узбекского языка была представлена двумя типами говоров — сингармонистическими, с большим числом гласных, до десяти, т. е. более «тюркскими», кишлачными, и несингармонистическими, иранизованными, городскими, с шестью гласными, и литературным языком, представляющим собой среднеазиатское койне, с одной стороны, а с другой — имеющим достаточно много архаических слов и форм.

Арабский реформированный алфавит был приспособлен для сингармонистических говоров, а представители иранизованных диалектов, среди которых грамотность была выше, вынуждены были пользоваться «сингармонистической орфографией». При переходе на латиницу это противоречие не снималось. Латиница с девятью гласными представляла не меньше затруднений, чем арабская графика.

*Латинизация сама по себе без радикального излечения основного заболевания узбекской письменности и не является вовсе выходом из положения*⁸⁷.

Е. Д. Поливанов считал, что основой национального узбекского литературного языка должен стать говор крупного экономического и административного центра — Ташкента, Ферганы, Самарканда.

*Выбор того или иного пути графической реформы... вполне определяется, конечно, культурно-историческими и географическими условиями данной национальности к моменту реформы*⁸⁸.

И хотя в те годы победили сторонники сингармонистических говоров, дальнейшая история узбекского языка и письменности показала, что прав был Е. Д. Поливанов.

Трудно в полной мере оценить заслуги Е. Д. Поливанова перед востоковедением Средней Азии, особенно Узбекистана, где он проработал более десяти лет, создал чуть ли не половину своих научных работ и подготовил ученых-языковедов из числа местных преподавателей.

И сегодня для преподавателей русского языка в национальных классах и группах школ и вузов, для методистов труды Е. Д. Поливанова, особенно его книги «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» (ч. I. Ташк.—Самарканд, 1935), «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» (Ташк., 1933), не утратили своего значения. Первая книга была переиздана в 1961 г. в Ташкенте. В ней очень много интереснейших наблюдений и выводов, рекомендаций и пожеланий, которые не устарели и сегодня, так что не грех еще раз напомнить сегодняшним преподавателям русского языка:

*Для преподавателя русского языка в узбекской школе необходимо не только знание узбекского языка, но и знакомство с лингвистическим освещением узбекских грамматических фактов*⁸⁹.

Совершенно справедливо оценивает эту книгу комментатор и автор вступительной статьи к изданию 1961 г. Е. Ф. Ваганов: «Труд Е. Д. Поливанова — не только страничка истории методики. Заложенные в нем идеи, преломленные в свете достижений педагогической науки и передового опыта, окажут влияние на современное решение многих вопросов методики преподавания русского языка» (с. 6).

Е. Д. Поливанов считал делом чести, долга каждого интеллигента участвовать в культурном строительстве советской страны. Он писал:

*Кроме разработки общелингвистических принципиальных вопросов, у советских лингвистов есть масса другой очередной работы, в частности работа прикладного характера. И пока у нас до крайности мало рабочих рук... никому нельзя отказываться от своей доли в этой черной работе. Нельзя... быть только теоретиком; учет наличных кадров диктует нам необходимость быть одновременно и теоретиком, и «языковым политиком», и даже просто исследователем*⁹⁰.

Именно такая жизненная позиция заставила ученого

в начале 20-х годов отправиться в Среднюю Азию — в Ташкент и Самарканд, Бухару и Фрунзе. В 1918 г. в Ташкенте по инициативе местных деятелей из коренного населения и русских местных востоковедов был открыт Туркестанский восточный институт — высшее учебное востоковедное заведение.

В августе 1921 г. Е. Д. Поливанов был командирован Коминтерном в Ташкент для налаживания научных связей. Он остается в Средней Азии до 1926 г., где получает возможность совместить «свои разносторонние теоретические знания, редкий кругозор лингвиста с блестящим владением тюркологией и, в частности, узбекским языком, которые он с таким большим вдохновением передавал здесь своим ученикам в процессе столь нужной, порой малозаметной работы» (Ю. Ю. Авалини. — Из архива автора).

В Туркестанском восточном институте Е. Д. Поливанов вел курсы общего и сравнительного языкознания, общей этнографии, китайского языка и другие спецкурсы, в том числе эпизодический курс о методах собирания лингвистических материалов⁹¹.

Уже в первые годы работы в Ташкенте Е. Д. Поливанов внедрял свою научно-методическую концепцию обучения русской грамоте нерусских, которая нашла практическое воплощение в изданном в 1925 г. в соавторстве с педагогами Л. И. Пальминым, Н. П. Архангельским и Н. А. Воскресенской букваре «Мак» — первом советском учебнике по русскому языку для национальных школ Туркестана.

Е. Д. Поливанов всегда стремился изучение русского языка поставить на широкую организационную основу. А когда судьба забросила его в Среднюю Азию, он весь пыл своего сердца и все свои знания и выдающиеся способности педагога посвятил этому важнейшему делу, снискавшему ему глубочайшее признание народов среднеазиатских республик.

Труды Е. Д. Поливанова, посвященные преподаванию русского языка нерусским, сегодня тщательно изучаются языковедами. Показательны в этом отношении устремления Э. Ш. Абдулиной, которая более десяти лет занимается розысками, публикацией и анализом методических работ Е. Д. Поливанова.

Известно, что «изданные до революции и после нее русские буквари для нерусских школ не содержат в подаче звуко-буквенного материала сколько-нибудь су-

ущественных различий от букварей для русских детей. А Е. Д. Поливанов в вопросе обучения нерусских школьников русской грамоте стоял на позициях системно-сопоставительной, функциональной презентации материала. Он считал основой обучения грамоте родного языка подачу его звуко-букв (под звуко-буквой мы понимаем реализацию фонемы — в сильной позиции — в звуке и букве) с учетом их восприятия иноязычной аудиторией и их системного взаимоотношения. Поэтому он видел необходимость опоры на сопоставительный анализ звуковых систем изучаемого и родного языков при установлении порядка изучения звуко-букв первого» (Э. Ш. Абдулина. — Из архива автора).

«Е. Д. Поливанов — основоположник сопоставительной (контрастивной) методики. Его работы в этой области определили достижения современной ему методической науки на несколько десятилетий. Он первый из лингводидактов указал на необходимость учета различных признаков родного и изучаемого языков. До него говорилось лишь об опоре на сходные явления известного и нового языка. Приоритет идеи системного рассмотрения языковых фактов при обучении чужому языку также принадлежит Е. Д. Поливанову, как и идея различия систем и нормы языка»⁹².

Эту работу Евгений Дмитриевич продолжал и в последующие годы, о чем ясно свидетельствует его статья 1928 г. «Чтение и произношение на уроках русского языка в связи с навыками родного языка» и книга «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам», а также ряд неопубликованных материалов 1921—1925 гг.⁹³.

«Будучи одним из руководителей педагогической комиссии Государственного ученого совета Наркомпроса Туркестанской Республики, Е. Д. Поливанов ознакомился со всей издаваемой учебно-методической литературой, писал отзывы и заключения о ней. Многое из написанного, видимо, утеряно, но часть документов сохранилась и свидетельствует о разносторонней научной и общественной деятельности Поливанова. Это выступления ученого на заседаниях педагогической комиссии ГУСа и Академцентра по разным вопросам просвещения народов Средней Азии: о латинизации алфавитов тюркских языков, о переводе обучения в Туркестанском государственном университете на местные языки (доклад), об учебниках и учебных пособиях для национальных школ, о методах

обучения грамоте на родном языке тюркских народов и т. д.»⁹⁴.

Э. Ш. Абдулина нашла и опубликовала также отзывы и рецензии Е. Д. Поливанова (1921—1925 гг.) на учебники по родному и русскому языкам и естествознанию. Это: «Об узбекском букваре для взрослых Ш. Рахими (31/XII—23 г.)», «Докладная записка проф. Е. Д. Поливанова о методах начального обучения грамоте в узбекских школах (1/III—25 г.)», «Рец[ензия] на Егорова „Русский букварь“» и др.

Анализируя эти и другие работы Е. Д. Поливанова, Э. Ш. Абдулина делает вывод, с которым трудно не согласиться: «Главная мысль Е. Д. Поливанова, проходящая через все его лингвометодические труды,— активизация изучения языка, направление всех компонентов, всего арсенала методики на активное владение теми категориями языка, из которых в первую очередь строится речь. Значит, именно слово должно играть главную роль при овладении фонологической системой языка»⁹⁵.

Э. Ш. Абдулина публикует и письмо ГУСа от 27 января 1925 г. Е. Д. Поливанову с просьбой сообщить, где можно приобрести его работы: «Фонетический словарь турецких наречий Туркестана», «Несколько узб[екских] суеверий как материал для сравнительного анализа религиозных верований», «Понятие эволюции в языке», «Руководство по собиранию лингвистических материалов», «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях», «Условия антирелиг[иозной] пропаганды на Востоке». Хотя далеко не все эти работы Е. Д. Поливанова найдены, но сам факт говорит о популярности работ ученого и его обширнейших познаниях в языках и укладе жизни народов Востока.

Свыше пяти лет Е. Д. Поливанов работал в САГУ (с 1921 по 1926 г.) профессором восточного, педагогического факультетов и рабфака, читал более пяти курсов по общему языкознанию и тюркским языкам.

«За время работы в САГУ им были опубликованы научные статьи по узбекским диалектам и киргизской орфографии, грузинской фонетике и японскому ударению, тюркскому фольклору и местной этнографии... В последние годы работы в Ташкенте — в 1924—26 гг. — Евгений Дмитриевич Поливанов возглавлял работу по проведению реформы узбекской графики и перехода ее на латинский шрифт. Эта работа требовала частых отъездов на всевозможные съезды и совещания. Имеющиеся

архивные материалы показывают огромную организаторскую работу ученого по успешному проведению реформы, для издания новых учебных пособий, для пропаганды новых достижений национальной культуры»⁹⁶.

Е. Д. Поливанов в это время публикуется в Ташкенте и Москве. С этой целью летом 1924 г. он выезжает на два месяца в Москву для наблюдения за печатанием своих двенадцати работ. После возвращения в Ташкент Наркомпрос вызывает Поливанова телеграммой в Самарканд для подготовительной работы к съезду тюркологов в г. Баку. Уже из Баку он посылает телеграмму в САГУ с просьбой перенести сроки чтения им курсов на май 1926 г.

Однако в Ташкент он не вернулся в связи с выездом сначала во Владивосток (и страны Дальнего Востока), а затем в Москву для работы в РАНИОНе. Вновь в Ташкент он попадает только в 1931 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Неоценимую помощь в отыскании новых документов о Е. Д. Поливанове оказал языковедам видный работник Научного совета при Наркомпросе Туркестанской АССР, председатель Научно-педагогической комиссии, редактор и издатель учебников и учебных пособий для национальных школ и вузов республики Н. П. Архангельский, работавший вместе с ученым несколько лет. Мне переданы А. А. Леонтьевым копии писем Н. П. Архангельского, в которых последний, в частности, писал ему:

«С Е. Д. мы сверстники и одновременно учились в Петербургском университете (я — с 1909 года). Тогда я не был с ним знаком. Но однорукого студента-восточника Поливанова знали в лицо многие студенты разных факультетов: знали, что он считается исключительно одаренным лингвистом. Приблизительно с 1914 или 15 г. я Поливанова не встречал. В сентябре 1920 г. меня откомандировали из Петрограда, где я работал педагогом, в Туркестанскую АССР. После нескольких месяцев работы в Ферганской области я был переведен в июне 1921 г. в Ташкент.

В то время в Наркомпросе Туркестанской АССР создавался Научный совет, главным образом в целях подготовки учебников и программно-методических доку-

ментов для рождавшихся национальных советских школ. Основными ячейками Научного совета в 1921 г. являлись три национальные научные комиссии: узбекская, киргизская (казахская) и туркменская. В помощь им организовалась Научно-педагогическая комиссия. Меня назначили ее председателем. Вскоре Научный совет переименовался в Государственный ученый совет — ГУС.

В августе 1921 г. в Научный совет пришел вновь назначенный заместитель его председателя Е. Д. Поливанов, присланный из Центра; одновременно он стал профессором Восточного института в Ташкенте.

Мы с Е. Д. сразу узнали друг друга. Он тоже помнил меня по университету, так как мы встречались на некоторых лекциях (я учился на историко-филологическом), а яркая рыжая шевелюра в юности меня выдавала. У нас с Е. Д. быстро установилась производственная дружба. Вместе мы готовили первый номер органа Научного совета — журнала „Наука и просвещение“; планировали подготовку учебной хрестоматии по истории Средней Азии (замысел не был завершен).

В 1921/22 учебном году Е. Д. как зампред Научного совета занимался административной работой, входил в новую для него обстановку Средней Азии, осваивал тюркские языки. В 1923 г. он работает над многими вопросами. В этом году в Ташкенте издана его брошюра „Фонетические конвергенции“. Мне более известна его кипучая деятельность по планированию серии учебников и пособий для учителя в целях преподавания русского языка в национальных школах Туркестанской АССР, главным образом узбекских. Он начал писать первые разделы будущих книг этой серии.

В начале [летом.— В. Л.] 1924 г. Е. Д. едет в Москву. Осенью снова в Ташкенте работает над русским букварем для узбекских школ. Букварь был издан в 1925 г. узбекским Госиздатом. Узбекский Наркомпрос в начале 1925 г. переехал в Самарканд. Я как председатель Научно-педагогической комиссии оставался в Ташкенте до лета, когда меня заменил в Самарканде новый председатель комиссии П. И. Сербов. Я „доводил“ издание букваря Поливанова „Мак“. Позже по поручению УзНаркомпроса я организовал переработку и второе издание в 1926 г.

Продуманный в лингвистическом отношении, букварь был слаб с методической стороны, так как тогда я не смог привлечь в помощь опытного учителя, знакомого

с практикой научного курса русского языка в узбекской школе; соавтор Поливанова, Л. И. Пальмин, преподаватель в старших группах, не вел сам начальные курсы; редакторы (включая меня) тоже не имели личного опыта в начальном обучении русскому языку узбеков.

Во второй половине 20-х годов я виделся с Е. Д. ред-ко. В 1928 г. из Москвы он прислал мне в Ташкент свою статью „Невозможно молчать“. Я передал ее в газету „Правда Востока“, где она была напечатана.

В 1929 г. в Самарканде организовался Узбекский государственный научно-исследовательский институт (УзГНИИ), имевший комплексный характер. Е. Д. работал там в лингвистическом секторе. В сборнике УзГНИИ „Научная мысль“ (вып. 1, Самарканд — Ташкент, 1930) он напечатал статью „Образчик самаркандско-таджикской речи“ (с. 25—28). В 1931 г. из УзГНИИ выделился Узбекский научно-исследовательский институт культурного строительства (УзНИИКС), переехавший с осени в Ташкент. Е. Д. Поливанов снова стал жителем Ташкента» (*Н. П. Архангельский*. — Из архива автора).

Ценные сведения о жизни и творческой деятельности Е. Д. Поливанова содержатся также в материалах Н. П. Архангельского, написанных им в августе — сентябре 1964 г. и присланных в секретариат «поливановской» конференции. Называются они «К биографии Е. Д. Поливанова (из личных воспоминаний)», с припиской: «Часть воспоминаний подтверждается по моему архиву».

«С Евгением Дмитриевичем Поливановым я встречался часто, временами ежедневно — в период с сентября 1921 г. по январь 1934 г. Оба мы одновременно работали в Ташкенте в 1921—22 гг. в Научном совете Туркестанского Наркомпроса и в 1932—33 гг. в Узбекском научно-исследовательском институте культурного строительства (УзНИИКС); встречались также в Восточном институте (я бывал там на некоторых лекциях, а с 1928 г. преподавал). Кроме того, у нас были контакты в связи с рядом работ Евгения Дмитриевича, особенно в 1923—1925 гг.

Я видел отношение к Е. Д. Поливанову со стороны многих. Решительно все, соприкасавшиеся с ним, поражались его совершенно исключительной одаренности и эрудиции в лингвистике.

Когда он впервые появился в Ташкенте, в августе 1921 г., с билетом члена Коммунистической партии как

командированный из Москвы профессор в Восточный институт и занял также место заместителя председателя Научного совета Наркомпроса Туркестанской АССР, то на первых порах он показался нескольким лицам карьеристом. Однако подозрения в карьеризме скоро отпали, так как главным интересом Е. Д. Поливанова была наука и в вопросах науки он не допускал компромиссов...

Не буду говорить о лингвистической сверхталантливости Евгения Дмитриевича. Но непременно надо подчеркнуть, что в науке он был несгибаемо принципиален, хотя бы это грозило большими неприятностями. Остановлюсь на двух фактах.

Е. Д. Поливанов был несдающимся и активным антимарристом. Он высоко оценивал ранние труды Н. Я. Марра по языкам Кавказа, но яфетидологические обобщения Марра едко и смело критиковал. Эту критику марристы не пропускали в печать. Но Евгений Дмитриевич не уставал в борьбе против засилья марристов. То было время, о котором среди лингвистов ходила эпитафия:

Марр в марризме без
ущерба,
Щерба ж Марром
ущеролен.

В лингвистическом секторе УзНИИКСа взяли курс на Марра. Антимарристские выступления Е. Д. Поливанова после бурных сцен кончились его уходом из института. Если память не изменяет, это произошло в начале 1934 г., когда УзНИИКС разделился на три института: 1) Языка и литературы; 2) Искусствознания; 3) Педагогики.

Отношения Е. Д. Поливанова с тогдашними руководителями узбекского языкознания в республике испортились еще раньше в связи с его резким выступлением против того, чтобы орфографию узбекского литературного языка, при замене арабских букв латинской графикой, строить на принципах тюркского сингармонизма. Протестуя против принятой системы сингармонистической орфографии, Поливанов утверждал в ташкентской газете „Правда Востока“ (22 октября 1928 г.):

Я нисколько не сомневаюсь, что рано или поздно — может быть, через 5, 10 или 20 лет — узбекская школа силою обстоятельств приведет Узбекский Наркомпрос к тому решению, которое диктуется реальными языковыми условиями, — к отказу от сингармонистического латин-

ского алфавита с тремя лишними буквами, вместе с тем — и от сингармонистического правила орфографии.

Это предсказание Е. Д. Поливанова скоро сбылось, но в начале 30-х годов на него еще гневались приверженцы сингармонизма.

...По мере записывания из недр моей памяти выплыло многое; отберу то, что может оказаться неизвестным, ведь осталось мало людей, лично знавших Е. Д. Поливанова в Ташкенте.

К 1921—25 гг., когда мы с ним сотрудничали по вопросам Научного совета (ГУСа) Туркестанского Наркомпроса и Акцентра УзНаркомпроса, относится вереница „деловых“ воспоминаний. Остановлюсь на фактах, иллюстрирующих большой диапазон научных интересов Евгения Дмитриевича и активность его натуры, общественно направленную, он был не кабинетным ученым, а ученым — общественным деятелем.

Специалист по языкам Дальнего Востока, Поливанов и в Ташкенте нашел почву для занятий китайским языком. В Инпросе (Институте просвещения) нацменьшинств обучалось несколько юношей дунган из Киргизии. Е. Д. через них осваивал дунганское наречие и помогал им в построении дунганского алфавита. Кроме того, он привлекался для консультации по документам на китайском языке в правительственные органы. По сведениям Петра Александровича Данилова, Поливанов редактировал газету для китайцев-красногвардейцев не только в Москве, но позже и в Ташкенте.

Сразу по приезде на работу в Ташкент Поливанов занялся фонетикой говоров узбекского языка. А в 1923—25 годах Е. Д. много работал над рациональным порядком для обучения узбекских школьников фонетике русского языка. Тогда же он предложил систему учебных изданий по русскому языку для узбекской школы.

Разработанный Поливановым порядок подачи русских звуков узбекским детям стал, кажется, общепринятым.

Начав с фонетики узбекских диалектов, Е. Д. Поливанов широко заинтересовался этнографией и историей узбекской нации. Тогда же он настойчиво собирал сведения о прошлом Ташкента. Это отражено в нескольких его печатных работах.

С целью обеспечить национальные советские школы учебной и методической литературой при Туркестанском

Наркомпросе с 1921 г. работали национальные научные комиссии, заботившиеся об узбекских и других тюркоязычных школах республики.

Все это — охват деятельности Е. Д. Поливанова (в 1921—1925 гг. в Ташкенте), неполный даже, только в пределах, связанных со школой, не касаясь других аспектов, которым он отдавал больше времени.

Работал он быстро. Этому помогали и эрудиция, связанная с завидной памятью, и сноровка.

Сноровка умственного труда особенно проявлялась в почти невероятных условиях быта профессора Поливанова.

Еще готовясь к профессуре, в Петрограде, где начался кризис с топливом, Поливанов в университетском общежитии зимою жил под столом, закрытым со всех сторон коврами до полу; в эту келью он провел электролампочку.

В Ташкенте одно время мы были с ним соседями. Е. Д. сразу предложил обмен книгами. С книгами он был аккуратен.

Вернувшись в 1924 г. из длительной поездки в Центр, Поливанов обосновался в поселке „Саларские ключи“ в одном из прижатых друг к другу „курятников“ у берега Салара.

В 1931—33 годах Е. Д. с женой Бригиттой Альфредовной Поливановой снимал комнатку в типичном для тогдашнего „старого города“ домике с земляным полом. У них не было почти никаких вещей — только спартанская постель и крайний минимум посуды, но было место для чтения и письма и непременно — очередная порция книг.

Благодаря эрудиции и сноровке Е. Д. мог работать параллельно в нескольких направлениях, притом всегда качественно. Чтобы выполнить договорную работу в срок, Поливанову приходилось прибегать к техническим помощникам. Одним из его помощников был М. С. Кардашев.

В общении с людьми Поливанов был деловито прост. Он легко обходился без формул встречи, как бы экономя время.

Постоянным спутником Евгения Дмитриевича был юмор. В моих руках были десятки его записок, адресованных мне лично или официозных. Они писались на случайных листках, все с той или иной лаконичной целенаправленностью.

Шутка обычно сопровождала беседы Поливанова. Но главным в них было — его увлечение наукой. Буквально часами он мог говорить по какому-либо специальному вопросу, если встречал в собеседнике интерес...» (Н. П. Архангельский.— Из архива автора).

Из кратких воспоминаний 1964 г. проф. Н. Р. Рахимова (Ташкент): «Самое острое ощущение, самое сильное впечатление, которое от него осталось,— это его исключительно богатая, полная таинственности личность, которая вдохновляла на самоотверженный научный труд не только меня, но и всех тех, кто его знал. Его образ всегда стоял перед нашим взором, вдохновляя на бесконечную любовь к изучению языков. Этому способствовали частые встречи с ним.

Преподаватели педагогического техникума в Ташкенте с восхищением говорили о нем. Создавалось особое впечатление об этом ученом.

Я лично изучал узбекский, русский, французский, персидский, немножко индийский [хинди.— В. Л.] и древнеславянский языки, стремился идти по пути ученых, которые знали много языков. Я полагаю, что в одном из первых рядов этих ученых стоял Е. Д. Поливанов. Особенно интересовался он хорезмским диалектом и каракалпакским языком. В те годы шли дискуссии, в том числе проводились и конференции о переходе с арабского на латинский алфавит.

У Поливанова было много друзей среди местного населения. В частности, среди его друзей был коми, которого звали Джевачи-начальник» (Н. Р. Рахимов.— Из архива автора).

Некоторые моменты из жизни Е. Д. Поливанова в Ташкенте имеются и в воспоминаниях 1964 г. П. А. Данилова:

«Е. Д. Поливанова я никогда близко не знал. Для меня он был профессором и только. Впервые я его увидел в 1925 г. Внешний его вид был весьма неказист. Роста он был среднего, худощав. Стремясь спрятать свою изуродованную руку от излишне любопытных взглядов, он ходил сутулясь и несколько пригнувшись на левый бок. Так он входил в аудиторию. Многим студентам нашего курса его манера держаться казалась приобретенной на Востоке, скорее всего в Китае или Японии.

Читая лекции, Поливанов заметно оживлялся, вдохновленный темой, которую он излагал. Каждое слово

своей лекции он произносил четко, ясно, и вскоре мы забывали о неприятно скрипучем тембре его голоса.

Временами в ходе лекции его голос приобретал металлически звенящий характер и казался даже музыкальным. И хотя мы, студенты-первокурсники, не очень-то были в курсе тех больших лингвистических проблем, которые развивал он в своих лекциях, его вдохновенное слово приковывало наше внимание и возбуждало интерес к его науке. Читал лекции профессор Поливанов средним темпом, и поэтому мы успевали многое из его лекций записывать.

В лекциях Евгения Дмитриевича нас поражало обилие примеров из многих языков, преимущественно восточных. Все это говорило об его исключительной эрудиции. Сверх того, нам импонировала изумительная память Евгения Дмитриевича. Читал он лекции, не пользуясь ни конспектами, ни карточками, виртуозно оперируя огромным количеством языковых фактов. Однако цитатами и ссылками на труды разных ученых он не увлекался.

Таким образом, лекции профессора Поливанова по своему характеру приближались к его „Введению в языкознание для востоковедных вузов“, вышедшему в свет позднее, в 1928 г. Нам же он рекомендовал для подготовки к экзамену „[Лекции по] введению в языкознание и общей фонетике“ (Берлин, 1923), в котором, в основном, описывались более знакомые нам немецкий, французский и английский языки. Эта книга облегчила нам подготовку к экзамену.

Дело в том, что профессор Поливанов не очень считался с уровнем аудитории и иллюстрировал свои лекции преимущественно материалами неизвестных нам дальневосточных языков — японского, китайского и корейского, широко пользуясь иероглифами, которые он прочитывал по-китайски или по-японски, но не записывал в доступной нам транскрипции. Это делало его лекции не всегда понятными, хотя в целом он читал лекции живо, возбуждая у слушателей интерес к излагаемой им теме.

Каково место Поливанова в науке, мы, студенты, долго не знали. Но однажды, просматривая один английский журнал за 1917 г., я случайно натолкнулся на страницу со списком виднейших, по мнению редакции журнала, русских ученых-языковедов, среди которых было и имя профессора Поливанова как крупнейшего

знатока японского языка. Это мнение журнала сразу подняло авторитет профессора Поливанова в моих глазах и в глазах моих однокурсников.

Конечно, студенты могут оценить лекторские способности профессора, в некоторой мере и его эрудицию, но часто мало знают о его научно-исследовательской работе, а поэтому и не могут в должной мере оценить его как ученого. Я, в частности, смог оценить сделанное Поливановым в науке лишь много позже. Вскоре Поливанов уехал в Москву, и я не видел его много лет» (П. А. Данилов.— Из архива автора).

Определенный интерес представляет и короткое выступление на «поливановской» конференции А. И. Абражеева (Самарканд):

«Я в 20-х годах был студентом Восточного института, где слушал лекции Евгения Дмитриевича. Мои воспоминания скудны, и это неудивительно, потому что, с одной стороны,—зеленый молодой студент, а с другой стороны,—окруженный каким-то ореолом загадочности, таинственности, на какой-то недосыгаемой высоте — профессор Поливанов.

Впервые я встретился с Евгением Дмитриевичем в Восточном институте, не раз слышал его лекции по языкознанию, так как очень интересовался ими. Они влекли нас всех, эти лекции, совершенно новыми высказываниями, богатыми иллюстрациями. Читался, скажем, курс для студентов-первокурсников, но послушать приходили, конечно, не только первокурсники. Как сейчас помню, самая большая аудитория в Восточном институте всегда была переполнена, когда лекцию читал Евгений Дмитриевич.

Я уже говорил, что лекции его были блестящими, изумительно эрудированными. Нас больше всего поражало знание им многочисленных, совершенно чуждых друг другу, генеалогически различных языков. Мы знали его как знатока японского и китайского языков, он нам очень много говорил об узбекском языке. В короткое время мы увидели изданными его книги — „Грамматика узбекского языка“, „Узбекская диалектология“, словарь и т. д. Нас поражало, что в человеке может совмещаться знание языков тюркских и китайского. Все это, конечно, интересовало нас, студентов, и просто влекло к нему.

... Во время лекции у него никаких шпаргалок и записок не было, все — на память, лекции — творческие,

Этим он был интересен и привлекателен. Когда человек говорит, не читая по шпаргалкам, это весьма и весьма привлекательно для молодого студенчества. И вот среди студенчества складывались просто легенды о Евгении Дмитриевиче — о его невероятных способностях. Я передаю впечатление, которое он тогда оставил в наших душах. Он нам казался абсолютным бесребренником — всегда ходил в старой шинели, поношенном кепи — непрезентабельная была у него одежда, комнату он имел совершенно темную, абсолютно немеблированную.

Часто мы видели его в окружении дунган.

Однажды мы, студенты, подошли к нему и спросили, какова точка зрения на яфетическую теорию? Мы об этом слышали, это нас беспокоило. Есть Марр, есть Поливанов, но где же наука, а где псевдонаука?

Он нам ответил: „Я во многом грешен, товарищи, но в отношении науки я грешить не намерен и не буду. Я отрицательно отношусь к этой теории“.

Вот тогда мы узнали, что он свою теорию противопоставляет теории Марра.

Его концепция об иранизированных диалектах узбекского языка, затем его предложение на конференции 1929 г. принять за основу построения узбекского литературного языка ташкентский говор, т. е. максимально иранизированный, а не какой-нибудь сингармонический диалект, в окончательном счете, как мы сейчас знаем, одержали в результате большой борьбы с националистами полную победу, ибо мы сейчас знаем, что в основе узбекского литературного языка лежит язык культурных центров Узбекистана — Ташкента и Ферганы» (А. И. Абражеев. — Из архива автора).

ЧЕЛОВЕК ОГРОМНОЙ ВОЛИ, ЧЕСТИ, ВЕРЫ В СОВЕТСКУЮ НАУКУ⁹⁷

В первое послеоктябрьское десятилетие в отечественном языкознании, наряду с поворотом к описанию современного состояния языков и к решению прикладных задач, поставленных практикой культурного строительства, шли упорные поиски создания нового, марксистского языкознания. Поиски эти осуществлялись разными путями. Одни ученые старались строить марксистское языкознание на основе критического освоения всего накопленного опыта в науке о языке и усиленного внима-

ния к социальной стороне языковых явлений. Другие же пытались во главу угла ставить общие положения исторического материализма, непосредственно применяя их к языковому материалу. Этот момент и определял острую идейную борьбу между представителями русской классической филологии и сторонниками яфетической теории по вопросу об отношении к индоевропейскому сравнительно-историческому языкознанию. Эта борьба нередко выливалась в ожесточенные схватки с полемическими издержками и перехлестами.

Линия компаративистов была четко сформулирована в работах и выступлениях Е. Д. Поливанова, который, решительно отстаивая достижения сравнительно-исторического языкознания, стремился осмысленно, путем строгих лингвистических методов и на надежных фактах увязать языковую эволюцию с историей общества. Н. Я. Марр же, вульгарно-социологизаторски истолковав общие положения марксизма и перенес их на яфетическую теорию, развил «новое учение о языке», а его ученики провозгласили эту теорию единственно марксистским направлением в советской лингвистике.

Получился своеобразный исторический парадокс. Еще в 1929 г. Е. Д. Поливанов выступил с уничтожающей, но конструктивной критикой яфетической теории Н. Я. Марра, за что был обвинен марристами в идеализме, «буржуазном индоевропеизме» и прочих смертных грехах, и, лишенный возможности работать в Москве или Ленинграде, был вынужден уехать в Среднюю Азию, но именно он оказался пророчески прав. «Новое учение о языке» Н. Я. Марра, хотя почти безраздельно и господствовало в советском языкознании на протяжении двух десятилетий, в результате известной дискуссии 1950 г. потерпело полное фиаско: оно было признано лженаучным, вульгаризаторским, антимарксистским. Критика марровского «нового учения» начиная с 1950 г. по существу велась по тем же параметрам, которые в свое время наметил Е. Д. Поливанов. Между тем в ходе дискуссии 1950 г. о Поливанове как главном оппоненте Марра не было сказано ни слова, т. е. тем самым не была отмечена выдающаяся роль Е. Д. Поливанова в развенчании антинаучного характера «нового учения о языке», не была дана объективная оценка его научной деятельности.

Не вдаваясь в детали концептуальных расхождений Е. Д. Поливанова и Н. Я. Марра⁹⁸, покажем лишь на

примере дискуссии 1929 г., известной тоже под названием «поливановской», каким мужеством, принципиальностью и несокрушимой верой в правоту своих убеждений надо было обладать ученому, чтобы решиться на такого рода критику в ту пору, когда только «новое учение о языке» провозглашалось приближающимся к «материалистической лингвистике», а ее создатель — Н. Я. Марр — был окружен ореолом непререкаемого авторитета.

«На первых этапах своего развития „яфетидология“ не вступала в конфликт со сравнительно-историческим языкознанием⁹⁹. Пока речь шла о „яфетических“ языках Кавказа или даже о „яфетидах“ как третьем этническом элементе в созидании средиземноморской культуры, Н. Я. Марр не отрицал еще ни праязыков, ни миграций и одно время имел намерение составить сравнительную грамматику „яфетических“ языков. Однако по мере того как „яфетическая теория“ перерастала в „новое учение о языке“, отношение автора „учения“ к сравнительно-историческому методу и выводам, сделанным с его помощью, радикально изменилось. В 1923 г. Н. Я. Марр выступил с заявлением: „Утверждаю, что индоевропейской семьи языков расово отличной не существует...“»¹⁰⁰.

В противовес сравнительно-историческому языкознанию, доказывавшему генетическое родство индоевропейских языков на основе строгих фонетических, лексических и морфологических соответствий. Н. Я. Марр стал развивать три независимые друг от друга идеи в подходе к родству языков: «1) идею скрещивания языков как ведущего процесса в образовании языковых групп, причем развитие языка приравнивалось к развитию племен и народов; 2) теорию „единства глоттогонического процесса“, единого пути развития всех языков, проходящих через ряд „стадий“, которые могут быть обнаружены путем типолого-генетических исследований; 3) представление о том, что звуковая речь началась с четырех диффузных „лингвистических элементов“, с магических звуковых комплексов, которые могли быть выявлены путем „палеонтологического“ анализа...»¹⁰¹.

Квалифицируя сравнительно-исторический метод как порочный, а понятие праязыка как «расистское», Н. Я. Марр в статье «Об яфетической теории» (1924) объявил все сравнительно-историческое языкознание «буржуазным», «колониалистским» и т. д. Вот как реагировали на эти декларации авторитетные ученые того

времени. Французский компаративист А. Мейе заявил: «Если буржуазная наука состоит в том, чтобы видеть факты такими, какие они есть, то я принимаю на себя обвинение в буржуазности»¹⁰². Немецкий кавказовед А. Дирр также писал по этому поводу: «Не говоря о том, что упрек (Марра.— Л. К.), подобный тому, что „индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти и кость от кости отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой“¹⁰³, вряд ли будет понят здесь, на Западе, потому что языковедение и колониальная политика — две совершенно разные вещи: когда читают о четырех первичных племенах — SAL, BER, YON, ROŠ, которые своими „скрещеннями“ должны объяснить нам загадку древнейшей истории значительной части Евразии, то становятся очень подозрительными, недоверчивыми. Темнота и частые прыжки (die Unüberwindlichkeit und die Sprunghaftigkeit) марровского метода вредят больше, чем полагает Марр»¹⁰⁴.

Критически оценивали яфетическую теорию и компаративисты в нашей стране. Например, М. Н. Петерсон, ученик Ф. Ф. Фортунатова, в статье «Проблемы индоевропейского языковедения за 10 лет (с 1917 до 1927 г.) в СССР» писал: «В связи с вопросом о кризисе индоевропеистики у некоторых возникало мнение, не в яфетидологии ли искать спасения. По этому поводу в Научном институте М. В. Сергиевским был прочитан доклад на тему „Яфетидология и ее новейшие успехи“ (26 мая 1923 г.). В результате обсуждения доклада было выяснено, что то положительное, что можно найти в яфетидологии (например, внимание к вопросу о смешении языков), было уже и в индоевропеистике; то же, чем яфетидология отличается от индоевропеистики, представляет скорее большой шаг назад»¹⁰⁵.

В первом ряду самых активных борцов против «нового учения о языке» был Е. Д. Поливанов, когда на рубеже 20—30-х годов это учение заняло господствующее положение в советском языкознании как «материалистическая диалектическая марксистская лингвистика». В 1928—1931 гг. марристами при поддержке видных ученых-нелингвистов проводилась шумная кампания под знаком борьбы с «буржуазным индоевропеизмом», в которой Е. Д. Поливанов не побоялся публично выступить с критикой «учения» Н. Я. Марра. То, что последовало

за объективной критикой, мы увидим дальше. А пока посмотрим, что же такого криминального говорил Е. Д. Поливанов в докладе «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория», с которым он выступил 4 февраля 1929 г. в Москве на Волхонке, 14, на заседании подсекции материалистической лингвистики секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии. Возглавляли эту подсекцию Н. Я. Марр, В. М. Фриче и В. Б. Аптекарь. Поскольку в нашем распоряжении имеется текст стенограммы¹⁰⁶ этого заседания, мы во избежание кривотолков будем максимально придерживаться основных формулировок доклада.

В качестве эпиграфа к своему выступлению Е. Д. Поливанов взял слова В. И. Ленина из статьи «Задачи союзов молодежи» (1920): «Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру...»¹⁰⁷. Своим докладом Е. Д. Поливанов преследовал две цели — ревизовать яфетическую теорию и изложить свое кредо по поводу построения «марксистского языкознания».

Не надо думать, что Е. Д. Поливанов целиком отвергал Н. Я. Марра и его труды. Он утверждал, что «за вычетом яфетической теории остается очень много материала, который делает Марра великим ученым». Он ценил его как археолога, филолога, в частности как «описательного» лингвиста, например автора чанской грамматики. Да и в самой яфетической теории Марра Поливанов видел здоровое зерно, а именно — сравнительно-грамматическое исследование южнокавказских языков, «проводившееся, однако, неумело, без должного знания методов компаративистики и общего языкознания, отчего в этой теории сплошь и рядом грубые лингвистические ляпсусы». Но ложный путь в творчестве Н. Я. Марра, по мнению Е. Д. Поливанова, начался, когда он стал выходить за пределы кавказского ареала. Примером такого ложного пути Поливанов называет книгу Марра «Чуваши-яфетиды на Волге», где автор сравнивает языки, словно «человек, так же далекий от лингвистики, как далек лингвист от химии», не приводит ни одного правильного соответствия, ибо они построены только на звуковых совпадениях. Корень ошибок теории Марра состоял также в том, что тот декларативно оперировал, казалось бы, приемлемыми с точки зрения марксизма общими, аксиоматическими положениями, ко-

торые, однако, никак не подтверждались языковыми фактами.

Расхождения между Марром и Поливановым лежали в объяснении ими исторических фактов, прежде всего в понимании родства языков. На многочисленных примерах, приведенных в докладе, показано, что «не только исторические факты объясняются неверно (Н. Я. Марром.—Л. К.), но часто самые факты берутся [им] неверно». Это «вызвано незнанием Марром работ по компаративистике, особенно неиндоевропейских языков, крайне вольным обращением его с языковыми фактами».

Затем Е. Д. Поливанов остановился на некоторых общих положениях учения Н. Я. Марра.

По мнению Марра, все слова исходят из четырех племенных названий, известных в литературе как «четыре элемента», будто бы произносившиеся вначале в виде одного диффузного звука и лишь позже разложившиеся на согласный+гласный+согласный. Поливанов показал всю несостоятельность представления о едином праслове в виде магического звукового комплекса. Племенное название никогда не могло быть первым словом языка, и в первобытных языках был распространен закон открытых слогов, т. е. комплексов из согласных и гласных, а не из трех звуков.

«Родство языков, по Марру, объясняется взаимодействием соседних говоров: сначала было множество, а затем единство». Это чисто механический подход, с точки зрения Поливанова. Смешанный характер языков не является нововведением Марра, об этом писал еще Бодуэн де Куртенэ. Систематические звуковые соответствия в разных языках объясняются у компаративистов общим происхождением, а у Марра — чудом.

Постоянной ошибкой Марра была его «борьба со временем»: его лингвистические работы наполнены разного рода анахронизмами. Так, племенные названия берутся из современной топонимики и переносятся в эпоху зарождения человеческой речи. Выводя все формы из четырех племенных названий, Марр решительно отвергает звукоподражание в таких словах, как «кукушка», «мяукать» и т. п. В своем четырехэлементном анализе Марр не дает никакого доказательства того, что все слова всех языков произошли из четырех элементов, а просит принять это на веру. Он зачеркивает историю данного слова и преподносит взамен чудовищное объяснение его на основе одного из элементов или комбинаций их.

«У Марра многое не ново, а то, что ново, то исключительно неубедительно». Так, мысль о третьем элементе в культуре Средиземного моря возникла задолго до Марра (у А. Меие, например, в 1907 г.). В предполагаемое Марром родство баскского с грузинским остается только верить, как в догмат, потому что нет сравнительных грамматик южнокавказских языков. Вся яфетидология, как убедительно показано в докладе Е. Д. Поливанова, построена на этимологиях, которые зиждятся только на звуковых сходствах. Напоминая азбучную истину компаративистики, Поливанов говорил: «Для убедительности нужны совпадения на основе звуковых соответствий, которые устанавливаются не в одном, а в целом ряде примеров. И притом не только, конечно, в звуковой стороне, но и в значении, и в употреблении, и в разных деталях, во внутренней форме, в словопроизводстве, в этимологических свойствах внутри языка и т. д.». Другими словами, Н. Я. Марр не владел методом этимологического анализа. Но самым «ужасным» в приемах Марра Поливанов считал произвольное деление слова, что позволяло ему объяснять все из всего.

Знаменитый пучок значений в сущности ничего нового не представляет: его можно найти в любой книге по семантике. Но у Марра пучки значений — «рука», «вода», «женщина» и т. д. — основываются исключительно на сомнительных совпадениях в форме.

Единственной сильной стороной яфетидологии является, как отметил докладчик, связь с материальной культурой. Но опять-таки нового в этом нет, ибо в индоевропеистике эта связь установлена давно. В яфетидологии же ее слишком много.

На примерах из книги «Чуваши-яфетиды на Волге» Е. Д. Поливанов показывал, как Марр не умел строить сравнительную фонетику даже тогда, когда для этого были все данные, т. е. в пределах южнокавказских языков. Он был не в состоянии выявить механизм и ход фонетической эволюции. В той же книге Марр в своем стремлении свести все и вся к четырем сходным комплексам доходит до абсурда, что позволило докладчику утверждать: «Яфетическая концепция и связанная с нею яфетическая терминология настолько наивны и в них столько путаницы, что это обнаруживает отсутствие фонетической выучки у автора».

Дело в том, что Н. Я. Марр действительно не имел

лингвистического образования. «Практическое изучение языков — это одно, а наука об эволюции языка — нечто совершенно другое. Можно быть изумительным полиглотом, но не знать ни аза ни по общему языкознанию, ни по истории какого-либо языка. Академическая степень дана Марру, конечно, не за знание лингвистических методов, а, прежде всего, за филологические работы»¹⁰⁸.

Почему же серьезные ученые не полемизируют с Марром? — задает вопрос докладчик. К Марру примыкают в основном представители других специальностей, поскольку марксистские выводы для них соблазнительны и поскольку они не в силах проверить их лингвистического фундамента.

Во второй части доклада Е. Д. Поливанов наметил предпосылки для создания марксистской лингвистической науки. Они были сформулированы им в виде следующих тезисов:

Путь создания марксистской лингвистики должен идти не из яфетической теории: надо объяснить с помощью марксистской методологии, на основе марксистских предпосылок те эпизоды и эпохи языковой жизни, фактический материал которых вне спора и подозрений. Вполне естественно, чтобы создаваемая дисциплина начала оперировать сначала с хорошо известным материалом и, только выковав всесторонне свои методы, пыталась бы переходить вглубь, к неизвестному.

... Элементарнейшее из методологии марксистской лингвистики сводится, по моему мнению, к следующему: язык должен изучаться как трудовая деятельность... но не индивидуальная, а коллективная... Отсюда вытекает, с одной стороны, законность социально-групповой (классовой и т. п.) диалектологии, с другой — необходимость изучать эволюцию [языка] в связи с эволюцией коллектива — носителя языка. [Связывать] требуется, разумеется, не только [с] культурой как таковой, но со всей совокупностью явлений экономического быта данного коллектива, прежде всего... с кооперативной деятельностью этого коллектива, обуславливающей как экстенсивность... так и интенсивность языкового общения как для всего данного коллектива, так и для группировок внутри него. Установление ... законосообразных связей между чертами из только что указанной области — экономической характеристики коллектива и языковыми фактами (точнее, фактами языковой эволюции.—Л. К.) — и явится той базой, от которой в даль-

нейшем можно будет приступить к новому материалу, уже зная пружины механизма языковой эволюции...

Методология марксистской лингвистики будет создаваться по мере роста самой марксистской лингвистики, но основные требования, которые марксистами могут и должны быть предъявляемы к любой из категорий лингвистических работ, могут быть сформулированы и сейчас...¹⁰⁹.

Е. Д. Поливанов в отличие от Н. Я. Марра призвал строить марксистское языкознание не на пустом месте, а на фактах и достижениях традиционного языкознания и с ориентацией на практические проблемы языкового строительства того времени. В частности, в вышедшем в конце 1928 г. «Введении в языкознание для востоковедных вузов» Е. Д. Поливанов впервые излагает методологию «социологической лингвистики» как дисциплины ближайшего будущего в советской и международной лингвистике (с. II). В эту дисциплину, наиболее приближающуюся к марксистской лингвистике, ученый включал учет причинных связей между языком и фактами экономическими, методологию описания языка в социально-групповом разрезе, социологическую диалектологию и т. д. Что касается сравнительно-исторического языкознания, то все его результаты, по мнению Поливанова, могут и должны быть использованы в советской марксистской лингвистике. Лишь такой раздел сравнительной грамматики, как «индоевропейские древности», нуждается в пересмотре с точки зрения социологической. Однако «правка» эта должна будет прийтись именно на неязыковые объяснения языковых фактов...¹¹⁰.

Таковы были лишь общие наброски марксистской лингвистики, которую мужественно отстаивал Е. Д. Поливанов от декларативных рассуждений и вульгаризаторских толкований сторонников «нового учения о языке», но которую ни ему, ни другим ученым его времени не суждено было привести в целостную систему.

Дискуссия по докладу Е. Д. Поливанова продолжалась в Комакадемии три дня — 4, 18 и 25 февраля. Выступили в ней более 30 человек, в основном неязыковеды или же «верные стражи материалистической лингвистики» Н. Я. Марра. Е. Д. Поливанов выступил еще дважды: в прениях 18 февраля и с заключительным словом 25 февраля.

Из выступлений надо бы отметить яркую защититель-

ную речь Григория Андреевича Ильинского, известного слависта-компаративиста, который, пожалуй, единственный среди присутствующих нашел в себе мужество занять принципиальную научную позицию. Он начал свое выступление со слов: «Не я галлюцинирую, но те, кто в яфетической теории видят не дикую фантазмагорию, а чудо науки, какой-то шедевр научного творчества. Тридцать лет я работаю на поле славянского языкознания. Но ... мне не случалось встречаться с теорией, которая была бы построена так опрометчиво и так легкомысленно... как яфетическая теория». Г. А. Ильинский, кратко и предельно четко суммировав недостатки Марра как лингвиста (отсутствие надлежащей эрудиции, крайне своеобразное отношение его к фактам языка, поразительная легкость, с которой Марр совершает открытия, и др.), пришел к выводу, что «яфетическая теория не представляет ничего стройного, ничего точного, ничего обоснованного» и что «в смысле правильности своего марксистского метода вызывает самые серьезные сомнения». Не заключая в себе никаких новых научных достижений, эта теория «представляет собою рецидив, возвращение к той младенческой эпохе языкознания, когда, по счастливому заявлению Вольтера, согласные значили мало, а гласные совсем ничего [не значили]».

После дискуссии все было разыграно, как по заранее подготовленному сценарию. В ход были пущены все средства, характерные для того, что потом было названо «аракчеевским режимом в языкознании». В ряде издательств и журналов было приостановлено печатание работ Е. Д. Поливанова; начались преследования, клевета: его стали причислять чуть ли не к врагам народа.

Для начала в газете «Вечерняя Москва» 1 марта 1929 г. в рубрике «Классовая борьба в науке» были опубликованы материалы диспута под громким названием «Кто травит академика Марра?» Мы приводим здесь материалы газеты почти целиком для того, чтобы нынешний читатель знал, в каких выражения велась дискуссия. Это необходимо сделать еще и потому, что у нас в руках ответ Евгения Дмитриевича на эти нападки газеты, посланный в свое время В. Б. Шкловскому с просьбой помочь опубликовать его в «Вечерней Москве».

«...Проф. Е. Д. Поливанов был выдвинут реакционной частью московской и ленинградской профессуры как некий таран против попыток внести в науку о языке принципы диалектического материа-

лизма. Сам Е. Д. Поливанов свою роль скромно усматривает в том, чтобы „с грустью [1] разоблачить своего собрата по науке“.

Коммунистическая академия посвятила вопросу о теории Н. Я. Марра три длинных вечера. Учитывая необходимость всесторонней критики так назыв. яфетического учения о языке и обнаружения отдельных ошибок, возможных в новой теории, Коммунистическая академия широко предоставила слово ее противникам, насколько не ограничивая их даже подобием регламента. И эти противники, действительно, широко использовали предоставленную им трибуну для того, чтобы ... облить грязью крупнейшего советского ученого и общественного деятеля, про которого тов. М. Н. Покровский как-то сказал, что его научные выводы „войдут в железный инвентарь марксистского понимания истории“, ученого, у которого за плечами 40 лет упорной научной работы, заслуги которого признаны крупнейшими языковедами. И все это только потому, что труды этого ученого привели его к кощунственным выводам: что человеческий язык развивается не по присущим ему внутренним, независимым законам, а является функцией общественно-хозяйственной жизни, что язык является продуктом трудовой деятельности человека, что он вырастает из трудового процесса и что, следовательно, язык должен изучаться в связи с историей общества, с историей материальной культуры и т. п.

Проф. Е. Д. Поливанов издевался над яфетической теорией, как над „покровительствуемой теорией“, к которой льнут все оппортунисты, умалчивая о том, что эта теория, по выражению тов. В. М. Фриче, еще „не занимает командной позиции в наших вузах, а, наоборот, с трудом пробивает стену обывательских сплетен и даже организованного противодействия; в наших вузах на 12-м году Октябрьской революции насчитывается всего 2—3 представителя материалистического учения о языке. Остальные кафедры — целиком в руках сторонников старого, схоластического языковедения“.

Отбросив прославленную „ученую корректность“ и „научную добросовестность“, проф. Поливанов не нашел ничего лучшего, как выдвинуть против акад. Марра всевозможные сплетни, почерпнутые за кулисами Академии наук, заверая, что он, академик Марр, — „невежда“ и „шарлатан“, что он „не имеет лингвистического образования“ и т. д. и т. п.

Профессор славяноведения I МГУ Ильинский, выступивший с исключительной по резкости декларацией, договорился до того, что объявил материалистическое языковедение Марра „вызовом здравому смыслу“, который может вызвать у ученых только „смех или ужас, смотря по темпераменту“.

Прибегали даже к подлогам. Проф. Поливанов победоносно указывал, что против Марра выступает французский коммунист-языковед проф. Марсель Коэн. Из оглашенной справки Исполкома Коминтерна, однако, оказалось, что в рядах французской компартии такого ученого ... не имеется¹¹¹.

В борьбе против акад. Марра создался своеобразный единый фронт, начинавшийся представителями схоластической профессуры и имеющий на своем левом фланге небезызвестного в свое время махиста П. Юшкевича.

Старик Столпнер, памятный дореволюционной общественности как завсегдатай питерского Религиозно-философского общества, и тот захотел тряхнуть стариной и записался в фалангу ораторов „против Марра“. Но, оглядев потухающим взором молодую аудиторию и не обнаружив среди смятых косовороток и потрепанных

толстовок ни митрополита Антония, ни даже Мережковского, Столпер грустно поник лысой головой, безнадежно махнул рукой... и не стал говорить.

В защиту акад. Марра выступили крупнейшие московские и ленинградские языковеды, специалисты по языкам кавказским, индоевропейским, японскому, семитическим, китайскому, персидскому, по языкам клинописным и т. д. и т. п. Из Ленинграда специально приехали для защиты учения Марра профессора Франк-Каменецкий, Державин... Мещанинов.

Что они говорили? Конечно, и у Марра есть ошибки. Всякая новая теория неизбежно обречена на погрешности в деталях. Акад. Марр сам первый признает эти ошибки. Кроме того, учение Марра не получило еще окончательного оформления, оно находится в процессе роста. От многих своих первоначальных предложений Марр отказался в ходе работы.

Противники Марра не смогли привести никаких принципиальных доводов против материалистического языковедения.

Каковы итоги трехдневного диспута? Научная репутация Марра,—заявил в своем заключительном слове тов. В. М. Фриче,—вышла из диспута незапятнанной. Яфетическая теория находит и будет находить все больше и больше сторонников.

Корректнейший В. М. Фриче мягко указал, что докладчик, выступавший в своей критике под флагом марксизма, имеет о нем „весьма слабое представление“. Более решительный на выражения тов. Охитович отметил, что „представление проф. Поливанова о марксизме — явно домоуправленческого характера“.

Разоблачая постоянные стремления проф. Поливанова прикрыть свою реакционную теорию марксистской фразеологией и во что бы то ни стало засвидетельствовать цитатами из Ленина и особенно из Сталина свою коммунистическую выдержанность, тов. Охитович огласил документ, из которого стало ясным, что неистовый критик яфетической теории, поучающий Коммунистическую академию, чтобы она была „прежде всего марксистской“, в своем прошлом является... членом монархического Союза русского народа.

Общественная подоплека кампании против акад. Н. Я. Марра стала для всех очевидной».

Оскорбительней для Е. Д. Поливанова ничего быть не могло. И он в начале марта 1929 г. пересылает В. Б. Шкловскому через Никитина-Олонецкого «Письмо в редакцию», текст которого здесь приводится:

В связи с заметкой 1 марта о моем докладе в Ком. Академии я считаю нужным указать, что решение выступить с докладом, посвященным критике фактического материала яфетической теории ак. Марра, было мною принято вполне единолично, без всякого содействия с чьей-либо стороны. Упоминание о моем черносотенстве действительно имело место в аргументах одного из моих оппонентов, хотя, как и было мною указано, я членом Союза русского народа не состоял. Это отрицали в свое время даже сами пасквилянты, травившие меня

в 1917 году на столбцах буржуазной печати за мою работу у большевиков. Цитирую, например, из Суворинской газеты «Вечернее время» за ноябрь 1917 года: «В Союзе русского народа, как и в Академической корпорации, г. Поливанов не состоял, хотя своего знакомства с черносотенцами не порывал и после окончания Университета»...

О том же (т. е. о моей непричастности к Союзу русского народа) мы найдем и в другом пасквиле того же периода, обвиняющем меня, с другой стороны, в связях с распутинцами. Добавлю, что председатель Академической корпорации был не я, а мой однофамилец или дальний родственник (математик или техник по специальности)¹¹².

Для полноты скажу, однако, что в определенный период, именно в 16—17-летнем возрасте, на первом курсе, мои политические взгляды были очень далеки от социал-демократических, и если их стоит определять, они могли быть названы сознательным аполитизмом: «Пусть каждый хорошо делает свое дело — это полезнее революции». И думаю, что я, поскольку об этом говорит оставление при Университете по трем кафедрам, делал свое дело хорошо. Какая, однако, может быть связь между этим периодом юношеской «переоценки ценностей» и докладом, прочитанным 22 года спустя, мне остается неясным. Разумеется, к большевизму я пришел постепенно, и уже во время войны, но думаю, что вряд ли мои коллеги припомнят с моей стороны хотя бы один акт или высказывание, к которым приложимо было бы понятие черносотенства. Скорее они припомнят, например, мое ходатайство о допущении евреев в императорское общество востоковедения — ходатайство, которое вряд ли могло бы исходить от члена Союза русского народа. Председателю собрания в Ком. Академии пришлось делать резюме по вопросам, не относящимся к его прямой специальности, и в связи с этим неизбежны были некоторые неточности. Я и не думал, например, исключать из задач лингвистики изучение языка революционной эпохи — тем более, что этот вопрос входит в мой индивидуальный план научной работы, а лишь указал на относительную сложность этой задачи. Считая себя марксистом постольку, поскольку мои выводы из языкового материала подтверждают основные положения диалектического материализма, я вовсе не ограничиваю, однако, задачу марксистского исследования

языка повторением аксиоматических положений; в частности, это относится к понятию языка как трудового процесса.

Должен всячески протестовать против попыток приписать моему докладу политическое значение протеста против обновления и ревизии традиционных методов лингвистики. Наоборот: пересмотру, как с идеологической, так и с фактической стороны, подлежит все, наследуемое советской наукой; и в этом пересмотре нет места ни «авторитарному мышлению», ни кваканью профанов¹¹³.

Насколько было важно это «Письмо в редакцию» для Е. Д. Поливанова, говорит посланное почти вслед письмо В. Б. Шкловскому, в котором оскорбленный ученый вносит поправки, хочет быть предельно точным и объективным, искренним и откровенным. Вот это письмо и поправки:

Дорогой Виктор Борисович!

Вы настоящий друг, и Вы не раз помогали мне. Только теперь мне нужна помощь не материальная, а моральная. Заверяю, однако, и умоляю не думать, что причиной моей протрации — газетная клевета и т. п. (наоборот, я был рад этому и бодр, и весел, и напряженно работал) — причина чисто физическая (то есть физиологическая) и о ней совсем особый разговор. А помочь Вы мне можете в том, что 1) поручить вместо меня кому-нибудь перепечатать на машинке то заявление (т. е. Письмо в Ред.), к-ое Вам передал Никитин-Олонцкий, в 5 экз-рах; 2) вставить в него те вставки, к-ые я прилагаю; 3) посоветуйте и посодействуйте, где поместить это заявление (т. е. Письмо в Ред.).

Простите, что я больше не пишу ничего. Устал.

Ваш Поливанов

I-я вставка (т. е. замена): После фразы: «Какая связь, однако... мне остается неясным»: «Со второго курса мое мировоззрение обусловлено всестороннейшим на меня влиянием моего учителя Бодуэна де Куртенэ — по убеждениям интернационалиста-радикала. Дальше идет: разумеется, к большевизму...» (здесь вычеркнуть слова: «к интернационализму и»...).

II-я вставка (после только что указанной фразы: «Разумеется, к большевизму... и уже во время войны») тут вставить в скобках: «(мои товарищи по заграничной

работе подтвердят, что мое отношение к империалистической войне было таково же, как и теперь, начиная с первого дня этой войны)».

Далее идет: «И во всяком случае, я уверен, что мои коллеги вряд ли припомнят хоть один акт или хоть одно высказывание»... И так далее.

III-я вставка (в вычеркнутую фразу, которая, однако, пусть и на машинке будет) после слов: «с распутицами».

Здесь вставить в скобках: «(связи эти, впрочем, существовали лишь благодаря географическим условиям и исчерпывались обычными „соседскими“ отношениями)»¹¹⁴.

Какую боль и оскорбление переживал в это время Е. Д. Поливанов, говорит такая приписка к письму:

Дорогой и единственный друг, простите меня, что я не пришел и теперь не даю комментариев и нагружаю Вас просьбами. С большим трудом я написал эти 2 стр. и больше писать не могу, мне очень больно.

Что же «страшного» было в докладе Е. Д. Поливанова «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория», с которым он выступил в подсекции Коммунистической академии 4 февраля 1929 г.?

Правда, и только правда, от которой Евгений Дмитриевич не отступал никогда.

Марристы приняли в штыки объективно справедливую критику их учения и пути создания марксистской лингвистики, которые предлагал Е. Д. Поливанов в своих выступлениях. Они старались подтасовывать факты, обвиняя ученого в нападении из-за угла.

Доклад Е. Д. Поливанова попал, как говорится, не в бровь, а в глаз. И злобные выпады против Е. Д. Поливанова продолжались в течение всего периода господства «нового учения о языке». Вот, например, как писала спустя двадцать лет после «поливановской» дискуссии В. А. Миханкова в биографической книге о Н. Я. Марре: «Когда весной 1929 г. Н. Я. выехал в заграничную командировку для продолжения чтения курса грузинского языка и занятий бретонским языком, противники нового учения о языке сочли момент благоприятным и организовали выступление ярого индоевропеиста проф. Поливанова. Доклад его, направленный против яфетической теории и якобы за марксистскую

лингвистику, встретил отпор научной общественности Москвы и Ленинграда»¹¹⁵.

Но ведь не только Е. Д. Поливанов, но и другие ученые, даже молодые, видели много абсурдного в «новом учении» Н. Я. Марра. Так, А. А. Реформатский писал: «С 1928 по 1930 г. Петр Саввич (Кузнецов — В. Л.) в аспирантуре. Для молодых ученых это было очень трудное время. Гуманитарным сектором РАНИОНа руководили представители вульгарного материализма (В. М. Фриче, В. Ф. Переверзев, М. Н. Покровский и в еще более шаржированной форме — Н. Я. Марр). Петру Саввичу как аспиранту пришлось работать в семинаре Марра. Об этом Петр Саввич пишет так: „Мое отношение от года к году менялось. В середине 20-х годов, читая работы Марра, я было увлекся его теориями (не в позднейшем их виде, а на стадии ‘третьего этнического элемента’), но беседа о Марре с М. Н. Петерсоном ... показала мне произвольность и бездоказательность многих его построений... Последние работы Марра, появившиеся около того времени, показались мне абсурдными!..“ Я сделал доклад о среднем роде в итальянских языках, и Марр изругал меня за индоевропеизм. Он кричал, что не может понять, как я, молодой человек, так погряз в рутине (или что-то в этом роде). Комментарии здесь излишни!»¹¹⁶.

«В результате этой неравной борьбы в 1930 г. из ряда издательств и журналов были изъяты печатавшиеся работы Поливанова, набор — рассыпан, а сам Поливанов после еще одной попытки противостоять напору марризма... подвергся „чистке“ и вынужден был уехать в Среднюю Азию»¹¹⁷. В 30-х годах «имени Поливанова ни на лекциях, ни на конференциях нигде не упоминали. Мне пришлось еще в годы аспирантуры работать на кафедре академика Мещанинова и быть на интересных заседаниях, где выступали и профессор Рифтин, и профессор Кацнельсон, и ни разу не удалось услышать о Поливанове. Однако память о нем, покинувшем тогда Ленинград, хранили многие востоковеды, библиотекари и технический персонал восточного кабинета филфака, восточной библиотеки, где в свое время провел много часов над восточными рукописями Поливанов, где он всегда неутомимо искал какой-то новый момент, новые ассоциации, в связи с тем громадным кругом вопросов, который волновал его» (Ю. Ю. Авалиани. — Из архива автора).

Мужество Е. Д. Поливанова в борьбе против марксистов особо отметил в своем выступлении в Самарканде в 1964 г. В. А. Каверин: «Разумеется, я знал о его борьбе против Марра, и мы все знали об этой борьбе. Здесь сегодня были изложены факты, говорящие о том, как последовательно и непримиримо Поливанов боролся. Но многие, особенно молодежь, присутствующая здесь, не могут даже вообразить себе всей сложности этой борьбы в тех условиях. Это, конечно, нужно было быть человеком огромной воли, огромной чести и огромной веры в советскую науку для того, чтобы действовать так, как действовал Поливанов. Чего греха таить, многие деформировались, согласились, отступили от своих научных убеждений. Поливанов этого не сделал» (В. А. Каверин.— Из архива автора).

В САМАРКАНДЕ

У Е. Д. Поливанова был особый интерес к Самарканду. Как уже отмечалось нами, во время пребывания в Ташкенте, с 1921 по 1926 г., он ежегодно приезжал в Самарканд, плодотворно работал там, читал лекции, делал доклады, занимался издательскими делами. Ведь после образования Узбекской ССР Самарканд стал столицей новой республики, где сосредоточились культурные учреждения, научные институты, издательства.

Этот интерес был обусловлен в первую очередь тем, что жизнь в Самарканде предоставляла большие возможности для записи и изучения многочисленных диалектов узбекского и таджикского языков.

Но, кроме всего прочего, Самарканд, по-видимому, привлекал Поливанова особым укладом жизни, экзотикой, величественными памятниками, древнейшей культурой и своим «возрастом» — ведь уже в начале нынешнего века городу было более 2400 лет.

В середине 1929 г. Поливанов переезжает в Самарканд и начинает работать в Узбекском государственном научно-исследовательском институте (с 1931 г. УзГНИИКС). В этом учреждении Евгений Дмитриевич сразу же включается в педагогическую и редакционную работу: преподает на курсах переподготовки учителей, занимается «туземно-еврейским» языком (языком бухарских евреев), создает программы по русскому языку для начальных школ, участвует в создании разного ро-

да учебников, читает корректуры своих материалов, печатавшихся в журнале «Научная жизнь».

В начале 1930 г. известный поэт и переводчик Г. А. Шенгели приглашает Евгения Дмитриевича на работу по совместительству в Высший педагогический институт, который был образован 22 января 1927 г. (с середины 1930 г. — Узбекская государственная педагогическая академия, затем УзГУ, СамГУ), где Поливанов читает курс общего языкознания (на узбекском языке), научную грамматику русского языка, руководит научно-исследовательской работой по проблемам общего языкознания.

В архиве Узбекской государственной педагогической академии сохранились списки научных работников. Из них видно, что Е. Д. Поливанов был принят на должность профессора кафедры языка и литературы в январе 1930 г. В списке же, составленном 20 июня 1931 г., он уже вычеркнут¹¹⁸. Значит, до 20 июня 1931 г. он уехал в Ташкент, где и работал до отъезда во Фрунзе в 1934 г.

Другие архивные документы сообщают, какую работу проводил каждый член кафедры языка и литературы Педагогической академии, которой руководил проф. А. Саади¹¹⁹. В протоколе 1 заседания кафедры языка и литературы от 1 января 1931 г. указано, что по линии языка руководство работой возлагается на профессора Е. Д. Поливанова, руководство по линии литературы — на заведующего кафедрой профессора А. Саади¹²⁰. В протоколе 2 заседания Президиума общественно-литературного факультета от 30 мая 1931 г. записано, что на будущий учебный год профессору Е. Д. Поливанову была определена такая нагрузка: по научной грамматике узбекского языка — 240 часов, по русскому и узбекскому языкам — 300 часов¹²¹. В протоколе 3 заседания кафедры языка и литературы Педагогической академии от 11 февраля 1931 г. профессору Е. Д. Поливанову поручается написание «Научной грамматики узбекского языка». Здесь же, на заседании кафедры, была обсуждена программа по научной грамматике узбекского языка, представленная Е. Д. Поливановым.

В протоколе указывается: «Программу принять. Просить т. Поливанова составить для издания пособие по научной грамматике узбекского языка, которое включить в план кафедры по составлению учебных руководств. При этом профессор Е. Д. Поливанов считает, что этот труд должен быть издан на русском языке, так как

это пособие, изданное на русском языке, может быть использовано за пределами Узбекистана. Составление же на узбекском языке затрудняет дело главным образом из-за отсутствия твердой терминологии»¹²².

Эта программа полностью сохранилась и находится в Самаркандском областном государственном архиве¹²³. Программа написана на пожелтевших плотных листах из блокнота. Начало, т. е. первые две страницы, написано бисерным почерком фиолетовыми чернилами. Остальные странички — зелеными... В конце — дата и собственноручная подпись Е. Д. Поливанова. Дата соответствует протоколу заседания кафедры языка и литературы от 11 февраля 1931 г., на котором обсуждалась данная программа.

Программа — важное свидетельство характера научной деятельности Е. Д. Поливанова — теоретика и практика, и мы ее приводим здесь полностью, с сохранением особенностей поливановских сокращений.

ПРОГРАММА КУРСА НАУЧНОЙ ГРАММАТИКИ УЗБ. ЯЗЫКА

Раздел 1

Социологическое определение языка. Зависимость между социальным субстратом (= коллективом-носителем) языка и языком. Диалект и говор, экономические условия их существования.

Экономическая характеристика узб. нац. коллектива и соответствующее определение узбекского языка. Почему существуют узбекские диалекты и говоры. Основное деление узб. говоров на группы.

Раздел 2

Понятие «турецких языков» ... Их отношения к другим группам (семьям) языков. Перечень крупнейших турецких языков. Их деление на группы. Принадлежность узб. диалектов к разным группам турецких языков. Историко-экономические причины этого.

Раздел 3

Определение узбекского литературного языка. Вокализм разных узб. диалектов и узб. лит. языка. Консонантизм разных узб. диалектов и узб. лит. языка.

Анализ соотношений между фонет. составом узб. лит. языка и графиками «реформицы» (= узб. мусульманский] алф. 1923 г.) и «латиницы» (узб. НТА).

Раздел 4

Общее определение сингармонизма. Основной признак сингармонистического языка (или говора). Сопровождающие его явления.

Различие между лингвальным и лабиальным сингармонизмом. Обзор сингармонистических чередований в узб. лит. языке и узб. диалектах. Сингармонизм как основной морфологический принцип узб. литературного языка.

Раздел 5

Акцентуация и сингармонизм как два признака единства слова в сингармонистических говорах узб. языка.

Различие между русской и узбекской акцентуациями.

Раздел 6

Определение морфологии. Понятие «частей речи». Две главные части речи (изменяемых слов) в узб. языке: имя и глагол.

Определение имени.

Определение глагола.

Раздел 7

Четыре парадигмы именного словоизменения: 1. множ. число, 2. склонение, 3. образование лично-притяжательных форм, 4. спряжение имен.

Образование множ. числа. Склонение. Число падежей в лит. узб. языке (8), в Ташк. говоре (7), в Самарк. говоре (6).

Раздел 8

Различие между функциями узбекского бессуффиксального и русского именительного падежей. Обзор функций и формальная характеристика остальных падежей (7).

Раздел 9

Формы с лично-притяжательными суффиксами. Спряжение имен.

Раздел 10

Обзор форм, характерных для подклассов имен: прилагательных (напр., ф. усилительной степени), числительных (порядковые числительные). Особенности формообразования местоимений.

Раздел 11

Деление глагольных форм. Деление форм ... — Презенциальные и претеритальные окончания.

Раздел 12

Формы с претеритальными суффиксами.

Раздел 13

Формы с презенциальными суффиксами. Генезис форм наст. времени. Особенности значения этой формы.

Раздел 14

Отглагольные имена (инфинитивы, причастия и т. д.).

Раздел 15

Сложные времена ... и т. д.

[[Проф. Поливанов 19 $\frac{11}{11}$ 31]]

В календарном плане научно-исследовательской работы сотрудников кафедры языка и литературы Педагогической академии на 1931 г. также значится «Научная грамматика узбекского языка» Е. Д. Поливанова объемом 10 п. л. Срок выполнения этой работы — март 1933 г. В примечании сказано: «Частично выполнена»¹²⁴.

Попытаемся установить, какие научные работы еще написал или начал писать, или готовил к изданию По-

ливанов, живя в Самарканде, т. е. с середины 1929 г. до июня 1931 г.

Известна вполне законченная монография «Систематический курс русского языка в сопоставлении с узбекским языком», по поводу которой проректор Педагогической академии проф. Левентуев обращался с официальным письмом в УзГИЗ с просьбой ускорить выход этой важной книги ¹²⁵.

Но эта монография как опубликованная нигде не описана, зато мы знаем, что в Ташкенте в 1933 г. вышла книга Е. Д. Поливанова «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком». Не она ли это?

Подтверждаются документами еще три работы, написанные совместно с Б. И. Виноградовым (о них уже шла речь).

Безоговорочно следует отнести к работам, написанным Е. Д. Поливановым в Самарканде, и статью «Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка», опубликованную в Ташкенте в 1933 г. в «Трудах Хорезмской экспедиции». Эта экспедиция, как известно, состоялась в 1930 г., и одним из руководителей ее был Евгений Дмитриевич, который вскоре, по-видимому, после возвращения написал статью, а опубликована она была позднее.

Нам кажется, что и работа «Узбекский и таджикский говоры города Самарканда» (с приложениями), упомянутая А. А. Леонтьевым, также написана в Самарканде. По-видимому, в Самарканде была закончена его книга «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык», изданная в Ташкенте в 1933 г.

Известно, что Е. Д. Поливанов постоянно и много занимался диалектами и говорами узбекского языка. О работах его в этой области свидетельствует протокол объединенного заседания секции лингвистики, литературы и этнографии УзГНИИ, на котором присутствовал А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс, Л. В. Шерба и другие филологи, прибывшие в Самарканд в связи с подготовкой комплексной экспедиции Института народов Востока ¹²⁶.

Как теперь стало известно, именно в Самарканде Е. Д. Поливанов заканчивал составление большого (объемом 15—17 а. л.) «Диалектологического словаря узбекского языка». Об этом он писал акад. А. Н. Самойловичу в Ленинград, в Туркологический кабинет АН СССР из Самарканда 29 октября 1930 г.:

...Довожу до сведения Вашего и Турк-кого к-та Ак. Наук, что составляемый и пополняемый мною все время «Диалектологический словарь узб. языка» возможно было бы печатать уже в том же объеме, какой он сейчас имеет (это не помешает потом издать пополнения к нему по ряду новых говоров). Если бы Турк. к-т согласился взять на себя издание этого словаря, я с удовольствием привел бы его в годный для набора вид, только одна маленькая подробность: эту работу (Диалект. словарь узб. яз.) в отличие от всех прочих работ я просил бы рассматривать не как бесплатную, а как платную работу (т. е. связанную с уплатой мне некоторого, небольшого гонорара); — это потому, что мне пришлось оплачивать объектов и придется, без сомнения, оплачивать еще, так как по некоторым говорам, подготавливая к печати, я произведу проверку записанных слов (в виде нормы, каждая форма записана бывает не менее чем от 5 представителей говора). Объем Словаря в наст. время — приблизительно от 15 до 17 листов¹²⁷.

В этом же письме Е. Д. Поливанов спрашивает А. Н. Самойловича:

Можно ли рассчитывать на напечатание в изданиях Ак. Наук краткого очерка «Грамматики самаркандского говора тадж. языка»?

Примерно в это же время в письме В. Б. Шкловскому он пишет:

У меня скоро выйдет (кроме сб-ка в «Федерации») Кит. гр-ка, Рус. грамматика для узбеков (но на рус. яз.). Казахск. яз. среди языков мира — на казах. яз. и несколько книг на узбекском языке¹²⁸.

Наконец, как рассматривать работы Евгения Дмитриевича, которые были опубликованы в 1930—1931 гг. в московских издательствах? Конечно, мы не вправе утверждать, что они писались автором в Самарканде, но некоторые из них, быть может, он или заканчивал в Самарканде, или дополнял, или читал корректуры. Это статьи в «Литературную энциклопедию» — «Албанский язык», «Аллитерация», «Акцентуация», «Армянская литература», «Абхазская литература», «Корейский язык», статья в БСЭ — «Японский язык» и «За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей» (М., 1931).

САМАРКАНДСКАЯ АНКЕТА

В Самаркандском областном Государственном архиве¹²⁹ сохранился документ, наиболее полно характеризующий жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова со дня рождения до 14 апреля 1931 г. Это — «Ведомственная анкета Наркомпроса Узбекской ССР», состоящая из 46 вопросов и заполненная лично автором. Более полной «самохарактеристики», если, конечно, не считать утраченного доклада Е. Д. Поливанова в Ташкенте в 1933 г., не имеется ни в одном архивном учреждении страны, поэтому целесообразно привести все пункты анкеты, всесторонне характеризующие этапные периоды жизни и деятельности крупнейшего лингвиста советской эпохи.

Надо сказать и о том, что множество вопросов анкеты — это дань времени, однако они помогают нам сегодня установить некоторые подробности из жизни Е. Д. Поливанова, так необходимые для описания его личных качеств и даже характера, ибо ответы на них — чисто «поливановские». Ведь анкета заполнялась в то время, когда сторонники «нового учения о языке» продолжали травить Е. Д. Поливанова, их злобные выступления в центре горьким эхом отдавались в далеком Самарканде.

Травля Е. Д. Поливанова была беспощадной и порой просто выбивала его из колен. «Стоило упомянуть имя Марра, как лицо Е. Д. искажала болезненная гримаса, он жалобно говорил: „Не надо... Пожалуйста, не надо“, — и загоразживался выставленной вперед рукой» (М. С. Кардашев. — Из архива автора).

На одном из заседаний Самаркандской «поливановской» конференции председательствующий, проф. В. М. Никитин (Рязань), показывая залу сборник статей «Против буржуазной контрабанды в языкознании», сказал: «Смотрите, с каким страшным названием. В числе контрабандистов в этом сборнике фигурировал проф. Поливанов. Но дело в том, что этот сборник был большим недоразумением в нашей лингвистической издательской деятельности. Лет через десять я встречался с авторами этого сборника, которые говорили, что они-де уже давно отреклись от этого сборника, со страхом вспоминают, что являлись его участниками. И более того, оказывается, что большая часть авторов этого сборника были тогда студентами 3—4-го курсов.

Я не хотел бы вспоминать, но должен сказать, что один из авторов учился со мною на 3-м курсе и под давлением противников Поливанова написал две статьи против буржуазной контрабанды в языкознании.

До сих пор я рассматриваю этот сборник как удар ножом в сердце проф. Поливанова, как кульминационную точку в его травле, и, может быть, во многом дальнейшая судьба его определилась этими выступлениями в сборнике против буржуазной контрабанды в языкознании. Но, я еще раз повторяю, что все авторы этого сборника давным-давно отреклись и считают это заблуждением и политической ошибкой, что, безусловно, важно учесть нам на этой конференции» (В. М. Никитин.— Из архива автора).

Именно поэтому, как нам кажется, на некоторые вопросы анкеты Е. Д. Поливанов отвечает с сарказмом, на некоторые — совсем не отвечает, как бы опасаясь упомянуть свои заслуги в науке, перечислить главнейшие труды, подтвердить документами, как этого требует анкета, отдельные виды деятельности.

Анкета состоит из двух больших листов — размер 22×35 см. С левой стороны следуют пагинация страниц и вопросы на русском языке, справа — то же самое и вопросы на узбекском языке; даны они в арабской графике и здесь не приводятся. Анкета напечатана типографским способом. Бумага белая, достаточно плотная.

Пункты с 42-го по 46-й заполняются специально педагогическим советом. Заполняющий расписывается дважды — после 41-го пункта и в конце.

В анкете остались незаполненными пункты: 1, 2, 3, 25, 27, 30, 32, 33, 44, 45, 46. Не приводится перечень документов, подтверждающих анкетные данные.

Анкета заполнена красными и бледно-зелеными чернилами. Даже здесь проявилась привычка истинного ученого: выделять основные моменты, разнообразить написанное — ответы на трафаретные вопросы — графически, зрительно (кстати, разные чернила он использовал и в научных работах). Например, красными чернилами написаны ответы на вопросы 23, 24, относящиеся к членству партии и членству в рабочем профсоюзе. Красными чернилами заполнены графы с ответами на вопросы 4, 5, 6, 7, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22; остальные — бледно-зелеными.

А вот и сама анкета.

ВЕДОМСТВЕННАЯ АНКЕТА НАРКОМПРОСА УзССР № ...¹³⁰
ФАМИЛИЯ ... ПОЛИВАНОВ

1. Область
2. Уезд
3. Район (волость)
4. Учреждение — *Пед. Академия.*
5. Занимаемая должность — *профессор.*
6. Фамилия — *Поливанов.*
7. Имя и отчество — *Евгений Дмитриевич.*
8. Год, месяц, число рождения — *28 февраля 1892 г.*¹³¹
9. Место рождения — *г. Смоленск.*
10. Пол — *М.*
11. Национальность — *рус.*
12. Родной язык — *рус.*
13. Какими языками владеет, кроме родного (устно и письменно) — *франц., нем., японск., кит., узбекск., англ. и нек. др.*
14. Социальное происхождение (прежнее звание) — *сын потомственного дворянина (отец — железнодорожник в теч. 36 лет, 5 лет служил на военной службе, умер в 1918 г.).*
15. Семейное положение (холост, женат, разведен, девица, замужняя и т. д.) — *женат.*
16. Число членов семьи (не включая самого себя) — *1 (жена).*
17. Образование — *высшее.*
Общее (укажите наименование учебного заведения, когда и где окончили) — *гимназия (в г. Риге, ок. в 1908 г.).*
Специальное ... (укажите какое, где и когда закончили) — *Восточная Академия в Петербурге, ок. в 1911.*
Высшее — *университет (Петерб.) — Ист.-фил. и восточные фак-ты ок. 1912.*
Какие педкурсы, специальные подготовительные учебные заведения окончили, где и когда
18. Проходили ли переподготовку, сколько раз, когда и где
19. Ваша основная профессия (если работаете не по профессии, то укажите почему, если преподаете, то укажите в каких классах и по каким предметам) — *лингвист, преподаватель общего и сравн. языкознания и вост. языков.*
20. Практический стаж Вашей работы по основной профессии — *с 1 — 1915 (приват-доцентом), с 1920 — профессором Петрогр. Ун-та).*
21. С какого времени работаете по занимаемой Вами должности вообще — *с 1915, профессором с 1920*¹³².
А, в частности, в данном учреждении — с XII — 1930.
22. Перерывы в Вашей работе и причины их — *конец 1917 и начало 1918 года ввиду исполнения обязанностей Уполномоченного Наркома (Зам. Наркома).*
23. Основание поступления в данное учреждение (по заявлению, приглашению и проч.) — *по приглашению.*
24. Ваша партийная принадлежность и стаж (укажите, состояли ли ранее в партиях, в каких и когда), № партбилета — *с 1919 по 1926 состоял чл. ВКП(б), № 360.054, выбыл с правом обратного поступления ввиду отъезда на Д. Восток в 1926 году*¹³³.
25. Состоите ли членом профсоюза, какого и с какого времени, № чл.

- билета — с 1921 состоял чл. Раб. Прос., в 1931 подал (в УзГНИИ) заявление об обратном приеме.
25. В каких союзах состояли до вступления в данный союз ...
 26. Служили ли в армии, где и когда и какую занимали должность — *Работал в Политотделе Балфлота и 9 Армии (в 1920 и смежных годах).*
 27. Состояли ли под судом и следствием, когда и за что, каков приговор суда
 28. Какую вели партийную и общественную работу до революции и подвергались [ли] за нее репрессиям и каким — *репрессии в 1917 году со стороны акад. среды за «участие в большевистском правительстве» (под этой мотивировкой был исключен из 2 научных обществ и т. д.). Психоневрорепрессией может рассматриваться и арест (в 1915) за антимилитаристическую (квалифицированную как германофильскую) пропаганду за границей*¹³⁴.
 29. Были ли за границей, где, когда — *в Японии и в др. странах Д. Востока 1914, 1915, 1916*¹³⁵.
 30. Какие местности СССР знаете хорошо
 31. Ваше имущественное положение до революции и после — *во время студенчества существовал на стипендию, потом исключительно на свой заработок. Имущества никогда не имел.*
 32. Пользуетесь ли наемным трудом — *Нет.*
 33. Ваша выборная работа по партийной, советской и союзным линиям
 34. Имеете ли научные труды, какие и год их издания — *свыше 100 научных работ (из них свыше 20 отдельных изданий) 1913—1931.*
 35. Принимаете ли участие в периодической печати, в каком органе и по каким вопросам — *в «Культуре и письменности Востока» и в ряде научных журналов.*
 36. Какую имеете работу, кроме основной — *только лит-ную (преподаю же, кроме Академии, в УзГНИИ и в 1 группе узб. языка).*
 37. Оплата труда в данном учреждении — *47 или 48 р. в полмесяца.*
 38. Имеете ли побочный заработок, по какой работе и сколько ... ответ — *450+90*¹³⁶.
 39. Состояние Вашего здоровья — *инвалид.*
 40. Укажите подробно Вашу работу:

Когда	Где	Характер работы
-------	-----	-----------------

До Октябрьской революции

<i>С 1912 по 1915</i>	<i>в част. гимн., в Университете</i>	<i>преп-ль рус., франц., лат. языков. Оставлен при Ун-те для подготов- ки к профессуре</i>
<i>с 1915 по 1920</i>	<i>в Ун-те</i>	<i>Приват-доцент (факультет вост. языков)</i>
<i>с 1914 по 1917</i>	<i>Высш. педаг. курсы новых языков</i>	<i>преп-ль</i>
<i>с 1914 по 1917</i>	<i>Курсы учителей глухонемых</i>	<i>преп-ль</i>

Когда	Где	Характер работы
После Октябрьской революции		
с 25/X—1917 по II—1918	в Л-де	уполномоченный Наркома (Замнаркома)
с 1918 по 1920	Инф. бюро при Коминтерне	Зав. Вост. Отделом
с 1919 по 1921	Петрогр. к-т ВКП(б)	Организатор китайской Коммунистической секции
с 1920 по 1921	Ин-т живых Вост. языков	Профессор (яп. языка) и организатор первой Ком. ячейки Ин-та
с 1917 по 1921	Петрогр. Ун-т	приват-доцент, потом профессор
с 1921 по сент.	Москва ИККИ, а также КУТВ	Зам. Зав. Дальневосточ. отделом Коминтерна, Зав. сектором КУТВ
с 1921 по 1923	Ташкент, НКПрос	Зам. Пред. ГУСа Туркестанской Респ-ки
с 1921 по 1926	Ташкент, Университет (САГУ) и Вост. Ин-т	Профессор
с 1926 по 1930	Москва, РАНИОН, Ком. Ун-т труд. Востока	Пред-ль лингв. отдела Ин-та яз. и лит-ры.

41. Ваш домашний адрес — ... 59 ... ¹³⁷.

14 апреля 1931 г.

Подпись заполнявшего — *Евг. Поливанов.*

Заполняется специально педагогическим персоналом

1.
2.
3.
4.
5.

Дополнение к анкете №

Заполняется специально педагогическим персоналом

42. Считаете ли Вы целесообразным использование Вас по занимаемой Вами работе и к какой работе чувствуете склонность... — да; к научно-лит. работе и к работе в изд. аппарате, с которой я хорошо знаком.
43. Читаете ли периодическую литературу по Народному образованию (укажите какую и на каких языках)... — на нем., франц.
44. С какими новейшими методами преподавания знакомы ¹³⁸...
45. Принимаете ли участие в работе Политпросвета и в какой степени
46. При поступлении на работу подвергались ли испытанию и последнее заключение экспертизы

Краткая автобиография

Сын железнодорожника и матери-писательницы, участницы освобод. движения (о ней в «Историч. Вестнике» за 1910, кажется, год). По окончании гимназии поступил в Ун-т и одновременно в Восточ. Академию (окончил их в 1911 и 1912 г.). Получил предложения остаться при Ун-те для приготовления к профессуре по кафедрам: 1) русской лит-ры; 2) сравн. языкознания; 3) тибетского языка. Избрал сравнительное языкознание, в 1914 году закончил магистрский экзамен и с 1—1915 года стал приват-доцентом (по японск. языку и затем по сравн. языкознанию). В 1917 принимал участие в политработе еще до Окт. Рев-ции (в Совете крестьянских Депутатов, где в Бюро Печати был одним из двух всего имевшихся там интернационалистов), печатался в «Новой жизни» Горького. С Октябрьской революции (с самого первого дня ее) стал на работу Советской власти. Среди всего состава проф-ры Петер. ун-та стали на сторону Сов. власти только двое: проф. Рейснер и я. С тех пор работаю по специальности и в разных должностях по практической работе.

Подпись ... Е. Поливанов

Нам известны и другие краткие автобиографии Поливанова, например 1925 г., написанная во время работы в САГУ.

Краткая биография ташкентского периода спокойно и последовательно излагает отдельные периоды жизни и работы Е. Д. Поливанова с 1908 (о родителях — ни слова) по 1925 г., причем больше говорится о научной и преподавательской работе.

В краткой биографии самаркандского периода большее внимание обращается на революционную и политическую работу, причем впервые излагаются такие факты, которые ранее были неизвестны и стали яркими страницами деятельности Е. Д. Поливанова и его семьи и вошли в его научную биографию. Мать — участница освободительного движения. Сам он еще до Октября принимал участие в политработе, в Совете крестьянских депутатов, печатался в «Новой жизни» Горького, с первого дня Октября «стал на работу Советской власти» и т. д. И это неспроста. Не потому ли, что он эти факты упустил ранее, при заполнении анкеты, и хотел особо подчеркнуть теперь, находясь в опале, свои революционные заслуги?

На Самаркандской «поливановской» конференции 1964 г. выступили с воспоминаниями о Е. Д. Поливанове самаркандцы, знавшие ученого во время его пребывания в Самарканде. Эти воспоминания, теперь уже ставшие уникальными, ибо людей, которые знали Е. Д. Поливанова во время его жизни в Самарканде, в живых уже нет, дополняют его жизнь и деятельность ценными свидетельствами.

Вот, например, что рассказал на конференции простой дехканин Махмуд Хаджимурадов, во дворе которого Е. Д. Поливанов жил две недели:

«Однажды в наш кишлак приехали на фаэтоне четыре человека. Кишлак назывался Казакнайманский. Мы приняли их в мехмонхоне¹³⁹. Профессор Гази Алимов просил товарищей, чтобы они оказали помощь гостю, которого он называл „профессор Поливанов“. Он сказал, что профессор останется здесь дней на 20 и ознакомится с положением населения Казакнайманского кишлака.

Он подобрал из числа стариков и молодежи людей, которых пригласил в мехмонхону, и стал расспрашивать. Оказывается, он хотел ознакомиться не с их положением, а с их языком, говором.

Профессор Поливанов был очень скромным человеком, на нем была рваная шинель, он относился к населению кишлака очень просто. Он посещал наш кишлак не только в те 15 дней, когда в первый раз приехал к нам и жил у меня во дворе. Он продолжал исследование местного говора Казакнайманского кишлака и дальше, в течение трех лет посещал кишлак.

Профессор Поливанов по характеру был очень вежливым и обращался к людям мягко. Он брал с собой вещевой мешок. Там были печенье, конфеты, виноград. И когда встречал по дороге подростков и детей, угощал их. Он не был похож ни на администратора, ни на директора, ни на крупного ученого.

Казакнайманский кишлак славился виноградарством. Из выращиваемого здесь винограда готовили мусаллас¹⁴⁰. Когда профессор приехал к нам, мы хотели угостить его вином. Он сначала отказался, но потом выпил чуть-чуть, чтобы не обидеть нас.

Профессор Поливанов хорошо знал арабскую письменность, читал тексты на различных языках и говорах

и даже читал книги, напечатанные арабским шрифтом на турецком языке. Часто приходил к мечети и беседовал с муэдзинами, которые криком приглашали людей к намазу. Он даже делал замечания муллам, что у них в текстах на арабском имеется много ошибок.

Профессор Поливанов не только вел записи разговоров жителей Казакнайманского кишлака, но одновременно делал и рисунки. Ему в этом деле помогал художник Шакиров. Он рисовал отдельные характерные моменты из жизни Казакнайманского кишлака» (М. Х. Хаджимурадов.— Из архива автора).

На конференции Хаджимурадову был задан ряд вопросов.

— Где в Самарканде жил профессор Поливанов?

— Он жил в западной части Комсомольского озера, на улице, которой сейчас нет. Я забыл, как называлась эта улица. Я два-три раза бывал у него...

— Скажите, насколько хорошо Поливанов владел узбекским языком?

— Узбекский язык профессор Поливанов знал в совершенстве.

Некоторые сведения передал мне Фахриддин Мааруфи, заведовавший тогда отделом рукописей фундаментальной библиотеки СамГУ:

«Е. Д. Поливанов — среднего роста, худощав, лицо уставшее. За собой и своей одеждой не особенно следил. Тетради и книжки носил с собой, завернутыми в бумагу или в газету. Дружил с местным населением.

Я с ним познакомился в конце 1926 г. Познакомили нас в редакции газеты „Зарафшан“ (ныне областная газета „Ленинский путь“) узбекские поэты Назрулла и Хамид Маджиди.

Он жил в старом городе, недалеко от винзавода № 2, в квартале Кулолон. В этом квартале находилась мечеть, а в мечети — жилые помещения — худжра¹⁴¹. В одной такой худжре жил Поливанов, очень просто, обстановки у него не было никакой. Мне приходилось с моими товарищами несколько раз быть у него дома. Он интересовался литературой и языком. Особенно его интересовало происхождение диалектов Джизака, Ургута, Самарканда, Каттакургана.

Я познакомил Поливанова с молодым поэтом Хамидом Алимджаном из Джизака. Поливанову очень хотелось определить отличия между названными выше диалектами узбекского языка. Он расспрашивал Хами

да Алимджана из Джизака, Хамида Маджиди из Каттакурмана, литсотрудника газеты Абдулвахаба Шукурова из Ургута, Бекташа Назруллу из Самарканда и меня» (Ф. Мааруфи.— Из архива автора).

ОПЯТЬ В ТАШКЕНТЕ

Но не только ярые марристы из центра обливали Е. Д. Поливанова грязью и все делали для того, чтобы полностью изолировать его от науки, лишить возможности публиковаться. Накалялась обстановка и в Ташкенте, в УзГНИИ. Сохранился документ, ясно показывающий положение Е. Д. Поливанова: «Научные работники и аспиранты кабинета осуждают последнее выступление проф. Поливанова в печати (имеется в виду его книга „За марксистское языкознание“.— В. Л.) и отмежевываются от него. Если проф. Поливанов будет стоять на той же (т. е. прежней) точке зрения — считать его дальнейшее пребывание в кабинете вредным. Предложить проф. Юнусову написать доклад в УзГНИИ 2 июля на тему: „Марксистская лингвистика“ и „поливановщина“» (Из архива С. И. Зинина).

А вот что писал о том времени П. А. Данилов: «В 1931 г. я работал секретарем педфака (организованного на базе востфака САГУ в 1930 г.). И вот в конце августа часов в двенадцать дня к моему столу подошел Е. Д. Поливанов в своей обычной для него полусклоненной позе. Под мышкой он держал большую связку толстых папок и книг. Ко мне он обратился, сначала отрекомендовавшись профессором Поливановым, с вопросом, не может ли он рассчитывать на чтение каких-либо курсов на нашем факультете. Я не смог тогда направить Евгения Дмитриевича к декану, так как в это время декана, профессора Яроцкого, в деканате не было. Евгений Дмитриевич предложил мне взять папки с его трудами, чтобы показать их декану. Но я сказал профессору Поливанову, что в этом нет нужды, так как имя профессора Поливанова широко известно. Взять его работы я не решился еще и потому, что боялся за их сохранность: шли упорные слухи о новой реорганизации нашего факультета в особый институт. И действительно, через несколько месяцев весь наш факультет и значительная часть его библиотеки (бывшей библиотеки востфака) были переданы Таджикистану и перевезены

в Душанбе. Теперь я очень жалею, что не взял тогда у Евгения Дмитриевича эти папки, так как, может быть, я сумел бы как-нибудь сохранить их до наших дней. Когда я на другой день передал содержание беседы с Поливановым и его просьбу о работе на нашем факультете декану, то профессор Яроцкий очень резко ответил: „Что Вы сами разве не знаете об антимарксистских взглядах проф. Поливанова? О работе его на нашем факультете, конечно, и речи быть не может...“

... Профессор Поливанов за ответом не пришел. Он или сам догадался о нем, или кто-либо другой сообщил ему о мнении профессора Яроцкого. Меня эта встреча с Поливановым и ответ проф. Яроцкого сильно взволновали и запомнились на всю жизнь. Видеть большого ученого в столь унижительном и безвыходном положении было очень тяжело» (П. А. Данилов.— Из архива автора).

Но и в таких невыносимых условиях Е. Д. Поливанов работал исключительно много. Сохранились отчетные данные о выполнении плана научной продукции сотрудников кабинета лингвистики УзГНИИКС за 1932 г. Против фамилии Поливанова стоит цифра: «120%».

Конечно, только ясное осознание своего долга, постоянная увлеченность наукой, особой силы работоспособность позволяли ему продолжать научную деятельность. Он сам говорил:

... Я занят научной работой (включая чтение корректур) не менее десяти часов в сутки (регулярно с пяти-шести часов вечера до поздней ночи) ¹⁴².

Но ведь с утра и до четырех часов тоже не было отдыха — чтение курсов, работа в библиотеках и издательствах, записывание местных говоров...

В эти годы им написаны, например, такие важнейшие работы: «Материалы по морфологии узбекского языка» (6 п. л.), «Научная грамматика узбекского языка», «Морфологические особенности опорных говоров узбекского языка» (совместно с Батмановым, 3 п. л.), «Вопросы синтаксиса туземно-еврейского языка» (6 п. л.), «Ферганский говор туземно-еврейского языка» (3 п. л.), «Генезис туземно-еврейского языка», «Туземно-еврейская грамматика», «Арабский живой язык (в окрестностях г. Бухары)», «Мутационные изменения в звуковой истории языка» ¹⁴³, «Говор ферганских кыпчаков», «Генезис иранизированных узбекских говоров», «Образцы фонетических систем современного уйгурско-

го языка», «Сборник фонетических записей по опорным говорам» (5 п. л.), «Умлаутные говоры узбекского языка», брошюра «Методология и методика изучения современных классовых диалектов», учебник «Курс социологического языковедения» и др. К сожалению, большинство этих работ Е. Д. Поливанова не увидело света — пока не найдены и не учтены в библиографиях.

Не перестаю удивляться, откуда у Евгения Дмитриевича брались силы и энергия, чтобы не только выполнить всю указанную работу, но еще и выезжать в селения и даже в другие области для сбора материала. Вот одно из таких свидетельств:

«В 1930—1933 гг. я был сотрудником Ферганского госпединститута и жил в общежитии. Во дворе в приземистом домике помещалась прачечная. Рядом с прачечной стояла старенькая койка со старым ватным одеялом и подушкой. Я долгое время думал, что на этой койке спит сторож. Каждый вечер сюда приходил и ночевал какой-то человек в потрепанном черном костюме и в тюбетейке розового цвета. В этой тюбетейке он приносил персики и ел их, сидя на койке. Человек этот был среднего роста, худощав, с темной шевелюрой. Левая рука у него почти не действовала.

Однажды директор института, примерно в сентябре 1931 г., вызвал меня к себе и предложил сопровождать в Маргелан профессора Поливанова, который изучал местные говоры. Директор тут же познакомил меня с профессором. Он оказался тем самым человеком, которого я много раз видел во дворе общежития и которого я принял за сторожа.

Я не раз сопровождал профессора Поливанова в Маргелан. Мы ездили туда на автобусе, а иногда ходили и пешком. В Маргелане мы бывали в чайханах и на базарах. Он беседовал с узбеками, слушал их внимательно, а записывал очень мало — на маленьких листочках бумаги. Сначала местные жители принимали его за дервиша, а потом поняли, что это ученый человек и относились к нему с большим уважением. Они охотно беседовали с профессором Поливановым и отвечали на все его вопросы. Когда мы возвращались из поездок, он подробно восстанавливал те беседы, которые вел с маргеланскими узбеками, отмечая все особенности их произношения» (М. А. Акбаров.— Из архива автора).

Но ученый чувствовал себя неуютно в Ташкенте,

встречая постоянно косые взгляды и недоброжелательность своих коллег, стоявших на позициях «нового учения о языке» Н. Я. Марра. И Е. Д. Поливанов осенью 1934 г. переезжает во Фрунзе, оставляя за собой право чтения курсов в Ташкенте. Потом УзГНИИКС издает такой приказ: «С 1 декабря 1934 года действительного члена института т. Е. Д. Поливанова полагать сотрудником по совместительству с половинным окладом и предоставлением ему права выполнения работ вне г. Ташкента». По-видимому, это совместительство продолжалось и в 1935 г., так как в книге приказов по УзГНИИКСу за 1935 г. (это последняя запись о Поливанове) читаем: «... Проф. Е. Д. Поливанова с 1 июля по 1 сентября 1935 г. полагать в отпуске»¹⁴⁴.

Но и на этом связь Е. Д. Поливанова с Узбекистаном, который он так любил, не обрывается. В 1935 г. он был приглашен на работу на кафедру русского языка Самаркандского кооперативного института, которой заведовал с 1934 г. его ученик, «выпускник факультета востоковедения Киевского университета доцент (лингвист-турколог) Батманов»¹⁴⁵.

Живя во Фрунзе, Евгений Дмитриевич продолжал бывать и в Ташкенте. «Осенью 1935 года я случайно встретился на Узбекистанской улице, где-то возле Воскресенского базара, с профессором Поливановым. Одет он был бедновато, в каком-то плохоньком стареньком костюмчике. На голове у него была такая же старенькая кепочка (шляпы он никогда не носил, по крайней мере в Ташкенте). Встретил меня он очень приветливо. Пожаловался, что ему приходится преподавать русский язык в начальной национальной школе, что ему не дают работать в научных учреждениях и вузах и не печатают его статей в наших журналах. И чтобы как-либо удержаться и продолжать научную работу, он вынужден посылать свои статьи в зарубежные научные журналы. Там его охотно печатают и по его просьбе гонорар высылают на Торгсин. Это и позволяет ему как-то сводить концы с концами» (П. А. Данилов.— Из архива автора).

ОТКРОВЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ

В марте 1933 г. Е. Д. Поливанов делал доклад «О теории эволюции языка» на лингвистическом семинаре УзГНИИКСа в Ташкенте. Текст доклада, хра-

нившийся у проф. У. Т. Турсунова, в настоящее время утерян, не удалось найти никаких его следов. Однако стенограмма этого выступления легла в основу незаконченной и неопубликованной статьи У. Т. Турсунова и Л. И. Ройзензона «К изучению творческой биографии Е. Д. Поливанова», которая приводится здесь с некоторыми сокращениями.

«Формально выступление Поливанова носит характер строго научного доклада на тему „О теории эволюции языка“, в действительности же это скорее отчет о жизни и деятельности замечательного ученого. Ценность доклада состоит еще и в том, что позже Поливанов, насколько нам известно, публично больше не выступал с подобного рода творческим отчетом. Те итоги жизни и научной деятельности, которые подводит сам Поливанов, и являются, по сути дела, последними итогами его жизни.

Сведения, содержащиеся в выступлении Поливанова, освещают различные стороны его многогранной деятельности, а именно его биографию, общественно-политическую деятельность, научные взгляды и, наконец, автобиографическую характеристику жизни и деятельности.

Прежде всего хочется осветить очень интересный факт, уточняющий моменты его происхождения. Поливанов говорит по этому поводу следующее: *Мой отец в течение 35 лет служил; пять лет он служил в гвардии, а тридцать лет прослужил на железной дороге.* Примечателен и другой факт. Е. Д. Поливанов далее говорит, что после 1905 г. его отец потерял службу. Вероятно, это явилось каким-то следствием общественно-политической деятельности отца Поливанова, следствием его политических взглядов, иначе трудно себе представить, чтобы бывший гвардейский офицер мог ни с того ни с сего потерять службу. После того как отец потерял службу на железной дороге, вся семья Поливановых жила на пенсию и на то, что молодой Поливанов зарабатывал, будучи гимназистом и студентом. Следовательно, Поливанов начал работать с 14—15 лет. Интересны и другие данные. Например, чтобы закончить университет, Поливанов должен был летом зарабатывать на два года вперед путем репетиторства, ибо в то время всю семью содержал уже он сам. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что как раз в эти годы Поливанов одновременно занимается в двух учеб-

ных заведениях — в университете и Восточной практической академии, причем занимается блестяще!

Познав величие и значение революции и приняв ее как свою, Поливанов в то же время по своим убеждениям не сразу стал марксистом. Он об этом сам очень убедительно и искренне говорит: политическое сознание начало у него проявляться значительно позже. И далее: *До войны лингвистика для меня была средством уйти от жизни для занятий в кабинете тем, что интересовало меня, и только после революции я действительно верю — и ставлю на первое место эту веру в полезность своей работы — в полезность прежде всего практического пути, и я подчеркиваю, что самое важное в моей работе — это ее прикладной характер для настоящего времени и ближайшего будущего. Тут, конечно, моя работа неотрывно связана с советским строительством, по крайней мере для меня лично. Иначе я не вижу установки для своей работы.*

Поливанов подчеркивает, что он придерживается интернационалистских взглядов. Он говорит: *Когда началась война, тогда для меня стала ясна моя интернациональная платформа. Во время войны на меня что подействовало? Сама война. Я был пацифистом, потом пришел к интернационализму.* И далее Поливанов сообщает в высшей степени показательный факт: *Стал работать (как интернационалист. — У. Т., Л. Р.) у Горького в „Новой жизни“, потом пришел к коммунизму — вот мой путь.*

В тот же период Поливанова вводят в состав редакции журнала „Литература и марксизм“. При этом ему предоставляется право редактировать, принимать, отклонять и т. д. статьи по лингвистическим вопросам. *Значит меня, — делает вывод Поливанов, — не считали каким-то невеждой в области марксизма, считали, что мне можно доверять.*

Поливанову доверялось редактировать „Ученые записки“ Института языка и литературы РАНИОН. Например, в третьем выпуске им написана вводная часть „Специфические особенности последнего десятилетия (1917—1927) в истории нашей лингвистической мысли“ (1928, с. 3).

Вспоминает Поливанов и некоторые эпизоды из его петроградского периода жизни. Заслуживает, в частности, внимания тот факт, что Поливанов примкнул к большевикам. Профессура, за исключением востоковеда

Иванова, по этой причине не подавала Поливанову руки, а некоторые академики-востоковеды закладывали руки за спину и говорили: „Мы с захватчиками законной власти незнакомы“.

Другой факт. Поливанов говорит, что до Октября он работал *на интернационалистическую революцию в Совете крестьянских депутатов, с первых дней Октября встал на работу для Советской власти, а потом работал по партийной линии и отдавал действительно всего себя работе среди дальневосточных народностей, за что меня товарищи поставили в Коминтерне помощником заведующего дальневосточной секцией.*

Выступление Поливанова дает очень ценные сведения о той атмосфере, которая царила в советском языкознании конца 20-х и начала 30-х годов в связи с господствующим положением «нового учения о языке» Н. Я. Марра. Поливанов одним из первых занял отрицательную позицию к этому учению. Особенно ярко она выражена в его выступлении 4 февраля 1929 г., когда он прочел доклад „Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория“. Вот что говорит сам Поливанов об этом своем выступлении: *Я пользовался полным признанием как лингвист до моего выступления в 1929 г. с ревизией яфетической теории; положим, это было не первое мое выступление, но, повторяю, публичное...*

После этого Поливанов был снят со всех руководящих постов и вынужден был вновь уехать в Среднюю Азию, где упорно продолжал работать над общетеоретическими проблемами языкознания. В опубликованном плане работы кабинета лингвистики УзГНИИ значится без указания фамилии исполнителя „Сборник популярных статей по языкознанию и языку революционной эпохи“ (см. „Научную мысль“, вып. I, № 1, май — июнь, Самарканд — Ташкент, 1930, с. 117). Здесь, несомненно, имеется в виду сборник статей „За марксистское языкознание“ (М., 1931), в котором Е. Д. Поливанов в противовес „новому учению о языке“ Н. Я. Марра излагает свои взгляды на основные проблемы марксистского языкознания.

Вокруг него начали плести сети интриг... Многие научные организации и ученые просто начали бояться поддерживать какие-либо связи с Поливановым. Постановку доклада „О теории эволюции языка“ оттягивали больше года, а Таджикский педагогический инсти-

тут, который до этого времени намеревался заслушать Поливанова,—ученый послал туда даже тезисы и была назначена дата заседания (28 января 1932 г.) — в последний момент сообщил, что здание, в котором предполагалось провести заседание, занято и потому доклад Поливанова не может состояться. Поливанова очень огорчало отсутствие взаимопонимания между ним и даже его ближайшими сотрудниками: *Между мной и даже моими ближайшими сотрудниками, я бы сказал, не ручеек или река, а даже море взаимного недопонимания.* И далее: *На мне, в сущности, лежит задача сломить гору недоверия, которая висит надо мной.*

Все это наложило печать на характер самого выступления Поливанова. Он то и дело отступает от заранее составленного плана доклада, перескакивает от темы к теме, перемежая факты своей биографии с фактами научной и политической деятельности. В этом нельзя не видеть отражения того положения, которое существовало в лингвистической науке того периода. В докладе Поливанова говорится не только и не столько об эволюции языка, сколько об эволюции взглядов самого ученого: *Прежде всего та эволюция, которая произошла у меня, она не отразилась в печати.* И далее: *Эволюция моих взглядов, которая может быть охарактеризована как ход к материалистической платформе, началась у меня позднее, чем присоединение к армии марксистов действующих.* Именно тогда, когда я работал больше всего для революции, тогда, когда я был привлечен к ряду революционных большевистских работников верой в революцию, верой в это правильное дело, я шел, горя энтузиазмом практической борьбы, а марксистская теория как таковая, конечно, она была мне известна из курсов философии, но в моей лингвистической работе она не претворилась в жизнь, она не проникла в нее. Это случилось значительно позже, иначе говоря, большевиком я стал значительно раньше, чем присоединился к марксистам в области теоретической лингвистической мысли.

Конечно, это зависело вовсе не от моего желания — вот захочу, буду стоять на марксистской платформе, а не захочу — не буду. Дело обстояло так, что определенные факты, которые, конечно, мне были известны в совершенно других, не характерных объяснениях из той школы (лингвистической), которую я посещал, мне нужно было проанализировать заново, так что я волей-не-

волей убедился в том, что... языковая эволюция, все языковые явления находят себе объяснения в социально-экономических факторах. К этому я пришел тогда, когда я перебрал все прочие разъяснения.

Основная часть выступления Поливанова посвящена, как мы уже говорили, теории эволюции языка. Основная мысль, которую проводит Поливанов, излагая свою теорию эволюции языка, заключается в том, что эволюционная теория возможна только как внедрение марксистских положений в основные вопросы лингвистической теории. Поливанов показывает, каким образом ему удалось построить свою эволюционную теорию языка на основах диалектического и исторического материализма. В частности, он указывает на диалектический характер фонетической эволюции языка: *Никто до меня не анализировал фонетическую эволюцию, находя в ней те самые этапы диалектического развития по переходу количества в качество, которые установлены Энгельсом.*

В работе же, посвященной японскому консонантизму, Е. Д. Поливанов писал: *Мы априори не могли бы предположить истины без нарождающихся противоречий. В эволюции языка находить диалектическое развитие приходится во всем. Я взял только частный случай. И далее: Можно взять целый ряд других моих работ, где вы найдете не только соответствующий анализ фонетических факторов, но и диалектические схемы в применении к морфологическим и другим явлениям.* В этой части доклада Поливанов говорит об одной из интереснейших своих работ — „Еще о критериях самостоятельного слова“.

В этой работе, по словам самого Поливанова, содержится суммарный очерк его взглядов относительно изменения языка. Поливанов называет здесь основные признаки слова (или, как он говорит, самостоятельности слова), среди них прежде всего признак изолированности. В самом признаке изолированности Поливанов видит диалектическое противоречие, особенно в тех случаях, когда два слова (сочетание двух слов) превращаются в одно. Поливанов рассматривает сочетания с предлогом как переходную стадию между сочетаниями и словами.

Много внимания уделяет в своем выступлении Поливанов основным способам образования языков — интеграции и интерференции. И здесь его взгляды содержат

бчень много интересного и соответствующего взглядам современных лингвистов.

Мы кратко изложили лишь содержание некоторых вопросов, на которых останавливается профессор Поливанов. В действительности в его выступлении затрагиваются многие общетеоретические проблемы, которые заслуживают специального рассмотрения» (У. Т. Турсунов, Л. И. Ройзензон.— Из архива автора).

ВО ФРУНЗЕ

В конце 1934 г. Е. Д. Поливанов из Ташкента переезжает во Фрунзе. Там он работает в Киргизском институте культурного строительства, в Педагогическом институте, в издательствах. Кроме учебных пособий, программ курсов, он создает и публикует (совместно с Яншансином) две части школьного учебника по дунганскому языку и четыре статьи, планирует создание учебных комплексов по русскому и дунганскому языкам, обосновывает новые методы в преподавании русского языка в киргизских школах.

Е. Д. Поливановым был составлен план издания серии учебников русского языка для школ Туркестана. Часть этого плана была осуществлена в Киргизии. Он начал работу над комплексом учебников русского языка для первого класса киргизской школы, где наряду с букварем были и учебники, например «Начальный курс русского языка с орфографическими упражнениями».

В Архиве АН КиргССР находится более двадцати работ ученого, которые ждут опубликования и кропотливого анализа, включения в актив лингвистических исследований, использования их в теории и практике специалистами современного языкознания. Назовем некоторые из них: «Главнейшие особенности дунганского языка», «Из работ дунганской диалектологической экспедиции КиргНИИКЯП», «Очерк дунганской диалектологии», «Грамматика дунганского языка» (ч. II), «Общелингвистический курс. Первая лекция», «Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции», рецензии на книги ученых Киргизии и др.

Во Фрунзе Е. Д. Поливанов много времени отдавал созданию уникального и обширного (293 с.) «Сло-

варя лингвистических терминов»¹⁴⁶, который обнаружил в конце 50-х годов в архиве АН СССР В. П. Григорьев, издавший его частично, но с подробными комментариями¹⁴⁷.

Автор публикации пишет: «Это выправленная и частично отредактированная автором машинопись с многочисленными дополнительными вставками: последние 8 стр. написаны автором от руки. В нескольких местах сохранились даты написания отдельных статей. Последняя страница рукописи датирована 1.X.1935; здесь же указан адрес: г. Фрунзе, ул. Дзержинская, 37^а... Обращает на себя внимание еще одна авторская приписка к статье *Слово* (с. 238): *Если „Словарь“ будет печататься, то к статье „Слово“ присоединяется вся моя работа „Еще о критериях самостоятельного слова“*»¹⁴⁸. Работа Е. Д. Поливанова под таким названием неизвестна»¹⁴⁹.

В. П. Григорьев публикует впервые письмо Е. Д. Поливанова 1937 г. одному из рецензентов «Словаря лингвистических терминов»:

Тов. Коркмасову.

Узнав, что Вам отослана (из Ташкента) на рецензию рукопись «Словаря лингвистических терминов», спешу сказать, что я недавно (28.IV) привез с собою в Ташкент остальные статьи (для переписки на машинке и присоединения к уже ранее сданным, после чего я имел в виду привести все статьи в алфавитный порядок).

Если нужно, я могу (дав переписать на машинке) дослать остальные статьи (их довольно много). Во всяком случае, прошу учесть это при Вашем отзыве и решении относительно «Словаря».

*С совершенным уважением
профессор Поливанов.
г. Фрунзе, 5.V с. г. 1937.*

Во Фрунзе Евгений Дмитриевич много раздумывал о путях развития советского языкознания, его прошлом, проблемах будущего. Сохранился документ, подтверждающий эти раздумья, прозорливость и большую скромность великого ученого. Вот этот документ 1935 г.:

То, что служило основным и (в принципиальном отношении) единственным содержанием яфетидологии (в период 1928—1929 гг.), сейчас в кодексе «нового уче-

ния» уже вовсе отсутствует и заменено совершенно иной материей (к каковой и отношение у меня, разумеется, иное!). Нужно ли еще большее доказательство (если в настоящее время вообще еще нужны доказательства) того, что я был совершенно прав в моей тогдашней (в моих докладах 1928 и 1929 годов) критике яфетидологии?

Оказывается, впрочем, что я был совершенно прав не только в моем отношении к четырем элементам сал-бэр-ён-рош, но и в другом: именно в том своем прогнозе, который я тогда выразил в [таких] приблизительно словах: «Пройдет несколько лет, и учение о четырех элементах сал-бэр-ён-рош будет постепенно уходить в тень, отступать на задний план наподобие бога-отца в христианской мифологии, и место его постараются — по возможности втихомолку и незаметно — заполнить совершенно отличным и уже приемлемым (во всяком случае годящимся для того, чтобы быть рассматриваемым всерьез) содержанием; на открытое признание своих заблуждений храбрости не хватит, и этот подмен (подмен, который, как оказалось впоследствии, сопровождался даже сменой названий: яфетидология — новое учение о языке) будет сделан нарочито постепенно, чтобы по возможности незаметно для массового общественного мнения «протащить» его без нарушения яфетического культа.

Что побудило меня тогда высказать этот прогноз (прогноз, удивительным образом сбывшийся, как и ряд других моих предсказаний, например, сделанное мною в 1928 году и т. п.)? Конечно, как я и указывал тогда, к этому меня могла побудить только вера в творческие силы советской эпохи, которая, как бы ни был анекдотичен по случайной ошибке выбранный отправной пункт, сумеет в конце концов направить на надлежащую дорогу поиски историко-материалистического направления советской лингвистики. Этим я вовсе не хочу сказать, что данный «путь направления» сейчас уже закончен, наоборот — он только начинается... В этом отношении я тоже готов был бы дать новый прогноз — новое предсказание, которое не замедлит сбыться, как сбылось и предшествующее мое предсказание; и если здесь я воздерживаюсь от этого высказывания, то исключительно потому, что не хочу внушить мысли о преувеличении мною собственной роли в эволюции советской лингвистической мысли. Впрочем, поскольку я

уже упомянул о моей личной роли на данном отрезке истории лингвистики, за нее я во всяком случае должен принести мою благодарность обозлившимся на меня яфетидологам, ибо являются совершенно несомненными следующие два обстоятельства: 1) что в результате возникшей полемики мое скромное имя стало символом здравого смысла; 2) то, что обязан этим я именно моим оппонентам и их рецензиям («одна другой беззубее», как выразился по поводу этих рецензий один маститый московский лингвист). Поистине «не нам, не нам, а имени твоему!»¹⁵¹.

ДУНГАНСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В последнее время я во Фрунзе бываю каждый год — проездом на Иссык-Куль — и дня два-три отдаю городу, паркам, музеям, встречаю с друзьями.

Но летом 1983 г. я ожидал поездки во Фрунзе с каким-то особым трепетом и волнением — ведь я еду в город, в котором около трех лет жил и работал Евгений Дмитриевич Поливанов, в последний год ставший для меня близким и родным, постоянно напоминающим о себе и живущим активной жизнью в моем сознании и сердце.

Да и как быть спокойным, если фрунзенские друзья обещали свести меня с людьми, знавшими Е. Д. Поливанова, найти новые материалы о нем и даже его фотографии.

Первый звонок — Аалы Черинкиеву, старому киргизскому журналисту, инвалиду войны. Он знал Е. Д. Поливанова и работал вместе с ним в 30-х годах... Слышу неторопливый, несколько сбивчивый (конечно, от неожиданного разговора о Поливанове с незнакомым человеком), с явным акцентом голос:

— Очень хорошо, что Вы занимаетесь Поливановым. О нем у нас здесь что-то забыли, а ведь личность-то яркая, легендарная. Знал, знал я его, и со стороны, и вблизи, беседовал с ним, учился у него особому взгляду на окружающее... С удовольствием напишу о нем воспоминания... Только позднее, сейчас я не совсем здоров, да и на днях уезжаю к родственникам ...Напишу и пришлю вам в Самарканд...

Второй звонок — Любови Васильевне Батмановой, жене того самого Игоря Алексеевича Батманова, кото-

рый был учеником Поливанова, несколько лет работал вместе с ним, был соавтором отдельных работ и стал впоследствии академиком АН КиргССР. Она, как я узнал от фрунзенских друзей, кандидат наук, доцент, заведовала кафедрой языка в Педагогическом институте во Фрунзе и недавно ушла на пенсию.

Слышу молодой и очень ясный голос:

— Мне о Вас говорили, и я собиралась с мыслями, как Вам помочь... Знаете, я познакомилась с Игорем Алексеевичем уже после смерти Поливанова и могу только со слов мужа описать отдельные, быть может, незначительные факты из жизни и деятельности Поливанова... Рукописи, книги, какие-либо документы? — переспрашивает Любовь Васильевна. — Были, были, но ведь время было неясное, тревожное... Почти ничего не осталось от поливановских бумаг, только одна-две книги с дарственной надписью... Да, да, и «За марксистское языкознание», я ее Вам вышлю с возвратом. Воспоминания я попробую написать, однако они мало что дадут Вам... Вам бы поговорить с Яншансином, я ему звонила, он готов с Вами встретиться.

Яншансин? Соавтор учебника по дунганскому языку, ученик и друг Поливанова? Радости не было конца, и я горячо благодарил Любовь Васильевну за такую неожиданную удачу...

Через час слышу в телефонной трубке слабый, медленный, прерывающийся голос с каким-то непонятным акцентом:

— Я рад с Вами встретиться... Только у меня здесь колготно, наехали родственники... Я подъеду к Вам в гостиницу ... «Киргизстан»? Номер 553? — переспросил он. — Я скоро буду, живу я поблизости...

В своем небольшом номере я переставил стол и кресла, принес чай, конфеты, печенье, поставил все на тумбочку, а сам уселся за стол, освобожденный от всего, кроме бумаги и ручек...

Через несколько минут передо мной сидел еще совсем не старый, но весь седой, с морщинистым лицом, на котором выделялись узкие живые глаза в окружении синеватых подтеков, человек, очень похожий на китайца. Рядом с собой он положил потертую объемистую папку.

— Я не знаю, с чего мы начнем? — негромко, глуховатым голосом спросил он. — Вы задавайте мне вопросы, так будет легче.

— Как-то неудобно Вас расспрашивать. Говорите, что хотите, мне все будет интересно, я постараюсь, по возможности, записать сказанное,— попросил я.

— Что же? Расскажу о себе и подойду к Поливанову...

«Родился я в 1911 году в дунганском селе Ирдык, его еще называли Мариновка... Здесь все села, украинские и дунганские, имели русские названия, которые были введены в честь 300-летия царствования Романовых... Ирдык находился в десяти километрах от Пржевальска, там и сейчас живут мои родственники. Учился в селе Ирдыке, а в 1925 г. уехал в Ташкент и поступил в Институт [просвещения] национальных меньшинств, где учились татары, дунгане, уйгуры и др. Закончил его в 1930 г. Е. Д. Поливанов в этом институте не работал, но я не раз слушал его лекции и беседы по китайскому языку и общему языкознанию на заседаниях лингвистического кружка, куда он часто приходил.

Познакомился я с ним во Фрунзе в 1934 г. в Научно-исследовательском институте киргизского языка и письменности, куда его из Ташкента «переманил» И. А. Батманов. Именно переманил, другого слова я не нахожу, потому что Е. Д. Поливанов долго не соглашался и только специальные приглашения Института... да батмановские рассказы об экзотике здешних краев и редких, еще не изученных языках решили его окончательный переезд.

Работал он вместе со мною в секторе дунганского языка, которым быстро овладел в совершенстве и начал описывать его» (Ю. Яншансин.— Из архива автора).

Известно, что, ведя большую педагогическую, научную, общественную работу, Евгений Дмитриевич находил время для участия (а порой и руководства) в комплексных экспедициях. Но совершенно неизвестны экспедиции Е. Д. Поливанова совместно с Ю. Яншансином в села и районы Киргизии в летние месяцы 1935—1936 гг., о которых рассказал мне Ю. Яншансин.

Летом 1935 г. Е. Д. Поливанов и Ю. Яншансин целый месяц жили в селе Ирдык КиргССР и селе Каракунуз (ныне село Масангин КазССР), записывая диалектную дунганскую речь.

«Мне и Е. Д. Поливанову были выписаны институ-

том командировки в г. Пржевальск и его села для сбора материалов по дунганскому языку. Потом мы с ним издали две части школьного учебника по дунганскому языку.

В июле 1935 г. мы кое-как добрались до Рыбачьего и на старом пароходишке отправились в Пржевальск. Каюта была тесная и грязная, тысячи клопов, но Евгений Дмитриевич был возбужден и бодр, жил только будущими находками по диалектам дунганского языка... В Пржевальске на ночь остановились на постоялом дворе, а утром на телеге выехали на мою родину, в село Ирдык, где и пробыли около месяца. Ежедневно мы обходили несколько дворов, Евгений Дмитриевич подолгу беседовал со стариками и молодыми, и все услышанное записывал в свою тетрадь, а вечерами мы вместе обсуждали накопленный за день материал. Во время экспедиции я услышал от дунган одну антирелигиозную легенду, рассказал ее Евгению Дмитриевичу, и он сочинил на ее основе небольшой рассказ-легенду „Часовня Копченой Селедки“» (Ю. Яншансин.— Из архива автора).

Ю. Яншансин открыл свою папку и подал мне два пожелтевших, по краям порванных и измятых листа обыкновенного формата с машинописным текстом рассказа-легенды. Этот экземпляр рассказа, правленный самим Поливановым разными чернилами, Ю. Яншансин подарил мне.

Пока я читал «Часовню Копченой Селедки», Юсуп Янхаевич молча разбирал свою папку с бумагами, иногда поворачивал свою седую голову в мою сторону, выжидательно смотря на меня. В его руках я увидел фотографию.

— Не Поливанов ли? — спросил я.

— Евгений Дмитриевич во время диалектологической экспедиции, — ответил он и подал мне фотографию. — В одном из дунганских сел, Александровке, на фоне разрушенного, ранее богатого дома я сам сфотографировал Евгения Дмитриевича. На фотографии виден орнамент внутренней стены дома.

Я попросил его рассказать подробнее об этой диалектологической экспедиции.

«Это было в середине 1936 г. Я и Евгений Дмитриевич были командированы институтом в длительную диалектологическую экспедицию, которая продолжалась более двух месяцев. Сначала мы отправились в село Су-

кулук, или Александровку, которое находилось в 30 километрах от Фрунзе, в Беловодском, сейчас Московском, районе. Это было дунганское село. Ехали мы до него почти весь день — старая повозка, избитая проселочная дорога, частые остановки. По дороге мы поговорили вдоволь: Евгений Дмитриевич увлекся, много рассказывал о своих учителях. Действительно, боготворил Бодуэна де Куртенэ, рассказывал о его жизни и работе, выдающихся способностях.

В селе Александровка, где мы пробыли около месяца, я устроил его у одного потомственного ювелира-дунганина. Жена у него русская. Сын его и сейчас работает ювелиром в селе Милянфан (в переводе „Рисовая долина“). Я же жил в другом месте, тоже у дунганина. Питались как придется, иногда ходили в столовую.

После Александровки две недели работали в селе Милянфан, а потом больше месяца — в селе Каракунуз в Токмаке, где Евгений Дмитриевич жил у директора школы Ибрагимова — теперь он умер. Ибрагимов был интеллигентным человеком, интересовался работами Поливанова, собирал его черновики, но после его ареста все уничтожил...

Хорошее это было время. Ибрагимов был отзывчивым и уважительным человеком, он проникся к гениальному ученому уважением, и Евгений Дмитриевич работал с подъемом, многие замыслы будущих научных работ рождались здесь. Он обдумывал в Токмаке свою концепцию грамматики дунганского языка, подключил к этой работе и меня — я занимался подбором материала, писал практические разделы, а он — теорию и на основе ее — главы грамматических категорий. К концу года грамматика дунганского языка для школы была готова...» (Ю. Яншансин. — Из архива автора).

ИЗ АРХИВА Ю. ЯНШАНСИНА

Я спросил Юсупа Янхаевича:

— А чем еще занимался Евгений Дмитриевич во Фрунзе эти три года?

— Многим, очень многим. Вот вам перечень рукописных работ, которые закончены им здесь, во Фрунзе, и находятся в фонде Института языка и литературы АН КиргССР.

Юсуп Янхаевич передал мне три машинописные страницы. Я посмотрел: список содержит 27 работ!

— Но и это, по-видимому, не все,— сказал я.— В 1968 г. во Фрунзе в издательстве «Илим» вышла книга, подготовленная к изданию Институтом языка и литературы АН КиргССР, «Манас. Героический эпос киргизского народа», в которой опубликована большая работа Евгения Дмитриевича «О принципах русского перевода эпоса „Манас“».

— Да, рукопись этой статьи тоже находится в архиве. Кстати, и во время пребывания Е. Д. Поливанова во Фрунзе печатались его статьи.

Юсуп Янхаевич достает из папки сборник статей, передает мне. Читаю: «Вопросы орфографии дунганского языка». Фрунзе, Киргизгосиздат, 1937, тираж 500 экз. Почти весь сборник (4, 5 п. л.) — поливановский. Вот его содержание:

1. Ян-Шан-Син. Проект орфографии дунганского языка. Дополнительные предложения профессора Е. Д. Поливанова к проекту дунганской орфографии.

2. Профессор Е. Д. Поливанов. Фонологическая система дунганского языка.

3. Профессор Е. Д. Поливанов. Музыкальное ударение, или «тоны», дунганского языка.

4. Профессор Е. Д. Поливанов. О трех принципах построения орфографии.

— Вы сказали, что Поливанов интересовался буквально всем, что имело отношение к науке и литературе. Какие факты Вы помните еще? — спросил я.

— После организации Союза писателей Киргизии была создана секция, или кружок что ли, где молодые писатели повышали свои знания по теории литературы. Так вот, на заседаниях этого кружка часто выступал Евгений Дмитриевич. Круг его бесед был широк: это и поэтика, и жанровое многообразие. Я не пропускал ни одного занятия и всегда удивлялся его обширнейшим познаниям в теории литературы. Помню, целое занятие он посвятил Маяковскому. Он показывал рукопись статей о Владимире Маяковском, которую не удалось издать.

Увлечшись, он рассказал о встречах с Маяковским, Шкловским... Потом вздохнул и мечтательно сказал: «Поэзия, поэзия! Она всегда в моем сердце». И прочел несколько своих стихотворений.

Часто он брал с собой и показывал нам книгу по стихосложению Томашевского и говорил: «Это — гениальная книга. Так глубоко и популярно может пи-

сать большой писатель и теоретик». А сколько примеров из других литератур и языков?..

Конечно, условия для работы тогда были тяжелые, теснились в небольшой комнате. Тогда в одном и том же здании (теперь его нет, оно находилось на углу современного бульвара Дзержинского и Киевской улицы) были и объединенное издательство, и типография, и Союз писателей, и комнаты для работы секций...

Поливанов и сейчас стоит перед моими глазами... Вот он быстро заходит в комнату, заполненную доотказа писателями, поэтами, научными работниками, учителями. Одет он очень просто: серые брюки, светлая рубашка — полурукавка (сейчас говорят — «финка») навыпуск, перетянутая в поясе простой веревочкой, без тубетейки. Ясный взгляд больших голубых глаз, высокий тон речи... Внимательно слушал его и Аалы Токомбаев, стихи которого потом переводил Евгений Дмитриевич...

Поливанов оказывал помощь школам и разным организациям, где были курсы по изучению русского языка... Он работал даже в Верховном суде Киргизии — нештатным экспертом...

Немного помолчав, Юсуп Янхаевич сказал:

— Печально, что и сам Поливанов, и его многообразные виды деятельности были надолго забыты.

Юсуп Янхаевич достал из папки несколько листов, написанных его рукой.

— У меня сохранились некоторые материалы тех лет. Вот письмо Александра Александровича Реформатского ко мне — я снял копию для Вас.

Беру и читаю: «Дорогой Юсуп! Давно от Вас ничего не получал и не знаю, как Вы живете и что Вы делаете. Как Ваш дунганский сектор? Какая тематика? И что Вы лично пишете?..

Затеяли мы большое дело — собрать все изданное и забытое, что связано с именем Е. Д. Поливанова. Вот я и прилагаю анкету, по которой просим Вас ответить. Такую же анкету послали мы К. К. Юдахину и еще кое-кому. Ваш...

Москва, 13.VII-62 г.»

А вот и сама анкета:

«1. Что известно о причинах, обстоятельствах и о времени ареста и смерти Е. Д.?

2. Где находится жена Е. Д. — Бригитта? Когда и где ее в последний раз видели?

3. Что Вам известно о революционной и пропагандистской деятельности Е. Д.? О его участии в гражданской войне? О его помощи Наркоминделу и другим высоким инстанциям?..

4. Нет ли у Вас первого издания „За марксистское языкознание“ 1923—1924 гг.¹⁵²? Какие оттиски статей и какие книги Е. Д. есть в Вашей библиотеке?

5. Что Вам известно о рукописях, оставшихся ненапечатанными после смерти Е. Д.? Какими сведениями располагаете о заграничных публикациях трудов Е. Д.?

6. Каких людей Вы рекомендуете запросить для получения различных биографических и научных сведений о Е. Д.?

7. Что Вы лично могли бы рассказать по личным впечатлениям о работе, характере, творчестве Е. Д.?

8. Если Вам случалось участвовать с Е. Д. в совместных экспедициях, совещаниях, быть его соавтором и т. п., то хотелось бы получить сведения об этом.

Редакционная Комиссия по публикации неизданных и забытых трудов Е. Д. Поливанова будет Вам искренне благодарна за помощь.

Члены Редакционной Комиссии (А. А. Реформатский, А. А. Леонтьев)».

Представляют интерес ответы Ю. Яншансина проф. Реформатскому в письме от 26 июля 1962 г., краткое содержание которого изложил мне письменно сам автор:

«...Простите меня за то, что отвечаю Вам с некоторым опозданием, после получения Вашего письма и вопросов пришлось посмотреть архивные материалы Е. Д. Поливанова (список прилагается, этот список — копия на машинке, акт у Вас есть) и заглянуть в нашу академическую библиотеку. По алфавитному каталогу я нашел только две работы Е. Д. Поливанова:

1) Краткая грамматика узбекского языка. Ч. 2. Ташкент, 1926. 123 с.:

2) Этнографическая характеристика узбеков. Вып. 1 (Происхождение и наименование узбеков). Ташкент, 1926. 31 с.

В библиотеке Кирггоспединститута имеются следующие его две книги:

1) Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928;

2) Конспект лекций по введению в языкознание и общей фонетике, читанных в 1915—1916 учебном году приват-доцентом Е. Д. Поливановым...

У меня лично имеются три работы Е. Д. Поливанова:

1) Краткая грамматика узбекского языка. Ташкент, 1926;

2) Пособие по китайской транскрипции. М., 1928, совместно с Н. Поповым-Татива. 93 с.

3) Грамматика современного китайского языка. М., 1930 (Труды МИВ. XV), совместно с А. Ивановым. 304 с.

Последние две книги в 1957, когда я был в Москве, Екатерина Николаевна Драгунова любезно подарила мне. Эти две книги как драгоценную память от А. А. Драгунова храню у себя. Ваш Юсуп.

Пока я читаю его письмо А. А. Реформатскому, он достает из папки еще несколько листков, написанных от руки.

— В беседе мы можем кое-что и упустить, забыть. Поэтому я передаю Вам свои заметки «О профессоре Е. Д. Поливанове», написанные мною когда-то для проф. А. А. Реформатского. Используйте их по своему усмотрению, это копия для Вас.

Позднее я подробно ознакомился с «Заметками», которые с некоторыми сокращениями и публикуются здесь.

«Профессор Е. Д. Поливанов в Научно-исследовательском институте киргизского языка и письменности (НИИКЯП) — раньше этот институт официально назывался Киргизским научно-исследовательским институтом культурного строительства (КНИИКС) — работал с 1934 до 1937 г. в качестве старшего научного сотрудника (сектор дунганского языка). Основной научной тематикой у него был дунганский язык. Одновременно он работал по киргизской тематике, переводил эпос „Манас“ с киргизского языка на русский. По совместительству преподавал в Кирггоспединституте в г. Фрунзе.

Совместно с Евгением Дмитриевичем Поливановым я в 1935 и 1936 гг. выпустил „Грамматику дунганского языка“ для начальной школы на дунганском языке, состоящую из двух частей: первая часть — для 1—2-х классов, а вторая часть — для 3—4-х классов. (К сожалению, эти работы у меня не сохранились, в нашей библиотеке также их нет, случайно сохранилась одна книга дунганской грамматики и то была изъята в 1938 г.)

В рукописном фонде Института языка и литературы

АН КиргССР хранятся 27 рукописей проф. Е. Д. Поливанова. Среди этих рукописей есть четыре законченные работы, которые, с моей точки зрения, можно опубликовать.

1. Главнейшие особенности дунганского языка (252 с., отпечатана на машинке, исправлена автором);

2. Грамматика дунганского языка. ч. II, Морфология. (26 с., отпечатана на машинке, исправлена автором);

3. Лингвистические мелочи (5 стр., отпечатана на машинке, исправлена автором);

4. Отражение имени „уйгур“ в китайском и дунганском словарях (4 с., рукопись-оригинал).

Проф. Е. Д. Поливанов в изучении дунганского языка за короткое время — с 1934 по 1937 г. — сделал многое. К сожалению, отдельные законченные монографии не увидели света, как, например, „Главнейшие особенности дунганского языка“. Эти большие работы были подготовлены автором к печати, но при жизни Поливанова они не были опубликованы.

О публикации трудов Е. Д. Поливанова за рубежом я ничего не знаю, за исключением одного факта: в 1936 г., перед отправкой в дунганскую лингвистическую экспедицию, Е. Д. Поливанов получил специальное приглашение на участие в каком-то международном лингвистическом конгрессе в г. Копенгагене. Но он не поехал на конгресс, а поехал в экспедицию.

Евгений Дмитриевич часто читал корректуры своих трудов, которые издавались в г. Ташкенте.

И. А. Батманов говорил о жене Е. Д. Поливанова: „Когда она узнала, что его отправили в г. Ташкент — поехала за ним. Сестра жены Е. Д. Поливанова работала машинисткой в каком-то учреждении в г. Ташкенте. Она давно уехала к родителям в Эстонию“. Больше ничего неизвестно.

Профессор Е. Д. Поливанов обладал феноменальной памятью. Во время экспедиции, когда мы из г. Фрунзе ехали на тарантасе в село Александровка (от Фрунзе до Александровки 30 км), он по дороге читал наизусть „Илиаду“ и „Одиссею“ на греческом языке несколько часов подряд.

Е. Д. Поливанов работал не покладая рук. Кроме основных занятий, он числился по совместительству в издательстве консультантом, в Кирггоспединституте читал лекции, а также составлял учебники, делал под-

строчные переводы с киргизского языка на русский произведений киргизских поэтов и прозаиков и т. д.

У проф. Е. Д. Поливанова не было ни ассистента, ни лаборанта, все черновые и технические работы он выполнял сам, начиная с исправления после машинки и кончая чтением корректуры своей работы.

Он был очень простым человеком. При бодром хорошем настроении любил шутить и на чистом узбекском языке частенько распевал узбекские шуточные куплеты: „Мен бир камбагал одам мен, ун туккиз хотин олганман“ (Я — бедняк, женился девятнадцать раз, т. е. имел девятнадцать жен).

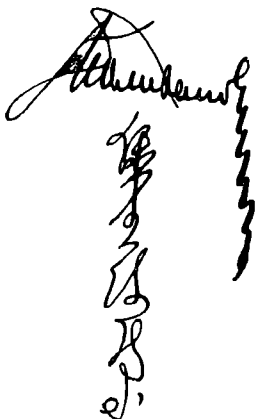
Он обладал прекрасным каллиграфическим почерком и художественно рисовал китайские и японские иероглифы. В хорошем настроении, на досуге он рисовал свою фамилию вязью — в сочетании этих письмен (латин., русск., араб. и иероглиф.) в форме красивого цветка.

Он был достойным представителем великого русского народа советской эпохи, убежденным интернационалистом-гуманистом, гениальным ученым.

Я счастлив, что мне пришлось работать с таким талантливым и замечательным человеком, быть его соавтором» (Ю. Яншансин. — Из архива автора).

А. А. Реформатский, как известно, проявлял особый интерес к жизни и творчеству Евгения Дмитриевича, и надо полагать, что в его архиве должны были сохраниться поливановские материалы. Надеюсь на это, я послал письмо его супруге Наталье Ильиной и получил такой ответ: «... Не знаю, чем Вам помочь. В архиве А. А. Р. о Поливанове ничего, как будто бы, нет. Спрашивала его учеников, этот архив разбавивших. К кому еще обратиться, пока не знаю».

... Мы еще долго беседовали с Юсупом Янхаевичем, кандидатом филологических наук, защитившим в 1954 г. диссертацию на тему «Развитие киргизского языка после Октября», написавшего более 200 работ на дунганском, киргизском и русском языках. Он только весной 1983 г. ушел на пенсию, а до этого долгое время рабо-

тал старшим научным сотрудником в отделе востоковедения АН КиргССР, был составителем и редактором трехтомного «Русско-дунганского словаря» (вышел в 1982 г.). Сейчас заканчивает — написано уже более 1000 страниц — «Киргизско-русско-дунганский словарь» и уникальную работу по этимологии русского, тюркских и других языков, состоящую из нескольких томов.

ДОМИК ПОЛИВАНОВА

После четырехчасовой беседы мы вышли из гостиницы и Юсуп Янхаевич повел меня по улицам и переулкам Фрунзе, комментируя до мелочей прошлое этого города и настоящее.

Ю. Яншансин знает Фрунзе, как свои пять пальцев, и охотно рассказывает о том, как этот город переменялся за почти 50 лет, т. е. с того периода, когда здесь появился Е. Д. Поливанов.

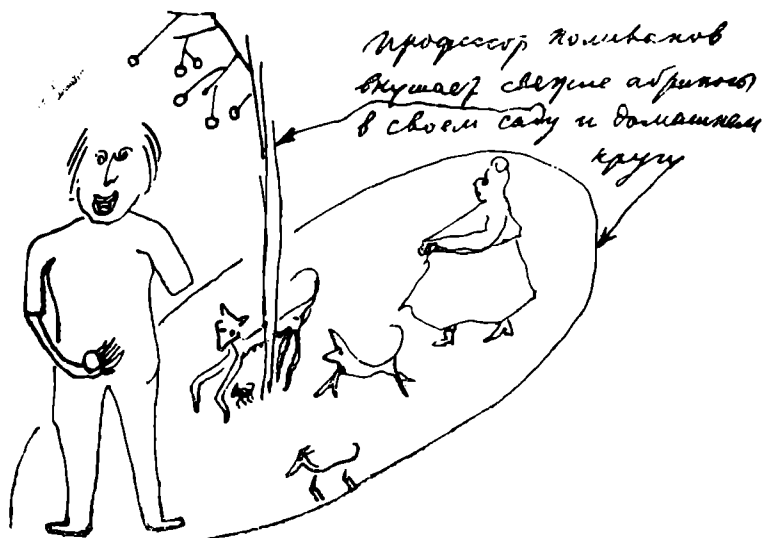
Напротив гостиницы «Киргизстан», в двухстах метрах от нее, рядом с бульваром имени Ф. Э. Дзержинского, где сегодня зеленеет площадь с подстриженными кустарниками и деревьями, находится Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности.

— В современном понимании Институт — это или многоэтажное здание, или ряд зданий с массой сотрудников. Наш институт — небольшое двухэтажное здание какого-то богача, пять-шесть комнат, в которых работали человек восемь, в том числе Поливанов и я. Здесь находились и архив, и книжное хранилище, необходимое для работы, и небольшая столовая, где мы кипятили чай и варили кофе. В этом доме и работал Поливанов. Он приходил всегда в определенный час, начинал разговор на разные темы (он был очень общительным и умел «найти» разговор с любым человеком).

Я спросил Ю. Яншансина, где же жил Поливанов?

— Недалеко отсюда, выше бульвара Дзержинского, в главной, и единственной тогда, гостинице города, которую давно снесли. Я у него часто бывал в номере — небольшой комнатке без всяких удобств (кроме диванчика, столика и двух табуреток, там ничего не было), где он жил с женой Бригиттой, а потом и ее сестрой Люлли. Как они там помещались и работали — трудно представить.

— А где и как питались?

Шуточный рисунок Е. Д. Поливанова на рукописи
(архив Чехословацкой АН)

— Питались где попало. По утрам всегда варили кофе. Любили всякие сладости; кроме сладостей, в комнате я никогда ничего не видел съестного... А раз был такой случай... Бригитта из Таллина (она эстонка, сухощавая, с красивыми волосами, разговорчивая и очень простая, без всяких капризов) получила письмо, а в нем — валюта, небольшая сумма. И на что, думаете, они ее потратили? Недалеко от гостиницы, на углу, был магазин, торговавший на валюту. Вот они и пошли в этот магазин, взяли на всю сумму дорогих шоколадных конфет, угостили меня, сами пили чай и даже угостили своих двух песиков шоколадом...

Ю. Яншансин рассказывает не торопясь, подбирая слова, сам, видимо, перенесся мыслью в те, теперь уже далекие годы и как будто не замечает потока машин, постоянного шума большого и красивого города.

Но мне не дает покоя обещание Ю. Яншансина — показать домик, где жили Поливановы после гостиницы. Он находится внизу бульвара Дзержинского, на улице Дзержинского, 92.

— Половину этого домика, одну комнату и кухню-

ку, купил для Поливанова институт за 1200 рублей. Кроме того, институт купил диванчик, столик, два стула. Больше в комнате ничего не было...

Идем вниз по бульвару Дзержинского, говорим о переменах в городе и незаметно подходим к улице Дзержинского, на которой стояли небольшие одноэтажные домики, построенные частниками в 20—30-х годах. Третий слева — домик Поливанова.

Заходим в небольшой дворик, застроенный подсобными помещениями — сарайчиками, курятниками, летними кухнями.

— Этого тогда не было,— говорит Ю. Яншансин,— раньше этот дворик выходил в сад, где гуляли Поливановы. Они занимали правую часть домика.

Входим в сени. Выходит средних лет киргизка. Яншансин ей объясняет на киргизском языке, зачем мы пришли. Она объясняет, что живет тут временно, хозяйева уехали в отпуск.

Мы входим в комнату, где жили Поливановы. Комната небольшая, метров 16. Здесь они жили втроем, да еще две собаки. Два небольших окна выходят на улицу, слева — вход в кухню, теперь уже перестроенную и расширенную.

Мы покидаем домик Поливанова и молча, медленно идем вверх по бульвару Дзержинского, засаженного многолетними дубами, и они, эти деревья, как бы передают нам биение сердца человека, так часто проходившего здесь, человека, ставшего легендой.

После долгого молчания Ю. Яншансин вновь заговорил, как бы выдавливая из себя слова, слова, которые, по-видимому, он не хотел произносить, настолько они тяжелы и неожиданны и могут быть поняты неоднозначно:

— Волею судьбы спустя два года после его смерти¹⁵³ в этой комнате жил я с женой и двумя сыновьями... Никогда бы я сюда не вселился, но квартира пустовала, а мы жили почти на улице, и я согласился на предложение дирекции института... Жил здесь до начала войны. Ушел на фронт в конце декабря 1942 г., воевал на Южном фронте, был дважды ранен, около года был в госпитале, в начале 1944 г. вернулся в поливановский дом инвалидом, забрал семью и уехал в свое родное село, где учительствовал, а спустя года три меня вызвали на работу в институт, во Фрунзе...

После XX съезда КПСС я писал во многие инстан-

ции, добиваясь правды о Поливанове. В конце 50-х годов появились статьи о нем, публикации его работ. А потом пришел и ответ мне.

Ю. Яншансин достает из папки как будто только отпечатанный на машинке (так бережно он относился к этому документу!) ответ Прокуратуры СССР от 4 апреля 1963 г., в котором сообщается, что по протесту Генерального прокурора Союза ССР дело по обвинению профессора Поливанова Евгения Дмитриевича пересмотрено. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 3 апреля 1963 года приговор выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 25 апреля 1938 года по делу Поливанова Е. Д. отменен и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Профессор Поливанов Евгений Дмитриевич полностью реабилитирован.

Сегодня пришло долгожданное признание к выдающемуся ученому, видному общественному деятелю, так много сделавшему для развития филологической науки, культуры и просвещения.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ
ЛИТЕРАТУРОВЕД,
ПОЭТ,
ПЕРЕВОДЧИК

Е. Д. ПОЛИВАНОВ И ОПОЯЗ

Если попытаться определить тенденции филологической мысли России в пору, когда выдвинулся, привлёк внимание своей научной и творческой деятельностью Е. Д. Поливанов, в годы кануна Октября и первые десять — пятнадцать лет становления Советской власти, то не могут не поражать следующие обстоятельства.

Первое: значительное и все возрастающее влияние в этой сфере науки приобретали молодые ее силы, люди, которые по своему академическому статусу не занимали в ней ключевых позиций. Идеи питерской (ленинградской) опоязовской молодежи, молодежи, связанной с Московским лингвистическим кружком, а также с брюсовским Высшим литературно-художественным институтом, «котировались» наравне с идеями маститых основоположников научных школ — А. Веселовского, И. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Фортунатова, А. Шахматова. Что, впрочем, по-настоящему во всем своем значении видится лишь в ретроспективе, но в значительно меньшей мере сознавалось самой этой передовой научной молодежью.

Второе обстоятельство, которым, собственно, было обусловлено первое, лежало в его основе. Уже атмосфера революционного предгрозя, а в еще большей мере — тех колоссальных реально-бытийных сдвигов, которые принесла с собою разразившаяся революция, вызвала могучие «ветры перемен» в духовной жизни страны.

И не только в ее собственно социально-политической, идеологической жизни. Велик был импульс к переменам, к обновлению и в сфере филологической в частности. Носителем же его выступали, естественно, молодые силы.

Наконец, третье и четвертое (но далеко не последние по своему значению!).

Наметилось довольно осязаемое стремление к сотрудничеству филологических дисциплин в смежных областях их интересов. Литературоведы и лингвисты — впервые на протяжении ряда десятилетий! — соединились в коллективы, деятельно работавшие над проблемами поэтического языка, стилистики, поэтики. Да и перестало быть редкостью, вопреки традиции, чтобы в одном лице филолог соединял литературоведа и лингвиста. Молодые еще в ту пору В. Виноградов, В. Жирмунский, Г. Винокур, Р. Якобсон (тогда еще в России), М. Бахтин писали как литературоведческие, так и лингвистические работы.

А традиция требовала иного. Ведь чуть ли не с зарождения научного сравнительно-исторического языкознания, со времен Боппа, Гримма, Раска и в течение всего XIX в. (но, пожалуй, более всего в последней его трети) лингвисты отвергали анахронический, по их мнению, филологический универсализм. Они ссылались на то, что-де языкознание — наука строгая (подчас ее просто причисляли к сфере естественных наук), а посему она, мол, не имеет и не может иметь ничего общего с чисто гуманитарной, столь неточной областью, каковой является изучение литературы... Теперь же вновь возобладала тенденция противоположная!

Таково, по нашему условному счету, третье обстоятельство, характеризующее существенные стороны филологической мысли поливановского времени. Но самой поразительной, поистине парадоксальной чертой русской филологии интересующей нас поры является обстоятельство, которое мы числим последним, четвертым. Речь идет о том, что ряд талантливых молодых филологов (едва ли не их большинство), чьи имена и ознаменовали собою движение филологического обновления, тяготели к методологии, которую они называли «формализмом», «формальной школой». И, надо сказать, сторонники этой методологии (как в литературоведении, так и в лингвистике, точнее, в грамматике, хотя в каждой из этих отраслей «формы» совершенно различны по природе, а значит, и подход к ним также не может быть

тождественным) либо лишь вяло отрещивались от этого наименования, либо и вовсе от него не уклонялись.

А лично Е. Д. Поливанов, заметим это сразу, хотя и несколько забегаая вперед, давал повод обвинять его в «формализме» и в литературоведческом, и в лингвистическом (грамматическом) смысле этого понятия. И едва ли не он один из крупных филологов того времени. Ибо среди лингвистов — коллег Е. Д. Поливанова по ОПОЯЗу, т. е. причастных к тому, что называли «формальным методом в литературоведении» в 20—30-х годах, не было лиц, чьи интересы связаны были бы специально с грамматикой. Е. Д. Поливанов же много и упорно работал в этой области, не менее, во всяком случае, чем в других сферах языкознания.

Но как же так? — спросят нас. С одной стороны, утверждается, что филологическое движение, начавшееся незадолго до Великой Октябрьской революции и развернувшееся особенно после нее, было ее порождением. Предвосхищением и следствием великих всемирно-исторических сдвигов и перемен, которые она несла. С другой же стороны, оказывается, что это движение ознаменовано... формализмом, что Поливанов формалист вдвойне: и в литературоведческом, и в лингвистическом смысле. Как же тут сводятся концы с концами?

Мы не собираемся отбросить целиком и полностью былые обвинения в адрес соответствующих школ (значит, и в адрес Поливанова) в формализме. Отнюдь нет! Хотя в тех обвинениях содержалось и немало преувеличений и просто передержек. В особенности в том, что касается субъективной якобы злонамеренности и реакционности формалистов. Вот уж чего действительно совершенно не было и что следует отвергнуть целиком и полностью, так это приписывавшиеся формализму субъективные, сознательные и однозначно «вредные» намерения. Впрочем, и объективно, в фактическом своем значении, отечественный филологический формализм, взятый как целостность (разумеется при этом: отдельная целостность в литературоведении, отдельная — в грамматике), однозначно негативной картины собою тоже никогда не представлял. Формальный метод в литературоведении и формально-грамматический в лингвистике — оба были достаточно сложными и диалектически противоречивыми, заключавшими в себе, наряду с несомненными «минусами», ряд «плюсов», ряд важнейших теоретических заслуг. Только при метафизиче-

ском подходе это явление либо непонятно, либо... односторонне негативно...

Приходится об этом говорить, ибо обычно по инерции, восходящей к вульгаризаторам марксизма того времени, о русских формалистах-филологах говорят, что они развивали совершенно несостоятельные концепции, хотя вместе с тем тут же обычно замечают: «Авторы этих построений были необычайно талантливыми людьми». Далее уточняют: талантливыми были их конкретные, посвященные отдельным писателям или даже произведениям работы, но не теоретические принципы и построения. Полагаем, что это фактически неверно.

И в конкретных работах (хотя в целом они действительно представляли собой немалую ценность) наличествовали все-таки методические изъяны, проистекавшие из общих гипертрофированных представлений о роли формы в изучаемом объекте, а тем не менее в общих принципах и концепциях были и здоровые, плодотворные моменты, которые никак не следует предавать забвению, которые не утратили своего конструктивного значения и поныне.

Начать с лингвистического грамматического формализма — что он собой представлял? В здоровых своих основах это был протест против логизирования грамматики, против игнорирования специфических ее особенностей в том или ином языке, сложившихся на протяжении всей его истории, протест также против «переноса» исследователями привычных им представлений о категориях и строе грамматики собственного языка на строй, категориальный состав грамматики другого изучаемого ими языка. Это глубокое убеждение в том, что содержательная сторона грамматических явлений передается прежде всего (иногда с оговоркой: исключительно) в соответствующих грамматических же формах.

Е. Д. Поливанов не был адептом школы Фортунатова, а именно фортунатовцы явились носителями грамматического «формализма». И академик Фриче пригласил Е. Д. Поливанова в РАНИОН и Комакадемию, чтобы противопоставить его «засилью» московской (т. е. фортунатовской) школы. Но знакомство со многими языками совершенно различного грамматического строя заставило Е. Д. Поливанова самого стать на позиции умеренного грамматического «формализма». Так, исследователь полагал, что, например, применительно к узбекскому языку говорить о такой части речи, как

имя прилагательное,— в том же смысле, в котором уместно о ней говорить применительно к русскому языку, никак нельзя. Она не выражена здесь особыми морфологическими признаками в исходной форме, нет и особой парадигмы словоизменения, отличной от склонения «существительных», т. е. наименований предметов. Вот почему Е. Д. Поливанов утверждает, что как часть речи в узбекской грамматике существует (на месте русских существительных и прилагательных) единая категория имени. И лишь в качестве подкласса, выделяемого не морфологически, а в синтаксическом и семасиологическом отношении могут выделяться «прилагательные», не во всем своем составе совпадающие с русскими прилагательными — самостоятельной частью речи.

В последнем уточнении (насчет неморфологического подкласса) и обнаруживается умеренность «формализма» Поливанова; он учитывает не только морфологические формы, но и синтаксическую функцию и семантические категории. Если крайние формалисты-грамматисты впадали в односторонность, как и логицисты, только противоположную последним по характеру, если они, например, в русской грамматике разрушали части речи, разнося их обломки по разным, часто внешним, формальным классам (так, скажем, у Петерсона русские глаголы прошедшего времени были вырваны из системы глаголов и попали в класс «родовых слов»), то в разумном, умеренном «формализме» ничего подобного мы не наблюдаем. Вообще же подчеркнутое внимание к формальной стороне в столь абстрактно-формальной сфере языка, как грамматика, вполне оправданно. Это максимально приближало исследователя к фактам языка — непосредственно грамматики, каковы они есть на самом деле.

Теперь перейдем к русскому литературоведческому «формальному методу», в авангарде которого и стоял ОПОЯЗ — Общество изучения поэтического языка. (Иные авторы склонны весь русский литературоведческий формализм отождествлять только с ОПОЯЗом.)

Е. Д. Поливанов был одним из основателей и наиболее крупных фигур этого Общества. Между тем Поливанов в сборниках ОПОЯЗа публиковался мало. Собственно, опубликована была в первом же сборнике одна статья¹, и она же была перепечатана затем в опоязовской «Поэтике» (3-й сборник). Причем эта статья

как будто и к проблематике ОПОЯЗа отношения не имеет: речь в ней идет о роли «звуковых жестов» в японском языке вообще, отнюдь не в поэтическом.

Тем не менее авторитет Е. Д. Поливанова в ОПОЯЗе был очень высок. Можно сказать, правда, что мол и Ю. Тынянов в сборниках ОПОЯЗа не печатался, а каким огромным влиянием и авторитетом в этом обществе он пользовался — общеизвестно. Но Ю. Тынянов публиковал свои работы по поэтике, по теории литературы и теории литературного процесса, исследования эти признавались как опоязовские, а многочисленные поливановские работы, относящиеся к названным сферам, не были в свое время опубликованы. Да и на заседаниях общества он бывал нечасто, впоследствии же годами был, если можно так выразиться, «заочником» ОПОЯЗа, живя далеко от Ленинграда.

Откуда же этот престиж в Обществе, эта репутация одной из крупнейших его фигур? Дело, полагаем, тут вот в чем: ОПОЯЗ — это не только (а для членов его, пожалуй, не столько) писанные и опубликованные труды. Это и живое в устном общении участников генерирование идей, мнений, живой обмен ими, плодотворный для всех. И тут-то, надо думать, в сонме талантов не последнюю роль играл Е. Д. Поливанов.

Поливанов... Он был своего рода Сократом в ОПОЯЗе. Хотя о его высказываниях, идеях, спорах, разговорах с единомышленниками сохранилось ничтожно мало свидетельств, что тоже обусловлено было обстоятельствами его нелегкой судьбы.

Но вернемся к ОПОЯЗу, к «формальному методу в литературоведении» — что он собою представлял? И какое отношение к нему имеет Поливанов, насколько можно об этом судить по единичным наличествующим свидетельствам, по опубликованным через многие годы его работам? В книге «Жили-были» Виктор Шкловский, инициатор создания ОПОЯЗа, вспоминает:

«Было у нас Общество изучения теории поэтического языка, которое мы назвали ОПОЯЗом, по типу сокращения военного времени.

... В ОПОЯЗе соединились люди, связанные с поэзией Маяковского и Хлебникова, скажем прямо — футуристы и молодые филологи, хорошо знающие тогдашнюю поэзию.

Что могло привести академически настроенных учеников Бодуэна де Куртенэ к футуристам, к людям,

иногда странно одетым и всегда странно говорящим? Анализ слова и нетрадиционность мышления»².

Ответ покажется нным чересчур обобщенным. Думается, что конкретизирует его то, что сказано В. Шкловским немногими строками ниже, хотя вроде бы в ином плане, в ином отношении.

«Магнитное поле революции невольнo изменяло мысли людей. Даже если они не ставили революцию в программу своего действия. Они говорили прошлому: „Нет“». А молодые, сверхакадемичные на первый взгляд (В. Шкловский говорит и об этом) филологи, талантливые ученики талантливейшего Бодуэна де Куртенэ, вошедшие в ОПОЯЗ, «ставили революцию в программу своего действия». Якубинский и Поливанов, особенно последний, с первых дней революции начали сотрудничать с Советами, а вскоре и стали коммунистами.

Начиналось направление, получившее название ОПОЯЗ, с тезиса (сформулируем его словами Шкловского же): «Поэтический язык отличается от прозаического языка тем, что у него другая функция и что его характеризует установка на способ выражения»³. Поэтический язык отличается от языка прозаического (собственно говоря, практического) не составом, как когда-то думали, а направленностью, ролью его. Роль же его (функция, направленность) — в «воскрешении» (термин Шкловского, первая работа которого и называлась «Воскрешение слова») всего того, что в практической речи уже «автоматизировалось», стерлось, стало привычным и потому утратило «ощутимость». Отсюда у опоязовцев — тезис, который шире по значению, да и существеннее первого, исходного: задача не только одного языка и поэзии вообще как таковой, не только поэзии собственно, а всей литературы, наконец, и всего даже искусства в целом — возвращать и создавать ощутимость того, о чем гласит, что стремится передать данное явление искусства, ощутимость и самого его материала, словом, разрушить автоматизм восприятия всего привычного.

На этой идее мы задержимся, поскольку к ней, вернее, к ее развитию, имеет прямое отношение (как представлено это будет в своем месте далее) Е. Д. Поливанов. К тому же идея эта пронизывает весь «формальный метод в литературоведении», как он обнаруживается в опоязовском толковании. А это толкование своей конкретностью, наглядностью, наличием в нем здоро-

вых, адекватных реальности моментов резко отличается от построений многочисленных школ зарубежного формализма.

Идею деавтоматизации, кстати заметим, еще трети-ровали как неоригинальную, ее — в том или ином виде — находили и находят у русских и у западных предшественников опоязовцев. Но при этом упускают из виду: у опоязовцев она впервые играла роль не спорадического соображения, а генеральной, стержневой категории, важного всеохватывающего методологического принципа. И если идея эта чего-то стоит, то именно в превращении ее в существенный методологический принцип — заслуга опоязовцев. Надо ли говорить, что идея существования и исторической эволюции искусства только как вечного обновления, вечной борьбы с устарелым (сделавшимся привычным, стертым и потому устарелым) была созвучна духу революции.

Но... как же насчет формализма? Не была ли эта идея формалистичной в собственном негативном смысле этого понятия? Сама по себе она ни формалистична, ни антиформалистична. Однако она может приобрести соответствующие качества в связи с концепцией, в которой она предстанет перед нами. Как, скажем, исходная идея фоны сама по себе еще не заключала в себе ни идеалистической, ни материалистической тенденции. Идеи такого рода становятся формалистичными, идеалистическими (или, напротив, антиформалистичными, материалистическими) лишь в контексте концепции, в которой они предлагаются. Концепция же опоязовцев в целом, увы, действительно объективно «скатывалась» к формализму. Отрицалась или по крайней мере предельно преуменьшалась категория содержания, содержательно-познавательная функция искусства, правда, не у всех опоязовцев и не во всем, даже у крайних представителей школы (не только в конкретных историко-литературных, но и теоретических работах). Так, скажем, у Ю. Тынянова, даже раннего, вряд ли можно обнаружить — в целом! — столь экстремистскую тенденцию. Не отрицал важности содержания О. Брик.

И даже у раннего В. Шкловского, едва ли не наиболее формалистичного из опоязовцев, были частные замечания (к сожалению, частные), в которых формальный принцип разумно ограничивался, не абсолютизировался как покрывающий все и вся в искусстве. Так, начиная свою статью «Искусство, как прием», он прово-

дит аналогию между искусством и производством и говорит, что в производстве (читай: и в искусстве) его интересуют не общественно-политические выходы последнего (не «экономическая конъюнктура» и т. д.), а технологическая сторона как таковая. Значит, техника, форма вовсе не исчерпывают все и вся в искусстве; просто исследователь в данном случае занимается одной техникой его.

Если бы опоязовцы были последовательны в такого рода ограничениях, это дало бы существенно меньше поводов обвинять их в подлинном формализме... «Ущупанный» (словечко Шкловского) опоязовцами принцип деавтоматизации верен, но с большими ограничениями как принцип осуществления и исторического бытия искусства, а именно когда он понят как относящийся лишь к формальной, технической стороне искусства, к факторам внутренним, «факторам самодвижения» художественного творчества, вовсе не исчерпывающим, вовсе не тождественным действительному, фактическому историческому движению искусства, поскольку оно весьма зависимо и от «внешних», общественно-исторических условий.

Одними внутренними факторами, и прежде всего борьбой со ставшим привычным, автоматизированным, утратившим осязаемость, можно разве объяснить хотя бы то обстоятельство, почему в одни эпохи характерные для них жанры, определяющий их метод живут долго, а в другие — жанры, методы стремительно сменяют друг друга? Иное дело — хотелось бы это вновь и вновь всячески подчеркнуть — частное действительное значение фактора, на который так упорно указывали опоязовцы. Оно, конечно, имеет место, и ошибку совершают те, кто, как говорится, выплескивают из ванны вместе с водою и ребенка, выбрасывают вместе с ошибочным и здоровое в наследии «русской формальной школы литературоведения», в наследии ОПОЯЗа.

Кстати, один характерный штрих. Как выяснил не так давно А. Гулыга, понятие «остранения», введенное В. Шкловским в связи с деавтоматизацией искусства и подхваченное другими опоязовцами, было принято Бертольдом Брехтом, который, естественно, пользовался немецким эквивалентом этого термина. Когда же этот эквивалент передавался по-русски в переводах Брехта на наш язык, переложители не вернулись к исходному «остранение», а передали термин уже другим словом —

«очуждение», однако фактически понятия, стоявшие за этими как будто «разными» терминами, идентичны. Тем не менее многие наши критики «отдавали» должное Брехту за категорию «очуждения» и... ругали опоязовцев за идеалистическое будто бы понятие «остранение»...

Какое все это имеет отношение к Е. Д. Поливанову? Не только в том дело, что как опоязовец Поливанов был увлечен идеей деавтоматизации восприятия слов и вещей как существенного принципа художественной словесности. Есть тут еще и нечто, относящееся, судя по косвенным источникам, непосредственно к Е. Д. Поливанову, к его личному вкладу в теорию деавтоматизации.

Я. О. Зунделович, который знал Е. Д. Поливанова, как-то рассказывал мне: «Встретил однажды Поливанова в редакции „Литэнциклопедии“. Разговорились (он ко мне дружески относился, считая, что и я принадлежу к „спецификаторам“, хотя и несколько иного толка, чем опоязовцы). И между прочим он мне не без скромной гордости заметил: „Вот относительно воскрешения житейски-автоматического в искусстве. Говорят: узнавание (я бы сказал, скорее, опознание) и видение, традиционные мотивы и обновляющие их сочетания. А ведь у Шкловского вначале только-то и было, что „воскрешение“, „остранение“. Не понимаете? Одночлен! А биномность возникла уже, по моему предложению, по аналогии с теорией фонем: фактические модификации фонемы и сама фонема, с которой они ассоциируются, функционально значащее и незначащее (или косвенно лишь значащее)» (Я. О. Зунделович.— Из архива автора).

Не знаю, достаточно ли точно передаю я через много лет сказанное Зунделовичем. И достаточно точно передавал ли он сам сказанное Поливановым. Однако мне представляется, что суть дела это, по-видимому, отражает. Вот, например, в книге Я. В. Лоя по истории лингвистических учений мы читаем: «В основу теоретической платформы ОПОЯЗа легло учение Л. П. Якубинского и Е. Д. Поливанова о поэтической речи. А в этом учении — об автоматизации языка общения и актуализации внимания к форме в поэтическом языке, в свою очередь, отразилось бодуэновское различие сознательного и бессознательного в языковом мышлении»⁴.

Похоже, что Я. В. Лоя даже несколько преувеличивает роль вклада учеников Бодуэна де Куртенэ — Якубинского и Поливанова — в опоязовскую теорию автоматизации языка в практическом общении и актуализации его в поэтической речи, забывая о роли Шкловского. Что же касается корней, истоков соответствующих идей, возводимых им, как видим, к Бодуэну де Куртенэ, полагаем, он прав. Но, на наш взгляд, более здесь отразилось бодуэновское учение о фонеме (детально развивавшееся как раз в те годы Л. В. Щербой, Е. Д. Поливановым и Н. Ф. Яковлевым. Первых двух вместе с Бодуэном назвал своими предшественниками Н. С. Трубецкой, чьи «Основы фонологии» до сих пор остаются основополагающим трудом для всех господствующих течений современной лингвистики). И еще, пожалуй, сыграло видную роль учение Бодуэна о психическом (т. е., по существу, функциональном) ударе, которое ныне мы называем учением о релеванности и нерелевантности.

Любопытно в этом смысле, как «биномно» передает соображения о сути фонемы Шкловский, один из пионеров учения о проблеме деавтоматизации в поэтической речи, о конкретных приемах деавтоматизации: «Профессор (т. е. Бодуэн де Куртенэ.— В. Л.) спорил с утверждением, кажущимся безвредным и невинным,— „слова состоят из звуков“. Произведя очистительную работу, Бодуэн выдвигал главное понятие — фонему... Фонема — знак общения и появляется как результат учтенных однородных сигналов (звуковых и однородных, имеется в виду — функционально, не материально.— В. Л.) при усвоении языка. В сигналах (т. е. не в одном и том же при его повторении, а в разных.— В. Л.) самое важное — их различие, которое [...] поддерживается необходимостью постоянной ориентировки людей, дающих друг другу информацию... В каждом сигнале самое важное то, что его отличает от другого сигнала. Например, если две страны имеют флаги, состоящие из одинаковых цветных полос, то различить их можно только порядком расположения этих полос»⁵.

Если тут читатель может спросить: «А какую роль играет древко флага (в самом сигнале)?», то ответить нетрудно: «Да никакую!» Шкловский несколькими абзацами далее именно это объясняет уже в своем примере: «Если мы разгадываем сообщение, которое дается закрытым или открытым семафором, то нам важна по-

движная часть семафора, поднята она или горизонтально опущена, а столб семафора имеет только вспомогательное (но не непосредственно сигнальное.— В. Л.) значение. Следя за изменениями слова, мы должны следить за изменениями тех элементов, которые несут изменения смысла»⁶.

Однако уже понятно: не всякое материальное изменение элементов слова изменяет его смысл, подобно тому как изменение, скажем, толщины семафорного столба не изменит сигнала семафора. Иначе говоря, тут есть функционально значащее и функционально незначащее (или по крайней мере играющее лишь служебную роль для того, что функционирует непосредственно), *сигнальное и не имеющее непосредственно сигнального значения*. Опять «бином», оппозиция моментов, без которых невозможен акт общения.

Кстати, говорит об этих материях человек, постоянно подчеркивающий отсутствие у него регулярной подготовки, в частности лингвистической. Не плоды ли это давних бесед с истолкователями Бодуэна де Куртенэ? А более всего в теории фонем разбирались в ОПОЯЗе Н. Ф. Яковлев и Е. Д. Поливанов!

К тому же, как очень часто утверждал В. Шкловский, в ОПОЯЗе не принято было считаться с тем, кому именно персонально принадлежит предложение той или иной идеи: все, что говорилось здесь, становилось общим достоянием.

Вот и Ю. Тынянов, выдвинув в семасиологии (применительно к значению слова в стихе) оппозицию основного и второстепенного (второстепенных) признаков значения, в примечании сам говорит об аналогии вводимых им понятий с фонемой и ее вариантами в звуковой области языка. Между тем В. Шкловский более прочих опоязовцев был связан с Е. Д. Поливановым, да и Ю. Тынянов проявлял к последнему особенный интерес. Короче говоря, многое говорит в пользу того, что именно поливановские соображения относительно аналогии с фонологической парой «фонема — ее модификация» привели к тому, что явление деавтоматизации стали выражать тоже «биномной» парой понятий, стали принимать во внимание обязательное наличие фона для деавтоматизации, наличие «неостраненного» для «остранения».

Любопытна судьба этого «бинома» в дальнейшей его филиации, если верно, что возник он на почве аналогии

с понятиями «фонема — звуковая модификация (вариант)». Как известно, Пражский лингвистический кружок стал преемником ОПОЯЗа и Московского лингвистического кружка. Пражан, членов кружка знакомили с работами опоязовцев члены — выходцы из России: Трубецкой, Карцевский, Якобсон, Богатырев. Причем последние два являлись сами бывшими опоязовцами. В «Трудах» пражан, кстати говоря, печатался и Е. Д. Поливанов. Такие видные чешские члены кружка, как В. Матезиус, его председатель (бывший литературовед, сделавшийся крупным лингвистом), Я. Мукаржовский, литературовед, впоследствии президент Академии наук Чехословакии, весьма увлеклись работами В. Шкловского. А потом в синтаксических работах В. Матезиуса мы встречаем учение об актуализации (!); встречаем категории темы и ремы, которые поразительно сходятся с понятиями узнавания (опознавания в интерпретации Поливанова, по словам Зунделовича), с одной стороны, и видения — с другой. Ныне учение о теме и реме — достояние мировой лингвистики — общепризнано.

Примечательно, что многие идеи ОПОЯЗа и Пражского кружка продолжил Поливановский кружок в Париже, разросшийся в целый научно-исследовательский институт с многочисленными редкими специализациями. Организатор и руководитель этого кружка Леон Робель писал мне из Парижа: «Поливановский кружок возник 25 января 1969 г., в день 31-й годовщины смерти Поливанова. (Тем подчеркивается преемственность по отношению к ОПОЯЗу и Пражскому лингвистическому кружку.) Мы заявляли о том, что воспринимаем поливановский проект „*Corpus poetiarum*“. Кружок имел свое помещение в Институте живых восточных языков и вел всю свою работу на общественных началах без всяких субсидий. Основателями кружка являлись поэт, математик, лингвист Жак Рубо и я. Наша деятельность продолжалась в таком статусе пять-шесть лет. Потом кружок стал основой научно-исследовательского центра по сопоставительной „поэтике“. С 1973 г. выпускаются нами „Тетради“. Много лет собирается по пятницам „поливановский семинар“. Выступают на нем лингвисты, литературоведы, математики, философы, музыковеды, биологи, историки, композиторы, поэты... Для многих ученых и литераторов стало естественным выражение „идти на Поливанова“... В нашу программу входят

такие разделы, как автоматическое „узнавание“ канонических метров ... анализ при помощи ЭВМ стихотворений на многих языках, поэтико-музыкальных форм, поэтических переводов; автоматическое производство стихотворных текстов и т. д.»

Как показывают новые материалы, ОПОЯЗ настолько был значительным для его бывших участников, что многие из них в конце 20-х годов имели настойчивое намерение возродить его на новых условиях, на обновленной во многом почве. И примечательно, что в новый состав ОПОЯЗа неизменно включался Е. Д. Поливанов. Об этом свидетельствует письмо В. Шкловского Ю. Тынянову, а также письмо Ю. Тынянова В. Шкловскому от 1928 г. с припиской Р. Якобсона: «Витя, Тынянов тебе все расскажет. Пока же: необходим ОПОЯЗ. Предлагаем предложить вхождение следующим лицам: ты (председатель), Тынянов, я, Эйхенбаум, Бернштейн, Поливанов, Якубинский, Томашевский, Яковлев...»⁷.

...Прошли десятилетия, и вот В. Шкловский, давно уже неформалист, в последней прижизненной книге своей, в новом тексте по-старому названной книги «О теории прозы» (закрывающей для сравнения и текст давней одноименной книги) подхватывает принцип повтора как основополагающий в технике искусства, искусства слова в частности.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ — СТИХОВЕД И ТЕОРЕТИК ЛИТЕРАТУРЫ

Ученый широкого филологического диапазона, Е. Д. Поливанов совмещал в себе разнообразные лингвистические и литературоведческие устремления, был теоретиком и историком литературы. «Поливанов всю жизнь интересовался вопросами литературоведения и имел в этой области немало публикаций. Здесь сыграли свою роль его интересы студенческих лет, когда он много работал в области русской литературы у И. А. Шляпкина и по окончании университета даже стоял перед выбором, на какой из кафедр (И. А. Шляпкина или Бодуэна) остаться для дальнейшей работы»⁸.

Е. Д. Поливанов был филологом в лучшем смысле этого слова, не замыкавшимся узкой сферой своей специальности.

Теперь о работах Е. Д. Поливанова в области поэти-

ки. Если говорить о ныне известных работах учёного, относящихся к поэтике в узком смысле, т. е. к строю, организации стихотворных произведений, наибольшее значение здесь имеют две работы, опубликованные А. А. Леонтьевым: «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники»⁹ и «Рифмология Маяковского»¹⁰. Автор этих строк располагает также копией неопубликованной работы Е. Д. Поливанова «О форме японской поэзии», любезно предоставленной ему В. В. Катаняном, за что приношу ему свою искреннюю благодарность (оригинал статьи находится в архиве О. Брика, одного из активных участников ОПОЯЗа).

К работам Е. Д. Поливанова по поэтике следует отнести также статьи: «О метрическом характере китайского стихосложения»¹¹, «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других „алтайских народностей“»¹², «Аллитерация»¹³, «Акцентуация»¹⁴, «Формальные типы японских загадок»¹⁵ и др.

Что же собою представляют взгляды Е. Д. Поливанова на поэтику (в вышеуказанном ограничительном смысле понятия)? Е. Д. Поливанова интересует чисто формальная, техническая, как он выражается, сторона ее, понятая как объект лингвистического, собственно, еще уже — фонетического изучения.

Сила и заслуга поэтехнических высказываний, идей Е. Д. Поливанова в том, что поэзия не мыслится им вне определенных, обязательных для нее форм, определенной техники при всем многообразии этой «техники» у разных народов в разные эпохи, при многообразии ее, наконец, у разных отдельных художников слова. Исследователем повсюду подразумевается в качестве непреложного тезис: «сами по себе» высказанные поэтическая мысль, поэтическое переживание не есть еще поэзия, они должны обязательно воплотиться в некоей стихотворной технике, в неких формах, обусловленных, с одной стороны, средствами, возможностями данного языка, с другой — узусом, традицией или, напротив, нововведениями в данной стиховой культуре. Без конкретной техники, без форм нет и поэзии. Когда в поэзии «разрушаются», казалось бы, все и всяческие каноны, можно при внимательном исследовании некие каноны все же обнаружить, но это будут непривычные, обновленные уже каноны. Это, по мнению Поливанова, касается даже таких крайних, экстремистских видов стихо-

творства, как заузная поэзия! Там же, где действительно отсутствует какая бы то ни было регулярная техника, какие бы то ни было формы, там уже нельзя говорить о поэзии как о стихотворстве.

Однако Е. Д. Поливанов, всячески отстаивая этот принцип (вполне справедливый!), не оговаривает, что само наличие техники, формы еще не делает стихотворную речь поэзией. И в этом — уязвимость взглядов ученого на поэтику, несмотря на то что в выражении их он, очевидно, намеренно (полемиически) допускал «пережим», «перехлест»! Е. Д. Поливанов ведь предполагал упомянутые нами работы публиковать, а это при засилье вульгаризаторов должно было вызвать бурю. И пусть уж тогда громы и молнии будут совершенно неистовы — это привлечет внимание к сути дела, заставит людей задуматься над тем, что от техники, формы нельзя просто отмахнуться, нельзя их игнорировать. По-видимому, так или примерно так рассуждал ученый, о чем свидетельствуют крайности, которые иначе как эпатаж лишь поняты быть не могут и которыми открывается, например, чуть ли не с первых же строк его статья об «Общем фонетическом принципе всякой поэтической техники»: «„Раз, два, три — нос утри“ — это, оказывается, поэзия, ибо тут есть „техника“ — рифма...».

Нет, сколько бы ни хотел эпатировать вульгаризаторов, приверженцев одной лишь содержательной стороны поэзии, Е. Д. Поливанов, как бы он ни стремился к полемической буре, вследствие которой-де удастся кое-что поставить на свои места, вряд ли он мог не согласиться с тем, что, хотя всякая поэзия-стихотворство требует определенных форм, формы эти при всем их многообразии неизбежно фонетические (мы еще будем об этом говорить), но не всякое стихосложение, не всякое обнаружение общего фонетического принципа построения стихов любой системы есть, в свою очередь, поэзия. Нет, отнюдь, далеко не всякое! Тут ведь речь пойдет — вещь нешуточная! — о том, что искусство, а что вовсе таковым не является. И еще. В области самой поэзии, поэзии как искусства, все качественные градации, все ступени великой иерархии ценностей лежат вовсе не в сфере «частной техники», а в сфере содержания — в его взаимодействии, соотносительности с техникой и никак не иначе. «Содержание есть необходимый конститутивный момент эстетического объекта, ему кор-

релятивна художественная форма, вне этой корреляции не имеющая вообще никакого смысла»¹⁶.

Зачеркивает ли, однако, это соответствующие работы Е. Д. Поливанова? Нет! Ученому удалось многое сделать в изучении той сферы, которой он ограничился. Что же именно?

Существуют самые разнообразные типы стихосложения, типы стихотворной техники, «поэтехники», как это называл Поливанов. Воспитанному на русском классическом стихосложении читательскому сознанию рифма представляется почти неслучайной, обязательной приметой и составляющей стихотворной речи. Русскому читателю и доньше белые стихи (а тем более верлибр!) не привычны. Он склонен считать настоящими стихами стихи с закономерно чередующимися рифмами. Между тем есть типы стихосложения, где о рифме либо вовсе никогда не слыхивали, либо она — явление спорадическое, редкостное, как выражался Е. Д. Поливанов, «неканоническое». Для русского писателя стихи еще озаменованы, как правило, регулярным чередованием ударных и безударных слогов.

Но есть типы стихосложения, основывающиеся совсем на иных явлениях, на иной регулярности. Знание Е. Д. Поливановым множества языков самого различного строя, стихосложение в которых соответственно никак не менее разнотипно, это знание открывало перед ученым такой диапазон разнообразных доминирующих принципов версификации, масштабы которого трудно даже себе представить. И вот ученый задался вопросом: чем же все это объединяется, отчего во всем этом мы чувствуем несомненное единство, которое уверенно обозначаем словом «стихи»?

Повтор! Звуковой повтор — в самом широком смысле. Повтор, заключающийся в совпадении (или, реже, сходстве) конечных звуков строки — в рифмовке, в повторении правильных (в основном) чередований ударных слогов с безударными, в повторении стоп — равных по длительности сочетаний слогов, основывающемся на долготе и краткости гласных, в повторении равносложных строк, в повторении (или сходстве) звуков в так называемой инструментовке, в повторении согласных (аллитерация) в начале строк в некоторых архаических системах стихосложения. Наконец, в повторении числа ударений в строках.

В статье «Общий фонетический принцип всякой поэ-

тической техники» Е. Д. Поливанов отчетливо выразил свое отношение к так называемой «заумной поэзии». Там, где в произведениях поэтов-«заумников» (включая и собственные поливановские эксперименты этого рода) обнаруживались повторы либо соответствия, иногда перекрестия или иные однородные между собою, т. е. опять-таки регулярно повторяющиеся, геометрические фигуры, образующие своего рода «пары звуков», — там для Поливанова наличествует звуковая организация, превращающая звуковую массу в стихи. Нет этого — нет и стихов. А, позвольте, как же насчет бессмысленности заумных стихов, пусть и обнаруживающих какую-то организацию?

И тут, как что-то само собой разумеющееся, возникает... подспудное представление о важности и даже доминировании в тексте категории значения! «Заумь» в норме, как утверждал Е. Д. Поливанов, может играть лишь роль своего рода «бордюра» в стихах, в рефренах, т. е. роль частную, даже весьма и весьма частную, подчиненную. Только «временно», в определенные моменты, когда идет процесс переделки, а значит, и ломки — всемерного обновления старых систем, бывшие «бордюры» могут подчас обретать значение и самостоятельных (по-видимому, экспериментальных?) произведений, хотя бы значительных их фрагментов. Суть же их — выявить выразительность звуковой материи как таковой, о которой поэту следует помнить, которую ему следует учитывать всегда, учитывать в отличие от читателя, для которого она почти никогда не всплывает вполне ясной осознанностью, но тем не менее воспринимается им, неосознанно действует на него.

Е. Д. Поливанов пишет ряд статей по истории литературы: «Абхазская литература»¹⁷, «Гомер персидской литературы (Фирдоуси как автор „Шахнамэ“)»¹⁸, «Катюша Маслова в Японии»¹⁹, «Татарская народная версия „Шемякина суда“»²⁰, «Давыдов Д. В.»²¹ и др.

Интересен и такой новый факт из литературоведческих увлечений Е. Д. Поливанова. Во Фрунзе, по-видимому, в 1936—1937 гг. он пишет статью «Детские годы Лермонтова» объемом 1 п. л. и посылает ее в альманахах «Год XXII». Редактор альманаха, не зная о том, что случилось с Е. Д. Поливановым, 28 августа 1939 г. посылает ему ответ: «Уважаемый тов. Поливанов. Возвращаем Вашу рукопись „Детские годы Лермонтова“, т. к. в альманахах она не подходит. Секретарь редакции...»²². Рукопись этой статьи до сих пор не найдена.

Его обширнейшие познания в области различных литератур искали выхода, и он не только писал статьи, делал разборы отдельных произведений, но и имел намерение читать²³ в институтах целые курсы по литературе, о чем свидетельствует его письмо к В. Я. Брюсову 10 апреля 1924 г. с предложением прочитать курс лекций по истории литератур Востока: *Не смог бы я начать чтение курса уже в этом году?*²⁴. Значит, курс лекций у него был уже готов? По-видимому, речь шла о чтении курса истории литератур Востока в Высшем литературно-художественном институте, где В. Я. Брюсов был ректором.

К своему письму Е. Д. Поливанов приложил «Программу курса по истории литератур Востока», которая подтверждает незаурядность ее автора и в этой области знаний. Вот эта «Программа...»:

Примечание. Поскольку курс озаглавлен: История литератур (всего) Востока, а не есть просто совокупность курсов японской+китайской+персидской и т. д. литератур, дать же политический обзор литератур Востока (по крайней мере, для меня) в течение годового курса невозможно, я полагаю, построить программу не по странам, а по литературным формам (видам) — так, чтобы каждая форма иллюстрировалась материалом из этой литературы, где она наиболее широко представлена. Таким образом, выступает следующий приблизительный набросок программы:

Народный эпос. Кара-киргизский и ногайский эпосы как главные героические эпосы в турецкой сфере, их отложения в Казак-киргизском. Вопрос: почему нет героического эпоса у узбеков. Сказочный эпос у узбеков и узбекская «плутовская» новелла. Персидский художественный эпос. Почему нет народного героического эпоса в Китае и Японии. Древне-японский мифологический эпос и китайский исторический роман. Сказки и теория миграции. Индийский ее источник. Народная лирическая кантилена. Казак-киргизский, башкирский.

Искусственная лирика Китая (Ши-цзин, танская поэзия) и Японии.

Персидская лирика.

Индийская, китайская, японская и рюкюская драма.

Подробная разработка программы будет доставлена в случае принципиального согласия с основой плана²⁵.

Особое место в литературоведческих исканиях Е. Д. Поливанова занимала поэзия В. В. Маяковского, к

которой он обращался неоднократно. (С Маяковским он был знаком со времени организации ОПОЯЗа.) Л. Ю. Брик в «Воспоминаниях о В. В. Маяковском» пишет: «Мы любили тогда только стихи... Я знала все Володины стихи наизусть, а Ося совсем влип в них. С этого времени и начались так называемые „козявки“. Козявками я называла значки, которыми Ося исписывал тетради. Из них выяснялись потом звуковые повторы. Работал Ося с утра до вечера... В связи с козявками пошли у Оси с Шкловским филологические разговоры. Завелся Кушнер. Пришли Якубинский и Поливанов... Поливанов был профессором Петербургского университета. Никто не знал, где он потерял руку... Прекрасно владеет японским и китайским языками. В первые же дни революции он вступил в коммунистическую партию, организовал петроградских и московских китайцев»²⁶.

Эти сведения дополняются такими словами М. С. Кардашева, который в конце 1963 г. писал А. А. Леонтьеву: «Со смертью Брика оборвалась еще одна нить. А ведь началась наша переписка раньше — Вы, возможно, смогли бы у него многое почерпнуть. Е. Д. он знал хорошо, а отношение Е. Д. к ОПОЯЗу и „Поэтике“, думаю, — лучше, чем кто-либо» (М. С. Кардашев. — Из архива автора).

В. В. Маяковский знал и ценил статьи и выступления Е. Д. Поливанова по поэтике. 10 февраля 1919 г. Маяковский представил наркому просвещения А. Луначарскому список книг, намеченных к изданию²⁷. В этот список входил и «Сборник по теории поэтического языка». «Сборник, — писал В. В. Маяковский, — будет состоять из второго издания переработанных статей первого и второго сборников и новых статей: по сюжетосложению, ритмике, теории каламбура, методике, по исследованию смысловых вариантов, а также статей, выясняющих основные методологические ошибки теоретиков символизма. К сборнику будет приложен отдел материалов и полный библиографический указатель литературы на русском и европейских языках. Участвуют Брик, Поливанов, Якубинский, Эйхенбаум, Шкловский и др.²⁸. А в году 1920-м своей хроники В. Катанян сообщает: «Маяковскому был посвящен еще один вечер в петроградском Доме искусств — 20 декабря. Доклады Виктора Шкловского „Вобла воображения“ и Евгения Поливанова „Америки Маяковского“. После докладов — диспут на тему „Будущность русской поэзии“ (афиша)»²⁹.

Эти постоянные интересы Е. Д. Поливанова к творчеству В. В. Маяковского вылились в первую очередь в исследование «Рифмология В. В. Маяковского» и ряд других работ, которые остались нам неизвестны. А сомнений в том, что они существовали, быть не может. Подтверждается это письмами Евгения Дмитриевича к В. Б. Шкловскому, где идет разговор о целом сборнике статей, посвященном Владимиру Маяковскому. Он писал Шкловскому в конце 20-х годов из Самарканда следующее:

Дорогой Виктор, Вы, действительно, настоящий друг, т. к. от Вас я дождался того, чего ни от кого не видел и что мне единственно и было нужно: малость моральной, так сказать, поддержки и поддержания моей мысли, что сидишь и пишешь не вполне впустую. А теперь не сердитесь, что повторю и напому просьбы: 1. Запишите мой адрес: «Самарканд, ул. Фрунзе, 47, УзГНИИ, мне» и напишите мне, особенно если удастся со сборником о Маяковском. 2. Если сами решите, переговорите о сборнике этом (анализ творчества) с Тихоновым и если время не упущено, все выйдет хорошо. Была минута, когда все зависело только от Вашего желания и м. б. настойчивости. Впрочем, об этом сборнике я больше думаю не из своих интересов, а говоря по правде — из-за любви к Маяковскому и м. б. даже это важнее для меня»³⁰.

В этом письме, как видим, и признание В. Б. Шкловского «настоящим другом», который, один из немногих проявил к Евгению Дмитриевичу особое уважение, поддерживал морально в изгнании, и благодарность за «поддержку и поддержание» его мыслей; и надежда на скорый выход в свет сборника статей о Маяковском; и признание в любви к Маяковскому, которая даже важнее выхода самого сборника, и т. д.

Но сборник так и не вышел, и судьба его неизвестна. Поиски в архивах и предполагаемых издательствах ни к чему не привели. Это, по-видимому, была его главная литературоведческая книга, ведь недаром он в своих письмах к В. Б. Шкловскому несколько раз писал об этом сборнике. Вот фраза из более позднего его письма к В. Б. Шкловскому:

*Если что насчет сборника о Маяковском, немедля, прошу, напишите*³¹.

«ПОЭЗИЯ, ПОЭЗИЯ... ОНА ВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ...»

Целеустремленность большого ученого в полной мере ощутима и в такой совсем особой части наследия Е. Д. Поливанова, как опыты стихотворства. Е. Д. Поливанов обращался к стихам на всем протяжении жизни. Очевидно, они отвечали всему яркому эмоциональному складу талантливого ученого, его человеческой увлеченности новыми идеями, событиями и давали выход наблюдениям, чувствам, настроениям. Но в большей своей части стихотворство используется Е. Д. Поливановым в научных целях, становится как бы продолжением его штудий, аргументирующих, иллюстрирующих выдвигаемые им новые положения по теории поэтической речи, современной поэтической технике.

Как известно, в языке поэзии Поливанов видел особо подвижную, реактивную, а потому и показательнейшую часть общеязыкового исторического развития. И вслед за своими учителями, прежде всего Бодуэном де Куртенэ, он поверял возможностями и тенденциями, демонстрируемыми поэтическим новаторством эпохи, общий процесс движения и обогащения национального языка, как правило, на широком фоне сравнительно-исторических экскурсов во многие другие языки. Отсюда — его неиссякаемый интерес к творческим достижениям и формальным экспериментам поэтов-современников. Отсюда же — основные особенности собственного его стихотворства, нацеленного более всего на выявление технических возможностей русского стиха и русского слова в системе современных поэтических форм, ибо, по словам М. М. Бахтина, «только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные; все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь самого себя»³².

Среди известных нам стихотворений Поливанова есть отклики на великие события времени — революцию и гражданскую войну, есть «экзотические свидетельства» его дальних научных поездок, в частности на Дальний Восток, в Японию и связанные с такими впечатлениями разнонациональные стиховые стилизации, есть относящиеся к первому десятилетию века «словоновшеские» композиции в стиле эго- и кубофутуристов...

До нас дошел подготовленный Е. Д. Поливановым в 1924 г. небольшой сборник стихов. Н. П. Архангельский писал о нем: «В 1935 году Евгений Дмитриевич появился проездом в Ташкенте в моей квартире (в ней мы живем с лета 1935 года); откуда и куда он ехал,— не помню. Он попросил поберечь временно тетрадку его стихов, которую разрешил прочесть (у нас с ним бывали беседы о стихах). Через несколько месяцев он опять был в Ташкенте и взял эту тетрадку. В ученической тетрадке было 24 стихотворения, все записаны почерком Е. Д. Поливанова. Прочтя, я подумал: как это важно для понимания трудной судьбы Евгения Дмитриевича! По моей просьбе Е. А. Архангельская, моя жена, переписала все стихи. Мне неизвестна судьба тетрадки-оригинала, увезенной Поливановым после нашей последней встречи... Гражданское мужество Е. Д. Поливанова в делах языковедческой науки осветилось для меня, когда я ознакомился с его интимной лирикой» (Н. П. Архангельский.— Из архива автора).

Более подробные сведения о сборнике стихов Е. Д. Поливанова, теперь уже найденном в архивах, имеются в неопубликованной статье ташкентского лингвиста С. И. Зинина — «Е. Д. Поливанов как поэт и переводчик» (1968), переданной мне автором. С. И. Зинин пишет о попытках Поливанова издать этот сборник в Ташкенте и приводит ироническую самохарактеристику ученого:

О сборнике уже дал отзыв (одобрительный) ГУСа. Автор — интеллигент, слагающий гимны Революции. К революционным стихам относится значительная (по объему) часть сборника. Остальные — или переводы (и подражания) китайских и японских оригиналов, или футуристические заумные стихи, или импрессионистические впечатления Дальнего Востока. Состав сборника, таким образом, очень сборный.

Возбуждать могут вопросы:

конец стих-я «Их шестеро с острова Моона»:

*... и только Христос из двухтысячелетней дали
Улыбнулся им кроткой улыбкой привета.*

Христос в этом агитационном стихотворении совсем не нужен. Он только для чувствительных барышень. Но т. к. такие есть, можно оставить. И в стих. «1 Мая» есть фраза: «Май, музыка, старому мат. Мать ево. Там каземат».

В Москве такие вещи, безусловно, теперь разрешают-

ся, тем более, что «крепкое слово» замаскируют (м. б. от глагола МАТИТЬ — 'давить' лат., что подходило бы к контексту).

Стих. «В 45 лет», несмотря на бесцельное содержание, может быть оставлено ввиду того, что имеет научную цену; как точное подражание китайским оригиналам.

Считаю возможным разрешить издание сборника.
9.1.1924 г.

Е. Поливанов

(С. И. Зинин. — Из архива автора).

И в дополнительных рецензиях Н. П. Архангельского и Б. Пестовского сборнику была дана положительная оценка. Вот что, например, писал в рецензии Б. Пестовский, преподаватель Туркестанского Восточного института: «По содержанию лирика Бо Цзи-шэна (китайский псевдоним Е. Д. Поливанова. — В. Л.) разнообразна. Многие стихотворения посвящены Востоку и экзотике. Но в них чувствуется, что автор действительно знает, любит и понимает Восток. Его стихи — стихи о действительном Востоке, а не о том Востоке, который живет лишь в воображении большинства европейских поэтов. В трактовке Востока у Бо Цзи-шэна нет досадных ляпсусов. Революционные стихи вполне искренни. Наилучшее из них „1917 год“».

Получив поддержку друзей, Е. Д. Поливанов отправляет свои стихи в Туркглавлит, сопроводив запиской: *Просим разрешить к печати брошюру «Поэзы и кляксы» (Сборник стихов) на русском языке в количестве 150 экземпляров (издание профессора Поливанова).*

И уверенный, что не будет препятствий к изданию, дописал на титульном листе своей рукописи: *В типографию. Всего 22 номера стихов, каждый номер — на отдельной стр-це. Книжка должна быть самого маленького формата (Из архива автора).*

Но сборник не был напечатан. Рецензент, к которому попала рукопись, уже по просьбе Туркглавлита дал самую отрицательную характеристику стихам Поливанова. Можно только отметить, что в отзыве нет оценки стихов с точки зрения формы, стиля. Рецензент в основном остановился на отрицательной характеристике самого поэта, обозвав «интеллигентным болтуном».

Возможно, что этот отзыв сыграл роль в судьбе сбор-

ника. Появилась резолюция «отказать». Был сделан запрос в ГУС для разъяснения. Попытки Поливанова дать дополнительные объяснения оказались безрезультатными. Сборник стихов Е. Д. Поливанова был отправлен в архив.

Сегодня эта книжечка перед нами — крайне пестрая по темам, жанровым свойствам, эмоциональным звучаниям, языковому колориту и, добавим, по соотношению содержательных и формальных заданий автора. (В немалой части стихотворных этюдов преобладают эти последние, т. е. формальные цели, важные для Поливанова-ученого.) Надо думать, что названные особенности, и прежде всего «формалистический душок», тоже были причиной недопущения сборника к изданию.

В подавляющем большинстве не ставшие фактами поэзии и как таковые не дающие сколько-нибудь серьезных оснований для рассмотрения, «стихоопыты» Е. Д. Поливанова тем не менее интересны как своего рода «мини-лаборатория» ученого, как показательный, на наш взгляд, «практический комментарий» к его лингвопоэтическим представлениям и стихотворческим идеям 20—30-х годов. Являют они собою и бесспорный, любопытнейший «комментарий» к его своеобразной личности.

Вот почему мы так внимательно читаем эти сохранившиеся в государственных архивах и в собраниях частных лиц образцы стихов Поливанова, прежде всего текст приготовленного самим автором для печати упомянутого сборника 1924 г. Он озаглавлен шутливо «Метагlossы»³³ с еще более самоироничным подзаголовком — «Поэзы и кляксы».

Известен нам также отрывок текста (по определению Поливанова, «глава IV») неосуществленной поэмы о В. И. Ленине, работа над которой велась в 1936 г.³⁴; в художественном плане наиболее серьезный из всех его ныне известных стихотворных опытов.

Сегодня нам очень дорого, что в лучших строках из предполагавшегося сборника, а еще явственней — в поэме о вожде революции Поливанов убежденно заявляет яркую гражданственность, преданность тому новому, что было внесено в жизнь России и судьбу родного народа Великим Октябрем.

Книжка «Метагlossы» содержит стихотворные отклики на знаменательные революционные даты, на новые, впервые утверждающиеся в преображенном общественном быту праздники. Тут и воспоминания о жертвах и

героизме простых людей в гражданской войне, мысли о прошлом и будущем Родины. Таковы два стихотворения под названием «1917 год», «1 Мая», «Посвящение Кронштадту», «Революция», «Окружила нас белая свора...». Идеи социальной справедливости, революционного обновления личности, гимн освобожденному труду, пафос интернационализма — лейтмотивы этих замыслов. «Волшебным словом» называет Поливанов революцию, благославляя ее и превознося как «революцию труда». Вера в необратимость благих перемен выражена, например, в повторяющемся рефрене стихотворения «1 Мая»:

Прошлого пошлость в истории том
Крепко замкнем
и завяжем узлом.

Та же уверенность и в строках стихотворения «1917 год»:

Невозможное возможно
А возможное — должно!

Характерная для первых лет Октября надежда на победное интернациональное развитие социалистической революции или, как говорилось тогда, на «мировую революцию» — идейный стержень стихотворения «Революция», где по воле автора с революционной Россией говорит сражающаяся за свое будущее рабочая Германия. Интересно, что третьим «собеседником революции» в стихотворении выступает сам автор под принятым им в сборнике китайским псевдонимом Бо Цзи-шэн.

На волне такого социально направленного лиризма рождаются порой в композициях Поливанова строки удивительной, вещей прозорливости, как, например, вот эти, из стихотворения «1917 год», очевидно, написанного по горячим следам Октябрьской революции:

...Дети мои! Мы ведь будем в Испании
С огненно-красным знаменем своим.

В этом Е. Д. Поливанов близок из наиболее ценных им художников революции, в первую очередь из числа русских поэтов-футуристов, любимейшему — В. Маяковскому. На его опыт он, полагаем, широко ориентируется как в своей практике стихотворства, так и в обращениях к теории русского стиха, к проблемам «поэтехники». Такая ориентация тем понятнее, что именно В. Маяковский — не только крупнейший поэтический та-

лант, со всей определенностью отдавший себя великой жизненной новизне — служению революции, но и непревзойденный мастер обновленного русского стиха, к тому же творчески близкий основной «сильной группе», по словам В. Шкловского, ОПОЯЗа, в которую уже в середине 10-х годов входил и Е. Д. Поливанов.

Не случайно статья Е. Д. Поливанова «Рифмология Маяковского» — одно из наиболее значительных обращений ученого к проблемам поэтики и теории поэтической речи — относится к тому же периоду, что и оформление, и попытка издания сборника «Метагlossы». (А. А. Леонтьев в предисловии к первой публикации этой работы в «Известиях АН СССР» определяет время ее написания в рамках «ташкентского периода» деятельности Е. Д. Поливанова, а именно в пределах 1921—1926 гг.) Знаменателен и тот факт, что, создавая в последующие годы основную свою работу в этой научной области — статью «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» (1930) ³⁵, где более широко и мотивированно развиты те же посылки теории современной «поэтехники», что и в «Рифмологии Маяковского», Поливанов в качестве стихотворных иллюстраций к положениям статьи использует отрывки собственных стихов, в подавляющем большинстве — из состава сборника «Метагlossы» ³⁶.

Вот почему перекличка с Маяковским — не подражательная, а своя! — естественная атмосфера стихов Поливанова. Мы не удивляемся, находя у него прямые реминисценции из Маяковского, как, к примеру, в стихотворении «1 Мая» в строках:

Музыка! Новый
Я иду, туш! —

в несомненной аналогии с общеизвестным финалом «Облако в штанах»:

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

При этом несравненно важнее самого факта переклички оказывается тут пафос сближения в неотрывной связи с обновлением жизни, судьбы всего трудового люда. Недаром строки эти возникают в стихах о празднике труда — 1 Мая.

Напоминают о Маяковском разоблачительные, резко

«снижаемые» черты образа старого мира. Это один из характерных для времени мотивов поэзии Поливанова. Особенно показательно обращение с этой целью к средствам шаржа, саркастической гиперболы. Ирония и сарказм в стихах Поливанова — способ максимализировать противопоставление старого и нового, что создает контрастную эмоциональную напряженность в строке этих стихов, объясняет резкие смены ритмов и смыслов в них.

Так, в стихотворении-песне «Кокаинная» («по восточным мотивам») останавливают внимание сатирически ёмкие современные образы — «бывшие в котиках», «публика чумная» и др., ассоциирующиеся с сатирическими формулами Маяковского. Ритмико-синтаксический строй этих стихов возвращает нас к стилевой атмосфере всей молодой советской поэзии с ее тягой к динамизму, лаконическим усечениям в синтаксисе, к подвижности ритмов (с совмещением жанровых черт городского фольклора типа «романсности» И. Сельвинского и одновременно разговорности в манере В. Маяковского):

Шумная чайная
Номер 13.
Публика чумная,
Грамм стоит 20.
Платят и сорок
Бывшие в котиках,
Плача, что дорог
Опыт в наркотиках...

Особо излюбленный сатирический мотив Поливанова, тоже по-своему перекликающийся с Маяковским, — антирелигиозный. Например, он становится доминирующим в упоминавшемся уже стихотворении «1 Мая». Оказывается он и в центре стихотворения о героях-моряхах из Кронштадта (стихотворение «Их шестеро с острова Моона», «Посвящается Кронштадту...», «1917 год»). Стихи эти по введенному в них «сюжету» — рассказу о пришествии душ геройски погибших моряков в рай и отказе их от «райской жизни» — перекликаются с наверняка уже известной автору к моменту их написания «Мистерией-Буфф» Маяковского. Сходство не только в построении избранного мотива (таковы диалоги «Матросов Красного Флота» с «дежурным апостолом» и со «старым, опытным ангелом из Могилева»), но и существенно тут переплетение «буффонного» словаря с высоким, мистериальным тоном, каким автор обрамляет свой рассказ, отчего он приобретает в итоге эпохальный замах.

Так именно ощущается финал читателем, где вновь рядом с масштабно-эпическим, историческим — личный элемент:

Но над Россией возмущенной
Блеснула молния,
И я
Узрел в ней пламя Октября.

Примечательны в прослеживаемых связях черты снижения вчерашних истин, «всесветных религий» в резких, рваных строках из стихотворения «1 Мая», где графика («лесенкой») и хлесткое просторечие, и синтаксис работают на образ-обобщение:

Стоят миллионы
Колонны, что обхватили Исакий
С божьей рожей,
Ха! —
Плюнул бы всякий...

А в стихах о бойцах-интернационалистах — китайцах, вставших в ряды сражающихся за русскую революцию (Поливанов, мы помним, прекрасно знал их, этих стойких, преданных избранной идее людей, по своей работе с ними в первые советские годы в Наркоминделе и в Союзе китайских рабочих), от лица героев как новая революционная вера и боевая присяга вновь звучит «безбожное»:

Нам другого бога не надобно,
Революция, тебе мы верны...

О поэтике Маяковского напоминают и элементы масштабной ассоциативной образности: привлечение крупных, общезначимых понятий и мотивов (Исакий, Вавилонны) и создание на их основе образов: в первом случае — религиозного одурманивания «миллионов», во втором — изживших себя цивилизаций («Вон, Вавилоны!»). Эмоционально-негативной оценкой этих понятий достигается общее дискредитационное освещение лика старого мира.

Любопытным ответвлением этой темы в ряде стихов, вошедших в состав сборника, выглядят мотивы личного несовершенства — автопортрет «себя вчерашнего» перед лицом революционного сегодня. Некоторые из этих стихов, по всей видимости, и созданы до Октября. Исповедь лирического субъекта в таких строках порой несет в себе действительно «вчерашние» чувства и настроения, а то и декадентские черты как в этике, так и в поэтике. Так, даже в стихотворении «1917 год» мы наталкиваемся на образность то символистского типа («с безумьем в

уста мне вложенное волшебное слово» — о революции), то футуристического образца с приемами грубой деэстетизации («душа моя пахнет скверно», «волочусь животом по торцу» и т. п.). В ряде стихотворений возникает интонация грустной, а то и жестокой самоиронии, за которой — тревожное ощущение «больных» стыков нового со старым, сознание реальной сложности процессов психологической адаптации в новых исторических обстоятельствах с их новыми, весьма необычными требованиями к личности. Достойным жить в обновленном революцией мире автору таких максималистских стихов видится далеко не каждый, ибо в идеальном будущем этого мира, как верит Поливанов-поэт,

Не будет слабых,
Больных душой,
Не будет боли.
Не будет войн...

Образ будущего предстает антитезой далекому от идеала душевному укладу многих, несущих в себе трудноискоренимые слабости прошлого («Пей вино, запершись в кабинете...»).

Неоспоримым ценностным контрастом старому и всеобщей реальным воплощением идеала личности и исторического деятеля для Поливанова была фигура В. И. Ленина. Она отчетливо намечена в одном из стихов в «Метагlossах» и очень интересно, самобытно освещена в набросках поэмы. Наиболее интересны наряду с этим общим (оно прежде всего — в масштабе личности Ленина) и свидетельства личного переживания и осмысления великого образа поэтом-ученым.

Так, в уже упоминавшемся стихотворении «Пей вино, запершись в кабинете...» в полной мере ощутима первоначальность подхода к теме, дающая в результате благоговейно-остраненное — «издали» (и этим сходное не столько с Маяковским, сколько, скорее, с Есениным, с его простодушием и незащищенностью) — освещение ленинского образа:

А в Кремле Ленин,
Такой большой,
Построит жизнь
Совсем без нас...

И лишь затем выявляется таимая в душе связь мечты героя и деяний Ленина:

И мне хорошо,
Я спокоен.

Качественно иное, зрелое восприятие личности вождя, его исторической роли складывается ко времени замысла поэмы «Ленин». Сказался тут, бесспорно, и возросший опыт всей советской Ленинианы (начиная опять-таки с Маяковского). Поливанов использует известный биографический факт проезда В. И. Ленина как русского репатрианта в дни первой мировой войны через Германию в запломбированном вагоне, в литературе не получивший сколько-нибудь заметного освещения. Стихотворный рассказ Поливанова высвечивает драматичную ситуацию с весомым и масштабным лаконизмом, глубокой и сильной мыслью, со сквозной лирико-публицистической интонацией. Впечатляет замыкающий главу образ воюющей Германии — «победоносной Германии», где «Царит дисциплина каменная, // Но нервы напряжены», где «Господствует воля и знание, // Но много голодных ртов...» — страны, прозорливо увиденной Лениным уже в те дни как жертвы империалистической «большой игры», поистине — лицо «обреченной страны».

Но центром рассказа, безусловно, становится крупно и уверенно воссозданный облик Ленина. Строфы о нем — лучшие:

В этом вагоне Он,—
Величайшую к людям любовь
Сквозь поля обреченной страны,
Сквозь стоны и слезы, и кровь,
Сквозь безумные дни войны
Несет в себе этот вагон.

В этом вагоне Он,—
Величайшее знание путей
И яснейший прогноз судьбы,
Величайшую мудрость борьбы,—
Величайшего из людей
Мчит на север этот вагон...

Объединенные сквозным определением «величайший» передаются автором действительно главные, наиболее масштабные и притягательные свойства Ленина — исторической личности, гения всенародной революции: «величайшая к людям любовь», «величайшее знание путей», «величайшая мудрость борьбы» и в итоге — оценка его как «великого гостя страны» и «величайшего из людей». Множественные анофорические конструкции тут не просто оправданы, они — стержень целеустремленного развития идеи, ее эмоционально-смыслового внушения читателю. Они и часть гибкой и сильной поэтической инстру-

Ментовки всего отрывка, в котором разносторонне реализованы различные средства поливановского «общего фонетического принципа всякой поэтической техники».

Основополагающий, с точки зрения Поливанова, для организации стиха принцип звукового повтора использован тут одновременно и более многообразно, и более взвешенно, чем в большинстве стихов сборника «Метагlossы», с введением в порядке повтора сочетаний с большей семантической нагруженностью (таковы уже отмеченные нами многочисленные анафоры в начале и внутри строф), с применением наряду с «новой» большого числа традиционных рифм, но при замечательно свободном и гибком их чередовании. Богатству звукоряда служит и своеобычное строфическое членение. Все это «работает» на общую художественную гармонию замысла, ставшего в итоге бесспорной удачей автора.

В сборнике «Метагlossы» таких удач было не так уж много, но для понимания «единого звукового принципа» (а точнее — для наглядной его демонстрации) входящие в него стихи представляют большой интерес. Это очень наглядно в уже рассматривавшихся нами стихах на социальные темы (где решение этой формальной задачи идет порой в ущерб содержательной). Тут налицо нарочитое нагнетание фонетических сходств (по терминологии Поливанова — «тем»), которое в совокупности определялось им как «перенос центра тяжести звуковых эффектов со старой, заезженной позиции тела рифмы на новые позиции». «Новые позиции» на всем протяжении поэтических строк до предела насыщаются повторяющимися созвучиями, приближая стих к аллитерационному, слагая систему близких корневых звучаний (паронимии), внутренних рифм и т. д. Вот круг таких фонетических нагнетаний в одном только отрывке из стихотворения «1 Мая»:

Это больной
Боль Ной увидя...

Или:

Рабочий класс,
Класть поклоны довольноно...

Или:

Тоже — иконы, амвоны,
Стоят миллионы,
Колонны, что обхватили Исакий...

Или:

Вон: Вавилоны!
Вон звоны и зовы одряхлевших душ!

Или:

Время и боль, каких Ной,
Ноя, не знал...

Внутристиховой «фонетический принцип» (система повторяющихся созвучий) закрепляется и в рифмовке многоступенчатой, более свободной, чем в классической рифме, своеобразно «готовящейся» созвучиями в начальных частях строк, порой каламбурной («больной» — «боль Ной» и др.).

В начале стихотворения «1 Мая» сходная инструментовка очень лирична, создает поистине весенний настрой:

Май, тай. Дай пить.
Дай любить...

В ряде стихотворений со столь же настойчивой наглядностью демонстрируются другие составляющие «мастерской стиха», с которой Поливанов стремится ознакомить читателя. Таковы, в частности, многообразные средства и приемы ритмической игры, в том числе и такие, которые, по всей видимости, должны воспроизводить игровое начало национальных народно-поэтических форм и с их ритмикой, и с их фонетикой. Так озвучено стихотворение «Окружила нас белая свора», где обыграны как рефрены имена китайских милитаристов 20-х годов:

Так скорее стреляй,
Чжан Чжун-хай, помогай,
Так скорее стреляй,
Чжан Чжун-фу, заряжай...

Здесь учтены, должно быть, и хорошо знакомые Е. Д. Поливанову поэтические ритмы китайского языка, его мелодика.

Во многих включенных в «Метагlossы» текстах весьма наглядна и такая, очень интересовавшая ученого языковая линия, как «социальная диалектология». И, думается, мы не ошибемся, сделав допущение, что как раз установкой на демонстрацию образчиков различной «социальной диалектологии», и при этом также разнонационально окрашенной, следует объяснить введение в сборник таких, например, стихов, как цикл «В Японии» («Над муравьиным Вавилоном Токио...», «Колдун был прав, мой рок был зол...», «О, индианки...», «Для милой Иды...») или «Зимнее» («Наркоман с душой моллюско-

образной...»). Социально обусловлен тут как психологический и эмоциональный, так и языковой, образный склад, в котором закономерно возникают то декадентски «разочарованные», то бравурно-эротические социологизированные стилизации. Здесь свое, всякий раз специфическое использование ритмов, стиховой композиции, элементов лирической характерологии, обычно с чертами внутреннего национального своеобразия, как, например, в следующей миниатюре из того же цикла «В Японии»:

К солнцу мчит альбатрос на восток,
Где стоит одинокий
Желтолицый утес
В Желтом море.
И души моей путь на восток,
На прибрежный песок,—
Умереть, утонуть
В теплом море.

Выдержанный колорит японской лирической формы исполнен в этом случае и национально достоверного духовного содержания, и образной окраски, что делает стилизацию авторской удачей.

Принцип стилизации не случайно и вполне определенно заявлен в «Метагlossах» через целую серию «подражаний» (например, в стихотворении «В 45 лет. Подражание китайскому») или прямых отсылок к инациональным формам: «Китайское» («Блажен, кто запись унижений...»), «Ведийское». Это в полной мере относится к миниатюрам — прямым переводам Поливанова с японского, оказавшимся самой бесспорной удачей сборника (танка «Песня рыбачки» и «Утром», хайку «В саду монастыря»), — хрупкие, сдержанные, тонко-поэтические.

Иные из стилизаций Поливанова неожиданны (например, два психологически сложных стихотворения под заглавием «Из детской переписки»), но и они лишь подтверждают неустанность интереса ученого ко всему многообразию бытований слова. Утолению этого интереса в свое время³⁷, видимо, послужили и словотворческие («заумные») композиции Е. Д. Поливанова, также введенные им в «Метагlossы». Наиболее близки они словотворчеству молодого В. Хлебникова и Вас. Каменского, идущему от живого, счастливого ощущения природы, но вторгаются в них и «производ» А. Крученых, и лихость И. Северянина, и «урбанизмы» в духе раннего В. Маяковского. Поливанов пробует все. Интересно, что одно из таких стихотворений озаглавлено «Реминисценции» и

своеобразно сводит модные словесные повшества и... пушкинскую строку («Вон та, в малиновом берете...»). Уже такая деталь показательно закрепляет неоднократно высказанное Поливановым осознание языкового эксперимента в духе «заумников» как явления, для искусства сугубо подсобного («бордюрного»), внешне украшательского и, скорей всего, недолговечного.

Зато реминисценции из классиков, и прежде всего пушкинские, настигают Поливанова нередко и, похоже, даже неосознанно. Так, настойчивая интонация из «Онегина» («Блажен, кто...») возникает... в стихотворении «Китайское».

И, должно быть, современной филологии, как и поэзии нашего времени, следует подобным же образом «идти к Поливанову» — к его трудам о поэзии и к его стихам. Ибо в «случае Поливанова» глубоко поучительными предстают даже явные поэтические поделки — интереснейшая дань научному поиску, тонкому чутью сегодняшнего и завтрашнего слова.

Наконец, надо сказать и о том, что его беспокойная душа часто искала выхода и возможного удовлетворения в обращении к другим жанрам литературы — переводам, сценариям и даже роману. Пусть эти обращения не вылились в законченные или заметные литературные явления, но они говорят о неисчерпаемых творческих потенциях этого русского самородка.

К переводам «Манаса», миниатюр с японского и китайского следует добавить еще перевод «Песни об убитых коммунистах», перевод повести Я. Шивазы «Судьба Мэй Ян-цзы», осуществленный в соавторстве с Б. Поливановой и опубликованный в Ташкенте в 1935 г. Стоит вспомнить и случаи моментального точного перевода, например, с немецкого на узбекский язык одного из стихотворений Гёте, о чем упоминал М. С. Кардашев, а также о том, что Е. Д. Поливанов «был автором премированного киносценария» и ряда новелл и рассказов.

Особый интерес представляет для нас обращение Евгения Дмитриевича к жанру приключенческого романа. М. С. Кардашев писал А. А. Леонтьеву: «О себе он распространяться не любил, но вообще — это неисчерпаемый источник любопытнейших историй. Е. Д. начал даже их записывать. Но быстро бросил. Записи, вероятно, пропали, как пропал, надо думать, и начатый Е. Д. приключенческий роман, о котором см. дальше». М. С. Кардашев пишет, что в следующем письме он расскажет «о

его приключенческом романе, киносценарии». Но следующего письма так и не было. Только в одном месте других его воспоминаний читаем: «Е. Д. начал писать замечательно интересный приключенческий роман, к сожалению, быстро им заброшенный» (М. С. Кардашев.— Из архива автора).

Но так ли? Были ли мимолетными эти его увлечения? В письме Евгения Дмитриевича В. Б. Шкловскому из Самарканда в 1929 г. есть такие очень важные слова: *Очень скоро (осталось только переписать) я Вам вышлю 3—4 главы «Вечеров у пр. П.», которых м. б. достаточно будет для заключения договора. Дело в том, что самые главные главы я не хотел бы сейчас показывать — о стиле и тоне их дадут представление те, которые посланы будут, по возможности некоторые привходящие (в общем маленькие) вопросы (из-за главных глав), которые сейчас в Федерацию посылать было бы преждевременно. После договора лучше. Не удастся — ничего, скорбеть не буду. Это сверх комплекта*³⁸.

Мы видим, что у Е. Д. Поливанова были серьезные намерения не только закончить приключенческий роман, но и издать его, о чем он так настойчиво просит Виктора Борисовича. Слова его же: *Не удастся — ничего, скорбеть не буду* — это не минутная слабость или незаинтересованность в издании романа, а реальные обстоятельства. До этого в письме он просит издать сборник статей о Маяковском и другие работы, поэтому публикацию романа считает «сверхпросьбой»: *Это сверх комплекта*.

Как расшифровать название романа, здесь (первые!) упомянутое, — «Вечера у пр. П.». Не следует ли читать так: «Вечера у профессора Поливанова»? Тогда, быть может, роман Е. Д. Поливанова как-то связан с замыслом романа В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»? Время покажет, тем более, что найдена одна из глав, новелла «Правдивая история о паломничестве в Мешед, о коварстве вероломной Фатимы-Султан, о трех младенцах и прочих неприятностях, а также о всемогуществе аллаха и его светлости сына мешедского губернатора»³⁹.

«МАНАС»

Первым выдающимся исследователем «Манаса» был В. В. Радлов. В 1885 г. он опубликовал исследование этого народного киргизского эпоса как предисловие к V то-

му «Образцов северных тюркских племен», в котором были даны тексты «Манаса» и других образцов устного творчества киргизов в русской транскрипции.

Надо полагать, что Е. Д. Поливанов впоследствии ознакомился и досконально изучил работы В. В. Радлова, ибо, прибыв в Киргизию, он сразу же занялся «Манасом».

А далее судьба распорядилась так, что работы В. В. Радлова и Е. Д. Поливанова, уже после смерти того и другого, оказались опубликованными в одном сборнике, подготовленном к изданию не менее знаменитым исследователем «Манаса» — народным писателем Казахстана Мухтаром Ауэзовым.

Судя по публикациям и материалам, находящимся в архиве АН КиргССР, Е. Д. Поливанов во фрунзенский период жизни постоянно и всерьез занимался «Манасом». Он был одним из первых переводчиков «Манаса» на русский язык. С. М. Мусаев пишет: «Одним из известных ученых, положивших начало художественному переводу эпоса на русский язык, был проф. Е. Д. Поливанов. С 1935 г. он активно участвует в подстрочном и художественном переводе „Манаса“ на русский язык и публикует отдельные отрывки из переведенных материалов»⁴⁰.

Переводы эпизодов «Манаса», выполненные Е. Д. Поливановым, составляют несколько тысяч строк и требуют, естественно, отдельного исследования. Эта работа, по-видимому, проводится группой ученых, которая готовит к изданию четырехтомный труд «„Манас“. Киргизский героический эпос». Большинство переводов Поливанова относится к «Великому походу» Манаса, публикация которого планируется в 4-м томе. Но, судя по 1-му тому, где перевод первой части «Манаса» сделан современными учеными и где даже ни разу не приведены различные варианты переводов предшествовавших исследователей, трудно надеяться на публикацию переводов из «Великого похода» Е. Д. Поливанова.

Поэтому здесь я вкратце расскажу о тех переводах из «Манаса» Е. Д. Поливанова, которые были опубликованы при жизни ученого. Таких публикаций три: «Наказ Алмамбета Манасу» (68 стихотворных строк) опубликован в «Советской Киргизии» 30 сентября 1935 г.; «Начало Великого похода» (36 стихотворных строк) опубликовано в «Советской Киргизии» 24 декабря 1935 г.; «Наказ Алмамбета Манасу» (с добавлением 10 стихо-

творных строк и изменением некоторых стихов), «Манас» (из рассказа Алмамбета о своем происхождении) (87 стихотворных строк), «Самое начало „Великого похода“» (из «Манаса») (как и в прежней публикации, 36 стихотворных строк) — все три эпизода опубликованы во втором номере «Литературного Узбекистана» за 1936 г. (Далее — ссылки на страницы этого журнала.) В «Вводном замечании» к данным фрагментам ученый пишет следующее:

Все приводимые нами здесь в вольном переводе отрывки «Манаса» принадлежат к той части эпоса, которая носит заглавие: «Великий поход» (или «Великий поход за веру») и подзаголовок: «Поход богатыря Манаса на Пекин Великий». Эта часть, как, с другой стороны, и часть под заглавием «Поминки [тризна] хана Кокотоя», являются любимейшими и наиболее часто исполняемыми эпизодами «Манаса». И если допустимо устанавливать литературные параллели между гомеровским творчеством и «Манасом», то «Великий поход» следовало бы назвать «Илиадой» Киргизского героического эпоса (в то время как к «Тризне хана Кокотоя» могло бы быть примерно сопоставление с «Одиссеей» в целом, а к «Семетею» — сравнение с Телемахидой, т. е. с первыми четырьмя песнями «Одиссеи»). Действительно, «Великий поход» — это такая же военная эпопея, какой является и «Илиада» (с. 151).

Вот так высоко ценил «Манас» Е. Д. Поливанов, сравнивая только одну из его частей — «Великий поход» — с «Илиадой» и «Одиссеей» и по значимости изображенных в ней событий, и по художественному мастерству.

«Манас» бесспорно занимает первое место среди памятников устно-литературного творчества турецких народов как по художественному, так и по научному своему значению (в качестве ценнейшего объекта литературного исследования). А по своему объему этот колоссальный эпос, в несколько десятков раз превосходящий «Илиаду» — должен занять и мировое первенство, как самый длинный (и представляющий собою, вместе с тем, единое сюжетное построение) эпос из всех известных нам народных эпосов других национальностей (с. 145).

Е. Д. Поливанов особо подчеркивает, что «Манас» — это единое эпическое произведение:

Вся совокупность эпизодов, входящих в него, объединяется уже тем, что в каждой из этих частей речь идет о хане Манасе или — в непосредственной связи с Манасом — о сыне Манаса (Семетее), и это единство стержневой фигуры, на которой держится и план, т. е. хронологический порядок отдельных частей, обуславливает композиционное единство эпоса (с. 145).

Скрупулезное изучение различных частей «Манаса» позволяет Е. Д. Поливанову сделать вполне обоснованный вывод, с которым согласны и современные исследователи «Манаса», что колоссальные размеры эпоса (состоящего притом из чрезвычайно богатых формально-поэтической техникой стихов, выдерживающих и строгие просодические нормы, и аллитерацию, и рифмы) заведомо исключают гипотезу о единоличном творце «Манаса». Если фактически существовал «персидский Гомер» — в лице автора «Шах-намэ» Фирдоуси, то единого «киргизского Гомера», т. е. единоличного создателя «Манаса», без сомнения, не было — как не было и единого греческого Гомера (с. 146).

Отмечая «инородные» сюжеты и события, появившиеся в эпосе в различные периоды жизни киргизов, Е. Д. Поливанов такие места текста считает искажениями центральной линии «Манаса» — это верноподданнические идеи «белому царю», захват территорий других народов, и многие другие несуразности, «навязанные сказителям», «приноравливающие» текст «к новым требованиям и новым вкусам аудитории».

К таким «навязанным сказителю» местам сагынбаевской версии, — пишет Е. Д. Поливанов, — относятся все те фрагменты, в которых Манас выступает в качестве исполнителя пантюркистской и панисламистской миссии (например, насаждая мусульманство в Мавераннахре и вообще в Средней Азии, совершая благочестивое паломничество в Мекку и т. д.); и конечно, выделять (и вычеркивать из предназначенного к изданию текста) эти чужеродные — интеллигентского происхождения — места удается без особых затруднений; уже независимо от того, что они явно противоречат общему содержанию остального текста (и версиям других сказителей), эти вставки обличают себя тем, что в них оказываются употребленными слова и понятия, совершенно чуждые нормальному словарю и нормальному кругозору личности (с. 147).

В противоположность «Книге царей» Фирдоуси эле-

мент религиозного воспитания для киргизской среды имел относительно минимальное значение:

Дело в том, что киргизы были «слабо исламизированной» турецкой народностью, — ислам не проник в глубь степного быта настолько, чтобы искоренить или решительно преобразовать традиционную культуру предшествовавшего ему периода — шаманистскую культуру и т. н. «примитивных турок»; словом, фактическая роль исламизации была совершенно несравнима с тем, что мы конструируем в данном отношении у оседлых турецких народностей, вроде, например, «чагатайских» или же южнохорезмских «огузских» узбеков, или азербайджанцев и т. п. (с. 148).

Наконец, Евгений Дмитриевич ставит еще один очень важный вопрос, на который сам же и дает исчерпывающий ответ:

К какой же именно эпохе относится Манас, как литературный образ, и «Манас», как эпос в ее первом оформлении? На этот вопрос очень трудно дать более или менее точный ответ, так как хан Манас — лицо псевдоисторическое. Ни в европейских, ни в китайских, ни в среднеазиатских письменных исторических источниках мы не находим о нем упоминания. А могила Манаса, до сих пор сохраняющаяся в Таласе — вместе с арабской эпитафией на ней, сама по себе еще не служит достаточным доказательством того, что Манас действительно существовал... Таким образом, почти единственным материалом для наших попыток хронологического определения «Манаса» остается сам текст эпоса... Есть основания сближать образ Манаса с эпохой Тимура и тимуридов, т. е. полагать, что историческая личность, легшая в основу этого образа, могла быть или младшим современником самого Тимура, или современником Улугбека и других тимуридов (с. 150).

Никто до сих пор не знает, не подсчитал, сколько строк из «Манаса» перевел Поливанов. Достаточно перечислить только опубликованное и находящееся в архивах — и то поражаешься титанической деятельности поэта-переводчика Поливанова.

Кроме опубликованных им частей «Манаса», в архиве АН КиргССР находятся:

1. «Манас. Великий поход» по варианту Сагимбая. Перевод Поливанова, редактор Батманов. Тетрадь 1-я, 3105 строк (132 стр. машинописи).

2. Проезд послов от шести ханов к Манасу (60 стр.).

3. Великий поход. Богатырь Манас идет на Пекин великий (430 строк, 15 стр. машинописи).

4. Заговор семи ханов против Манаса (рукопись, оригинал).

Е. Д. Поливанов работал по варианту Сагимбая Оразбакова. Это — 18 песен-разделов, воспевающих события, начиная от «Рождения и детства Манаса» и кончая «Малым походом и смертью Манаса».

По воспоминаниям Ю. Яншансина, Евгений Дмитриевич так был увлечен работой над уникальным памятником, что почти каждое утро, приходя в институт, «читал два-три часа подряд без всяких бумажек переводы из „Манаса“, что называется, „с ходу“ переводил целые разделы памятника, который он изучал ночью. Уму непостижимо, откуда все это бралось. Вот, если бы тогда были магнитофоны! А записывать со слов как-то не приходило в голову... Выходя вечером из института или гостиницы, он шел вверх по булыжной мостовой или пыльной тропинке к Ала-Тоо, напевая „Манас“... Ребятишки — и киргизы и русские (он пел и на киргизском, и на русском языках) — гурьбой окружали его и шли вслед за ним. Взрослые же со стороны (да и некоторые из ребятишек) принимали его за сумасшедшего: в простой рубашке и брюках, без головного убора, с прижатым к груди изуродованной рукой поношенным портфелем, поднимая клубы пыли, он шел и пел час и более, ни на кого не обращая внимания, переводя все новые и новые стихи „Манаса“» (Ю. Яншансин. — Из архива автора).

В 1968 г. издательство «Илим» во Фрунзе выпустило книгу «Манас. Героический эпос киргизского народа», в которой впервые были опубликованы многие статьи о «Манасе», в том числе и статья Е. Д. Поливанова «О принципах русского перевода эпоса „Манас“» (с. 56—74).

От редакции об этом сборнике говорится следующее: «Идея объединить имеющиеся материалы по „Манасу“ и издать их отдельной книгой принадлежала покойному М. О. Ауэзову. Еще в 1948 г. редколлегией в составе М. О. Ауэзова, Г. Самарина и К. Соронбаева был подготовлен к печати сборник статей, который по неизвестным причинам не был опубликован. При подготовке данного издания взят за основу этот сборник. Статьи его даны в том виде, в каком их подготовил к печати М. О. Ауэзов. Подготовив этот сборник к печати, Институт языка и литературы АН Киргизской ССР выполняет свой долг перед покойным М. О. Ауэзовым, длительное время активно сотрудничавшим в институте, и доводит до конца начатое дело» (с. 10).

В сборник включены статьи как дореволюционных ученых (В. В. Радлова, Ч. Валиханова), так и советских — Е. Д. Поливанова, К. А. Рахматуллина, П. Н. Беркова, Б. М. Юнусалиева и др.

Надо отдать должное М. О. Ауэзову: он сумел из огромного количества исследований «Манаса» (к тому времени их было более 700) выбрать наиболее значительные, в том числе и рукописную статью Е. Д. Поливанова.

В примечаниях к работе Е. Д. Поливанова «О принципах русского перевода эпоса „Манас“» говорится: «Настоящий труд, по-видимому, является частью тезисов доклада, подготовленного Е. Д. Поливановым для выступления на совещании переводчиков „Манаса“. Состоялось ли это совещание и выступил ли там Поливанов, нам неизвестно. Судя по имеющемуся материалу, тезисы остались недописанными, так как текст внезапно обрывается.

Датой написания тезисов следует считать 1936 г., когда велась работы по подготовке к изданию на русском языке „Манаса“. Автор тезисов был одним из переводчиков подстрочника. Рукопись его перевода из эпизода „Поминки по Кёкётёю“, которые хранятся в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, поражает точностью выражений, богатством синонимов, обширностью и глубиной знаний переводчика.

Статья печатается по хранящемуся в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР машинописной копии с собственноручной правкой автора» (с. 56).

В конце статьи Е. Д. Поливанова, в сноске, неожиданно читаем: «Рукопись далее обрывается. Найти полный текст самого доклада или окончания настоящих тезисов нам пока не удалось. После того как уже был набран данный сборник, нами обнаружена в рукописных фондах Отделения общественных наук АН КиргССР ст. Е. Д. Поливанова «Киргизский героический эпос „Манас“». На наш взгляд, она и является упомянутым автором докладом» (с. 74).

«Манас» — колоссальное народное произведение: по объему нет равных ему в мире — 500 553 стихотворные строки. Это три части по варианту С. Каралаева. В рукописных фондах Отделения общественных наук АН КиргССР хранится около пятидесяти вариантов трех частей эпоса общим объемом свыше двух миллионов стихотворных строк.

Конечно, надо было иметь гигантские знания, неудержимое стремление и особый интерес к поэтической истории киргизского народа, чтобы приступить к переводу отдельных (и самых трудных!) частей эпоса. Всем этим обладал Е. Д. Поливанов, сразу окунувший-

ся в это поэтическое море, чтобы самому насладиться непосредственностью народных истоков и дать другим народам ознакомиться с великой киргизской эпопеей.

Статья Е. Д. Поливанова «О принципах русского перевода эпоса „Манас“», хотя имеет подзаголовок «Тезисы доклада», и объемом (1,5 п. л.) и содержанием выходит за пределы тезисов. В ней даны развернутые, глубоко аргументированные принципы перевода вообще и «Манаса» в частности. В начале Е. Д. Поливанов определяет главные направления перевода:

Перевод киргизского народного эпоса «Манас» предпринимается не в качестве научной филологической работы для узкого круга специалистов-тюркологов, а как художественно-литературный поэтический перевод, предназначенный для широкого круга читателей СССР (с. 56).

Здесь явно соединяются устремления ученого и поэта, развиваемые дальше в таких словах:

Разумеется, задачей переводчиков при этом отнюдь не может служить внесение в текст современной идеологии и классовой психологии пришедшего к диктатуре пролетариата. Попытаться сделать что-либо в этом направлении означало бы искажение памятника народного творчества и культуры давно минувших эпох, каким является «Манас». Тем более ответственная задача ложится на автора предисловия и примечаний, которые должны показать читателю «Манас» с точки зрения марксизма-ленинизма (с. 56—57).

Далее Е. Д. Поливанов говорит о тех трудностях, которые должны преодолеть переводчики, сохраняя дух, поэтику, мелодику памятника:

Встающая перед поэтическим переводчиком задача — дать адекватное оригиналу эстетическое воздействие на читателя — оказывается необычайно трудной ввиду весьма крупных различий между поэтической техникой киргизского текста и привычными для русского читателя формально-поэтическими приемами (с. 57).

Е. Д. Поливанов освоил «киргизскую поэтехнику» «Манаса» и всей киргизской поэзии, уловил такие нюансы, без которых нельзя показать, говоря его же словами, *памятник народного творчества и культуры давно минувших эпох*. Эти тонкости относятся не только к ритмике, размеру, рифме, но и к таким особенностям перевода, без которых общий дух памятника не передать:

Как показывает практика многих русских поэтических переводов, соблюдение принципа «эквILINEарности» (тождества числа стихов по сравнению с оригиналом) и принципа «эквИРИТмичности» (тождества размера и числа слогов) зачастую шло в ущерб смысловому и эмоциональному содержанию перевода. Поэтому, лично я вполне присоединяюсь к замечаниям К. Чуковского, сделанным в статье о новейших переводах Шекспира, считаю принцип «эквILINEарности» и принцип «эквИРИТмичности» необязательным для русского перевода «Манаса» (с. 61).

Свои требования Е. Д. Поливанов предъявляет и к подстрочнику, который в корне должен отличаться от «художественно-стихотворного перевода». Роль его — чисто служебная и поэтому исполнитель его должен иметь перед собой только одну задачу: дать исчерпывающе ясное представление о смысловом содержании подлинника. В преследовании этой цели ему не должны мешать ни погоня за художественностью (ни даже за особой правильностью) русского языка (был бы лишь он вполне понятен для «обработчика»), ни попытки в какой-либо мере отразить формально-поэтические приемы киргизского текста. От всего этого составитель предварительного перевода должен заведомо отказаться... (с. 61).

Он указывает на многие трудности подстрочного перевода: *Наличие в киргизском тексте слов, значение которых неизвестно современному киргизскому языку...* (с. 63)... *Наличие слов-гомонимов, обуславливающих двоякую возможность понимания текстов* (с. 62)... *Наличие слов, которые не могут быть исчерпывающе переведены одним русским словом или кратким словосочетанием* (с. 63).

Автор указывает и на другие трудности. Особенно Е. Д. Поливанов подчеркивал роль комментария, способного полностью осветить киргизское понимание текста в тех случаях, когда простой русский перевод недостаточен для этого (с. 61—62).

Интересно здесь отметить, что сам Е. Д. Поливанов был недоволен своими слишком обширными комментариями, когда писал: *Е. Поливанов явно злоупотребляет своими комментариями,— следуя, видимо, половице: «Маслом каши не испортишь»,— и делает комментарии и там, где это желательно, и там, где это вовсе не требуется* (с. 63).

Я ознакомился с частью подстрочников, сделанных Е. Д. Поливановым и хранящихся в рукописных фондах Отделения общественных наук АН КиргССР. Действительно, они обширны и говорят только о глубоких познаниях автора в истории киргизского языка — он дает многочисленные значения одного и того же слова, «докапывается» до его истоков и значений в современном киргизском языке, приводит возможные варианты переводов на русский язык. Поэтому я вместе с составителями этого сборника сожалею о том, что «по техническим причинам эту рукопись невозможно было включить в данный сборник», и согласен, что «этот перевод, несомненно, представляет большой интерес для специалистов» (с. 63).

Наконец, Е. Д. Поливанов дает оценку некоторым подстрочникам и переводам. Он указывает на ошибку в переводе одной фразы, сделанном проф. Фалевым⁴¹: перевод этот нужно считать заведомо неверным и приводить это понимание фразы переводчику нет никакой необходимости (с. 63). *Тяжело понятен местами и язык батмановского перевода (см. например, первую его страницу) — несмотря на то, что иногда перевод этот пытается быть ритмическим (практически это бесполезно, так как киргизского ритма перевод не отражает)* (с. 73).

Он отмечает хороший перевод Тыныстанова и указывает на «громоздкость» своего перевода, оттеняя следующее обстоятельство: *Перевод Поливанова трудно сравнить с другими, так как на его долю выпала самая трудная часть киргизского текста — с избытком спорных мест* (с. 73).

Евгений Дмитриевич не раз говорил и писал о том, что стихи «Манаса» в высшей степени поэтичны, в них присутствуют напевность⁴², определенный размер и рифмы, и он всегда стремится найти соответствие этим качествам «Манаса» в русском переводе. В примечаниях к переводу «Наказа Алмамбета Манасу» он писал:

Ближайшим соответствием для восьмисложного (силлабического) киргизского стиха я счел русский четырехстопный ямб. Там, где в киргизском тексте восьмисложный стих чередуется с семисложным, ямб сменяется амфибрахией. Допускаемые мною суффиксальные (гомоморфемные) рифмы — вроде «моих — твоих» и т. д., поскольку они нуждаются в защите или в оговорке, могут быть отнесены за счет подражания киргизской рифме⁴³.

Отличительной и наиболее важной чертой переводов Е. Д. Поливанова является рифма⁴⁴, соблюдение определенного размера, отвечающие напевности стихов «Манаса».

Евгений Дмитриевич прекрасно чувствует содержание каждого эпизода «Манаса» и, стараясь как можно точнее передать ритм и мелодику стихов, содержание эпической песни в целом, он на протяжении небольшого отрезка перевода меняет размер стихотворных строк. Вот примеры из «Наказа Алмамбета Манасу». В начале отрывка все строки отвечают четырехстопному ямбу с парной рифмовкой:

Ты ль это, Леопард Манас?!
Послушай строгий мой наказ...
Тебя вождем я почитал,
А ты, ты просто — аксакал.

Со сменой содержания меняются стих и рифма, мужская переходит в женскую:

Коль будешь предаваться лени,
То счастье вдруг тебе изменит...
Так брось же детские забавы,
Всегда будь бдительным и бравым.

И как бы разъясняя только что сказанное, переводчик обращается к «короткому» — в 5—6 слогов — стиху, к четверостишиям, где рифмуются только 2-я и 4-я строки:

Такая дружина
С беспечным вождем
Должна будет таять
Как снег под дождем,
Когда вместо детской
Игры в «кумалак»
С ней встретится дерзкий
И мстительный враг.

ПОЛИВАНОВ — ДРАГОМАНОВ

С первого же знакомства Е. Д. Поливанов покорило воображение юного В. А. Каверина, тогда еще студента, оригинальностью, особой талантливостью. Каверин же в преддверии своего литературного поприща уже много писал, а личность Поливанова прямо-таки «просилась», в его глазах, в литературу, в необычайные литературные герои.

Вениамин Александрович долго вынашивал зародившийся в его сознании образ, попытался воплотить его в экстравагантном рассказе «Большая игра», а затем более широко и весомо — в романе «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове».

Образ Драгоманова при всей его литературности, при том, что он значительно отступает от реального прототипа, дополняет в какой-то мере наши знания и представления о жизни Евгения Дмитриевича, о котором ведь почти ничего не написано, а то, что сохранилось в воспоминаниях и архивных документах, фрагментарно и далеко не достаточно. Поэтому, как нам кажется, и знакомство с романом (особенно на фоне собственно мемуарных материалов В. А. Каверина) дает нам нечто существенное относительно жизни, характера и деятельности Е. Д. Поливанова.

Уже при первых встречах с Поливановым в 1920 г. В. А. Каверин увидел в нем человека не просто необыкновенного. Вот что рассказал писатель на «поливановской» конференции в Самарканде в 1964 г.: «Черты гениальности, черты огромного превосходства над окружающими в Поливанове начинали сверкать мгновенно, вы сразу видели, что это человек, если сказать грубо, чем-то отличался от всего остального человечества, и вместе с тем он необычайно прост ... Тынянов, и я вслед за ним, принимал Поливанова как фигуру настолько загадочную, странную, не лежащую в обычных представлениях. Какой-то ореол таинственности окружал всегда эту фигуру» (В. А. Каверин. — Из архива автора). Переключка с образом из романа явная. Впрочем, В. Шкловский прямо утверждает, что Драгоманов — это Поливанов. «Приходило к ним (Тыняновым. — В. Л.), — пишет В. Шкловский, — множество народу. Вениамин Каверин — молодой студент в первых длинных, еще пахнувших свежим дешевым сукном, брюках. Поливанов — его Каверин описал под фамилией Драгоманов... И я там бывал. Каверин с веселой неточностью и заботливым романтизмом описал меня под именем Некрылова. Все они (кроме Некрылова, конечно) приходили и ко мне, на Мойку, в Дом искусств»⁴⁵.

А вот один факт из жизни Е. Д. Поливанова, о котором говорил В. А. Каверин на той же конференции, перекликающийся со сценами романа, о том, как Е. Д. Поливанов, так сказать, «подарил» ему исследование о фонеме. «Ему это ничего не стоило, он просто

рассказал мне эту работу, предлагая ею воспользоваться, подарил мне одну из своих работ, которая, если бы я ее запомнил, наверное, тоже заняла свое место в нашей лингвистике» (В. А. Каверин.— Из архива автора).

Надо сказать, Вениамин Александрович в своем выступлении и сам проводил прямые параллели между Поливановым и Драгомановым: «Поливанов произвел на меня такое глубокое впечатление, что как-то некоторые его черты вошли в роман и действительно явились отражением реальной личности Поливанова. Я даже дважды пытался о нем писать. В первый раз я попытался малоудачно с этой точки зрения — в рассказе „Большая игра“, а затем в „Скандалисте“ я соединил несколько фигур потому, что там не только Поливанов. Я попытался противопоставить его скандализму Некрылова, так сказать, вот этой легкой, поверхностной литературной карьере, стремлению утверждать себя... и добиться легкого и быстрого успеха во что бы то ни стало и любыми средствами. В этом смысле я написал Поливанова таким, каким он был в действительности» (В. А. Каверин.— Из архива автора).

Эти откровенные признания писатель подтвердил и в своей новой книге «Вечерний день»: «В лице Драгоманова я попытался изобразить необычайно сложную фигуру известного лингвиста Е. Д. Поливанова, с которым я часто встречался в начале 20-х годов»⁴⁶.

Да и сам Поливанов, по-видимому, остался в общем доволен своим отражением в романе, если в приветственной телеграмме В. Б. Шкловскому из Фрунзе, передавая приветы *Юрию Николаевичу, Елене Александровне и Вениамину* (т. е. Тынянову, его жене и Каверину), шутливо добавлял: *Вот от кого мне следовало бы ожидать письма — как часть гонорара за «Скандалиста»*⁴⁷.

С другой стороны, Е. Д. Поливанов, как уже говорилось, собирался или начинал писать нечто, обозначенное как «Вечера у пр. П.». Поскольку название перекликается со второй частью заглавия каверинского романа, то, можно думать, в каких-то отношениях Е. Д. Поливанов смотрел на себя и тогдашнюю академическую жизнь Ленинграда несколько по-другому. И то, что предполагал написать Е. Д. Поливанов, оказалось бы, таким образом, в определенной оппозиции к каверинскому роману.

И все же ни Е. Д. Поливанов не написал свой — по-

лемический — вариант «Вечеров...», ни из опоязовцев никто не выступил с протестом.

Эпизоды «Скандалиста», отражающие споры и столкновения приятелей и в то же время антагонистов Драгоманова и Некрылова, являются в романе одними из самых увлекательных и вместе с тем достоверных. Не потому ли это, что в них писатель в главном «написал Поливанова таким, каким он был в действительности»?

Вот сцена отъезда Некрылова и Верочки в Москву. Провожает Драгоманов.

«— Вас, кажется, нужно поздравить — медовый месяц, или как там это называется... Так вот, я тебя, Витя, поздравляю, а Вас, Вера Александровна, нет. Вас не поздравляю...

— Он завидует,— объяснил он (Некрылов.— *В. Л.*) Верочке,— но мы уже условились с ним. Через две недели он приезжает ко мне в Москву, и я выдаю его замуж, за очень хорошую женщину. Она не очень проказливая, но она... будет проказливая.

— Через две недели,— размеренно сказал Драгоманов,— я уеду куда-нибудь к чертовой матери. В Бухару, может быть. Или в Персию. Я решил, Витя, перевести весь Узбекистан на латинский алфавит. Может быть, мне удастся устроить им приличную литературу.

— А зачем тебе уезжать? Для биографии? Не уезжай. У тебя университет, наука. Тебя уважают. С кем же я буду браниться, если ты уедешь?

Драгоманов ничего не сказал. Он посмотрел на Веру Александровну. У нее было счастливое лицо. Это его раздражало.

— С женой,— сказал он наконец.— Ты будешь браниться с женой. С учениками. Они предъявят тебе счет — за плохие киносценарии, за случайные фельетоны. И ты будешь уничтожать их. У тебя будет дело.

Некрылов недовольно поднял бровь.

— Я могу существовать один,— сказал он сердито,— без учеников. Это ты возишься с учениками... Ты все рассказываешь им.— Он схватил Драгоманова за рукав.— Ты рассказал им полное собрание своих сочинений. Ты возишься с ними днем и ночью.

— Из уважения к Вере Александровне не смею спорить,— иронически сказал Драгоманов.— Разреши только сказать, что ты за себя слишком спокоен, Витя. Они напишут о тебе много книг, твои ученики. Это бу-

дут романы. Они не умеют писать романы, но для того, чтобы вывести тебя, они научатся этому делу. Они проедут на велосипедах по тем местам, по которым ты прошел с барабанным боем...

— Учеников не существует в природе. Ты их выдумал, Боря, и на свою голову. Со мной они ничего не сделают. Но тебя они живым положат в сейф. И ты этого, быть может, не заметишь.

А на это Драгоманов ответил и вовсе странными словами.

— А ведь в сейфе хорошо лежать,— сказал он раздумчиво.— Лежишь себе под замком, и не нужно ежеминутно читать газету, как во сне, или еженедельно лекции в университете. И не нужно удирать в Персию от жены, от друзей, от китайцев. От времени. И не нужно торговать наукой...

Он не успел договорить... Поезд тронулся...

И, выглянув из-за тупой стены вагона, он (Некрылов.— В. Л.) в последний раз увидел Драгоманова. Он глазами нашел его на отъезжающем от поезда темноватом перроне и, еще раз прощаясь с ним, приветственно поднял руку. Но Драгоманов не ответил ему. Он стоял, заложив руки в рукава своей драной шинели, поводя вокруг себя туманными, ничего не выражающими глазами. Он был похож на босняка. На перроне он стоял как человек, которому не удалось уехать»⁴⁸.

Впервые в романе о Драгоманове заговорили на вечере у профессора Ложкина, причем писатель сразу же отмечает его необыкновенность: «Он был близок к беспокойным разрушителям научных традиций», «Академический круг... условился молчать о нем». Академик Вязлов говорит: «Драгоманов есть, в сущности говоря, человек почти гениальный. В свое время я полагал найти в нем достойного преемника Шахматова или Бодуэна. Его лингвистические работы по тонкости догадок человеческому уму почти непонятны». И тут же, правда, добавил: «Третьего дня он явился на лекцию, прошу извинения, в подштанниках».

Понятно, что тут гротескное «заострение». Не только прототип героя, но и Драгоманов не мог бы, разумеется, сделать того, что о нем сказано Вязловым. Но это не «зряшная» гротескная черта, не гротеск ради гротеска. Задача писателя — показать в своем герое черты необычайной даровитости, может, гениальности, а вместе с тем — странности, чудачества, равнодушия,

полного безразличия к тому, что хотя бы отчасти «отвечает» стереотипу «профессорского» или хотя бы вообще «интеллигентского» поведения. Интеллигентность — это интенсивно работающий мозг, а не галстук-бабочка. Так, очевидно, думал о таких вещах и Поливанов.

Сам же писатель двумя страницами ниже дает ему такую характеристику: «Из странных людей, еще бродивших вокруг университета, он был самым странным. Благополучие, пришедшее в общежитие с шестым и седьмым годом революции, не коснулось его. Гражданская война еще жила в его комнате, в заплочном мешке он носил из библиотеки книги»⁴⁹. Эти точные приметы Поливанова дополняются следующими, не менее точными деталями: «На нем было пальто, переделанное из солдатской шинели. О шинели он любил говорить, что это незаменимая верхняя одежда для любого времени года»⁵⁰.

Подобные бытовые детали у В. А. Каверина перемежаются описаниями необъяснимого состояния Драгоманова, когда он вдруг прекращал чтение лекции, весь уходил в себя: «Драгоманов стоял перед доской, задумавшись, мучительно сдвинув брови. Он молчал. От резкого движения, которым он пытался заменить неоконченное слово, шинель его распахнулась. Погасшими глазами он водил по стенам, напрасно стараясь вспомнить, о чем он говорил, зачем стоит здесь с мелом в руках перед растерявшейся, растаявшей в сумерках аудитории...»⁵¹. Это — перенапряжение, вызванное колоссальной сосредоточенностью на предмете размышления.

Кто знал Поливанова, в один голос говорят, что он совершенно был безразличен к быту, не нуждался ни в какой обстановке, комфорте и т. п. Это не раз показано и в романе. Например, к Драгоманову пришел Некрылов и говорит ему (а тот живет в общежитии китайцев):

«Послушай, Боря, почему ты все еще здесь живешь? — начал он быстро. — Что это такое — твои китайцы, это общежитие? Зачем тебе все это нужно? У тебя нет денег? Или тут у вас комнаты нельзя достать другой, что ли?

— А я все собираюсь к неграм банту, в Центральную Африку, — задумчиво и очень серьезно сказал Драгоманов, — так вот решил, что до отъезда не стоит уж менять комнаты. И кроме того, почему же? Здесь очень удобно. Все под руками.

Некрылов посмотрел — шутит он или нет. Год от году драгомановские шутки обертывались не шутками, а биографией — и не очень веселой, как видно: комната была запущена, грязна, пол запылён папиросными окурками»⁵².

Поливанов был непримиримым, ярким врагом всякой халтуры. В особенности выпендренной, с претензиями. Эта черта не единожды проявляется у Драгоманова. Вот он в обществе литературоведов.

Он «взял со стола забытую кем-то книжку, раскрыл ее и прочтя: „Да знаешь ли ты, сколько пуль ржавеют в тоске по Митькиному лбу?“, — испуганно дернул глазом и положил книжку обратно. О „пулях, ржавеющих в тоске по Митькиному лбу“, написал, несомненно, вот этот длинноволосый, с мечтательными баками, в бархатной куртке!

По старой гимназической привычке Драгоманов сложил фигу и незаметно устроил ее на столе, нацелившись на бархатную куртку. Он уже ненавидел этого человека»⁵³.

А вот такие рассуждения Драгоманова о своих пристрастиях разве не являются чисто поливановскими?

«Степан Степанович, вы любите Невский проспект? — спросил Драгоманов очень свободно и закинул ногу на ногу. Они уже сидели в трамвае. — Я его прямо терпеть не могу. Единственная часть города, которую если не люблю, так по меньшей мере уважаю, — это Васильевский остров. Я думаю, что если бы Петру удалось из него Венецию сделать, так это было бы самое забавное место на земном шаре. И, кроме того, там очень пивные хороши, на Васильевском. Я много ездил по Востоку, видел все эти портовые кабаки — они с лингвистической стороны действительно очень интересны. Я одно время портовым аргом Средиземного моря очень увлекался. Но таких пивных, как на Васильевском острове, ни на Западе, ни на Востоке вы не встретите. Идешь себе где-нибудь по Двадцать седьмой линии, и вдруг в угловом доме, от которого один только угол и остался, стоит пивная. И все, что угодно, вы в ней можете получить! Колбаски эти, заперченные до того, что дух захватывает с непривычки. Горох к пиву. Воры сидят. И хозяин — тоже, несомненно, вор, но благообразный, почтенный, с окладистой бородой и с глазами ясными, молодыми. Очень хорошо»⁵⁴.

О незапланированной достоверности, почти доку-

ментальности «Скандалиста» Вениамин Александрович говорил не однажды. Так, например, он писал в «Литературной России» (16 сентября 1982 г.): «„Скандалиста“ я задумал... как картину литературных нравов, но я поначалу не представлял себе, что пишу о живых конкретных людях, окружавших меня тогда, которые были только что не названы по фамилии».

Действительно, при чтении романа всплывают в памяти и «литературные нравы» тех лет, и споры, и реальные лица. Стоило бы с этой точки зрения проанализировать роман; может быть, удалось бы установить прототипы ученых (помимо Драгоманова и Некрылова), и тогда роман приоткрыл бы нам литературную жизнь тех лет еще с одной стороны.

Примечательно, что сам писатель наталкивает на отдельные решения этой проблемы. В новой своей работе «Письменный стол. Воспоминания, письма, эссе» он пишет: «В Ленинградском университете в начале 20-х годов я занимался древнерусской литературой у академика Владимира Николаевича Перетца, а потом, на четвертом курсе, в его домашнем семинаре. В романе „Скандалист“ эти занятия приписаны одному из главных героев — профессору Ложкину. Бывать на семинаре было интересно главным образом потому, что сам Владимир Николаевич был человеком незаурядным. У него были пристрастия, с которыми мы были хорошо знакомы, он был тенденциозно старомоден. И занятия под его руководством велись, что называется, по старинке. Ко мне он относился со вниманием, хотя в одном случае я заслужил его серьезное нерасположение. Он не любил, чтобы его ученики до окончания университета женились или выходили замуж. А когда я смело нарушил этот запрет, женившись на Л. Н. Тыняновой, которая, кстати, ему нравилась, и мы уехали к ее родителям в Ярославль, Владимир Николаевич прочел две лекции о крайнем вреде ранних браков»⁵⁵.

Не ставя перед собой задачи распознать в образах «Скандалиста» реальных людей, проводя доказательные параллели, не лишне все-таки отметить, что в образе студента Ногина Вениамин Александрович во многом изобразил себя⁵⁶ и свои искания, а также встречи со своими учителями, в том числе и с Е. Д. Поливановым. В статье «Чувство пути» Вениамин Александрович заметил, что в студенте Ногине он «попытался изобразить самого себя». А в «Скандалисте» читаем: «Десять

или двенадцать студентов, занимающихся лингвистикой наперекор безнадежной будущности, были слушателями Драгоманова. Меж них был и Ногин, совмещавший университетские лекции с занятиями в Институте восточных языков». Подобные занятия совмещал, как известно, сам писатель. Свод и характеристика подобных параллелей (очень занимательная работа!) могли бы составить отдельную статью.

Подтверждает прототипическую достоверность многих эпизодов в «Скандалисте» и М. С. Кардашев, проживший несколько лет рядом с Е. Д. Поливановым. Речь идет об отзывах о Е. Д. Поливанове лингвистов старшего поколения; об «описании обстановки его комнаты в Ленинграде»; об «очень верно и четко показанной склонности героя к озорству (по отношению к неуважаемым людям; например, издевательский доклад на собрании лингвистических окаменелостей) и др.». М. С. Кардашев здесь ссылается на третье издание «Скандалиста», которое, по его словам, «оказалось чуть ли не вдвое тоньше первого. Урезка сделана главным образом за счет изображения профессора Драгоманова... Для биографии Е. Д. Поливанова первое издание дает гораздо больше» (*М. С. Кардашев*. — Из архива автора).

Я процитирую здесь только часть «издевательского доклада» Драгоманова, который из-за болезни профессора прочел... некий составитель некрологов на живых людей Леман.

«Доклад начался с утверждения, что в настоящее время язык представляет собой результат неорганизованной речевой деятельности. Представители совершенно различных социальных и профессиональных групп пользуются общим речевым материалом. Служащие говорят точно так же, как безработные, лица свободных профессий так же, как буржуазия.

Полагая, что человеческая речь опирается на различные типы деятельности, Драгоманов предлагал ввести нормативное разделение ее на группы и закрепить это разделение государственным законом.

Розовый старик идиотически раскрыл рот и записал в блокнот какое-то возражение. Необходимость государственного закона казалась ему не вполне доказанной.

Штатные аспиранты учено смотрели на секретаря. — Таким образом, человеческую речь следует раз-

бить на группы,—убежденным голосом читал Леман,—и между группами провести строгие границы, нарушение которых следует облагать соответствующим штрафом.

Границы были следующие:

1. По профессиональным признакам:

- а) язык технический, со многими подгруппами;
- б) язык безработных;
- в) язык удаленных со службы за сокращением штатов;
- г) язык растратчиков и т. д.

2. По социальным признакам:

- а) язык полуинтеллигентных людей, именующих себя интеллигентными;
- б) язык буржуазии, также именующей себя интеллигенцией;
- в) язык свободной профессии и т. д.

— В нашем институте, например,—добавил от себя Леман,—можно было бы провести зону между речью действительных членов, научных сотрудников первого и второго разрядов и аспирантов. И тогда с первого слова будет ясно, к какому из этих разрядов принадлежит то или другое лицо, что повлечет за собой прежде всего полнейшую определенность во взаимоотношениях.

Лысина пузатого старика налилась клюквенным соком.

— Направив язык по разным линиям речевой деятельности,—читал Леман,—мы добьемся точного разграничения между разговорами служебными, семейными (с женой и детьми) и любовными. Особь, желающая склонить к половой связи другую особь, будет пользоваться совершенно иными речевыми средствами, чем та же особь, делающая служебный доклад или препирающаяся с женой..⁵⁷ и т. д.

Какова же была реакция академической аудитории? Писатель нашел для каждого свою характеристику: «Нервно дергая глазом, Жаравов прошел вдоль заднего каре и вышел вон, возмущенно хлопнув дверью. Апплексический седоусый старик молча отдувался, чувствуя приближение удара. Сверхштатные аспиранты аплодировали (!)»⁵⁸.

Однако эти весьма фрагментарные соображения о прототипах героев «Скандалиста», в том числе и Драгоманова, не следует переоценивать. Даже кажущиеся самыми достоверными среди них нельзя не расцени-

вать как остающиеся в каких-либо установленных пределах гипотетичными... К тому склоняет, кстати, и эпиграф к роману — шутливые слова Марка Твена из его предварений к «Приключениям Гекельберри Финна»: «Лица, пытающиеся открыть затаенные личные мотивы в этом повествовании, подвергнутся судебному преследованию; лица, пытающиеся извлечь отсюда какое-либо нравоучение, будут высланы; лица, пытающиеся усмотреть здесь сокровенный злокозненный умысел, будут расстреляны по приказанию автора начальником его артиллерии...»⁵⁹.

Главное заключается в том, что Вениамин Александрович «дружит» с науками с первых своих произведений, и «Скандалист» уже показал, что в стране появился писатель, проявивший душевный интерес к жизни ученых. Этот интерес у него сохранился на всю жизнь, и в этом большую роль сыграл первый роман, написание которого его толкнул Е. Д. Поливанов.

Набрасывая последние мазки панорамы жизни и деятельности Е. Д. Поливанова даже с максимальным использованием мемуарных и архивных материалов, невольно ощущаешь всю тривиальность, неполноту и несовершенство сказанного и написанного об этом удивительном ученом и необыкновенном человеке, который при всех перипетиях в своей жизни не раз показывал нам, потомкам, примеры мужества, принципиальности и непоколебимой веры в науку. Образ Поливанова с его неисчерпаемо мощным творческим потенциалом притягивает как гигантский магнит всякого, кто хоть как-то соприкоснется с ним. И многое, очень многое ждет исследователей в дальнейших «встречах» с Е. Д. Поливановым: здесь и достойное увековечение памяти ученого, и создание подлинно достоверного его биографического очерка, здесь и издание его трудов по различным отраслям востоковедения, общей и прикладной лингвистике, поэтике и т. д., и поиски и опубликование его работ, хранящихся в архивах или ныне считающихся утраченными, здесь и изучение в свете современной науки его лингвистических, поэтологических, переводческих, учебно-методических концепций... Не исключено, что писатели и киносценаристы тоже найдут в судьбе и облике Поливанова материал для художественного воплощения.

Незадолго до своей смерти Виктор Борисович Шкловский, друг и коллега Евгения Дмитриевича Поливанова, откликаясь на мои первые два цикла очерков о Поливанове, напечатанных в областной газете «Ленинский путь», написал письмо, в котором он сообщает новые факты из жизни Евгения Дмитриевича. Этим письмом мне и хотелось бы закончить эту книгу, отдавая таким образом дань оригинальному писателю и ученому Виктору Борисовичу Шкловскому, поддержавшему меня в моих скромных трудах.

«Дорогие товарищи!

Евгения Дмитриевича Поливанова, нашего замечательного лингвиста, я узнал еще задолго до революции. Тогда он был еще только приват-доцентом Петербургского университета, ездил в Японию и

писал, как все мы тогда, стихи. Но в университете о нем говорили уже как о гении.

Поливанов был обычным гениальным человеком. Самым обычным гениальным человеком.

С годами я все сильнее убеждаюсь в этом.

Мы были друзьями. Он интересовался моей работой, и вместе с другими учениками Бодуэна де Куртенэ — Львом Петровичем Якубинским и Осипом Бриком — мы подготовили в 1916 году первый „Сборник по теории поэтического языка“.

Я приводил Якубинского и Поливанова к Брикам, мы читали доклады по поэтике, бывали у Бриков Маяковский, Хлебников. Это было начало большой работы — начало ОПОЯЗа, формального метода вообще — и нового литературоведения.

Стихи Поливанов писал на разных языках, а знал он их, ну, скажем, тридцать или сорок.

Мне же он говорил с какой-то даже радостью:

— Как хорошо, Витя, что ты не знаешь ни одного языка!

Мы по-настоящему дружили. Время прижимало нас друг к другу, как жмутся листья на дереве под ветром. Мы чувствовали свою правоту, мы чувствовали себя на гребне волны. Новая наука, новая литература — все было впереди. Волны бежали к новому берегу.

Наступила революция. Улицы стали шире. Все пришло в движение. Строились баррикады, кое-где постреливали. На одной из улиц я встретил приват-доцента Петербургского университета Евгения Дмитриевича Поливанова. Он помогал перегораживать улицу баррикадой. Мы не говорили с ним в этот день о поэтике. Жизнь бурлила, кипела, выходила из берегов и тащила за собой людей.

Революция переломила жизнь и прежние взгляды Поливанова.

Не бросил ли я все, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался ⁶⁰.

Вместе с отрядом китайцев Поливанов ходил на штурм Кронштадта. Петербург стоял в блокаде. Гремели пушки подошедших к городу войск. Улицы, занесенные снегом, умирали.

В холодном университете Поливанов читал лекции. Дома он жил, прятаясь под столом, — так было теплее.

Все, входившие в ОПОЯЗ, который не прекращал своей работы, собирались на квартирах, в Доме искусства, работая над созданием новой науки о литературе, — ценили и знали работу Поливанова. Особенно Евгений Дмитриевич сдружился с Тыняновым.

Потом время опять растащило нас в разные стороны. Евгений Дмитриевич уехал в Среднюю Азию. Мы стали видеться реже.

Теперь, разбираясь в старых статьях и просматривая новые работы, я вижу, как же много сделали мы тогда в науке. Насколько

далеко вперед заглянул Поливанов. Нужно заново ворошить старое, нужно искать, публиковать неопубликованное, чтобы идти еще дальше.

Нужна хорошая и документированная биография Поливанова, нужны обобщающие исследования его взглядов. Интересно, мне кажется, было бы рассмотреть и представления Поливанова о поэтике.

Я помню, он хотел построить „периодическую таблицу“ для языков мира и национальных поэтик. Он хотел перевернуть науку, как это сделал в химии Менделеев.

Была у него еще одна работа, которая, наверное, пропала во время его заключения,— работа о влиянии наркотиков на языковое сознание человека.

Будущее прорастает через настоящее. Асфальт трещит под ногами. Сколько мы еще не знаем и сколько сокрыто еще в темноте! Будем же внимательны к нашему прошлому.

30.VIII.1984 Виктор Шкловский»⁶¹

К части первой

¹ Посмертные издания работ Е. Д. Поливанова: «Словарь лингвистических терминов» Е. Д. Поливанова (Вопросы языкознания, 1960, № 4); четыре статьи общетеоретического содержания — «К вопросу о функциях ударения», «Об аномальных слогах», «О политоническом ударении», «Соотношение фонетики и морфологии» (Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. МГУ, 1971); по японистике — «Категории согласных в японском языке» (Японский лингвистический сборник. М., 1959), «Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка» (Проблемы востоковедения, 1960, № 3); «Исследования по японскому языку» (Токио, 1976. На японском языке); дважды была переиздана книга «Опыт частной методики преподавания русского языка», ч. 1 (Ташкент, 1961); статьи по поэтике: «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» (Вопросы языкознания, 1963, № 1), «О принципах русского перевода эпоса „Манас“» («Манас. Героический эпос киргизского народа». Фрунзе, 1968), «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой других „алтайских“ народностей» («Проблемы восточного стихосложения». М., 1973), а относительно недавно — «Рифмология Маяковского» («Известия АН СССР», ОЛЯ, 1980, т. 39, № 2).

² Г. Ф. Благова. К девятидесятилетию со дня рождения Евгения Дмитриевича Поливанова (Хроника).— Советская тюркология. 1981, № 1, с. 104.

³ В конце 20-х годов, в период «поливановской» дискуссии в Коммунистической академии, В. Б. Аптекарь заведовал издательством РАНИОНа.

⁴ Здесь и далее указание «Из архива автора» означает, что приведенные материалы находятся в личном архиве В. Г. Ларцева, автора данной книги.— *Примеч. ред.*

⁵ В написании этой главы принял участие В. М. Алпатов.

⁶ Г. В. Степанов. О филологии и филологах.— Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984, с. 7.

⁷ Иванов Вяч. Вс. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова.— Вопросы языкознания. 1957, № 3, с. 72—73.

⁸ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 269. Фраза, видимо, принадлежит не самому Ф. де Соссюру, а издателям его книги — Ш. Балли и А. Сеце.

⁹ См. работы Е. Д. Поливанова: Из теории фонетических конвергенций.—Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташк., 1923; Мутационные изменения в звуковой истории языка.—В кн.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

¹⁰ См. *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985, с. 116—132.

¹¹ См. *Поливанов Е. Д.* Вокализм северо-восточных японских говоров.—Доклады АН СССР. Серия В. Л., 1924.

¹² См.: *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию, с. 86.

¹³ См.: *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 198.

¹⁴ *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию, с. 186.

¹⁵ *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистический путь Романа Якобсона.—В кн.: Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985, с. 17—18; см.: *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928, с. 51.

¹⁶ См.: *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, с. 60.

¹⁷ См.: *Телия В. Н.* Фразеология.—Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 258.

¹⁸ *Поливанов Е. Д.* По поводу «звуковых жестов» японского языка.—Сборник по теории поэтического языка. Вып. 1. Пг., 1916; см. об этом также: Язык в развитом социалистическом обществе. Социолингвистические проблемы функционирования системы массовой коммуникации в СССР. М., 1983, с. 69.

¹⁹ *Виктор Шкловский.* Собрание сочинений в трех томах. Т. I. М., 1973, с. 103.

²⁰ Там же.

²¹ Язык в развитом социалистическом обществе, с. 69.

²² *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, с. 65.

²³ *Шкловский В.* Город нашей юности.—В кн.: Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. Сост. В. А. Каверин. М., 1983, с. 9—10.

²⁴ *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967, с. 381.

²⁵ *Кардашев М. С.* Воспоминания о Е. Д. Поливанове.—Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. 1966, № 1, с. 53.

²⁶ *Шкловский В.* Жили-были ... Воспоминания. Мемуары. Записки. М., 1966, с. 173.

²⁷ Всеволод Иванов — писатель и человек. Воспоминания современников. Изд. второе, дополненное. М., 1975, с. 347.

²⁸ *Шкловский В.* Город нашей юности, с. 9—10.

²⁹ См.: *Каверин В. А.* Друг юности и всей жизни.—В кн.: Воспоминания о Ю. Тынянове. Портреты и встречи. Сост. В. А. Каверин. М., 1983, с. 49.

³⁰ *Леонтьев А. А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983, с. 7, 8.

³¹ Русское языкознание в Петербургском — Ленинградском университете. Под ред. Н. А. Мещерского. ЛГУ, 1971, с. 81.

³² Очевидно, этой книгой стал сборник статей Е. Д. Поливанова «За марксистское языкознание» (М., 1931). И название книги, и подзаголовок «Сборник популярных лингвистических статей», как видим, подсказаны В. Б. Шкловским.

³³ ЦГАЛИ, ф. 562, архив В. Б. Шкловского, оп. 1, ед. хр. 431, л. 1.

³⁴ Тюркологические исследования. Сборник статей, посвященный 80-летию академика Константина Кузьмича Юдакина. Фрунзе, 1970, с. 5.

³⁵ СОГА, ф. 521, оп. 2, ед. хр. 57, л. 38.

³⁶ Леонтьев А. А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание, с. 9.

³⁷ В японском языке не различаются *р*—*л* и русский *л* передается как *р*. (Примечания в этом разделе принадлежат В. М. Алпатову.)

³⁸ Смех вызывал не уровень владения диалектом, а сам факт того, что иностранец говорит на диалекте. Иностранец, говорящий по-японски, часто рассматривается в Японии как своего рода «захватчик чужой территории», тем более это относится к диалекту, на котором не говорят с незнакомыми.

³⁹ В Японии широко известны марризм и его критика в 1950 г. Некоторые сочинения Н. Я. Марра и работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» переведены на японский язык, все 11 выпусков «Языка и мышления» воспроизведены фотоофсетным способом.

⁴⁰ Оба ученых широко известны в Японии, особенно Н. А. Невский (не столько как лингвисты, сколько как исследователи японской культуры).

⁴¹ Шкловский также популярен в Японии; все ведущие японские газеты (в отличие от американских) поместили его некрологи.

⁴² Поливанов Е. Д. Категории согласных в японском языке.— Японский лингвистический сборник. М., 1959, с. 18.

⁴³ Поливанов Е. Д. Музыкальное ударение в говоре Токио.— Известия Императорской Академии наук. Серия VI, т. IX, 1915, с. 1690.

⁴⁴ См. работы Е. Д. Поливанова: Материалы по японской диалектологии. Говор деревни Мие, префектуры Нагасаки, уезда Ниси-Соноки. Тексты и переводы.— ЗВОРАО. Т. XXIII, вып. I—II. Пг., 1915; Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. Пг., 1917, с. 1—83.

⁴⁵ Поливанов Е. Д. Музыкальное ударение в говоре Токио.

⁴⁶ Поливанов Е. Д. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами, с. 85—103.

⁴⁷ См.: Там же, с. V—VI.

⁴⁸ Материалы по японской акцентологии. I. Говор Тоса.— Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т. III. М., 1928.

⁴⁹ Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930.

⁵⁰ Впрочем, по свидетельству А. А. Леонтьева и по некоторым другим косвенным данным, Е. Д. Поливанов в одной из анкет писал, что в 1926 г. он проездом недолго был в Японии.

⁵¹ В работе «Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка» (Проблемы востоковедения, 1960, № 3) говорится о том, что с начала 20-х годов (видимо, после переезда в Ташкент) Поливанов был оторван от изучения японского языка, но затем вновь оказался «в условиях благоприятных для наблюдения над живой японской речью» (с. 177). Работа эта датируется примерно 1925 г. Возможно, эта датировка неточна и статья написана позже, когда Поливанов жил в Москве. Этот факт можно интерпретировать как свидетельство поездки Е. Д. Поливанова на Дальний Восток и в Японию.

⁵² Последние его прижизненные публикации, специально посвященные японскому языку, датируются 1931 г., но это был и последний год, когда он широко печатался.

⁵³ См.: *Поливанов Е. Д.* О трех принципах построения орфографии.— *Вопросы орфографии дунганского языка*. Фрунзе, 1937.

⁵⁴ См.: *Поливанов Е. Д.* Категории согласных в японском языке, с. 17.

⁵⁵ См.: *Поливанов Е. Д.* Историко-фонетический очерк японского консонантизма.— *Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН*. Т. 4. М., 1931.

⁵⁶ См.: *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию, с. 45.

⁵⁷ Там же (стр. 319) сказано, что рукопись, посланная Р. О. Якобсону, «частично сохранилась». Возможно, Поливанов послал Р. О. Якобсону и свои записи текстов по диалектам Киото и Тоса.

⁵⁸ *Кокугогаку дай-дзитэн* (Большой словарь японского языкознания). Токио, 1980, с. 837—838.

⁵⁹ *Пай-нихон хякка-дзитэн* (Большая японская энциклопедия). Токио, 1971, т. 16, с. 582. Биографические данные здесь уточнены. Упоминается теория о гибридном происхождении японского языка.

⁶⁰ В книгу включены следующие статьи: «Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков», «Музыкальное ударение в говоре Токио», «Акцентуация японских прилагательных с двусложной основой», «Одна из японо-малайских параллелей», «Формальные типы японских загадок», «Вокализм северо-восточных японских говоров», «К работе о музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайскими)», «Характеристика западно-японской системы музыкальной акцентуации», «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков», «Категории согласных в японском языке», «Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка», а также фрагменты книги «Введение в языкознание для востоковедных вузов».

⁶¹ Отметим, что как раз в области японистики труды Поливанова никогда не исчезали из научного оборота и активно использовались и в начале 50-х годов; см., например: *Фельдман Н. И.* Грамматический очерк.— В кн.: *Русско-японский словарь*. М., 1950, с. 928; *Сыромятников Н. А.* Система фонем японского языка.— *Ученые записки Института востоковедения*. Т. IV. М., 1952, с. 283, 289—291, 306—307, 310 и др.

⁶² Сам Поливанов называл своим учеником Ореста Плетнера (см.: «Статьи по общему языкознанию», с. 149, 238); видимо, речь идет не об обучении в прямом смысле (они были с Поливановым почти ровесниками), а о влиянии на Плетнера поливановских идей. Явное влияние Поливанова испытал и Олег Плетнер. Но Орест В. Плетнер с 1917 г. жил в Японии, а Олег В. Плетнер рано умер.

⁶³ *Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д.* Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова.— В кн.: *Е. Д. Поливанов*. Статьи по общему языкознанию, с. 11; см. также: *Шаститко П. М.* События и судьбы. Из истории становления советского востоковедения. М., 1985, с. 98.

⁶⁴ *Поливанов Е.* Преступная игра чиновников-дипломатов.— *Правда*. 4(17).11.1917.

⁶⁵ *Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаютин А. Д.* Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова, с. 12.

⁶⁶ *Зинин С.* Он любил тебя, Узбекистан! — *Правда Востока*. 25.01.1968.

- ⁶⁷ Сонкин М. Ключи от бронированных комнат. М., 1970, с. 41.
- ⁶⁸ Там же, с. 24—25. Согласно автобиографической справке Е. Д. Поливанов был принят в Наркоминдел по рекомендации М. С. Урицкого.
- ⁶⁹ См.: Ронкина Г. Вахтенный революции.— Комсомольская правда. 19.05.1963.
- ⁷⁰ Залкинд И. НКВД в 1917 году. Из воспоминаний об Октябре.— Международная жизнь. 1927, № 10, с. 14.
- ⁷¹ Сонкин М. Ключи от бронированных комнат, с. 20.
- ⁷² Шаститко П. М. События и судьбы, с. 98.
- ⁷³ Сонкин М. Ключи от бронированных комнат, с. 38.
- ⁷⁴ Там же, с. 49. По этому поводу в своих воспоминаниях И. Залкинд пишет: «По указанию Ленина мы срочно опубликовали донесение румынского военного атташе с сообщением о намерении Корнилова нарочно сдать Ригу, с целью борьбы против „пораженчества“» (Международная жизнь. 1927, № 10, с. 17).
- ⁷⁵ Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаятин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова, с. 12—13.
- ⁷⁶ СОГА, ф. 521, оп. 2, ед. хр. 40, л. 57—58.
- ⁷⁷ Лау Сиу-джау — это Лю Цзэжун (1892—1970) — китайский общественный деятель и ученый. Отец его был основателем чайной культуры в Грузии. Учился на физико-математическом факультете Петроградского университета. Представлял революционные силы Китая на I и II конгрессах Коминтерна под фамилией Лау Сиу-джау. Был делегатом Первого съезда народов Востока (Баку, 1920 г.). В 1921 г. с мандатом, подписанным В. И. Лениным, нелегально уехал на родину, где оказывал неоценимую услугу революционному движению в Китае. После установления народной власти работал в МИД КНР, содействовал укреплению китайско-советской дружбы. Он был одним из видных пропагандистов русского языка. Под его редакцией вышел большой «Русско-китайский словарь», выдержавший несколько изданий. В кратком некрологе, опубликованном в «Жэньминь жибао» от 29 ноября 1979 г., сообщается, что «18 июля 1970 г. в результате преследования „банды четырех“... скончался Лю Цзэжун...». Идентификация имени Лау Сиу-джау и сведения о нем представлены Ю. М. Гарушянцем, которому мы выражаем признательность. См. также: Устинов В. М. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918—1922).— Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918—1922). М., 1961, с. 40.
- ⁷⁸ Леонтьев А. А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание, с. 14.
- ⁷⁹ Поливанов Е. Д. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР.— Новый Восток. М., 1928, кн. 23—24, с. 314.
- ⁸⁰ Базиянц А. П. Из истории советского востоковедения в 1917—1922 гг.— Становление советского востоковедения. М., 1983, с. 72.
- ⁸¹ Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 7; Мусаев К. М. Алфавиты языков народов СССР. М., 1965, с. 13.
- ⁸² Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР, с. 7; Мусаев К. М. Алфавиты языков народов СССР, с. 12.
- ⁸³ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита.— Культура и письменность Востока. Кн. 1. М., 1928, с. 41, 63.
- ⁸⁴ Леонтьев А. А., Ройзензон Л. И., Хаятин А. Д. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова, с. 16.

⁸⁵ См.: *Леонтьев А. А.* и др. Жизнь и деятельность *Е. Д. Поливанова*, с. 16.

⁸⁶ *Новгородов С. А.* Первые шаги якутской письменности. М., 1977, с. 90.

⁸⁷ *Поливанов Е. Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР, с. 325.

⁸⁸ *Поливанов Е. Д.* Революция и литературные языки Союза ССР.— В кн.: *Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию*, с. 197.

⁸⁹ *Поливанов Е. Д.* Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ч. I. Ташк., 1961, с. 16.

⁹⁰ *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. М., 1931, с. 6.

⁹¹ *Лунин Б. В.* Востоковедение в республиках Средней Азии после Великой Октябрьской социалистической революции.— Становление советского востоковедения. М., 1983, с. 104.

⁹² *Абдулина Э. Ш.* *Е. Д. Поливанов и теория обучения грамоте* (Из неопубликованного наследия).— Русский язык в киргизской школе. 1977, № 5, с. 25.

⁹³ ЦГАОР УзССР, ф. 34, оп. 1, ед. хр. 2101, л. 21; ед. хр. 2111, лл. 54, 102—106; ед. хр. 2663, лл. 20—21; ф. 94, оп. 1, ед. хр. 251, лл. 23, 30—31; ед. хр. 255, лл. 184—185.

⁹⁴ *Абдулина Э. Ш.* *Е. Д. Поливанов и теория обучения грамоте*, с. 25.

⁹⁵ Там же, с. 27.

⁹⁶ *Зинин С. И.* «Востфак, профессору Поливанову...».— Ташкентский университет. 12.07.1967.

⁹⁷ В написании этого раздела принял участие Л. Р. Концевич.

⁹⁸ Подробно см.: *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистическое наследие *Е. Д. Поливанова*; *Леонтьев А. А.* и др. Жизнь и деятельность *Е. Д. Поливанова*; *Леонтьев А. А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание.

⁹⁹ Между прочим, еще в 1916 г. проф. В. К. Поржезинский (1870—1929), ученик крупнейшего русского лингвиста-компаративиста акад. Ф. Ф. Фортунатова (1848—1914), выступил в своем «Введении в языковедение» (М., 1916) с критикой яфетической теории: «Проф. Н. Я. Марру принадлежит оригинальная теория... вызывающая очень серьезные возражения... Лингвистические аргументы проф. Н. Я. Марра свидетельствуют о своеобразном понимании основных положений науки о языке» (с. 78). В сущности то же самое 45 лет спустя констатирует с душевной болью ученика за развенчанного кумира известный советский специалист по общему и сравнительно-историческому языкознанию проф. В. И. Абаев в статье «Н. Я. Марр (1864—1934). К 25-летию со дня смерти» (ВЯ, 1960, № 1): «...провозглашенное Марром „яфетическое языкознание“ не стало подлинно научной дисциплиной, которую можно было бы поставить рядом с индоевропейским языкознанием, семитским или урало-алтайским языкознанием» (ВЯ, с. 93), ибо «методы сравнительно-лингвистического анализа у Марра никогда не были удовлетворительными и изобличали отсутствие настоящей школы в этой отрасли его интересов. Это сказывалось прежде всего в слишком свободном оперировании звуковыми переходами... привлекаемый им (из самых разных языков мира.— *Ф. А.*) скудный и случайный языковой материал подвергался произвольным манипуляциям, свободным от какого-либо научного лингвистического метода... факты произвольно подгонялись под облюбованную теорию» (ВЯ, с. 93).

И нет ничего удивительного в том, что «Марру не удалось научно доказать ни одного из двух основных положений: ни того, что языки, которые он объединил под названием „яфетических“, действительно находятся в родстве между собой, ни того, что во множестве языков Европы и Азии действительно имеются отложения этой „яфетической речи“» (ВЯ, с. 93). В поисках ответа на вопрос, почему так мало утешительного может быть сказано о некоторых основных положениях созданного Марром «нового учения о языке» и в особенности о методах его обращения с лингвистическим материалом, В. И. Абаев установит: истинная сущность Марра как ученого «состояла в том, что он не был, строго говоря, ни филологом, ни лингвистом, ни археологом, а был прежде всего историком культуры в самом полном и широком значении этого слова» (ВЯ, с. 96). Однако при этом впечатление слабой аргументированности и произвольности от построений Н. Я. Марра будет возрастать по мере того, как мы вслед за ученым будем все дальше отходить от первоначальной области его интересов — армяно-грузинской филологии: «Если там все строилось на фактическом материале, то с течением времени мы все меньше видим упрямых фактов и все больше — упрямого автора» (ВЯ, с. 93—94). И «нет ничего легче, чем показать несостоятельность лингвистических построений и методов Марра в последний период его деятельности» (ВЯ, с. 96); «в его научных построениях последнего периода синтез решительно преобладал над анализом, обобщения — над фактами... Лихорадочная смена одних построений другими происходила у Марра не под натиском фактов, а в силу внутреннего самодвижения захвативших его идей. Такой путь мог привести только к научной катастрофе» (ВЯ, с. 98—99). В. И. Абаев видит причину научной катастрофы Н. Я. Марра в подавляющем преобладании творческого центра его интеллекта над селекционным в последний период его деятельности: «творческий центр работал у него с силой постоянно действующего вулкана», тогда как селекционный центр — «центр торможения все более ослабевал» (ВЯ, с. 99).

В связи с этим представляется уместным поставить вопрос: только ли в последний период деятельности Н. Я. Марра произошло ослабление селекционной работы его интеллекта? Все ли было в порядке по этой части в первый период деятельности, в молодости? Увы, дефицит самокритичности был у Н. Я. Марра уже на студенческой скамье и проистекает, очевидно, из его личностных особенностей, особенностей его научного темперамента. Так, едва усвоив азы армянской филологии из уст профессора Петербургского университета К. П. Патканова (1833—1889) и поработав самую малость над средневековыми армянскими рукописями в Эчмиадзине весной 1890 г., начинающий ученый счел себя вправе прямо с ходу — уже в октябре того же года — выступить в ЗВОРАО [т. 5 (1890), 1891, с. 307—321] с неоправданно резкой претенциозной рецензией на только что вышедшую в свет книгу «Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса. Исследование А. Томсона, магистра сравнительного языкознания» (СПб., 1890, XXVII+263 с.).

Надо сказать, что глубокое научное изучение армянского языка началось сравнительно поздно — с 1883 г. с появлением блестящего исследования «Armenische Studien» Г. И. Гюбшмана (1848—1908). А до того, со времен Фр. Боппа (1791—1867), армянский язык причислялся к языкам иранской ветви, и притом изучался по преимуществу древнеармянский литературный язык, т. е. грабар. До-

бавим, что А. И. Томсон (1860—1935) успел окончить (1882) факультет восточных языков Петербургского университета по арабскому и индоиранскому разрядам, в 1882—1885 гг. получил сверх того специализацию по общему языкознанию и сравнительному изучению индоевропейских языков при Московском университете под руководством Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша (1843—1915). Результатом этой специализации явилось написание, успешная защита и публикация (1887) магистерской диссертации «Лингвистические исследования», посвященной ахалцихскому, т. е. западному, диалекту армянского языка. Так что «Историческая грамматика» — новое исследование нового диалекта и новое слово в науке.

Рецензент вместо того, чтобы порадоваться появлению серьезного отечественного исследователя, в хлестких выражениях обвинил автора в серьезных ошибках, искажениях и извращениях фактов изучаемого языка, в незнании значения и произношения армянских звуков, отсутствии исторического подхода и т. д. Марр полностью разделил скепсис Гюбшмана о возможности создания истории армянского языка и, воспроизведя (ЗВОРАО, с. 314, примеч. 2) провозглашенные Томсоном на с. V—VI «Исторической грамматики» принципы реконструкции армянского праязыка «при помощи сопоставления всех армянских диалектов» и путем обращения к данным грабара и родственных индоевропейских языков, призвал пока ограничиваться только «выслеживанием отдельных единичных фонетических законов армянского языка, чтобы подготовить почву будущим исследователям» (ЗВОРАО, с. 315). Автору «Исторической грамматики» не составило большого труда отвести необоснованные обвинения в своем исполненном достоинстве «Ответе на рецензию Н. Я. Марра» (СПб., 1891).

Казалось, юному арменисту было бы естественным принести публичные извинения за необоснованные наскоки. Но не тут-то было: он тотчас поспешил за помощью к старшим коллегам по Петербургскому университету — к иранисту К. Г. Залеману (1849—1916) и санскритологу С. Ф. Ольденбургу (1863—1934), обратив их особое внимание на «уязвимые» места в работе А. И. Томсона. Результатом апелляции явилась рецензия упомянутых профессоров (ЖМНП, 1891, сент., с. 242—270) сразу на «Историческую грамматику» и «Ответ» А. И. Томсона. Однако то, что Марр представил рецензентам достойным порицания и неприятия, на самом деле выдерживало в своей большей части проверку огнем строгой критики самых взыскательных оппонентов из числа компаративистов-индоевропейцев. Именно к такому выводу пришли московские профессора Ф. Ф. Фортунатов и Вс. Ф. Миллер (1848—1913), принявшие на себя труд обозреть всю литературу, ставшую предметом не вполне академического спора (т. е. «Историческую грамматику современного армянского языка города Тифлиса», «Лингвистические исследования», рецензию Н. Я. Марра в ЗВОРАО, «Ответ» А. И. Томсона и рецензию К. Г. Залемана и С. Ф. Ольденбурга в ЖМНП) в виде обстоятельно взвешенного разбора всех спорных положений с публикацией его в отделе критики и библиографии авторитетного московского научного журнала «Этнографическое обозрение» (1891, кн. XI, № 4, с. 224—234).

В отличие от петербуржцев рецензенты-москвичи оценили «Историческую грамматику» как «большой и добросовестный лингвистический труд» (ЭО, с. 234) и «очень полезное приобретение для лингвистики, так как автор стоит на верном пути и дает в своем исследовании тифлисского диалекта обширный материал, тщательно со-

поставленный с фактами грабара» (ЭО, с. 231). Согласившись с петербуржцами, что заглавие «Историческая грамматика» одного из живых армянских диалектов опрометчиво, рецензенты-москвичи особо подчеркнули, что «автор избрал... совершенно верный путь для исторического изучения армянского языка, остановившись на одном из современных диалектов и рассматривая звуки и формы в возможной полноте по отношению к звукам и формам грабара» (ЭО, с. 228). Полностью поддержав Томсона в том, что «именно путем специального исследования отдельных новых диалектов в их отношении к грабару должно идти в настоящее время историческое изучение армянского языка», москвичи одновременно уточнили, что «армянский язык должен быть изучаем в его отношениях к другим индоевропейским языкам как для раскрытия древнейшей истории самого армянского языка, так и для освещения фактов других индоевропейских языков при помощи армянского языка» (ЭО, с. 228).

Ф. Ф. Фортунатов и Вс. Ф. Миллер — в интересах установления научной истины — сочли себя обязанными взять автора «Исторической грамматики» и «Ответа» под защиту от несправедливых обвинений со стороны как юного, так и маститых рецензентов: «Во второй рецензии самое исследование г. Томсона вовсе не подвергается разбору [...] задача рецензентов была, по их словам, та, чтобы доказать, „...что г. Томсону значительная часть материалов и исследований в данной области осталась неизвестной и что ту часть, которую он указывает, он проработал вполне небрежно“ (ЖМНП, с. 265)». При этом под значительною частью материалов, оставшейся неизвестной А. И. Томсону, понимается с подачи Марра — лишь несколько неизданных стихотворений из сборника Саят-Нова, а в числе вполне небрежно проработанных исследований — классификация армянских наречий Айдыньяна и «Исследование о диалектах армянского языка» Патканова (ЭО, с. 231—232), которые, как показали москвичи (ЭО, с. 232), были хорошо известны Томсону. Для иллюстрации нелепого положения, в которое «непогрешимый» Марр поставил своих заступников доставлением «убедительного» материала, рецензенты-москвичи привели значительные отрывки, убедительно показывающие неэтичные приемы ведения научной полемики, широко практиковавшиеся будущей «звездой первой величины» (ВЯ, с. 91) уже в 90-е годы прошлого века. Так, Залеман и Ольденбург коснулись «Ответа» Томсона на рецензию Марра и обвинили первого в неопозволительном искажении чужих слов (ЖМНП, с. 266—267). «В подтверждение этого тяжкого обвинения, — пишут Фортунатов и Миллер, — рецензенты приводят два места из „Ответа“ г. Томсона, но в обоих этих местах нет никакого искажения слов г. Марра. Г. Марр обвинял автора „Исторической грамматики“ в том, что последний будто бы „не уяснил себе значения обыкновенных армянских звуков“, а это обвинение г. Марр основывал на том, что известная армянская буква, которую он, г. Марр, читает как русское *ц*, передается г. Томсоном через *чл* (т. е. *ц* придыхательное. — Ф. А.)... и что другая армянская буква, которую г. Марр читает как *ч'*, т. е. *ч* придыхательное, у г. Томсона передана как *ч*...; между тем как букву, передаваемую г. Томсоном через *чл*..., г. Марр читает как *ч*. Понятно, что г. Томсону не может быть никакого дела до того, как читает эти армянские буквы г. Марр, и он совершенно прав, говоря в своем „Ответе“ (с. 4): „Потому-то мы, исследователи армянского языка, не пишем армянскими буквами, чтобы г. Марр не читал с произношением известных диалектов, а читал бы так, как написано у нас“... Где же здесь искажение

слов г. Марра в „Ответе“ г. Томсона?.. Поэтому совершенно неуместными представляются нам выражения гг. рецензентов, говорящих здесь о каких-то „проделках“ со стороны г. Томсона» (ЭО, с. 232—233).

В такой же просак попали Марр и его заступники в связи с другим якобы искажением слов Марра, который заявил (ЗВОРАО, с. 310), что «в отношении древнелитературного языка А. Томсон обставлен так скудно, что ему неизвестна даже классическая грамматика Арсена Багратуни», в которой «армянским суффиксам отведена целая глава». Фортунатов и Миллер ответили словами Томсона («Ответ», с. 6): «У меня есть кое-где ссылки на Багратуни, но обыкновенно я не ссылаюсь на грамматику Багратуни по той же причине, по какой не ссылаюсь на большой словарь Мхитаристов или на „Armenische Studien“ Гюбшмана. Эти книги — настоящие книги всякого, занимающегося армянским языком...» и в заключение спросили: «Можно ли найти здесь у г. Томсона какое-либо искажение слов г. Марра?» (ЭО, с. 234). И совершенно напрасно Залеман и Ольденбург позволили Марру втянуть себя в недостойную игру — подвел он их безбожно. А арменистика несколько лет спустя навсегда потеряла наблюдательного и вдумчивого исследователя в лице А. И. Томсона.

К. Г. Залеман вскоре должен был с горечью заметить своему ученику: «У Вас все звуки переходят во все звуки» (ВЯ, с. 93). Хотя и тот и другой вместе с В. В. Радловым выдвинули Н. Я. Марра сперва адъюнктом, а потом действительным членом Академии Наук, С. Ф. Ольденбург, будущий непререкаемый секретарь Академии Наук (1904—1929), надо полагать, не раз пожалел о том, какую скверную услугу отечественной науке оказал он своим необдуманным заступничеством за Марра и сколько горя и бед принес нашему языкознанию этот чародей. — *Примеч. Ф. Д. Ашнина.*

¹⁰⁰ Тронский И. М. Сравнительно-исторические исследования. — Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 7, 8.

¹⁰¹ См.: Там же, с. 8.

¹⁰² Цит. по: *Антекарь В. Б.* Н. Я. Марр и новое учение о языке. М., 1934, с. 43.

¹⁰³ Цит. по: *Марр Н. Я.* Об яфетической теории. — *Новый Восток*, 1924, кн. 5, с. 309.

¹⁰⁴ Цит. по: *Антекарь В. Б.* Н. Я. Марр и новое учение о языке, с. 44.

¹⁰⁵ Там же, с. 43, 49.

¹⁰⁶ Архив АН СССР, лл. 1—48.

¹⁰⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41, с. 304.

¹⁰⁸ Как ни удивительно, именно «за особо выдающиеся труды в области лингвистики» Н. Я. Марр был награжден орденом Ленина в 1933 г.

¹⁰⁹ Поливанов Е. Д. Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория. — В кн. Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию, с. 176—177.

¹¹⁰ Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931, с. 28, примеч. 2.

¹¹¹ В вопросе о М. Коэне был прав (как и во всем другом) именно Е. Д. Поливанов: тот действительно был членом ФКП, о чем сказано в статье о Коэне в 3-м издании БСЭ.

¹¹² Этим дальним родственником, скорее всего, был Норв Авраам Сергеевич (1795—1869), востоковед и писатель, министр на-

родного просвещения и член Императорской Академии наук. Этим сообщением мы обязаны Ф. Д. Ашнину.— В. Л.

¹¹³ ЦГАЛИ, ф. 562 (архив В. Б. Шкловского), оп. 1, ед. хр. 669, л. 2—3.

¹¹⁴ Там же, л. 1.

¹¹⁵ Миханкова А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3-е. М.—Л., 1949, с. 420.

¹¹⁶ Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова (1899—1968). М., 1970, с. 22.

¹¹⁷ Леонтьев А. А. Из неопубликованного наследия Е. Д. Поливанова.— Вопросы языкознания, 1963, № 1, с. 98.

¹¹⁸ СОГА, ф. № 521, оп. № 1, ед. хр. № 21, л. 21, 36, 48.

¹¹⁹ Профессор А. Саади впоследствии заведовал кафедрой узбекской литературы в УзГУ, и в конце 40-х и начале 50-х годов я слушал его лекции, доклады на конференциях. Его супруга Надежда Михайловна Саади передала мне ряд документов, которые подтверждают постоянные научные связи его с Е. Д. Поливановым.

¹²⁰ СОГА, ф. 521, оп. 2, ед. хр. 57, л. 38.

¹²¹ СОГА, ф. 521, оп. 1, ед. хр. 42, л. 44.

¹²² СОГА, ф. 521, оп. 1, ед. хр. 11, л. 226.

¹²³ СОГА, ф. 521, оп. 1, ед. хр. 42, лл. 4—7.

¹²⁴ СОГА, ф. 521, оп. 1, ед. хр. 42, л. 48.

¹²⁵ СОГА, ф. 521, оп. 6, ед. хр. 30, л. 106.

¹²⁶ См.: Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию, с. 27.

¹²⁷ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 671, (архив А. Н. Самойловича), оп. 1, № 242.

¹²⁸ ЦГАЛИ, ф. 562, (архив В. Б. Шкловского), оп. 1, ед. хр. 669, л. 5.

¹²⁹ СОГА, ф. 521, оп. № 2, ед. хр. № 40, л. 57—58.

¹³⁰ Номер не отмечен не только у Поливанова, но и у других работников Академии.

¹³¹ У нас есть архивная справка — он родился в 1891 г. Этот же год указан и в паспорте отца Е. Д. Поливанова.

¹³² Этот вопрос дублирует 19-й, поэтому Е. Д. Поливанов повторяет ответ 19-го вопроса, пишет красными чернилами и с особым нажимом, как выражение недовольства.

¹³³ Это единственный документ, где указан номер партийного билета Поливанова. В то же время до сих пор вызывает сомнение последующая фраза: «выбыл с правом обратного поступления». В Уставе КПСС такого пункта нет, не могли мне это объяснить и в партийных органах. Быть может, такое решение было принято в единичном случае, только по отношению к Е. Д. Поливанову? Быть может, он получил особое задание в связи с поездкой на Дальний Восток? На все эти вопросы сейчас нет ответа, нет ни документов, ни воспоминаний лиц, знавших в это время Е. Д. Поливанова. Известно, что в 1935 г. он был принят кандидатом в члены ВКП(б) (Архив АН СССР, ф. 677, оп. 6, № 224, л. 311 об.)

¹³⁴ «...Из стенограммы одного выступления Е. Д. Поливанова известно, что в начале первой мировой войны он написал антивоенную пьесу, за что был арестован и отсидел недолго в тюрьме» (Леонтьев А. А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание, с. 46—47).

¹³⁵ Об этом подробнее будет сказано в конце анкеты.

¹³⁶ Имеется в виду, по-видимому, гонорар за книги и статьи, потому что в ответе на вопрос 36 он пишет, что, кроме основной, имеет только литературную работу.

¹³⁷ Домашний адрес Е. Д. Поливанов написал арабскими буквами: Самарканд, ул. Лябигор 59.

¹³⁸ Ответа нет, потому что новейшие методы преподавания создавал сам Е. Д. Поливанов.

¹³⁹ Комната для гостей.

¹⁴⁰ Молодое вино.

¹⁴¹ Кельи.

¹⁴² Ср. Леонтьев А. А. и др. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова, с. 28.

¹⁴³ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию, с. 90—113.

¹⁴⁴ Зинин С. И. «Востфак, профессору Поливанову...»

¹⁴⁵ Шебаршина М. М. Кафедра русского языка.—За кадры (многотиражка Самаркандского кооперативного института). 5.01.1975.

¹⁴⁶ Его настоящее название по экземпляру Архива АН СССР: «Толковый терминологический словарь по лингвистике проф. Е. Д. Поливанова» (1937 г.), ф. 677, ед. хр. 224, с. 293.

¹⁴⁷ Григорьев В. П. «Словарь лингвистических терминов» Е. Д. Поливанова.—Вопросы языкознания. 1960, № 4, с. 112—125.

¹⁴⁸ Там же, с. 112.

¹⁴⁹ Леонтьев А. А. Из неопубликованного наследства Е. Д. Поливанова.—Вопросы языкознания. 1963, № 1, с. 96.

¹⁵⁰ Там же, с. 112.

¹⁵¹ Леонтьев А. А. и др. Жизнь и деятельность Е. Д. Поливанова, с. 25—26.

¹⁵² Леонтьев А. А. Из неопубликованного наследства Е. Д. Поливанова, с. 98.

¹⁵³ Относительно смерти Е. Д. Поливанова существуют, кроме официальной, разные версии. Так, по непроверенным сведениям Леонида Георгиевича Симановича (из Риги), сообщенным им М. С. Кардашеву в письме от 21.I.1965 г., Е. Д. Поливанов не был расстрелян во Фрунзе 25 января 1938 г.; высшая мера наказания была заменена на 20 лет исправительно-трудовых работ в лагерях особого режима; в январе 1939 г. он был отправлен под Архангельск, где и скончался от крупозного воспаления легких (а фактически от истощения организма) в конце февраля 1940 г. В июне 1938 г. была арестована и жена Е. Д. Поливанова, Бригитта Альфредовна Нирк-Поливанова, как «соучастница»; она скончалась также в лагере под Архангельском в конце октября 1940 г.

К части второй

¹ Поливанов Е. Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка.—Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1. Пг., 1916.

² Шкловский В. Жили-были... Воспоминания. Мемуары. Записки. М., 1966, с. 105—106.

³ Там же, с. 105.

⁴ Лоя Я. В. История лингвистических учений. М., 1968, с. 240.

⁵ Шкловский В. Жили-были..., с. 92.

⁶ Там же, с. 93.

⁷ Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским.—Вопросы литературы. 1984, № 12, с. 194—195.

⁸ Леонтьев А. А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983, с. 47.

⁹ Вопросы языкознания. 1963, № 1, с. 99—112.

- ¹⁰ Известия АН СССР. ОЛЯ. 1980, т. 39, № 2, с. 153—162.
- ¹¹ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, с. 310—313.
- ¹² Проблемы восточного стихосложения. М., 1973, с. 100—106.
- ¹³ Литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1930, с. 96—97.
- ¹⁴ Там же, с. 85—88.
- ¹⁵ Сборник музея археологии и этнографии. Т. 5, вып. 1 (к 80-летию акад. В. В. Радлова). Пг., 1918, с. 371—374.
- ¹⁶ Бахтин М. М. К эстетике слова.— Контекст 1973. М., 1974, с. 269.
- ¹⁷ Литературная энциклопедия. Т. 1, 1930, с. 16—19.
- ¹⁸ Революция и культура в Средней Азии. Ташкент, 1934, № 1, с. 96—105.
- ¹⁹ Искусство и жизнь. Ташкент, 1922, № 1, с. 8—12.
- ²⁰ Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923, с. 103—105.
- ²¹ Литературная энциклопедия. Т. 3, 1930, с. 130—131.
- ²² ЦГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 215.
- ²³ «...В эти годы (в первый ташкентский период.— В. Л.), по воспоминаниям его учеников, он с большим успехом читал в Среднеазиатском университете курс формальной поэтики» (Леонтьев А. А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание, с. 53).
- ²⁴ ГБЛ, ф. 386 (архив В. Я. Брюсова), оп. 99, ед. хр. 13, л. 1.
- ²⁵ ГБЛ, ф. 386 (архив В. Я. Брюсова), оп. 99, ед. хр. 13, л. 1, 2.
- ²⁶ ЦГАЛИ, ф. 336 (архив В. В. Маяковского), оп. 5, ед. хр. 153, л. 25.
- ²⁷ Катанян В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е. М., 1985, с. 164.
- ²⁸ Там же, с. 165.
- ²⁹ Там же, с. 539.
- ³⁰ ЦГАЛИ, ф. 562 (архив В. Б. Шкловского), оп. 1, ед. хр. 669, л. 4.
- ³¹ Там же.
- ³² Бахтин М. М. К эстетике слова, с. 278.
- ³³ *Méia* греч. 'вне, за пределами', *ῥῆμα* 'слово', а также 'непонятное слово'.
- ³⁴ Текст главы хранится в настоящее время в Государственном музее В. В. Маяковского в Москве, он имеет посвящение покойному другу-поэту. Публикуется в данной книге впервые (см. с. 223—232).
- ³⁵ См.: Вопросы языкознания. 1963, № 1, с. 98.
- ³⁶ В статье (в отличие от текста, подготовленного для сборника) имеется датировка многих стиховых текстов, что позволяет, в частности, установить, что большая часть «словотворческих» («заумных») стихов Е. Д. Поливанова — давние, времен наибольшего футуристического «бума» 1910-х годов.
- ³⁷ Помещение в сборник советского времени футуристических опусов начала 1910-х годов — знак устойчивого интереса Е. Д. Поливанова к неологизмам как одному из резервов языкового развития.
- ³⁸ ЦГАЛИ, ф. 562 (архив В. Б. Шкловского), оп. 1, ед. хр. 669, л. 4.
- ³⁹ ЦГАЛИ, ф. 613, ГИХЛ, оп. 1, ед. хр. 5029, л. 1—15.
- ⁴⁰ Мусаев С. М. Киргизский народный эпос «Манас». — «Манас». Киргизский героический эпос. Кн. 1. М., 1984, с. 425.

⁴¹ *Фалев П. А.* Как строится Кара-Киргизская былина.— Наука и просвещение. Ташк., 1922, № 1.

⁴² *Виноградов В. С.* Напевы Манаса.— «Манас». Киргизский героический эпос. Кн. 1. М., 1984, с. 492—500.

⁴³ Советская Киргизия. 30.09.1935.

⁴⁴ Новый перевод «Манаса» (Кн. 1. М., 1984) сделан только белым стихом. Из 9488 стихотворных строк — ни одна строка не рифмуется.

⁴⁵ Тынянов. ЖЗЛ. М., 1966, с. 55.

⁴⁶ *Каверин В.* Вечерний день. М., 1982, с. 481.

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. 562 (архив В. Б. Шкловского), оп. 1, ед. хр. 669, л. 5.

⁴⁸ *Каверин В.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1980, с. 420.

⁴⁹ Там же, с. 423.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, с. 424.

⁵² Там же, с. 452.

⁵³ Там же, с. 457.

⁵⁴ Там же, с. 548.

⁵⁵ Октябрь, 1984, № 9, с. 121.

⁵⁶ Вопросы литературы. 1982, № 11, с. 94.

⁵⁷ *Каверин В.* Собрание сочинений. Т. 1, с. 558—559.

⁵⁸ Там же, с. 561.

⁵⁹ Там же, с. 400.

⁶⁰ В. Шкловский цитирует здесь «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина.

⁶¹ Из архива автора.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Е.Д. ПОЛИВАНОВА

Бо Цзи-шэн (Е. Д. Поливанов)

МЕТАГЛОССЫ
(Поэзы и кляксы)*

*Тебе
Здесь посвятил стихи я.
Стихи — твоя стихия.*

КИТАЙСКОЕ

*Вся надежда на осуществление своей
доктрины исчезла у Мэн-Цзы
благодаря клевете сына Цзана.*

Биография Мэн-Цзы

Блажен, кто запись унижений
Педантно-искренне ведет,
Кто видел тень своих падений,
Кто слышал демонов полет,
 Кто знал, что всё себя достойно,
 Кто ничего не проклинал,
 И кто прощающе-спокойно
 На униженья отвечал.

* 3 января 1924 г. Е. Д. Поливанов на титульном листе рукописи сборника, направленного в Туркглавлит, сделал надпись следующего содержания: «В типографию. Всего 22 номера стихов. Каждый номер — на отдельной стр-це. Книжка должна быть самого маленького формата». — См.: ЦГА УзССР, ф. 34. оп. 1, ед. хр. 2643, л. 59.

Если небо захотело,
То свершилось, что́ должно,
Но свершить свои хотенья
Сыну Цзана не дано.
Кто гордится тем, что рана
Мне дана его рукой,
Тот, как сын надменный Цзана,
Ослеплен самим собой.

Стихи, получившие премию на конкурсе в честь 300-летия царствующего дома гг. Романовых

О Петр, Петр, ты — великий гений,
Мы о тебе хороших мнений.
Ты шведов отразил, отечество устроил,
Ты похвалы за это стоил.
Да, да! Настала славная России череда —
И на море ты выстроил суда,
И вот у нас есть флот,
Благодарит тебя народ.
О Петр, Петр, ты велик!
Но вот с Невы раздался крик:
— О Петр-царь, о Петр-брат,
Спаси! — кричал тебе солдат.
Ты побежал, калоши снял и спас,
И это радовало б нас,
Когда б остался ты здоров.
Увы и ах!
Без дальних слов,
Ты умер — мы в слезах.

Среди 22 отдельных стихотворений и циклов, отмеченных автором, в одном из первоначальных вариантов его рукописи, хранящейся в архиве А. А. Леонтьева (из архива Н. П. Архангельского), не было цикла «Прогноз» и стихотворений «На прото про тот-то мгла-то...», «Окказиональное», «Реминисценции», в то же время были два стихотворения, посвященные китайским добровольческим красным отрядам, и стихотворение «Пайсприш ан», которые мы помещаем в качестве дополнения к сборнику Е. Д. Поливанова. В стихотворения «И, безумием в уста мне вложенное...», «Их шестеро с острова Моона...» и «Ему» (Из детской переписки) по этому же рукописному варианту добавлены в конце их по четверостишию (они заключены в скобки). Внесен также ряд разночтений. Написание китайских имен дано как у Е. Д. Поливанова.

С ЯПОНСКОГО

ПЕСНЯ РЫБАЧКИ *(танка)*

Виден чели или нет?
На песке стою морском,
Но лишь ветра шум в ответ
По ветвям прибрежных сосен.

УТРОМ *(танка)*

По колодцу пробежал
Белый утренний вьюнок,
Мне его распутать жаль —
Я пойду занять воды.

В САДУ МОНАСТЫРЯ *(хайку)*

Старый пруд.
Прыжок лягушки.
Звук воды.

ПЕСНЯ, ЧТО ПОЕТСЯ НА ПИРУШКАХ *(Перевод с нагасакского)*

Цыц! Молчать, жена! Пора
Замолчать — ворчишь с утра.
Что ж такое изменил?!
Я ведь деньги не твои,
А свои ей заплатил.
Пикнешь — вмиг за дверь пинком
Заодно с твоим щенком.

[1917 г.]

И, безумием в уста мне вложенное,
Волшебное слово произнесено:
Невозможное — возможно,
А возможное должно!
Я ль не прозрел твоих всех испытаний?!
Но дрожать за тебя представлял другим.
Дети мои! Мы ведь будем в Испании
С огненно-красным знаменем своим.

Но за счастье всегда знать твою победу,
Всегда быть твоим верным из верных! —
Навсегда мне дан мой гадкий недуг,
И душа моя пахнет скверно.
 Революция, я с Тобою,
 Когда волочусь животом по торцу
 И когда шелудивой рукою
 Бьет палач мой меня по лицу!
<Революция, я презренный —
Я велик, ибо я правдив,
Ибо я совершенно верный
Несравненный твой негатив.>

1917 ГОД

Из волн токайского и мадеры
Восстала душа — слаба и бледна,
И пошла она в цирк Модерн,
И молиться хочет она.
Молиться у синей мечети,
Чьи своды так близки и так радужны,
Молиться о том, чтобы в этом лете
Были даже такие, как она, нужны.
 Но ударил гром безумия,
 И вдруг стала душа ослепительно сильной,
 И та липь, что лежала на трюме ея,
 Даже живительным сделалась эликсиром.
На эстраде был еврей, как Христос, великий,
И у ног его зачарованный им народ —
Оттого и великим стал огненноликий
 1917 год.

Посв. Кронштадту — 1917 г.

Их шестеро с острова Моона,
Их тридцать со «Славы» и «Грома».
Тела их — под волнами моря.
Их память — геройская гибель.
 Их души направились к небу.
 Как встретило небо героев?
Ангелы у аналов
Прилежно дремали.

Дежурный апостол открыл двери рая,
Но души пришельцев не этого ждали,
Не жаждали порции райского хлеба.
— Чего же им надо? — подумал страж неба.
— Им важно иное. — Ужели земное?

В раю — интересы рая,
Программа желаний другая,
И земные помыслы людские,
И людские маленькие драмы
Выходят из рамок этой программы.

Но они медлили войти.
Они спросили на пути:
— Мы победили или нет?

Но ничего не промолвил в ответ им
Дежурный апостол —
они говорили по-русски.

Апостол же мог понимать
лишь по-гречески, по-арамейски и на эсперанто.
И позван был переводчик —
старый и опытный ангел из Могилева.

— Кто вы?
— Народ освобожденный,
Матросы Красного Флота.

— Про вас не слышал я что-то,
Апостол изрек изумленный.
Но над Россией возмущенной
Блеснула молния,
И я

Узрел в ней пламя Октября.

<А духи бесплотные странно летали
Смотря на пришельцев, носителей нового света,
И только Христос из двухтысячелетней дали
Улыбнулся им кроткой улыбкой — привета.>

ПРОГНОЗ

РЕВОЛЮЦИЯ

О, исполины Москвы,
Я из Берлина зрю Вашу звезду.
В революцию верите вы? —
Я была, я пришла, и приду.

ГЕРМАНИЯ

Я знаю, что путь мой один —
Быть великой страною свободы
И вести за собою народы
В царство мира, где труд — властелин.

БО ЦЗИ-ШЭН

Германия, Тебя ль я не любил,
Тебе ль не посвятил
Последний блик забытого мной рая.
Побеждена ты будешь, дорогая,
Во власти алчных псов.
Но верю я, ты встанешь из оков
И будет вновь крепка
Германская р а б о ч а я рука.

В ЯПОНИИ

Над муравьиным Вавилоном Токио
Сурово вырос ввысь Суругадай,
Куда мы, русские, заходим одинокие,
Чтоб слушать сплетни и пить русский чай,
Оттуда мы идем на Гинзу к мексиканцам,
Чтоб пить до вечера банановый ликер,
Болтая с мексиканцем иль испанцем
Про женщин, про жару и про ликер.
Стемнело — и нас ждут уж в Ёсиваре
Две обезьянки в красных кимоно,
Чтобы губами, красными от киноvari,
Пить с нами красное бургундское вино.

В ЯПОНИИ

О, индианки!
Вас было пять,
Но об одной лишь
Хочу писать.
То там далеко,
В Санномий,
Где индианки были
И я,

Они в вагоне,
Я у окна.
Потом навеки
Ушла она.
 И все в тумане,
 И мир стал пуст,
 В душе — твои лишь
 Пионы уст.
С другой был индус,
С тобой никто.
Спасибо, друг мой,
Хотя за то!
 Две, три понюшки,
 Бутылка саки.
 И вот мой поезд
 На Нагасаки.

В ЯПОНИИ

Пали утренние зори на восток,
Озолочен песок,
Теплый желтый песок
 В синем море.
К солнцу мчит альбатрос на восток,
Где стоит одиноко
Желтолицый утес
 В Желтом море.
И души моей путь на восток,
На прибрежный песок —
Умереть, утонуть
 В теплом море.

В ЯПОНИИ

Для милой Иды,
Семирамиды Владивостока,
Купил чулки я
Черного шелка,
Купил другие
Вам, богомолка.
 Обувши шелком стройную ногу,
 Вы будете подолгу молиться богу.

А у Иды, блондинки,
После шантана
Сбросил чулки я
На спинку дивана.

*

Пей вино, запершись в кабинете,
За томом Тацита.
Никто не заметит.
Но не носи душу на улицу.
Она сердито
Мне говорит: «Задушу».

О, как жесток мой путь!
Топчет нога ножи.
Дай мне, наган, уснуть
И ни за что не жить.

Все проститутки мне жены,
Я сам прокаженный,
Обнаженную душу
Царапайте камнем

Миллионы раз.

А в Кремле Ленин
Такой большой
Построит жизнь
Совсем без нас.

Не будет слабых,
Больных душой,
Не будет боли,
Не будет войн.
И мне хорошо.
Я спокоен.

*

На прото про тот-то мгла-то,
То дивно легла на леглеви —
И странно зовет меня кто-то
Про то напевал из Галеви.

И клеростью клевера кликле
Глен-глен на зеленой муравы
Задумчиво тихо поникла
В раздумчиво думной дубравы.

Корявистый дуб изломался
Глен-глен в утихах утишинных,
Близ блёсток от слез открывался
Рай-лира-лирай радужинный.

И тонкие тростники папоротников
 Над ними стелились,
 А из села песни работников
 К нему неслись.
 И мироволшебно ревнивый
 За миг упоенной утехи
 Унес он в душе несмолкливой
 Две скорбные мысли-помехи.
 Медля длит излит песок
 Зачарованные звоны
 И растрещатые тоны
 глим-плим-бля бежит песок.
 Омела у мелкой мели,
 Что под молом молоко,
 Это — море на свирели
 Разом длит, поит, булькая.

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ

Тури — ту — ту,
 Ту — ту — тури,
 Не говори
 Забытых слов,
 Не пробуждай
 Уснутых снов.
 То было так давным-давно,
 И так душе моей родно,
 Что с ним проститься мне должно.
 Тури — тури,
 Тури — ту — ту,
 Блажен, кто был когда-то молод,
 Кто не был так, как я, измолот.
 Ту — ту — ту — ри!
 Кто слышит зов,
 Тот без оков —
 Волна и меч
 Безумит речь,
 И я готов
 Уехать в Гдов.

ЗИМНЕЕ

Наркоман с душой моллюскообразной
Жил всегда во мне, в моей крови,
И психологи пусть душу алую
И образно-матовую

Ищут в любви.

Но я далек, от января до Пасхи,
От неизукрашенных урн
безумно-святой любви.

Я пою темно-синие маски,
Я пою поцелуи Тангейзера
под звуки валторн,
И смотрю на свою vis-a-vis.

ВЕДИЙСКОЕ

*Дай нам, Варуна, дожить до зари!
Риг-Веда*

Была бесплодна вера жертв,
Сходили женщины с ума,
Был Святовер навеки мертв
И миром мук владела тьма.
Но встал гигант над ночью мук,
И бросил розу на восток,
Какой-то робкий, добрый друг
Раскрыл заутренний цветок.

То ж ты, надежда древних Вед,
Ты, хрупкий, маленький, ничтожный,
Богов посланник осторожный
Первобожественный рассвет!

В ЯПОНИИ

Колдун был прав, мой рок был зол,
Самый презренный из людей
Навстречу тысяче отрав
Я шел меж трав среди полей.
И, кроме духов, никого вокруг меня,
Ни надо мной,
Лишь под землей японский крот
Был зол с своей слепой женой
На мой полуночный приход.

Луна плыла на лоне туч,
Был бледно-синь зеленый рис.
И обливал унылый луч
Сине-зеленый кипарис.
 Луна не зла, не знала зла,
 Подруга бедная земли.
 Но над землей шла пелена миазмов зла,
 И плыли в ней полуночные духи плача.
Мой рок был зол, колдун был прав,
Во мраке зол он предвестил,
Что в эту ночь я все утрачу,
Чем паче ока дорожил.

1 МАЯ

Терентьеву

Май, тай. Дай пить.
Дай любить
Жизнь.
 — Чью?
— Рабочую.
 Рабочий класс,
 Класть поклоны довольно.
 Это больной,
 боль Ной увидя, выдумал бога.
Ха!
Тоже — иконы, амвоны.
Стоят миллионы
Колонны, что обхватили Исакий
С божьей рожей.
Ха!
 Плюнул бы всякий.
 Впрочем, не стоит плевка.
Вон! Вавилоны!
Вон, звоны и зовы одряхлевших душ!
Музыка! Новый,
Я иду. Туш!
 Май, музыка, старому мат.
 Мать ево!
 Там каземат,
 Гнойное время, болезненное;
 Горе и зной.
 Бремя и боль, каких Ной,
 Ноя, не знал.

Эх, разве не радость тому,
Кто вспомнит, что мук-то уж нет,
Что прошлое в прошлом ушло.
Прошлого пошлость в истории том
Крепко замкнем
и завяжем узлом.
За Май!
Не замай, говорит поэт,
Дай только год или два труда
И казаться смешной будет всем
Ерунда: бог и Ной.

И не ной:
Жизнь будет иной.
Мы идти не устали.
Ноги из стали
Первого Мая.
Или хочешь осесть?
— Так скорей умирай,
Я иду дальше,
Живей выбирай.
Мы за Май. За Маем к нему идем,
Прошлого пошлость в истории том
Крепко замкнем.
За Май!

КОКАИННАЯ (Почем понюшка кокаина)

Шумная чайная,
Номер 13.
Публика чумная,
Грамм стоит 20.
Платят и 40
Бывшие в котиках,
Плача, что дорог
Опыт в наркотиках.
Грамм стоит 20,
Но тот же пакет
Стоит 120,
Когда его нет.
Вот по базару
Гаркнул Карлушка:
Нету товару,
20 — понюшка!

И платит Карлушке
20 монет,
За тень от понюшки
Тощий плашкет.

Щербаков, 1918

ИЗ ДЕТСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ЕЯ

Завтра рано я встану,
И рано я встану затем,
Чтоб проснуться еще раз с Тобою,
С Тобою одною
И больше ни с кем.

А потом я

Покончу с собою.

Я умру незаметно, как жил,
И желать одного буду только,
Чтобы ты не жалела нисколько,
Не бродила меж тихих могил,
И к моей одинокой могиле

Никогда не узнала пути.

А то мне даже в этой могиле
Нельзя будет покоя найти.
Я там буду томиться досадой,
Что нельзя мне проснуться опять
И, как ныне, с больною отрадой,
Тебе слово прощенья сказать.

ЕМУ

Зачем Вам со мною прощаться?
Приходите с своею тоской
И не думайте, милый, стреляться,
Бросьте, плюньте, ведь Вы же большой.
 <А у меня есть Аверченки книжка.
 От Конради конфеты.
 Есть Блигкен и Крафт.
 Наконец есть еще одна книжка:
 Dr. Gabelentz Sprachwissenschaft.>

Брават, милый брат, вот бравада,
 Вот брызги и блеск Арнона.
 Полночного бдения не надо.
 Рулада без мысли и тона.
 Женщины, которых любил я,
 Умерли иль ожирели,
 И на шее моей бессилья
 Стопудовое ожерелье.
 Вон та, в малиновом берете,
 Реминисценция смешна:
 Она в отдельном кабинете,
 И, боже мой, она пьяна!
 Дано ли нам, осиротелым,
 Жить и утешиться собой,
 Или, как листьям облетелым,
 Уснуть под ношей снеговой!
 Браво, брат мой, мне не надо
 Уверений. Все забыто —
 Браво, брат мой, вот рулада,
 И под ней ничто не скрыто!
 Где ж забвенья от невзгоды?
 Где-то в дальней стороне
 Не темнеют неба своды...

В 45 ЛЕТ
 (Подражание китайскому)

Выхожу, немного выпив
 И немного покурив,
 Из опиекурьлини.
 Мышь летучая так низко пролетает,
 У палан-ханэ костер пылает,
 Сумерки ложатся на Тошкэнд.
 И я медленно бреду домой,
 Совея.

* В рукописи Е. Д. Поливанов перечеркнул все стихотворение.

ПАЙСПРИШ АН

У меня была любовница в Ташкенте —
Маленькая черная румынская цыганка.
Знойным днем она гадала на базаре,
К вечеру бегом ко мне спешила,
И немало дней под тростниковой кровлей
Мы встречали вместе

И читали

В черной паутине потолка
Линию угрюмую судьбы.

— Сколько лет тебе?

— Мне «пайсприш ан», — она мне щебетала по-румынски

В раскаленный зной у желтого дувала.

Раз нашли ее лежащей за Саларом —

Чья-то ревность чей-то острый нож вонзила в сердце.

И один лежу под тростниковой кровлей,

В потолок вперяя злую думу —

Скуки, нежити, похмелья и разлуки

«Пайсприш ан», — и умереть так рано.

ДОПОЛНЕНИЕ К СБОРНИКУ
«ПОЭЗЫ И КЛЯКСЫ»

*Посвящается китайскому отряду N
минно-подрывного б-на*

Окружила нас белая свора
И ждет нас топор палача,
Но сдадимся еще мы не скоро
И винтовки не спустим с плеча.
 Так скорее стреляй,
 Чжан Чжун-фу, заряжай!
 Так скорее стреляй,
 Чжан Чжун-хай, помогай!
Нам другого бога не надобно,
Революция, тебе мы верны,
И за тебя теперь умираем мы,
Желтого Китая сыны.
 Так скорее стреляй,
 Чжан Чжун-хай, помогай!
 Так скорее стреляй,
 Чжан Чжун-фу, заряжай.
И наутро наши красные встретили
Шесть трупов, сидевших рядком,
Стрелявших за Революцию
И не сдавшихся вшестером.

*Посвящается N китайскому отряду
Южного Фронта*

Их 600,
Обязанных на геройство,
Желтых, косых,
Но бескосых,
 С одним только кольцом
 И полным спокойствием
 Смирно идут умирать.
 Сели. У ног их кучкой патроны
 Лежат. И без пардону
 В белых палат.
Ближе и ближе треск чужой, пулеметный.
Боли взвизг мимолетный

Смело! Без сдачи! Ударь!
Треск ближе — и ниже осела
Трупов сидячих гряда.
 И колыту родному нету покоя.
 Сменили команду — убили героя.
 Шлем Чжан Цзюану снесло с головою.
Но в бою, наконец, наступил перелом —
И белые нашим отбиты крылом.

*Посвящается памяти друга—
В. В. Маяковского*

Е. П.

Моя книжка о Нем, о титане этом,
Чье имя в ста тысячах рифм
На устах у ста тысяч поэтов
Маяком коммунизма горит.
 Но остается втуне
 Поэма борьбы без показа врагов.
 И недаром я слышал в июне
 Звуки злые стрельбы
 И презрительно брошенных слов:
«Прекратить пропаганду
На то ведь есть револьвер, господин офицер!»
Так слушай мою команду,
Муза! Меняй размер!

На Итальянской кабинет.
 Стол. Электрические свечи.
 И тот, чьи пафосные речи
Встречали пафосный ответ
От марта до середины лета,
 — Но кончилась эпоха эта,—
Кто в эти годы непогоды
Играл эмблемою свободы,
 — Тот, кто был виртуозом поэзы
И в наступленье гнал солдат,
На помощь своему гипнозу
Призвав из старых дев отряд
И смертной казнью угрозу,
 Кто барабаном шарлатана
 Всех наркоманов восхищал,
 Крича, как шут из балагана:
 «Цветок свободы я сорвал!»

* Впервые печатается полностью по машинописному экземпляру с авторскими пометами. 1936. 14 с. Хранится в Государственном музее В. В. Маяковского (Москва). Копия получена от А. А. Леонтьева, который опубликовал несколько фрагментов из поэмы в книге «Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание». М., 1983. Подготовлено к публикации Л. Р. Концевичем.

— Главнокомандующий шут,
Шут всенародный, шут вселенский! —
Ну, словом, это был Керенский,
 (Носивший еще одно имя знакомое:
 Солдатских шинелей главнасекомое).

Хмурится грозно его чело:
Опять французский посол дал нагоняй,
И шепчет Керенский зло:
«Сам ты солдат погоняй!

 Мало ли русских потратил я слов?!
 На ять объяснил им победы смысл,
 Но не по силам для этих ослов
 Понять такую простую мысль:

„Кто за собой закрепить
Хочет свободу и землю,
Пусть брату по классу вонзит
 В пузо поглубже штык“ —

Нет, мне не внемлют:

 — Нас, дескать, дружбе

Уже научил большевик
С немецким братом по классу, по воинской службе
И по бедам —

 „Смирно!“ — солдатам тут закричал я,
„Война до победы!“

 А мне отвечает каналья

 „Куда там?!

Надо жить мирно,

Мир

 нам

 нужен,

 Войну же

 Сразу и дружно

Нам

 кончить

 нужно“...

Как истребить заразу?!

Во всем вредит большевик!...»

И вот подают телеграмму — как раз в этот миг.

Керенский читает фразу,

И сразу головой поник:

Новую, новую драму

Прозрел в телеграмме он —

Тому, кто всех зол основою,

Дан для проезда вагон.

Факты все проверены:
Поезд уж вышел из Берна
К швейцарско-германской границе.

И ясно, как дважды два,
Что большевиков глава
Будет здесь, в российской столице...
Ленин здесь, в Петрограде!
На что это будет похоже?!
Спаси ж, буржуазии ради,
Россию от Ленина, боже!

И вот своему адъютанту
Главковерх отдает приказание:
«Пригласив дипломатов Антанты
В роли почетных гостей,
Немедля созвать заседание
Из лидеров желтых мастей
И представителей прессы.
Председателем же сам я!»
— Так был создан Конгресс
Отборнейшего хамья.

«Повестки пункт неизменен,
Повестки пункт только один:
Большевизм и Ленин
Чем нам грозят впереди?
Как нам расправиться с ними?
Дайте ответ поскорей,
Я вас прошу во имя
Самых святых идей.
Впрочем поймете сами:
Ведь мы средь своих людей...»

— Нет! — в ответ произнес самый Умный, —
Противиться воле народной,
Хотя и направленной к цели безумной —
Для нас, к сожаленью, мечта...

— О, нет! — возразил самый Подлый, —
— Вы забыли, что есть клевета —
Оружие самое годное,
Проверенное, превосходное!!!
— А если... — брошено самым Длинным

и самым Активным

С видом вполне невинным:

— Если просто оружие холодное:
Ну, допустим, кинжал...

Подлый только плечами пожал:
«Жаль, милый мой Длинный,
Что у Вас в голове мякина!
Нельзя начинать с кинжала,
Когда убить вы хотите идею...

А вот, если в ход пойдет клевета сначала
И тот, кого нелегкая к нам несет,
Примет имя шпиона,
То это да! Это — ход,
Достойный Наполеона,
Тогда и кинжалом прикончить будет уместно...» —
Окончил он с самым честным
Выраженьем лица

На благоустроенной роже.
Боже! На что тут стало собрание похоже...
Ламца дрица ца-ца-ца!..

Радость, веселье, закуски, вино.
Один только Умный, повесив нос,
Произнес:

«Но
мы ведь делаем гнусности!..
А впрочем...» и улыбнулся грустно.

Но в ответ в диком восторге
Весь заржал конгресс:
«У него, видите ли, атаквистический орган
Этот, оказывается, есть:
Как его звать-то: со... со... со....
Нет, как будто: весть...»

Наконец, из прочитанной в детстве
Романтической повести
Вспомнили имя: Совесть.

И стало еще веселей...

«Эй, налей мне, Митенька, коньячку.
Ух, щенок ты, Митенька, будь начеку:
Много теперь всякого педерья,
А сказать по правде, то теперь и я
Занимаюсь, Митенька, этим пустячком,—
Чокнемся же, Митенька, этим коньячком...
Ух, шпана ты, Митенька, клёвёнький чивнёночек ты, дурачок,
Фин-шампань, Три звездочки — клёвый коньячок!..»

— Эй, извозчик!
— Я с тобою...
— Я туда...
— Куда?

— В бордель.
— Я с тобою,
страсти сдвою! —
Чёрт заводит карусель...

И белой ночи литургия
Не пристыдила никого!
Ужель не создала Россия
Врагов, достойных для Него?!

О, нет! Враги такие были:
За класс свой жертвуя все силы
И честный бой приняв, легли
Они в кровавые могилы
Сырой украинской земли.

Речь не о них! И не таких
Врагов разит мой дерзкий стих,
Но этих — подлых и пустых,
Писак продажных и преступных,
Очаг создавших клеветы,
Клеймить я вправе неотступно,
И вправе был — уверен в том —
Отправить их в публичный дом:
Для них другого не найти
Правдоподобного пути.

КЛЕВЕТА

Клеветы нету только в Антарктике,—
И то потому только, что
Клеветать не умеют пингвины...
Но зато
От Арктики до Аргентины,
От млеющих в мгlistой жаре Филиппин
До лежащего на Сыр-Дарье Чили
И до Чили или Бразилии,
От Онтарио и до Болгарии —
Все басы давно разучили
Арню дона Базилио:
«Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та —
Клевета, клевета, клевета...»
— Клевета вначале сладко
На чуть слышных флажолетах
Пробирается украдкой.
Встретив смех взамен ответа,
Клевета идет тайком

И растет как снежный ком.
Вдруг как выстрел пистолета —
Клевета, в фермате зычной
Доходя до ми-бемоль,
Точно бомбу разрывает,
Прямо в сердце метя боль...
Словом, сказано отлично
У Россини в «Тра-та-та»,
Что такое представляет
Нам собою клевета.

Клевете лишь однажды не дайте отпора,
И с тех пор вам с себя уже не снять
Клеветнического приговора —
На всякой роже придется читать
Ядовитый зубов оскал:

«Я, дескать, тоже слышал,
Какая у вас порода,
И как про тебя такой-то сказал,
Кем ты был до семнадцатого года!»

Один раз лишь примите гордый вид,
Один раз лишь скажите: «А наплевал я!»
И к вам уж будет ярлык пришит:
«Вот что про этого типа слышал я...»
Пусть вы всегда будете с собою таскать
Документы, опроверженья, справки,
Но не будете же вы их под нос совать
Каждой встречной козявке!

А козявка бежит, а улитка ползет
От второй к третьей улитке,
И с безупречным видом
Морально-строного головноного
Шепчется с встречными гнидами.
Поверьте, Вы будете небритым ходить,
Штаны до дыр затаскивать,
Вашу душу будут улитки брить
Бритвой участливо-ласковой:

«Помилуйте, ему не до того...
Вы знаете, у него есть прошлое...»
И вот теперь-то — плевок
На всю эту свору пошлую —
— Для вас единственное средство жить.
Но помните: воткнутое в сердце ножи
Не вынимать никогда!
А то опустошите аорту:

Теперь и навсегда
Единственное средство жить.
Это — *всех к черту!*

Вот, что значит один только раз пропустить
Первый укус врага,
Когда клеветник прошипел: «Ага!
Молчит, значит — струсил!..»
Недаром великий Сталин велел: Заклеймить
Клевету, а не делать предметом дискуссии!

Но частные судьбы людей — пустяк,
Поэт знает им место и цену без самообманов.
Важно, что клеветой может враг
Разить и людей, и титанов...

И вот, на Него, кто чище их всех,
Как хрустальный родник
Чище навозной лужи,
Льет клевету клеветник,
И конечно, имеет успех
У тех, для кого этот ход
Был так важен и нужен.

И вот клевета идет в ход,
Ее слуги работают дружно:
«Если немцы дали вагон
С пломбою или без пломбы,
Значит он с ними знаком был!...»
«Стало быть, немцам он нужен!»
«Ах они хитрые шельмы!...»

«Вестимо, шпион он!
— Ведь генералы Вильгельма...
Снабдили вагоном...

Через Германию...»
«Ах, они сукины сыны!» —
Вспомните шпиономанию
Годов этой гнусной войны...

В победоносной Германии,
Зажатой в тисках войны,
Царит дисциплина каменная,
Но нервы напряжены:
В победоносной Германии,
Зажатой в тисках фронтов,
Господствуют воля и знание,
Но много голодных ртов.

В победоносной Германии, . . .
Где воля к победе — закон,
Все замерло, кроме сознания,
Что должен быть враг побежден.
 Но грусть неизбывная носится
 Над этой несчастной страной,
 В глаза она каждому бросится,
 Кто Германию видел иной.
Эти стоны двухсот тысяч раненых
В мясорубке осады Вердена,
Этот лес из крестов на окраинах,
Доходящий до Роны и Сены,
 Эти горем убитые лица
 Жен, матерей и невест...
 И от самой швейцарской границы
 Смертный ужас в каждом из мест...
— Такова та страна, чья столица
Разрешила Ему проезд.
По стране, где каждого война
Ежедневно вопрос гнетет:
«Не сегодня ль в кровавой бойне
Мой настанет черед?» —
По стране, где давно уж, поверьте,
Не Вильгельм слывет господином,
А ужас кошмарный смерти
Царит монархом единым,—
 По стране, где со всех сторон
 Тень от победных знамен,—
 По стране, на которой лежит
 Обреченности страшной печать,
 Быстро мчится на север вагон
 И его провожая бежит
 Страны роковая печаль...
В этом вагоне Он,—
Величайшую к людям любовь
Сквозь поля обреченной страны,
Сквозь стоны и слезы и кровь,
Сквозь безумные дни войны
Несет в себе этот вагон.
 В этом вагоне Он,—
 Величайшее знание путей
 И яснейший прогноз судьбы,
 Величайшую мудрость борьбы,—
 Величайшего из людей
 Мчит на север этот вагон.

Одинокий вагон бежит,
Одинокий вагон спешит,
Чтоб уйти, убежать поскорей
От покрытых крестами полей
Обреченной на ужас страны,
От в траур одетых жен,
От их глаз, что слезами полны,
От аллей победных знамен,
Скрывающих ужас войны,
От немой картины страданий,
От миллионов голодных ртов,
От победоносной Германии,
Зажатой в тисках фронтов.

На север — к Немецкому морю
Бежит одинокий вагон,
Убегая от призраков горя,
Обступивших со всех сторон
Великого гостя немецкой страны.

И с жалостью и с состраданьем
На тебя,— на жертву войны,—
На тебя, пролетарий Германии,
Устремляет Он мудрый свой взор,
И шепчут уста его вещий
Этой стране приговор...*

Простите, читатель, есть вещи,
Которых нельзя называть
Иначе как совпаденьем
Иль знаньем того, что знать
Дано лишь судьбы прозренью...
Впрочем, как назвать их —
У каждого есть свое мнение:
Слова не вещам ведь мера,
А только их впечатлениям!
Откуда мог Свифт, создатель
«Путешествия Гулливера»,
Знать про спутников Марса вращенье? —
Однако он смог описать их,
Как будто бы в распоряженьи
Своим имел целое Пулково!
А если еще хотите,

* В оригинале внизу листа приписка: {«Тут конец (второго) отрывка, подлежащего, быть может, опубликованию... В крайнем случае сюда [может быть]²,=«может быть» в квадрате}, добавить еще следующий кусочек <кончая словами: Маяковский — поэт и про-рок>».

Чтоб вам я упомянул кого,
То будьте добры — объясните
Маяковский откуда знал
То, что случится, вперед,
Когда как год революций назвал
Точно — шестнадцатый год?
Мне скажут: ошибся немного,
Ошибся ровно на год.
Но историк правдивый и строгий
Ошибки здесь не найдет:
Венком мусульманских восстаний
Опоясан был весь Туркестан,
В шестнадцатом ведь восстали
Каракол, Джизак, Андижан...
Ими-то и начинался
«Революций терновый венок»,
И вы видите: не ошибся
Маяковский — поэт и пророк *

* В оригинале приписка: «только до сих пор».

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ В МЕШЕД,
О КОВАРСТВЕ ВЕРОЛОМНОЙ ФАТИМЫ-СУЛТАН,
О ТРЕХ МЛАДЕНЦАХ И ПРОЧИХ НЕПРИЯТНОСТЯХ,
А ТАКЖЕ О ВСЕМОГУЩЕСТВЕ АЛЛАХА И ЕГО СВЕЛОСТИ:
СЫНА МЕШХЕДСКОГО ГУБЕРНАТОРА

*Новелла из «Вечеров...» Е. Поливанова **

Кучанец, Исмаил Бархурдаров, начал так:

До 17-летнего возраста я жил у отца моего в Кучане и ни разу не видал другого города. Вполне понятно потому, что мне страстно хотелось сходить в великолепный Мешед** на поклонение святому Иمامу Ризе, куда должна была, по ежегодному обыкновению, отправляться группа молодежи. «Отпустите меня в Мешед»,—стал я просить отца, хотя я и предчувствовал, что время было не совсем удачное для финансирования моего путешествия: ни виноград, ни пшеница не были еще собраны, а в эту пору у персидского крестьянина в виде общего правила не бывает денег. Тем не менее, так как против благочестивого паломничества принципиальных возражений у отца не было и не могло быть, а мое желание не отстать от товарищей и повидать прекрасный город Мешед было настолько велико, что я прямо осаждал отца повторениями моей просьбы, он согласился и сказал: «Денег тебе, Исмаил, я дать не могу, кроме этого одного тумана, но я дам тебе письмо к моему знакомому саррафу***, у которого имею кредит, так как неоднократно вел с ним торговые дела, и он по письму этому выдаст тебе сколько нужно будет на житье в Мешед и на обратный путь. Тем временем мне удастся продать кое-что и со следующим же караваном сарраф получит от меня туманов 15—17».

Я бесконечно обрадовался, уложив свой лучший костюм, четки, серебряную цепочку, чубук, бронзовую пиалу, словом, все показные вещи юного щеголя-джигита, и на следующее же утро, как только забрезжил рассвет, наша веселая компания все таких же юнцов, как и я, с радостными песнями покинула родной город.

Семь дней паломнику полагается быть гостем святого Иمامа Риза. «В эти первые семь дней он мне принадлежит»,—будто бы сказал сам святой.—Но эти семь дней промелькнули для меня как в зачарованном сне, и, когда спутники мои стали уже рассчитываться с хозяином Караван-сарая, чтобы возвращаться восвояси,

* ЦГАЛИ, ф. 613, ГИХЛ, оп. 1, ед. хр. 5029, л. 1—15.

** Священный город мусульман-шиитов. Мешед — разговорная форма названия этого города.

*** Ростовщику.

я воскликнул: «Попавши в рай, никто не захочет через неделю покинуть его. Неужели же стоило 17 лет провести мне в скучном и жалком Кучане, а на прекрасный город святого Имама Ризы уделить только семь дней? Как вы себе хотите, но я остаюсь, товарищи!»

Действительно, чувствовал себя я в эти дни прекрасно: я был одет, как лучший шеголь, деньги, благодаря саррафу, который мне давал по три и по два тумана, все время были, и я, не стесняясь, ел и пил в полное свое удовольствие. Думал я, что и впредь будет продолжаться так же. Но на другой день после отъезда моих товарищей, когда я пошел к саррафу за новой получкой, он просто выгнал меня: «Ты столько истратил за эту неделю, что твой отец никогда не согласился бы дать тебе такую сумму. А сегодня пришел караван из Кучана и никаких денег от твоего отца нет. Больше не жди от меня ни копейки».

После такого крушения моих надежд, мне не захотелось возвращаться в Караван-сарай — казалось, что хозяин уже знает, что я остался без денег, — и я принялся бесцельно бродить по городу, который перестал уже радовать меня своими великолепными площадями и мечетями. Незаметно для самого себя вышел я к большому Катлыго у мечети, в грустном раздумье присел на каменную плиту и курю из своего чубука. Замечаю наконец, что меня внимательно рассматривает какая-то женщина — лица ее из-под покрывала, конечно, не видно. Вдруг она подходит ко мне и говорит: «Молодой человек, разрешите мне покурить из вашего чубука?»

Протянула руку, и по руке вижу, что должна она быть молодая и недурна собой.

Покурила и говорит: «Что это вы такой грустный? Расскажите, что вас печалит, молодой мешеди?» — «Да, — говорю я, — я действительно был счастливым мешеди в течение 7-ми дней, а сегодня я не нахожу никакого выхода из своего положения».

Слово за слово, и я ей все подробно рассказал про себя и про свои затруднения. «Если вы обещаете нерушимо хранить мою тайну, которую я вам доверю, — говорит она, — и помочь мне в моем деле, вам не придется беспокоиться о деньгах: я дам вам столько, что хватит вам и здесь еще пожить, и на обратную дорогу в Кучан».

В тогдашнем моем положении слова эти могли только обрадовать меня. Но женщина потребовала с меня клятвы святой гробницей Имама Риза и синим куполом Мешеда в том, что я никому не расскажу ее тайны, и только после клятвы начала говорить: «Зовут меня Фатима-Султан, у меня есть ребенок, но муж мой уже давно в неизвестном отсутствии, и соседки смотрят на меня подозрительно, готовы обвинить в разврате и незаконном рождении ребенка. Но ты можешь выручить меня, выдав себя за моего мужа, про которого я все время говорю, что он в путешествии по торговым делам и со дня на день должен ко мне вернуться. Я дам тебе

сейчас два тумана, на них ты сходишь в баню и купишь вот в этот платок разных гостинцев мне и ребенку. А завтра в полдень приходи к моему дому, который я сейчас тебе укажу, и стучи в дверь, громко зови меня, как хозяин дома жену свою: — Эй, Фатима-Султан!

У меня будут гости, и при них ты должен будешь держать себя как мой муж и отец моего ребенка, как будто ты Каракаш и только что вернулся из длинного торгового путешествия. Вот и все, что предстоит тебе сделать, а за это я щедро вознагражу тебя».

Недолго думая, я согласился. На следующее утро я выбрил голову, вымылся в бане, принарядился, взял платок с гостинцами и пошел к дому Фатимы-Султан. Стучу в ворота, зову: «Эй, Фатима-Султан!» — И в ответ слышу радостный возглас: «Муж мой, муж мой приехал!»

Фатима бросилась мне на шею, потом дала мне на руки ребенка и, наконец, стала говорить сидевшим за пловом гостям: «Наконец-то, наконец-то мой дорогой муж вернулся!»

Гости, в свою очередь, задали мне несколько вопросов о моем мнимом путешествии по торговым делам, а затем, чтобы не мешать радости супругов, быстро удалились (лиц их, конечно, я не видел, так как они закрылись покрывалами тотчас по моем приходе). Фатима-Султан издала, как того требует вежливость, представила меня им как своего мужа, и гости, рассыпавшись в поздравлениях по поводу моего приезда, быстро разошлись, оставив меня и Фатиму-Султан наедине. Мы, в восторге от удачи нашей затеи, принялись за угощение, и я наилучшим образом провел с Фатимой-Султан весь этот день и всю ночь.

Наутро она дала мне пять туманов, и я снова отправился в хаммом*.

«Когда вернешься из бани,— сказала Фатима-Султан,— мы с тобой, взяв с собой ребенка, пойдем в мечит-игауэршо,— мечеть, где мулла даст нам развод. Я скажу мулле, что ты мой муж, который хочет уехать и увезти меня к своим родителям в Кучан, а я не могу и не хочу ехать из Мешхеда». Мулла три раза переспросит нас, стоим ли на своем или согласны примириться и жить вместе. Ты, конечно, настаивай на твоём желании увезти меня в Кучан. Мулла волей-неволей должен будет дать нам развод, и твоя услуга мне будет закончена».

Я подумал и согласился. Фатима-Султан взяла ребенка на руки, и мы пошли в мечеть, где все так и вышло, как она говорила. «Мой отец болен,— говорю я,— и я должен переселиться к нему, чтобы взять на себя его дела. А моя жена не хочет со мной ехать».

Мулла три раза переспросил меня и Фатиму-Султан, не раздумаем ли мы, не соглашусь ли я остаться в Мешхеде или она уехать в Кучан.

* В баню.

— Нет, нет и нет.

Тогда мулла прочел разлучительную фатиху *, и мы — никогда на самом деле не вступавшие в брак — были разведены. К ужасу моему, как только эта церемония окончилась, Фатима-Султан бросила мне на руки ребенка: «Раз ты не хочешь со мной жить, то вот тебе твой ребенок — делай с ним, что хочешь!», — вскричала она во всеуслышание.

Ребенок оказался у меня на руках, и я стоял в полном недоумении, не зная, что мне делать. Впрочем, у меня теплилась смутная надежда, что это лишь продолжение начатой комедии (хотя заранее об этом и не говорилось Фатимой-Султан), и я рассчитывал, что потом она возьмет ребенка обратно. Но эта сука начала играть всерьез. Объявить, что я никогда не был ее мужем, я, разумеется, не мог. И так как публика была на стороне Фатимы-Султан, положение мое было незавидное. Я пошел к дому Фатимы-Султан, но нашел ее двери на запоре. Единственное, что мне сказала полезного Фатима-Султан, это был совет: «Сделай ребенка дэр-мечити», т. е. подбрось его как подкидыша к дверям мечети.

Делать было нечего, и я под улюлюканье базарной толпы, пошел с ребенком на руках отыскивать мечеть, куда обычно подкидывают харам-задэ **.

Как только настали сумерки, я торопливо положил ребенка в каменную нишу возле ворот мечети и пустился бежать. Но как назло, ребенок, который до тех пор молчал, пригревшись на моей груди, как только очутился на холодном камне, заорал на всю махаллу ***.

Моментально выскочили из соседнего, мечети принадлежащего дома муллы и талаба **** и поймали меня.

«Ага, это ты, который каждую ночь подкидываешь нам ребят!» — закричал главный мулла, закатывая мне оплеуху за оплеухой.

Ребенка мне мигом вручили обратно. Но этого мало:

— Дать ему и того ребенка, которого он вчера подкинул, и того, которого третьего дня.

Через полминуты на моих руках оказался уже не один, а целых три ребенка. Толпа хохотала и издевалась на мой счет досыта.

А мне было не до смеху. Ташу трех ребят — проклятых харам-задэ на руках, сам не знаю, куда их ташу, так как идти мне было буквально некуда. Чтобы эти подлецы не кричали, я купил им касу ***** молока и, размочив в ней лепешку, насовал этой тюри всем

[* Формула развода.]

** Незаконнорожденный ребенок.

*** Квартал.

**** Учащиеся.

[***** Чашку.]

трем полные рты. Подлецам моим это, кажется, понравилось, и мало-помалу они затихли. Но куда-нибудь идти все-таки нужно было: присесть где бы-то было не было ни малейшей возможности, так как тотчас же собиралась толпа и мальчишки начинали дразнить меня и швырять в меня камнями, крича: «Вот тот, кто каждый день делает дэр-мечити!»

Я стал выбирать улицы попустынее и мало-помалу вошел в совершенно мне незнакомый, и, по-видимому, богатый квартал. Тем временем взошла луна, апельсинного цвета и как апельсин круглая луна, и при ее свете я вдруг заметил, что калитка во двор одного из домов была незапертой. Я прислушался и не услышал ни шороха. Ноги мои подкашивались от усталости, и я, не раздумывая, вошел во двор. Вижу — красиво убранный сад, вокруг которого идут под прямым углом друг к другу две линии построек: слева высокий дом, к стене которого приставлена лестница, и по ней можно забраться на самую крышу (крыши у нас, разумеется, все плоские, точно пол). Справа же целый ряд разных служб, чуланчиков, оранжереек и т. д. Ни на минуту не задумываясь, я поднялся по лестнице на крышу, разложил там моих подлецов, которые, наевшись молока с лепешкой, заснули как убитые, и в первый раз с момента злополучного возгласа Фатимы-Султан облегченно вздохнул.

Разлегся и стал смотреть вниз — в сад (приблизительно с высоты третьего этажа). В саду ни души. Кто-то, однако, должен, по-видимому, прибыть, потому что прямо под стеной стоит изящная софа, а возле нее стол, весь уставленный всевозможными кушаньями, фруктами и винами.

Апельсинная луна светит вовсю, и я отчетливо вижу все, что лежит на столе, а так как с самого утра у меня ни маковой росинки во рту не было, мне безумно захотелось слезть и утащить к себе наверх холодную курицу и грудинку молодого барашка, которые так соблазнительно красовались внизу.

И я готов был уже осуществить это желание, как вдруг в воротах послышался стук конских копыт и самоуверенный голос какого-то мужчины; я притаился бесшумно и недвижимо.

Навстречу приехавшему из того дома, на крыше которого я засел, выпорхнула стройная женская фигура без чадры и с голыми до плеч руками. Мне ее около двух часов пришлось затем разглядывать во всех самых интересных позах, и я должен сказать, что сложена она была безукоризненно, а лицом напоминала или мелик, или фериштэ, или пери* (нечто подобное я видел потом только в В Петербурге на Невском; и теперь не берусь решить, кто из них был красивее — Зизи из или тогдашняя моя мешхединская незнакомка).

* Или царевну, или ангела, или райскую деву.

Приезжий был видный молодой мужчина лет 30-ти, судя по одежде — богатый и знатный офицер высокого чина.

Приезжий — это был он, а она — это была она — и они вместе — это были влюбленные или, вернее, любовники, занимавшиеся своим делом по причине отъезда мужа в торговое путешествие. Локализовались же они как раз на этой самой софе, что прямо внизу подо мной в непосредственной близости к холодной курице, баранине и прочим яствам.

Вот тогда узнал я, что значит мука товарища Танталова. Впрочем, и самому т. Танталову вряд ли приходилось иметь такую нагрузку, т. е. страдать одновременно и от голода, и от жажды (а вино внизу текло рекой), и от неразделенной страсти — точнее, страсти разделенной, но без моего в этом разделении участия. Единственное, что было у меня удовлетворено за эти два часа, это любознательность. И действительно, сидя там на крыше и при помощи апельсиновой луны я научился многим вещам. По способу наглядного обучения.

И мои харам-задэ все спят как мертвые.

Внизу сад. Тишина. Луна. Гуль ва Бульбуль*.

Но он вместе с тем и пил, как сапожник.

В конце концов Бульбуль этот совсем запянул. Вдруг произошло то, чего никто не ожидал.

Караван, с которым должен был уехать муж нашей красавицы, расстроился, и муж вернулся домой. Долго и напряженно, а под конец яростно он колотил в запертые ворота.

Красавица заметалась. А Бульбуль уже лыка не вяжет. С большим трудом удалось ей перетащить его в маленький чулан направо от дома. Сунула ему под голову подушку, и он немедленно погрузился в глубокий сон. Тогда она побежала открывать ворота и приветствовать своего мужа, т. е. супруга. Ему, дескать, пришлось подождать у ворот потому, что она никак не могла проснуться.

Муж оказался типичным и толстым купцом. Потом я узнал, что он одно время выполнял даже должность купеческого старшины. Он прямо от ворот прошел в дом, ни на что не обратив внимания. Через 15 минут красавица выходит из дому от мужа, берет со стола облюбованную мною курицу и несет ее в чулан любовнику.

Это было уже выше моих сил. Только она вернулась в дом, как я скользнул по лестнице вниз и через секунду уже был в чулане, ошупью схватил курицу и запустил в нее зубы. Через 10 минут от курицы осталось костлявое воспоминание.

И так мы распределились в три отряда: трое на крыше, двое в чулане, двое внутри дома.

Чем бы это закончилось, я не знаю, но внезапно события по-

* Роза и соловей.

текли по новому пути благодаря тому обстоятельству, что мой сосед проснулся и стал сильно икать.

«Что это за звуки там во дворе?» — слышался вопрос мужа. — «Это, должно быть, кошка», — отвечала жена и вышла во двор как бы для того, чтобы прогнать кошку. Муж, по-видимому, продолжал прислушиваться и раздумывать над темой, почему ему раньше не приходилось наблюдать, как икают кошки.

Она же вошла в чуланчик, стараясь успокоить и вразумить своего любовника. При этом она едва не касалась меня обнаженными своими локтями, но благодаря полной темноте так и не заметила меня. Любовника, однако, привести в себя было трудно. Он находился в том крайне невразумительном состоянии, когда потолок и все прочее начинает вращаться спереди назад, голова будто бы летит куда-то назад, в пропасть, а к горлу подступает уже не воображаемая, как это мнимое вращение, а самая настоящая, самая конкретная рвота.

И я, и она, по-видимому, поняли, что приступ рвоты будет неизбежен. Но как сделать это неслышно? Оказалось, однако, что попытки заглушить шум этого извержения были настолько же напрасны, как и попытка сделать бесшумным извержение вулкана или выстрела из 12-миллиметрового орудия.

Нечто подобное пришлось, по-видимому, услышать святому патриарху Нухи (по-европейски — Ною) в ту минуту, когда начался потоп и разверзлись хляби небесные. «Помилуй нас бог», — прошептала красавица.

Муж ее прибежал в чулан с удивительной для его полноты быстротой. «Вор, разбойник! — завопил он. — Что ты делаешь в моем доме?»

Меня он там так и не заметил.

На вопрос, что ты делаешь в моем доме, пьяный красавец ответил. Но что он ответил — этого бы не могли перевести на русский язык ни Бертельс, ни Ромаскевич, ни покойный профессор Жуковский. Стиль этого откровенного ответа под стать разве лишь профессору Жиркову — да, пожалуй, еще блаженной памяти Баркову: если бы он знал по-персидски, он, наверное, сделал бы попытку передать смысл этого изумительного излияния возмущенной души.

Словом, здесь следовало несколько до известной степени неприличных выражений. И в виде заключения — новый приступ рвоты.

Купец набросился на гостя с кулаками. Но тот воображал, по-видимому, что при нем находится кто-нибудь из его слуг, обязанных, разумеется, защитить его, и повелительно крикнул: «Гасан, бизам!» *.

И на этот клич я, точно по команде, закатил купцу сильней-

* Гасан, бей еро!

ший удар в ухо. Сила у меня была в то время немаленькая (не то, что теперь), и купец, оглушенный ударом, свалился наземь...

В боксе после нокаута полагается считать до десяти, но нам считать было некогда.

С помощью прекрасной незнакомки я извлек ее любовника из чулана, и мы вывели его через ворота на улицу. Как раз в этот момент с крыши раздался неистовый вопль одного из моих харам-задэ. Подлец проснулся и требовал новой порции молока с лепешкой. Через минуту к нему присоединился второй, затем — третий.

Как я узнал впоследствии, крики этих трех подлецов оказали большую услугу нашим любовникам. Отыскав на крыше трех харам-задэ, купец перестал подозревать жену свою в прелюбодеянии, ибо для прелюбодеяния не принято являться вдвоем, да еще в сопровождении трех младенцев в пеленках: ни одному любовнику не придет в голову мысль, что для удовлетворения любовной страсти нужно помещать трех крикливых ребят на крышу. Зачем появились в его дворе мужчины с тремя младенцами? — это продолжало, разумеется, быть загадкой для купца, но загадкой заведомо уже не любовного характера.

Когда мы очутились на улице, — совершенно безлюдной и темной улице ночного Мешхеда, моему спутнику стало, по-видимому, лучше. Свежий ветерок вместе с двукратной рвотой более или менее протрезвил его. Он дал мне в руки вот этот кинжал и велел защищать себя.

И Кучанец показал гостям профессора П. кинжал в ножнах, усеянных изумрудами.

Тем временем купец в чулане уже очухался, выбежал на улицу и поднял крик на целую махаллу: «Воры, басмачи, бандиты! Ловите, держите их!» Сам ловить-держать он уже, впрочем, не выражал желания. В результате нас окружил дозорный патруль полицейских.

Но каково было мое удивление, когда, вместо того чтобы задержать нас, начальник патруля, как только взглянул в лицо моего спутника, согнулся перед ним в три погибели и подобострастно пролепетал: «Ассалом алейкум, ага *!» — «Его называют ага, — подумал я. — Судьба послала мне, значит, встречу с великим человеком».

Мы, конечно, беспрепятственно двинулись далее и через несколько десятков сажений встречаем слугу, ведущего под уздцы чудного туркменского коня.

Оказывается, мой «ага» — не кто иной, как сын губернатора Мешхеда, и он велел привести ему в назначенный час коня, на котором он должен был вернуться домой от своей возлюбленной.

«Ты кто такой?» — спросил меня конюх. — «Как кто? Я охраняю

[* Господин.]

агу. Ага доверил мне свой кинжал, а я верой и правдой охранял его в минуту опасности». — «Да, да», — подтвердил ага.

Конюх хотел было взять от меня кинжал, но я не отдал.

— «Ага мне доверил кинжал, и я завтра сам принесу этот кинжал во дворец: по этому кинжалу он узнает меня». На этом мы и расстались.

Наутро я привел свой туалет в порядок, взял в руки кинжал и пошел во дворец губернатора.

Слуги опять-таки хотели взять у меня кинжал, но я сказал, что отдам его только тому, кто доверил мне его, т. е. самому аге.

И я предстал перед светлые очи губернаторова сына. На плечах его были золотые эполеты, и он мне показался немногим разве меньше по чину, чем сам Аллах, вседержитель вселенной. Во всяком случае, столь высокопоставленного лица мне никогда еще не приходилось видеть. «Так это тебе я крикнул „Гасан, бизан“?» — спросил ага.

«Мне, ваша светлость». — «Молодец».

И он помолчал, видимо, обдумывая, о чем нужно и о чем не нужно говорить со мной. — «Кто же ты? И как ты попал туда?» («туда» — под этим словом подразумевался чулан, где я съел предназначенную для него курицу).

В ответ я, упав на колени, рассказал подробно и откровенно всю мою историю, начиная с приезда в Мешед и кончая вчерашними приключениями, пережить которые заставила меня хитрость вероломной Фатимы-Султан.

Когда я кончил, его светлость громко захохотал и хохотал минут пять. Потом посмотрел на меня и снова захохотал, и так несколько раз. Наконец, нахохотавшись до усталости, его светлость велел отыскать и привести Фатиму-Султан.

И, увидев ее, дрожащую и перепуганную, он крикнул на нее страшным голосом: «А! Ты хочешь, чтобы я отдал тебя на суд шариа и чтобы тебя насмерть забросали камнями, как это делают с женщинами, подобными тебе!.. Хорошо!..».

Фатима-Султан тогда пала на колени и, целуя мои ноги, обнимая колени, просила о прощении. Ну, я ее и простил, ибо в 17 лет разве можно не прощать? Когда простил я, сын губернатора тоже простил, но велел уплатить штраф в 10 туманов, и она удалилась, благословляя милосердие его светлости.

Четыре дня я прожил во дворце, и его светлость как увидит меня, так кричит: «Гасан, бизан!» — и вновь начинает хохотать. Он подарил мне 50 туманов и этот драгоценный кинжал, который вы уже видели.

Пришлось мне повидать и его прекрасную любовницу: когда ее муж уехал, наконец, в свое торговое путешествие, его светлость послал меня к ней с письмом. — «Все хорошо, что хорошо кончается».

ся...— сказала она,— но скажи, неужели ты видел все это... словом, видел меня обнаженной?» — «Конечно, нет,— сказал я,— глазам простых смертных опасно взирать на красоту небесных пери: увидев их обнаженными, можно потерять зрение». — «Да простит мне Аллах мои прегрешения, которых ты оказался свидетелем,— продолжала она.— Впрочем, жаль, что ты не смотрел, ибо говорят, что я хорошо сложена».

Она, в свою очередь, дала мне 20 туманов, и я, счастливый, довольный и богатый, поехал в Кучан.

На этом и закончил Исмаил Берхурдаров.

Правдивую историю о паломничестве к святому Иمامу Ризе, о коварстве вероломной Фатимы-Султан, о трех младенцах и прочих неприятностях, а также о всемогуществе Аллаха и его светлости сына Мешхедского губернатора записал Поливанов.

(Из антирелигиозных мотивов дунганского фольклора)

В яркий солнечный день шел по степи студент, направлявшийся в Пекин держать государственный экзамен. Погода стояла великолепная, и сердце студента было полно любовью ко всему живущему в мире. Вдруг он наткнулся на расставленные каким-то охотником силки, в которых мучился изнемогавший от плена фазан.

Студент пожалел фазана и выпустил его на волю. Но не успел студент пройти и несколько сажений, как его стало мучить раскаяние: «А что, если эти силки — единственный источник пропитания для бедного охотника? Что, если у него есть дети, ожидающие, что отец принесет им свою сегодняшнюю добычу? Ведь, я отнял кусок насущного хлеба у этого бедного семейства!».

И, решив загладить свою вину перед охотником, студент вернулся и положил в силки единственное, что он имел при себе из съестного — копченую селедку. Теперь сердце студента успокоилось. Исполненный любовью ко всему миру, бодро зашагал он вперед, навстречу успехам, славе и счастью.

Когда же охотник нашел в расставленных им силках копченую селедку, он решил, что это бог сжалился над его бедностью и, снизойдя к его молитвам, совершил чудо. С благоговением, как священную реликвию, принес он копченую селедку в свое селение, и набожные люди стали наперебой покупать у него крошечные кусочки этого богом ниспосланного чуда, расценивая их дороже золота.

Охотник разбогател, бросил свое ремесло и на часть денег, полученных за священную селедку, выстроил часовню на том самом месте в степи, где совершилось чудо, и поставил внутри часовни большую статую Будды. Часовня эта, в свою очередь, стала служить для него источником дохода — набожные паломники шли сюда и охотно платили за то, чтобы помолиться на том месте, где проявилась божья благодать, и выслушать из первых уст, то есть из уст самого охотника, рассказ о чуде.

Прошел год. Студент, сдавший уже свой экзамен, прежним путем возвращался на родину.

И вот, на том самом месте, где, как он помнил, в прошлом году стояли силки с пойманным в них фазаном, теперь была новенькая часовня. Из нее столбом подымался благоуханный дым от свеч, возжигаемых перед статуей Будды.

Когда бывший охотник рассказал историю «Часовни неожиданного Милосердия» (в просторечии, впрочем, ее звали просто «Часовней Копченой Селедки»), студент, не сказав ни слова, удалился

* Литературный Узбекистан. 1937, кн. 1, с. 170—171.

в глубоком раздумьи: «В том чуде, которое произошло здесь в прошлом году,—размышлял он,—божество не принимало никакого участия—это я точно знаю. Но не таково ли происхождение и всех прочих божественных чудес, в которые верят миллионы людей?»

И перед тем как снова двинуться в путь—навстречу новым успехам, почестям и счастьем, студент написал углем на стене часовни:

В прошлом году здесь томился фазан,
Попавший в капкан,
Ныне стоит здесь будды истукан,
А часовню построил какой-то болван.

ИЗ ПЕРЕВОДОВ Е.Д. ПОЛИВАНОВА

«МАНАС»

*Великий поход (Чон Газат) **
начальный отрывок «Великого похода»
(начало главы «Заговор семи ханов против Манаса»)

Поминки хана Кокотоя
Свершались в княжестве Манаса,
Куда стеклась, узнав о «тое» **,
Со всех сторон людская масса.
Роскошно совершалась тризна
И долго длился пышный «той»,
И был главою пира признан
Могучий старый хан Кошой.

* * *

Манас был справедливым ханом —
Не выделял он никого:
Язычникам и мусульманам
Был одинаков суд его.
Ни знатность, ни высокий сан
Не изменяли приговора,
И расправлялся грозный хан
Со всеми истово и скоро...
Своей рукой он бил одних,
Других ругал, корил сердито,—
Немало воевод больших
В сердцах Манасом было бито.

* Перевод с киргизского. Литературный Узбекистан. 1936, кн. 4, с. 48—53.

** Пир.

Манас дал знак
 Идти в поход,
 И поднят стяг,
 И с ним идет
 Всяк, чей отец звался киргизом...
 Покинув дом, покинув скот,
 Народ идет, идет вперед,
 По черным двигаясь карнизам.
 С великолепием султана
 Манас идет. О грозный вид!
 Заряжено ружье у хана,
 Фитиль ружья уже горит.
 А перед ним джигитов двадцать
 Гарцуют с луками в руках...
 И как, узрев их, не бояться?! —
 Кто сеет стрелы — сеет страх...
 Другие двадцать едут слева
 Манаса, сына Леопарда *.
 И лица их сверкают гневом,
 Блестят на солнце алебарды.
 Джигитов справа тоже двадцать.
 И гневно каждого чело,
 Они всегда готовы драться
 И держат сабли наголо.
 А сзади новых два десятка
 Вздывают к небу свои пики,
 И в образцовейшем порядке
 Ведет их всех Манас великий.
 Бывало ль больше грозной силы
 И гордой силы торжество?!...
 И горько думать, боже правый,
 Что смерть постигла и его...
 Таков закон судьбы лукавой:
 Рок не жалеет никого.
 Манаса нет уже давно,—
 Подумать только, сколько славы
 Во мгле веков погребено!..

* Леопард — один из постоянных эпитетов Манаса.

Всюду, где только являлся Манас,
 Всех поражало величье героя...
 Ныне ж его застает наш рассказ
 На тризне царя Кокотоя.
 Тризной киргизского хана
 Правил могучий Кошой.
 Старший в роду Катагана,
 Старый и мудрый герой.

С ним вождь Казахстана —
 Владетельный хан Кокчо,
 С Санчибеком из Андижана
 Он сидит к плечу плечом...
 И Тоштук, сын Элеманов,
 И Эштеков, сын Джамгырчи,—
 Они оба могучие ханы,
 И в бою страшны их мечи.
 Вон Агыш, рядом с ним Каджош,
 Вот Агбаш, рядом с ним Мамбет...
 Да разве всех перечтешь?
 Где тут?! Конечно, нет.
 Со всей Азии цари,
 Услышав про то, что тризну
 Здесь вершат богатыри,
 Собрались в нашу отчизну.
 И гостям здесь нет числа.
 Во всем мире нет народа,
 Что сюда бы не послал
 Иль царя, иль воеводу.
 Все, узнав про «той» киргизский,
 Все прислали к нам послов.
 Из племен же, кровно близких,—
 Из Киргизии сынов —
 Все собрались поголовно:
 Старики и молодые,
 Как ближайšie родные
 Из семьи единокровной.
 Вкупе все, семьею близкой
 Провожают мертвеца —
 Деда, брата и отца,—
 Так и весь народ киргизский
 Собрался на пышный «той»...
 Ибо умер Кокотой.

Во главе всех род Байгура,
С ним же рядом род Уйгура,
За уйгурами — калмыки,
За калмыками — казахи,
И мойоны, и эчиши,
И мойгуты, и чегиши...
Всех имен и не запишешь —
Ровно сорок
Всех племен,
Но попробуй сказать скоро
Этот длинный ряд имен...
Устроив тризну Кокотою,
Манас полки свои удвоил,
Дружину верную свою,
Держа в готовности, в строю.
Народ ведь глухо волновался:
Расходы все соображая,
Народ киргизский ужасался...
Причина этому такая:
По велению Манаса
На тризну хана Кокотою
Собрать спешили горы мяса
Для угощенья всех на «тое».
Никто сначала не скупился:
В азартном, страстном увлеченье
Народ киргизский расщедрился
И превзошел все повеленья.
Кобыл упитанных, волов,
Баранов жирных и ягнят
Зарезать каждый был готов,
И так народ лишился стад.
И лишь теперь, когда богатый
Уж превратился в бедняка,
Он видит, что его затраты
Сулят ему наверняка
В течение многих лет лишенья...
Однако поздним сожаленьем
Он не вернет в свое «коро» *
Убитых сгоряча коров.
Так гнев у скотоводов рос.
И вот с раскаянием вместе
Невольно возникал вопрос:

* По-киргизски *goroo* 'поскотина', обнесенное изгородью поле для выпаса рогатого скота.

«Кто виноват в их щедром жесте?»
— «Манас нас к жертвам призывал!»
Так возникает возмущенье,
С вассалом шепчется вассал
И вот народ вопит о мщеньи.
А самых знатных, родовитых
Глодала зависть уж давно.
И вот семь самых знаменитых
Киргизских ханов заодно
Готовят хитрый план крамольный:
«Из тех, кто ныне обеднел,
Собрав побольше недовольных
И весь манасовский удел
Заняв мятежными войсками,—
Его дружину перебить!
А как с Манасом поступить —
Мы уж потом увидим сами!»
И сам седовласый герой,
Хан Катагана — Кошой,
Вместе с Манасом свершавший
Столько походов и битв,
Идет теперь к ханам восставшим
И гордо им говорит:
«Слушайте, славные ханы!
Цель ваша будет легка,
Если себе в атаманы
Возьмете меня, старика.
Нет счета боям, в которых
Кошой побеждал врагов,
И со мной вы проверите скоро —
Красна ль у Манаса кровы!

Слушайте вы, ребята!
Мы связаны общим родством,
Во мне вы видите брата:
Был Тюрк * нашим общим отцом.
И вот, когда я со своим войском
Открыто пойду напролом,
То вы указаньям отцовским
Моим повинуйтесь во всем!
Разбить врага легко тем ханам,
Руководить войсками чьими

* Или Турк, или Турок — легендарный родоначальник всех ту-
рецких (в широком смысле) народов, в том числе киргизов, казахов,
татар и т. д.

Будет Кошой, хан Катагана —
Порукой в этом — мое имя!
Пускай же тризну проведет
В беспечной роскоши Манас;
Не долго ждать ему: придет
Его последний, скорбный час.
Ты разорил народ на „той“,
Ну, а теперь, Манас, крепись!
Своей короной золотой
Ты любоваться торопись...
С тебя корону мы сорвем
И тюбетейкою заменим,
Роскошный дом твой мы сожжем —
Дворец твой превратится в прах:
Своих сторонников поженим
Мы на Манаса дочерях...
А жен и в грош мы не оценим —
Мы женами пренебрежем —
Мы бросим прокаженным в жены
Манасовых красивых жен.
Твоих защитников уьем,
А если кто и уцелеет,
То как ягненок присмирееет,
Избитый этим вот кнутом.
И навсегда изменит нрав,
Расправу нашу увидав». —
Так кончил речь свою Кошой
И заговор был заключен...
А между тем на пышный «той»
Стеклись киргизы всех племен.
Сюда ж пришли богатыри
Со всех краев, со всех сторон —
Народов всяческих цари;
Пожалуй, не был приглашен
Один лишь только дивов * род,
И то лишь только потому,
Что к роду тайному сему
Никто дороги не найдет.
Зато родов всех человеческих
Все ханы посетили нас...
Ну, и затейливую встречу
Им приготовил хан Манас!

* Мифические существа — злые духи или титаны.

Все виды конных состязаний
И атлетической борьбы
Под стрекотню на барабане,
Под громкий бой на барабане
И биться, и стрелять умела
Киргизов каждая семья.
И вот в мишень несутся стрелы
А там стреляют из ружья.
И бубнов звон и барабанов,
Могучих гонгов звучный бой —
И вот выходят великаны,
Чтобы бороться меж собой.
А сколько зрителей толпится
Вокруг борцов — стена стеной...
Надолго память сохранится
О твоей тризне, Кокотой!
И о победе возвещает
Трубящий громогласный рог,
А там пришельцев забавляют
Могучий слон и носорог,
Меж тем на землю мрак ложится,
Зажглись повсюду фонари,
Но безмятежно до зари
Народ киргизский веселится
Под звуки песен «Чиль-мардан» *.
И каждый из киргизов гордится,
Что из пришельцев чуждых стран
Никто не победил киргиза
Ни в состязаниях в стрельбе,
Ни в поединках, ни в борьбе,
Ни в прочих играх этой тризны.
Настало утро... и сурнай **
Всем возвестил начало игр,
Суровым басом звал карнай ***
К веселью снова, словно тигр
К добыче звал свою тигрицу...
Мергенов **** собрались сотни
И влет подстреливали птицу
И счастлив был лихой охотник,

* Букв. '40 человек', т. е. ансамбль, хоровой или оркестровый.
Здесь, по-видимому, подразумевается хор с оркестровым аккомпанементом.

** Небольшой духовой инструмент.

*** Огромная духовая труба.

**** Стрелок-охотник.

Кого в награду за прицел
Манас дарил похвальным словом
Иль просто ласково глядел...
И игры начинались снова.
Собравшись на лесной опушке,
Стреляли каждый в свой черед:
Дружинники из старой пушки,
А молодежи хоровод,
Рассыпавшись, как мак, по полю,
Играет в мяч... И весь народ,
Ликуя, веселится вволю.

А вот бег двадцати коней...
Бег этот всяких зрелищ выше
И интересней, и ценней —
Никто из зрителей не дышит.
И слова не произнесет,
Пока барьеры победивший,
И в скачках всех опередивший
К финалу всадник не придет.
Вот вырвался вперед один
Искусный всадник. Конь под ним
Победу чувствует впереди,
И верно — он непобедим.
Копыта цокают о камень,
Из камня вдруг, рождая пламень,
Из ноздрей искрится огонь,
И мчится, мчится буйный конь...
Меж тем мятежники не дремлют,
Их слуги рыщут там и тут,
И их речам киргизы внемлют,
Ряды мятежников растут...
Они себе вербуют храбрых
Непобедимых силачей,
А оружейник точит сабли,
И правит лезвия мечей.
И вот, встречаясь меж собой,
Лукаво шутят атаманы:
«Как видно, интересный „той“
Хотят устроить наши ханы...»
Так, незаметно для гостей,
Мятеж на тризне назревает...
Меж тем на тризне все тесней:
Как вешни воды набухают,
Так с каждым часом прибывают

Отряды новые гостей.
Вот здесь народ наш, созерца
Толпу китайских мудрецов —
Послов великого Китая,
У них на шапках замечает
По красной кисточке. А там
Иных пришельцев табор полный:
Готовят встречу калмыкам,
И кумыса там льются волны...
А вот еще народ один —
Народ Германии далекой...
Сыны могучие равнин,
Они у нас неодиноким —
Лишь только прибыли германцы,
Как тут же прибывают к ним
В одеждах пышных итальянцы:
Их шлет к нам знаменитый Рим.
А тут и русские: с лицом,
До глаз заросшим бороною,
Они не блещут красотою,—
И им оказан был прием.

Народы все, что от Урала
Живут на Запад,— все пришли.
И на равнине тесно стало
Гостям со всех концов земли.
Пришел народ Афганистана,
И кызылбаши — фарсы с ним,
С берегов далекого Кыяна *
Послов прислало племя «Крым».
А из Аравии священной
Пришел святой Абунаsir...
И никогда во всей вселенной
Такого пира «на весь мир»,
Такого сборища гостей
Никто не видел из людей.
Все, что свершая путь неблизкий,
Все собрались на «той» киргизский.
Пришел святой Ходжа, живущий
Вторую тысячу уж лет,
Все знания в себе несущий
И веры мусульманской свет.
С ним все ученые вселенной

* Имеется в виду море (и очевидно, Черное море).

На нашу тризну собрались
И угощением отменным
Спешит их потчевать киргиз...
На тризне хана всех киргизов,
На тризне лучшей из всех тризн,
Какой не видывали в жизнь.
Спешит малейший из киргизов
Гостей всех удовлетворить...
Богатство здесь и мощь киргиза
Все видят пришлые цари
И все подавлены... Но близок
Уж снова вечер, а народ
Под вечер новых игр ждет...
Идет на саблях фехтованье,
И видят бодрые гимнасты
Что на опушке новый лес:
Стоят высокие здесь мачты,
И кто на мачту эту влез,
Тот приз роскошный получает:
Иль золото, иль серебро
С верхушки мачты он снимает
И прячет ценное добро.
Как рад бывал тогда гимнаст...
Так привлекать сердца джигитов
Умел к себе Канаф* Манас.
С других же мачт должна быть сбитой
Награда выстрелом из лука,
И для воинственных стрелков,—
А всякий из киргиз таков —
Конечно, лучшая наука —
Взять в этих состязаньях приз.
И правда, что всегда киргиз
Был победителем на них,
Меж всех соперников своих...
И чародеи состязались
В своем искусстве неизвестном:
Солдаты ими похищались...
И некромантией чудесной
На много верст перемещались...
Недаром этим чудесам
Завидовали наши ханы.
А может быть, Манас и сам...

* Эпитет Манаса, который мы оставляем здесь непереведенным. Буквально значит 'Пьющий кровь'. Эпитетом сказитель хочет отметить героическую воинственность Манаса.

Так лето кончилось, и мирно
 Уж месяц осени прошел,
 Меж тем баранов самых жирных
 Киргиз без счету заколол.
 Известно всем: к исходу лета
 От сочных трав жиреет скот.
 И самым лучшим мясо это
 Считает издавна народ.
 В удобном месте вырывали
 Для пира сотни очагов,
 И те, кто там не раз бывали,
 Видали много их следов.
 Однако лгать мне не пристало,
 И подозрение во лжи
 Меня б унизило немало.
 И потому со слов чужих
 Я только то передаю,
 Что сам от бывших там слыхал.
 Я ничего не утаю,
 Но и речей их не превышу:
 Зовут то место — Каркыра,
 Там много леса для костра,
 И много чистых, вкусных вод
 В ручьях повсюду там течет.
 Вот почему равнину эту
 Для «тоя» выбрал хан Манас.
 Стоянка здесь была все лето,
 И след ее дошел до нас.

Манас был справедливым ханом:
 Не выделял он никого —
 Язычникам и мусульманам
 Был одинаков суд его.
 Ни знатность, ни высокий сан
 Не изменяли приговора;
 И расправлялся грозный хан
 Со всеми истово и скоро.
 Своей рукой он бил одних,
 Других корил, ругал сердито —
 Немало воевод больших
 Рукой Манаса было бито...

Всегда побитые сносили
Побой молча. Но сейчас

Они открыто говорили:
«Мы отмстим тебе, Манас».
А те, кого суровый князь
Бранил, пред ним стояли молча,
Но восвояси возвратясь,
Они взывали с злобой волчьей:
«Нет, лучше было б умереть
В сраженьи смертью героя,
Чем унижения терпеть!
Зачем мы не пошли с Кошоем?!»

* * *

Так тризна кончилась. Мы зрим,
Что всякий взыскан был судьбою
По обстоятельствам своим:
Кто всей душою рвался к бою,
А кто хотел покончить с миром,
Кто просто наслаждался пиром,
Кто ход событий наблюдал,
Кто песни пел, а кто вздыхал...
Прошел с весны истекший год —
Двенадцать месяцев сполна.
Идет гусиный перелёт —
Настала новая весна.
С новопришедшею весною
Немало знатных стариков
И их сынов пришло к Кошою
Из тех, кто слыл за мудрецов.
У них с Кошоем нету тайн,
Их разговор с Кошоем храбр;
«Киргиз — словам своим хозяин,
Но обещаньям верный раб.
Коль слово сказано: война,
Киргиз рискует головою,
Его душа огнем полна —
Он всей душою рвется к бою...
Когда ведет киргиза месть,
Его ничто не остановит:
Он иль умрет, иль восстановит
Свою поруганную честь.
Пока народ был наш готов
К войне — нас всюду уважали:

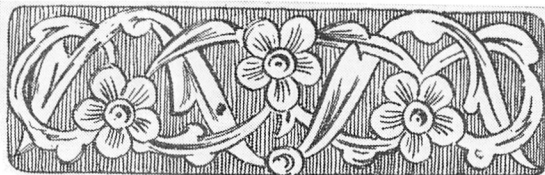
Е. Д. Поливанов (1891—1938)

Е. Д. Поливанов. Фрунзе. 1935 г.

Здание УзГНИИ в Самарканде, где в 1929—1931 гг.
работал Е. Д. Поливанов. Сейчас в нем расположен
Городской комитет КП Узбекистана

НАКАЗ АЛМАМБЕТА МАНАСУ

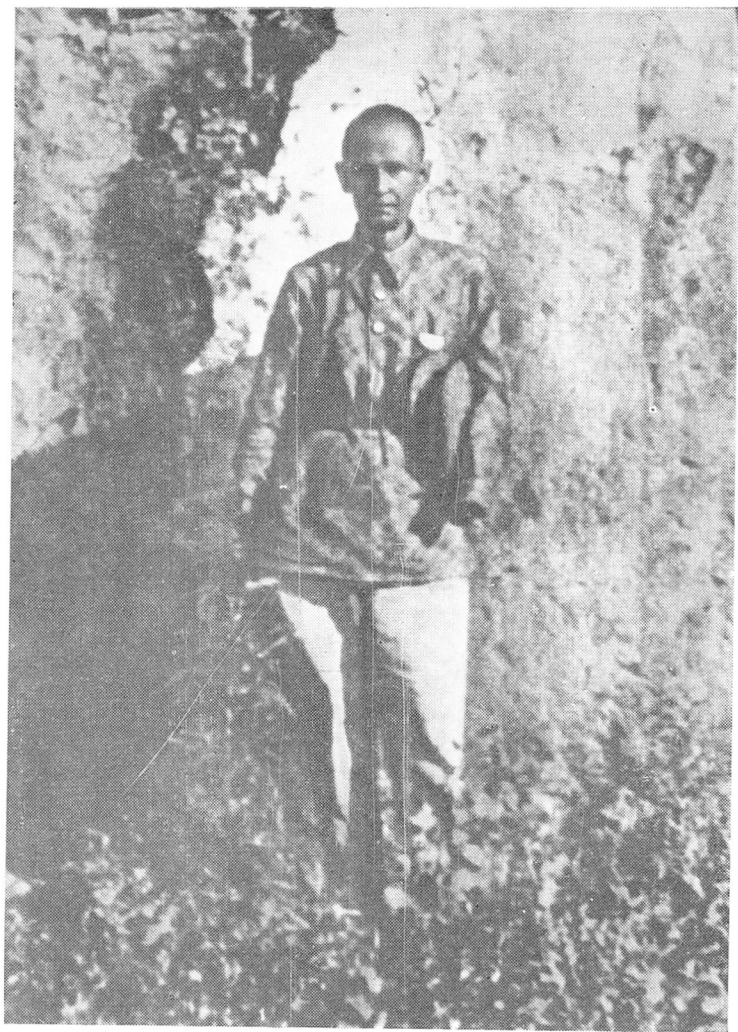
Е. ПОЛИВАНОВ

«Ты ль это, леопард Манас?!
Так слушай строгий мой наказ!
Тебя вождем я почитал,
А ты — ты просто аксакал!
Ты ль это, славный лев Манас?!
Так слушай речь мою сейчас —
Я полководцем чтю тебя,
А ты — унижа так себя!
Вот войско в 30000 пик...
Но до Пекина путь всяки!..
Ты на китайцев страх навел...
Но до Пекина путь тяжел!..
И род китайский — древний род:
В нем много мудрых воевод,
В нем много хитрых мудрецов,
И многочисленный народ
Им мощь и крепость придает!..

А воины полков твоих
Пушай не ждут похвал моих!..
Добычею развращены,
Забыли тягости войны,
И этот трудный твой поход
Такое войско не снесет!
Нет!.. В положении таком
Трудна победа над врагом,
И знает лишь один аллах —
Увидят ли в родных степях
Манаса снова через год...
Неведом нам войны исход!..
Чего же ради я с тобой
Пойду на подвиг боевой?!
С передовым твоим полком
Другого, князь, пошли вождем!
А мне — отставку дай, мой князь!
Домой пусти меня, Манас!

Знай, что в Китай твою орду
Я ни за что не поведу!
На войско да и на тебя
Смотреть не в силах молча я, —
И ты рассердишься иль нет,
Я должен дать тебе совет.
Бесечно целый день-деньской
Ты занят шахматной игрой,
А каждый день твой, каждый час
Для дела дорог ведь, Манас!
Коль будешь предаваться лени,
То счастье вдруг тебе изменит...
Так брось же детские забавы —
Всегда будь бдительным и бравым!
Дружина такая
С беспечным вождем
Должна будет таять,
Как снег под дождем,
Когда вместо детской
Игры в «Кумалак»¹
С ней встретится дерзкий
И мстительный враг!..
Так исправь и прочньсть ты свое
ружье!
И оружие проверит пусть войско
твое!
Каждый день высылай в степь
дозорный отряд.
Каждый день созывай ты бойцов
на парад,
Караулы твои сам проверь, — не
забудь, —

¹ Игра в «Кумалак» («в шарик») распространена среди киргиз и в настоящее время.

Е. Д. Поливанов у стены дунганской фанзы
в с. Александровка КиргССР 1936, июль
Фото Ю. Яншансина

Дом в г. Фрунзе, где жил Е. Д. Поливанов в 1935—1937 гг.

«Поливановская» конференция в Самарканде в 1964 г.
 Актовый зал СамГУ. Сидят слева направо: В. Г. Ларцев,
 В. А. Каверин, журналист Я. Бакман,
 колхозник Махмуд Хаджимурадов,
 проф. У. Т. Турсунов, А. И. Абражеев

„Киргизы сорока родов“ —
Так нас повсюду величали.
В богатстве, счастье жили мы
И на „жайлоо“ * выгоняли
Без счету скот к концу зимы,
И в счастье бога прославляли.
Упорно достигая цели,
Киргиз к сраженьям был готов...
Теперь же все мы обеднели:
„Киргизы девяти родов“ —
Вот, как теперь нас называют
Враги, соседи и друзья.
И с каждым днем ослабевает
Киргизов тесная семья.
Прошел с тех пор, должно быть, год,
Как нами был переворот
Замышлен. Знаешь сам, что нас
Жестоко оскорбил Манас.
И надо было нам в бою
Иль голову сложить свою,
Иль Манаса победить.
И ты взялся руководить...
„Не время!“ — ты сказал тогда нам.
Тебя признавши атаманом,
Мы молча вверились тебе,
Хоть каждый среди нас скорбел
О том, что мести час неблизок.
Где ж слово, данное киргизом?!
Обеты, данные тобой
Зачем нарушил ты, Кошой?!»
Четырнадцать киргизских беков
Кошою бросивши упрек,
Услышали такой урок:
«Быть хладнокровным человеком —
Вот самый первый мой совет.
Уймите бурное волнение...
Потом вы примете решение,
Увидя, прав я или нет.
Вы говорите: обещанье
Разбить Манаса я вам дал.
Но он ведь не мое создание,
Манаса ведь сам бог создал.
Вы говорите: „Отчего

* Летнее пастбище.

Не дрался я с Гиеноликим?"
Но ведь у нас и своего
Хватило б войска, чтобы залить им
Стоянку войска всю его...
Идите же, чего вы ждете?!
Вы без меня копьём проткнете
Гиеноликого живот.
Но если он вас разобьет
Вот что тогда вы запоете?!

И дело с вами шекотливым
Мне представляется сейчас:
Скажу коль: „Будьте терпеливы“,
И вы решите, что от вас
Хочу Манаса защитить я.
Скажу: „В атаку все, вперед!“ —
И вас в кровопролитной битве
Гиеноликий разобьет.
Я — старый, осторожный воин,
Затей я глупых не терплю.
Кто мне доверится — спокоен
Пусть будет за судьбу свою.
А кто со мною не согласен,
С тем лучше будет мне расстаться...»
И тотчас вышли все безгласны
Киргизских витязей тринадцать,
И семь остались человек —
Киргизской знати лучший цвет —
С Кошоем в юрте: Чегиш-бек,
Агыш, Коджеш, Акбай, Мамбет
И знаменитый Кок-Койон,
И Джедигер — могучий слон.
Киргизских ханов ровно семь
Остались верными Кошою,
И решено собраться всем
Им на Деген-Кыпчакской «тое» —
В стране, где правил хан Тоштук,
Кошоев старый верный друг.

* * *

Они идут, сокрыты мраком,
Идут долиною Кейу *,
Они идут на пир к кыпчакам
И думу думают свою...

* Название реки.

ПУШКИНУ *

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык...*

А. С. Пушкин

Как соловей в железной клетке,
Ты был в плену,
Но стих твой меткий
Вел неустанную войну
И страшен был врагам свободы.
Ты предсказал на век вперед:
«Все будут знать меня народы!»
И ныне даже наш народ,
Чье имя, может быть, тебе
И вовсе было неизвестно,
Зовет тебя родным себе
И восхищается чудесным
И вечно действенным стихом,
Который, как волна морская,
В своем движенье круговом
И, волны новые рождая,
Уходит вдаль, не утихая,
Весь покоряет океан.
Так твоя песня золотая,
Пройдя десятки наших стран,
В них песни новые рождает.
Волною создана волна,
Она, быть может, и не знает,
Каким движеньем рождена.
Но я, как и народ мой, знаем,
Что эхом от стихов твоих
И мой был некогда питаем
Дунганский простодушный стих.

* Перевод с дунганского. Литературный Узбекистан. 1937, кн. 1, с. 77.

РУСТАМ *

(Два эпизода из пьесы)

Рустам — молодой кустарь-подмастерье из Ферганы. В 1916 г. его посылают в тыловое ополчение, в Белоруссию (узбеков на фронт не брали). Он встречается там с революционно настроенными русскими рабочими-подпольщиками, подпадает под их влияние, перевоспитывается в их среде. Он еще не большевик, но в Фергану в феврале 1917 г. он возвращается уже другим. Тысячи вопросов встают перед ним. Он разуверился в религии, он видит окружающее его горе, угнетение, эксплуатацию. Он ищет правду.

В Фергане местный бай пытается обманным путем закабалить его. Рустама приводят в публичный дом, ему готовы плов и угощение, его подпаивают, за ним ухаживают, все для того, чтобы он подписал кабальный договор.

В публичном доме Рустам сходитcя с девушкой. Она очень грустна и не похожа на других. Гости уже пьяны. Рустам и девушка выходят в сад. Сначала они молчат. Девушка стоит возле дерева.

Эпизод первый. Сестра

Р у с т а м (девушке)

Ты скажи мне, какой ты земли цветок
И какой страны соловей?
Из какого ты цветника пришла,
Чтобы в клетке этой страдать?

Д е в у ш к а

Я родилась в Намангане.
А дальше — теряется след.
Я лишь помню, что мать говорила —
Из Маргелана мой род.
Отец мой в молодости безрассудно
Поссорился с первой женой.
Потом мой отец Маргелан оставил
И отправился в дальний путь.
Он шел и шел —

* Подстрочный перевод с узбекского Е. Д. Поливанова. Обработка Виктора Гусева. — Красная новь. Журнал художественной литературы, критики и публицистики. 1934, кн. 6, с. 95—98.

И, придя в Наманган,
Купил себе блюдец земли, не больше,
И там сначала он поваром был,
Потом самоварничал, обувь чинил,
А потом он женился.
И вот взгляните:
Здесь перед вами,
Безразличья полны,
Черные глаза,
Грубые слова,
Лицо — как тарелка.
Отец мой женился,— и вот, взгляните,
Я попадаю несчастной в мир.

Р у с т а м

Но почему же? Ведь вы красивы.
Черные брови. Черные глаза.
Как вы попали сюда, скажите?

Д е в у ш к а

Я не сама пришла, не сама.
Чего бы ради я сделала это?
Нет, меня продали за кусок,
За кусок материи на рубашку
Для матери и за два пуда муки.
Все это матери дали.
Меня же, связав, спеленав,
Принесли сюда.
Вы разве не слышали этой песни,
Песни о девушках Ферганы?

Поёт

Ветви

Персиковых деревьев
Дрожат.

Аманиор!

Дешевы
Девушки Ферганы.

Аманиор!

Спросишь:
«Какая же им цена?»

Аманиор!

Скажут:
«Рубашка и штаны».

Аманиор!

Уже три месяца я в этом доме.
И жизнь молодая моя проходит;
Питаюсь жесткими кулаками
Хозяйки — лысого петуха!
Чтоб она сдохла!
Нет, если б брат мой
Вот здесь, со мною бы рядом, был,
Меня б в этой клетке он не оставил.

Р у с т а м

А где же брат ваш? Где?

Д е в у ш к а

Он был на войне.
Говорят, что он умер.
Одни говорят, что от пули погиб,
Другие, что с горя он сам удавился.
А еще говорят, неизвестно какая
С ним приключилась беда.

Р у с т а м

Тысячи на войне погибают.

Д е в у ш к а

Он был сыном первой жены моего отца.
Она работала в Маргелане, у бая,
И вот, когда сын ушел в ополчение,
Она от голода умерла.

Р у с т а м

А кто был отец ваш?
Как его имя?

Д е в у ш к а

Имя как имя:
Курбан-бай.

Р у с т а м

Курбан-бай?
А как звали сына?
Чем занимался он?
Чем? Чем?

Девушка

Сын?

Рустам

Да, сын

Девушка

Он был очень красивым,
Ткал шелка и был очень похож на вас.
Такой же здоровый, высокий, приятный.

Рустам

Как звали этого молодца?

Девушка *(шутит)*

Кабан-свинья его называли.

Рустам

Не смейтесь!
Скажите! Скорее!

Девушка

Рустам!

Рустам задумался. Обессилен

Девушка

Эй! Что случилось?
Что ж вы размякли,
Словно опущенный в воду хлеб?
Быть может, вы знаете брата?
Ну что же?
Все бесполезно.
Ведь я упала
Вниз, в пустоту.
Ведь я человек,
На всю свою жизнь
Под известным номером
Привязанная к греху.

Рустам

Я думал, что свет у луны я украл.
Оказалось,
Что свет у солнца украда луна.

Всё, всё, существующее в этом мире,
Связано, словно одна семья.
Если ты свою боль,
Свою самую горькую тайну
Расскажешь другому, то этот, такой же несчастный,
Уже будет думать, что он счастливей тебя,
И будет смеяться.
Взгляни! Если ты увидишь
Людей, идущих с гордо поднятой головой,
То знай, что сердце у них переполнено горем.
Они танцуют, смеются.
Но смех их и танцы —
Это с желчью смешанное вино.
Они грехом наполнили чаши.
Вот из чего состоит наслаждение!
Если один человек — вор,
Он ведь любимый сын другого.
Если эта девушка — проститутка,
Она ведь чья-нибудь дочь или сестра.
Верно, верно, ягненочек мой, что всюду,
Всюду клетка,
Всюду могила,
Всюду тюрьма.
И в этой клетке или погибнуть надо,
Или спастись и клетку разбить.
Твои черные, лаковые глаза,
Лицо, похожее на белый шелк,
Речи — сладкие зерна граната —
На дно моего сердца пролили яд.
Они раздули огонь в моем сердце.
Под пеплом грусти клокочет лава,
Вот-вот она выплеснется наружу,
На мир!
Нет, не для любви
Создано сердце мое — для печали.
Кто же, кто, какой мой несчастный предок
Происходил из племени,
Имя которому — горе?
Вот только теперь,
Только здесь отыскал я друга.
И это не только друг,—
Эта женщина, эта жена!
И что же!
Она лежала в моих объятиях,
И в ней струилась кровь, родная моей.

Целуя ее, я целовал свою мать.
И не только целовал — я мямлил ее груди.
Я устраивал дикие оргии с ней.

Пауза

Если ты хочешь ранить человеческое сердце,
Возбуди в этом сердце боль.
Из моих часов
Составляются дни.
А дни — это годы,
А годы — жизнь.
И всю жизнь в моем сердце —
Как крючок,
Как игла,
Как заноза —
Будет сидеть эта тайная боль,
Эта подлость и грех.
Эта боль не исчезнет.
Тайная — она будет повсюду со мной.
Куда бы я ни пришел,
Она всюду мне будет помехой.
Схватив за горло, будет меня кусать,
Эта тайная боль будет жить со мной,
С глаз моих не скрываясь,
И, как сифилис, высыпет наконец
Наружу, — и вот тогда, не сразу, не быстро,
Но свалит меня, опрокинет на землю,
Как высокую иву.

Девушка

Молодой человек!
Неужели и вы охвачены горем?
Уж если такой богатырь и такой красивый
Будет от горя страдать,
Что же нам остается?
Умереть?
Или, может быть, я
Вам не понравилась?
Но я ведь люблю вас, душечка.
Дорогой мой, — люблю!

Рустам

Если бог вас создал такой красивой,
Разве можно вас не любить, скажите?
Цветку, не успевшему распуститься,

Разве можно завять, не увидев солнца?
Ведь когда бог вас, красивую, создавал,
Он же знал, что красота — это деньги.
Ведь он поэтому создал вас
Красивейшей из красивых.
Ах, если вы не знаете самое себя,
То других, конечно, вы не можете знать.
Все вас любят, но самих себя
Они любят больше, душа моя.

Девушка (плачет)

Довольно, довольно, ока-джан!

Рустам

Не плачьте! Не плачьте!
Скажите, могу я
Вас, глаза ваши, речи ваши,
Вас, изящную, красивую,
Ягнечок мой, —
Мог я вас вырвать из этой клетки?

Девушка

Не смейтесь же надо мной, не смейтесь!
Я же мертвая, грешная я.
Я живой перестала жить,
Я для мира умерла.
Так не смейтесь, не смейтесь!

Рустам

Каждый, каждый, живущий в мире,
Не менее грешен, чем ты, сестра.

Девушка

Сестра?
О, нет!
Не сестра я ваша.
Где доказательства?
Нет, не сестра!

Рустам

Доказательства? Имя отца — Курбан.

Девушка

Курбан?
И вы его сын?

Не верю.
Курбан?
Не может, не может быть!

*Падает в обморок. На крик входит служанка,
полувыводит, полувыносит ее*

Р у с т а м (один)

Почему на земле есть богатство и бедность,
Иго, подлость, несправедливость?
Почему существуют проститутки и воры,
Жертвы смерти, деньги, взятки, грабежи?
Что мне делать?
Отец мой умер в нужде.
Мать увяла от голода, словно ива,
Семья раздавлена грузом забот,
Рассыпана по земле.
И сестренку,
Сестру мою, притащили сюда,
Продали в проститутки,
Лишили чести!
И что для нее теперь жизнь?
Теперь ей враги — религия, бог и небо.
Отец и мать и родные — враги.
Скажите же: кто ее бросил сюда,
А сам стоит в стороне?

Эпизод второй. Деньги

Р у с т а м

Наполните чаши!
Пойте (Альйор)!
Здоровье рабов этих денег мы пьем.

Бросает деньги

Мы наслаждаемся здесь, джигиты,
И девушки с нами сидят кругом.
Мы пьем за могущество денег.
Деньги — богатырская сила. Она проста.
Нет денег — и в мире нет человека.
Нет жизни,
И вместо земли — пустота.

Есть деньги
Плати их — и яства возьмешь.
Есть деньги,
Плати их — и совесть возьмешь.
Есть деньги,
Плати их — и женщин возьмешь.
Есть деньги,
Плати их — и бога возьмешь.
Пир — деньги!
Мир — деньги!
И женщины — деньги.
Деньги повсюду — им нету конца.
Шариат,
И сладкая речь,
И черные глаза ее — деньги.
Деньги — душа, тела и груди
И даже любящие сердца.
Есть деньги,
И человек со всем имуществом — твой.
И хлеб, обмоченный кровью, — твой,
И даже бог вездесущий — твой,
И небо любит тебя!
И все святые мира с тобой,
С тобою вера и шариат.
За деньги каждый всего себя
И душу отдать тебе рад.
Скажите, ведь если бог создал мир,
То деньги тоже создание его?
Так знал ли он, создавая деньги,
Что они сильнее его самого?
За деньги перед тобой преклонят колени,
За деньги будут целовать твои следы,
За деньги зарежут человека и улицу
Кровью польют, вместо воды.
Так кто же сильнее:
Деньги иль бог?
Из двери в дверь, с порога на порог,
Тысячи нищих бредут как тени.
Это сделали деньги!
Скажите!
Это девушки или деньги здесь сидят?
Они — как цветок, не успевший расцвести, завяли.
Так выпьем за то,
Чтоб детей от отцов отрывали,
Как от овцы ягнят!

За то, что брошена сестра в проститутки,
Выванная из материнских рук!
Выпьем за то, что деньги с братом
Родную свели сестру!
За то, чтобы эта чистая душа,
Не знающая, что такое «порок»,
Переходила из рук в руки,
Измятая, как цветок!
О, базар разврата и грязи!
Кипи, кипи, как вино!
Пусть на того упадет это зверство,
Кем вызвано к жизни оно.
Так выпьем же!
Выпьем это вино!
Есть ли в мире правда?
Хор! Громче, громче, кричи: «Альйор!»
Пашша-хан!
Наливайте вновь!
Выпьем!
Пусть в этих чашах — кровь!

ИЗ КО-JI-KI (ИСТОРИЯ СТАРЫХ ДЕЛ), СОЧ. ЯСУМАДО В 712 ГОДУ...*

...Бог Хоя-суса-но-во, будучи изгнан с небес за свои дурные поступки, спускается на землю и попадает на берег реки в провинции Идзумо. Он видит, что по реке плывут палочки, употребляемые при еде вместо вилки.

Божественный Хоя-суса-но-во думая, что где-нибудь дальше по реке должны быть люди, отправляется на поиски их и действительно находит плачущих старика и старуху с молодой девушкой посреди них. Он спросил стариков: «Кто вы такие?» — Старик отвечал: «Я земное божество, и мое имя Аси-надзу-ци. Я сын великого бога гор. Имя моей жены Те-надзу-ци, а дочь нашу зовут Ку-си-нада-тима». Далее Хоя-суса-но-во спросил: «Отчего вы плачете?» — «У меня было восемь детей, — отвечал старик, — но каждый год приходит восьмиглавый змей из Коси и пожирает их. Теперь как раз наступает время его прихода, оттого мы и плачем».

* Перевод с японского. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 865 (архив И. А. Шляпкина), № 259.

«Опиши мне этого змея»,— сказал Хоя-суса-но-во.— «Его глаза красны, как зимняя вишня. У него одно тело, но восемь голов и восемь хвостов. Кроме того, тело его поросло мохом, соснами и кедами. Длина его такова, что он покрывает восемь долин и восемь холмов. Его желудок всегда в крови и пламени». Тогда божественный Хоя-суса-но-во сказал: «Если это твоя дочь, то не отдашь ли ты ее мне?» — «С позволения сказать,— отвечал старик,— я не знаю твоего почтенного имени». — «Я старший брат богини Солнца и пришел теперь с небес»,— возразил Хоя-суса-но-во. Тогда божества Аси-надзу-ци и Те-надзу-ци сказали: «В таком случае почтительно передаем ее тебе». Хоя-суса-но-во тотчас же взял эту девушку и превратил ее в малозубчатый гребень, который он воткнул в свои волосы; затем он сказал божествам Аси-надзу-ци и Те-надзу-ци: «Сварите вы sake восьмерной силы, а также сделайте кругом ограду; в этой ограде оставьте восемь проходов, в каждом проходе установите восемь подстановок, на каждую подстановку поставьте по чану для sake и наполните каждый чан sake восьмерной силы. Затем ждите». Приготовив все согласно его божественному повелению, они стали ждать. Затем пришел восьмиглавый змей, действительно как было сказано, и, опуская голову в каждый чан, стал лакать sake. После этого он опьянел и все головы его склонились во сне. Тотчас же Хоя-суса-но-во извлек из-за пояса свой десятипяденный меч и начал рубить змея, так что воды реки превратились в кровь. Но вот, когда он рубил среднюю часть хвоста, конец его священного меча сломался. Удивляясь этому, он пронзил хвост и разрезал его надвое вдоль; тогда он понял, что внутри хвоста был большой острый меч. Он взял этот меч и, считая его за чудесную вещь, преподнес его богине солнца. Это и есть великий меч Кусанаги-цуруги.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

ПИСЬМА В. П. ВАХТЕРОВУ *

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич,

вчера состоялся мой доклад на тему: Сравнительная фонетика японского и рюкюского языков, но не в Лингвистической секции Неофилологического Общества (где он будет все-таки повторен после Пасхи), а в маленьком кружке японоведения при Восточной Академии. После прочтения же этого доклада в Неофилологическом, я думаю напечатать его (конечно, переработав и прибавив), несмотря на то, что никогда не слышал рюкюского языка; мою смелость будет оправдывать то обстоятельство, что пока нет еще ничего на эту тему (кроме голых материалов). Я не скажу, чтобы я много работал последний месяц: я почувствовал, что мне нужен отдых и среднее число часов, уходивших на занятия, было за это время 3—4 в день. Потом же — между магистерскими таких отпусков устраивать будет нельзя, да и не нужно. Мама все еще очень слаба, хотя доктора говорят, что поправление несомненно. Папа отлично себя чувствует. Оба они шлют Вам привет и сочувствие вашей тревоге; желаем, чтобы эта тревога окончательно исчезла.

27/III [1913]

Преданный Вам Е. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, п. 6, № 15

* Вахтеров Василий Порфирьевич (1853—1924) — выдающийся русский педагог, методист начального обучения, один из организаторов школ для рабочих, Всероссийского союза учителей. Близкий друг семьи Поливановых.

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич!

Из Вашего письма вижу, что Вы не получили моего письма, в котором я благодарил Вас за присылку денег. Письмо это я опустил в почтовый ящик 9-го декабря. Еще раз приношу мою горячую благодарность за помощь. В ожидании денег никаких затруднений у нас не произошло. В не дошедшем до Вас письме я упоминал о двух моих докладах в Лингвистической секции Неофилологического Общества; один из них — о родстве японского и финских языков является пересмотром существующих теорий и вызван нашумевшим докладом профессора (философии) Жакова. Посылаю Вам

Раздел подготовлен Л. Р. Концевичем. За предоставленные в наше распоряжение материалы выражаем глубокую признательность А. А. Леонтьеву, В. Г. Ларцеву, Ф. Д. Ашнину, В. М. Алпатову. Письма А. Н. Самойловичу и Ю. В. Васильевой подготовлены А. Н. Хохловым.

вырезку из «Речи» по этому поводу; в ней есть ошибки: мысли о родстве одного зырянского (помимо прочих финноугорских) с японским никто не высказывал, Винклер выступил со своим учением не в 50-х годах, а в 80-х, окончательно изложив свою теорию лишь в 1909 году; в 50-х же годах (1857) высказал эту мысль другой ученый — Bolleg.

Другой мой доклад по индогерманистике. Как только узнаю, что министерство присудит мне стипендию, я обращусь к Вам с просьбой сократить Вашу поддержку мне, т[ак] к[ак] сумма, назначенная Вами, слишком велика.

Привет Вам от папы и мамы.

18 декабря 1912

Искренно преданный Е. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, п. 6, № 16

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич!

Деньги, пересланные Вами, я получил. Выражать мою благодарность я не умею, потому что все выйдет бледно. Мне очень совестно, потому что теперь у меня гораздо больше денег, чем нужно. Дело в том, что у меня есть предложение от Русско-Японского Общества прочесть по возвращении доклад (как и у моего спутника Н. И. Конрада), за что помимо бесплатного проезда от ст. Маньчжурия до Владивостока и на Добр-флоте от Владивостока до Японии нам будет дана известная сумма денег, размер к[отор]ой на днях выяснится. Выясним мы числа 10—11-го. Папа будет жить летом в пансионе в Царском Селе.

Что касается до Бодуэна, он будет на свободе до окончания разбирательства второго возбужденного против него дела и кассации, которая за этим разбирательством последует. Меня очень стыдили, что я до сих пор не послал Вам ни одной моей печатной строчки, но несмотря на то что № Записок Вост[очного] Отделения Археолог[ического] Общ[ества] уже вышел, я до сих пор не имею оттисков моей статьи о японском языке — там все типографские затруднения — а кроме этого у меня только 2 мал[енькие] заметки, общего интереса не представляющие и крошечные.

Как Вы поправились в Крыму? Мой адрес такой: Japan, Tokyo, Central Post Office, E. Poliwanov.

Передайте мой низкий привет Вашей супруге. Папа Вам кланяется.

[Весна 1914]

Преданный Вам Е. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, п. 6, № 17

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич,

за все это время было очень мало перемен, о которых стоило бы сообщать; моя жизнь шла довольно однообразно. Вчера только сообщили мне, что мое содержание из Университета утверждено мне

и на третий год оставления; т. е. материально я вполне обеспечен. Лекций у меня еще прибавилось (не новых курсов, а число часов). Я сделал один из своих докладов, в настоящее время сильно спешу с самой скучной частью работы — переписываю ее. Ненаписанной же осталась только небольшая глава страницы в 4. Окончу и представлю в факультет во всяком случае до Пасхи. Мне хочется это сделать скорее, т[ак] к[ак] чем больше затягиваешь, тем больше предъявляешь к себе требований и хочешь включить то, что было бы уместно для отдельных статей. Чувствую, по правде сказать, некоторую усталость, вызванную собственно тем, что я все время продолжал занятия тиб[етским] языком на положении студента старшего курса и обрывать их очень не хотелось. Но в общем, в этой рабочей колее мне хорошо. Профессор Бодуэн уже отбыл срок своего сокращенного заключения, где, слава богу, чувствовал себя хорошо, отдохнул и очень поправился. Но в Универ[ситете] он, наверное, не вернется.

О зачислении моем в доценты я не поднимаю вопроса до рассмотр[ения] диссертации. От промедления я в сущности ничего не теряю; тогда же у меня (в благоприятном случае) будет больше уверенности. Папа чувствует себя очень хорошо сравнительно с прошлым годом, хотя и болел немного на Рождестве.

Мой низкий привет супруге Вашей и детям.

[Конец 1914]

Преданный Вам Е. Поливанов

ГБЛ, ф 46, п. 6, № 18.

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич,

Письмо Ваше я получил, не писал Вам потому, что особенных новостей не было. К моим занятиям прибавилось еще одно: я занимаюсь с будущими учителями народных училищ — калмыками из Ставропольской губернии, приехавшими для подготовки на год в Петербург. Нечто вроде неофициальных курсов, где преподается теория калмыцкого языка (преподавать будут они, гл[авным] обр[азом], родной язык), русский язык, фонетика и русская литература. Последние 3 предмета преподаю я. С Нового года будет еще преподаваться педагогика и гигиена, что оказалось возможным совместить одному лицу. Пока же я дал им Ваши книги, которые ими с интересом читаются. Калмыков этих всего 12 человек. На курсах же учителей глухонемых я прибавлю себе еще недельный час с января. Читать там мне очень приятно.

Факультет (ист[орико]-фил[ологический]), как выяснилось, примет мою японскую работу, над которой теперь сижу, в качестве диссертации и напечатает в Записках факультета. Вопрос о доцентировании же теперь мне нельзя возбуждать, т[ак] к[ак] у нас междоусобица на нашей кафедре.

Передайте низкий поклон Вашей супруге, дочери и сыну.

[Конец 1914]

Преданный Вам Е. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, оп. 6, № 19

посылаю Вам мамин некролог из «Речи», написанный, кажется, проф. Кареевым. Посылаю и письмо относительно моей работы, которое мама сама прочла за 6 дней до кончины. 24 ноября она еще принимала знакомых (конечно в постели), но больше говорила им, что устала и что ей трудно слушать. 25-го она вполне спокойно говорила о смерти, просила похоронить ее на Смоленском кладбище, куда раньше часто ходила гулять. Просила хоронить без венков и цветов, что было и исполнено. С тех пор о смерти ни разу не вспоминала, говорить становилось с каждым днем труднее. Вечером 30 ноября, т. е. накануне потери сознания она сказала: «Вахтеров», потом опять: «Вах...» и не докончила. Пришла одна дама, ее не узнала, а доктора узнала. Несколько раз звала: а где же папа? Наконец смотрит ему в лицо и только потом узнала его. Три раза сказала: теперь я пойду спать, уходите! Это ей казалось, что она бодрствовала, а теперь надо спать. Ночь провела спокойно. Вдруг сказала: «Теперь я хочу сидеть» и смело поднялась на одно мгновение. Потом я ей дал ложку кофе, вытер губы и она сказала: «Молодец». Затем уснула на моей руке, прижавшись щекой, через 2 часа проснулась и поцеловала мою руку. Весь следующий день (1 дек[абря]) не говорила ни слова, утром еще могла глотать, после 12-ти дня перестала; доктор открыл глаз, и он тотчас закрылся. Дышала тяжело, т[ак] к[ак] образовался отек легких, и мы давали кислород. С 7 часов утра 2 дек[абря] дыхание стало делаться реже и слабее и прекратилось совсем в 8 ч. 35 м.

Теперь я по-прежнему занимаюсь, хотя сначала это было больно, именно заниматься, т[ак] к[ак] мама так следила за этим и любила, чтобы я сидел с книгой около нее.

[Декабрь 1913]

Преданный Вам Е. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, п. 6, № 20

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ Н. П. АРХАНГЕЛЬСКОМУ *

Глубокоуважаемый Николай Порфирьевич,

так как моя болезнь — заразная (дизентерия), то я боюсь идти к Вам, обращаясь к Вам письмом с 3 просьбами —

1) нет ли у Вас 150—200 р., я, ей-Марксу, отдам, как только буду в состоянии (вероятно, в воскресенье) пойти и разменять три червонца; а теперь мне нужно — на завтрашнее молоко, т[ак] к[ак] я питаюсь молоком и рисом;

2) нет ли у Вас книги, откуда частично списать 2-ю часть букваря (напр[имер], букварь Элькиной и С^о), т[ак] к[ак] несмотря на болезнь, привязавшую меня к одру, я писать могу и даже больше, чем походя;

3) нет ли просто чего почитать, т[ак] к[ак] свою ГиЛитовскую работу я сделал, 2-я часть букваря плохо идет без пособий, а читать хочется. Будемте хорошими соседями, будем обмениваться книгами — в начало чего посылаю Вам 5 своих книг **.

А как, посланы ли в ГИЗдат отзывы со стихами? Поклон Вашей супруге и дочке.

28 ноября 1923

Искренне преданный Е. Поливанов

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Архангельский Николай Порфирьевич — активный работник народного просвещения в Средней Азии, автор многих учебно-методических пособий. В 1923—1924 гг. был председателем Научно-педагогической комиссии в Государственном Ученом Совете (ГУС) Народного комиссариата просвещения Туркестанской АССР и часто выполнял обязанности председателя ГУСа. Е. Д. Поливанов, будучи другом Н. П. Архангельского, иронически титуловал его «начальником ГУСа». Публикуемые здесь письма и записки разных лет взяты из архива Н. П. Архангельского, переданного им в 70-е годы А. А. Леонтьеву.

** Пучина [частное издательство периода нэпа.— Л. К.], Ал. Толстой. «Повесть», Евреинов. «Театр[альные] пов[ести]», Совр[еменные] нар[одные] пес[ен]ки, Мир Приключений [альманах издательства «Детская литература».— Л. К.].— *Примеч. Е. Д. Поливанова.*

[Письмо без обращения]

[1)] Обещая сделать все исправления, к[отор]ые мне будут ГУСом указаны (и доработать рукопись в указанном мне направлении — особенно если просмотр будет сделан тов. Юдахиным и я получу его компетентные указания), а посему прошу выдать мне общий отзыв для представления в ГосИздат и получения денег. Очень прошу.

2) Кроме того прошу просмотреть и дать отзыв на заказанную мне ГИЗдатом брошюру «Новая узбекская орфография»*, которая уже вполне закончена и сдана т[овари]щу Юдахину. Прошу, если возможно, в скорое время.

3) Кроме того прошу дать мне для ГосИздата бумагу насчет посланной (немного ошибочно) в ГосИздат моей рукописи брошюры (Проблема латинского шрифта в тур[ецких] письменностях)** , чтобы после принятия к печати этой брошюры заключить со мною договор и гонорар уплатить бы мне.

4) Прошу указать срок моего доклада о произведенной по составлению Русской части Словарей *** работе.

С совершенным уважением Е. Поливанов

P. S. Не позволит ли мне Пед[агогическая] К[омисс]ия, кроме Р[усского] Б[уква]ря, составленного Пальминым и мною, издать еще (вероятно, на мои средства) мой «Рус[ский] букварь для школ кор[енного] нас[еления] Т[уркестана]» **** — в том виде, как он был представлен в Пед[агогическую] К[омисс]ию (за выбросом только анекдотической скабрёзной части, вызвавшей отрицательное отношение Пед[агогической] К[омисс]ии).

За просмотр готов уплатить — по общей норме ГУСа.

Если просмотр моей рукописи будет поручен т[овари]щу Юда-

хину, я буду просить поручить ему сделать заодно и исправления (об участии т. Юдахина упомянуть с горячей благодарностью в конце Предисловия).

[1923 ?]

П.

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Эта брошюра не была издана.

** Брошюра «Проблема латинского шрифта...» была выпущена ротаторным способом Институтом востоковедения в Москве в 1923 г. Выбор латинского алфавита для тюркских народов в то время действительно было «проблеммой», как подчеркивает Е. Д. Поливанов.

*** В это время Е. Д. Поливанов работал над составлением Узбекско-русского (собирался издавать в «Туркпечати», но безуспешно) и Русско-узбекского (издан в 1926 г.) словарей.

**** Кроме букваря «Мак», составленного совместно с Л. И. Пальминым и изданного в 1925 г., никакие другие буквари Е. Д. Поливанова опубликованы не были.

Тов. Архангельскому

Будьте добры, Николай Порфирьевич, передать жене моей, Бригитте Альфредовне П[оливано]вой, ту мою рукопись, о к[отор]ой я просил вчера: «Упражнения по развитию русской речи (для турк[менской] школы)»*. Я ее верну в четверг (завтра мне зайти не удастся).

Кроме того у меня есть: 1) «Печатный [слово в оригинале неразборчиво: начальный? — Л. К.] учебник развития речи», я его верну после 1/III; 2) Ваш «Черняев и Ташкент» — завтра или послезавтра окончательно использую его** и верну 28/II — самое позднее; 3) № 1 «Н[ауки] и Просв[ещения]», взятый мною вчера. Всё в целости.

28-го я дам Вам много выпусков Бюлл[етения] НГ Исполкома*** с рядом очерков по ист[ории] Т[ашкен]та.

[26.II.1925 ?]

Всегда Вас искренно любящий Е. Поливанов

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Об издании этой рукописи неизвестно.

** Е. Д. Поливанов пользовался этой работой для своих «Очерков по истории Ташкента», которые печатались в «Бюллетене Ташкентского Новгородского исполкома», 1925, № 1, 2—3.

*** Имеется в виду «Бюллетень Ташкентского Новгородского исполкома».

Глубокоуважаемый Николай Порфирьевич!

В Ваш педагогический орган, м[ожет] б[ыть], можно поместить мою статью «Невозможно молчать»*. Все изменения как в заглавии, так и в тексте статьи, какие Вы сочтете нужными сделать, будут признаны и приняты мною без всяких возражений. В этом отношении Вам полная *carte blanche*.

Статью посылаю бандеролью.

14/VIII 1928

Искренне преданный Евг. Поливанов
Москва 6, 1 Волконский, 4.
Пр[офессо]ру Е. Д. Поливанову

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Статья «Невозможно молчать», в которой резко критиковались попытки навязать всему Узбекистану алфавит, разработанный на основе сингармонистических говоров, была напечатана благодаря поддержке Н. П. Архангельского: Правда Востока (22.10.1928).

Уважаемый и дорогой Николай Порфирьевич!

Благодарю Вас за присылку экземпляра Вашей работы*, которую я с удовольствием прочел и вполне одобряю. Очень рад был найти упоминание обо мне и цитату.

Мое состояние во Фрунзе превосходное во всех отношениях. Условия работы отличные. Возобновляюсь в партии. Жаль только, что здесь печататься приходится мало (провинциальный размах), зато учебники выпускают в изобилии (по дунганскому и рус[скому] языкам). Но взамен сего получил извещение, что в Ак[адемии] Наук приняты к изданию все посланные мною туда работы. И вот у меня возникает проблема: как раздобыть (для скопирования и для издания в центре) весьма многочисленные рукописи моих научных работ, хранившихся в Ин[ститу]те яз[ыка] и л[итерату]ры, в УзНИИМЛе, в УзГИЗе. А то это пропадет!

М[ожет] б[ыть], Вы осведомлены о судьбе II части моего «Опыта частной методики преподавания русского языка узбекам»? Сия рукопись посылалась (УзГИЗом) на рецензию в Ваш институт (Н.-И. институт Педагогики). Каковы результаты?

Передайте низкий поклон супруге Вашей.

III—36

Ваш Е. Поливанов
Адрес: Фрунзе, Кир. ГосИздат,
профессору Е. Поливанову
Или так: Фрунзе, ул. Дзержинского, 37¹,
Е. Д. Поливанову

Р. S. Моя баба (Бригитта Альфредовна Поливанова) просит передать привет Вам и супруге.

Р. S. [на полях справа] «Чистота — залог!» (Чего? — неизвестно), но у меня сейчас получше бумаги нет. Потому извините!..**

Известный Вам Е. Поливанов

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Имеется в виду работа: *Архангельский Н. П.* Среднеазиатские вопросы географической терминологии и транскрипции. Ташк., 1935.

** Дальше в скобках Е. Д. Поливанов приводит малопримечательный анекдот на тему об извинении.

ПИСЬМА УЧЕНЫМ СЕКРЕТАРЯМ ГУСа

В Гос[ударственный] Уч[еный] Совет

Уч[еному] Секр[ета]рю К. К. Юдахину *

Не могу ли просить —

1) написать от имени ГУСа бумагу в Военную Школу Востоковедения о предоставлении мне имеющихся в Биб[лиоте]ке Школы кит[айских] словарей (по моему выбору) для работы с ними в помещении ГПУ **...

2) денег (рубля 4, 6⁵⁰ или 7²⁰);

3) получить у тов. Епифанова (Шк[ольный] отдел) бумагу с резолюцией Кожухова о результатах обследования школ в Чимкентском уезде, произведенном по поручению ГУСа Секретарем ГУСа т. К. К. Юд[ахи]ным в сопровождении Е. П[оливанова], описавшего этот предмет досконально. Бумага у Епифанова уже ждет, ее надо взять от имени ГУСа;

4) брошюру (с бумажкой) для ГИЗа;

5) принести мои рукописи «Учебника узб[екского] яз[ыка]» ***, если на дом не доставлены, и фон[етическую] запись Progressiv'a в Ферг[ане] (соотв. *kelwətmak* и как 3 лицо?).

[Декабрь 1923]

Е. Поливанов

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Ю д а х и н Константин Кузьмич (1890—1975) — крупный советский лингвист-тюрколог, академик АН КиргССР. В те годы был ученым секретарем ГУСа Наркомпроса Туркестанской АССР.

** В архиве к этой записке приложен пропуск в комендатуру ГПУ с разрешением Е. Д. Поливанову пройти в Комячейку Органов ГПУ в Туркесреспублике (г. Ташкент), датированный 16.XII.1923 г., для перевода китайских текстов.

*** Этот учебник, видимо, был издан под названием «Введение в изучение узбекского языка (пособие для самообучения). Вып. I» в Ташкенте в 1925 г.

В ГУС [Е. А. Чернявскому *]

Т. Чернявский, посылаю Вам для № 3 «Н[ауки] и Пр[освещения]» Информацию о Лингвистической Комиссии, предоставляя Вам право переделки, сокращения (но *лучше* без сокращений). Вы видите, какая масса работ!!! Вот — где истинное науколюбие.

Да здравствует Г.У.С., т. Манатов, т. Чернявский, наш патрон т. Оликов и его Цербер Лоншаков! ФонКек тоже хороший человек **.

Еду очень приятно ***, вместе с т. Лацисом. Жене моей дайте денег, даже из операционных. И 200 рублей надо будет выслать Шаскольской. Если есть какие поручения в Москве, шлите письмо или телеграмму в 3-й Дом Советов, Садово-Каретная, Командарму ЦКК ПТ Поливанову. Крепко жму руку.

[Конец 1923?]

П.

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Чернявский Евсей Александрович — в то время ученый секретарь ГУСа Наркомпроса Туркестанской АССР.

** В шуточной форме перечисляет фамилии работников ГУСа, с которыми он сотрудничал.

*** Поездка Е. Д. Поливанова в Москву состоялась летом 1924 г. Осенью того же года он снова вернулся в Ташкент для работы над русским букварем для узбекских школ.

Ученому Секретарю Гос[ударственного] Уч[еного] Совета *

Принимая во внимание, что для санитарного просвещения имеют большее значение практические (хотя бы и скромные) мероприятия, чем теоретические лекции и собеседования, я прошу распоряжения об отпуске со склада НКПр [Наркомпроса Туркестана.— Л. К.] 12 досок для устройства общей уборной жителей поселка «Саларские ключи» и 1 сажень забора для отгорожения мужского сортира от дамского (чтобы не загрязнялись площадь поселка и речка Салар). Во время постройки — общими силами — указанной уборной будут вестись собеседования на темы: «Эволюция хозяйства и общества» и «Способы очистки тела после естественных отправлениях в разные времена и у разных народов».

7/IX [1924?]

Коммунальный староста поселка
«Саларские ключи» Проф. Е. Поливанов.

Архив Леонтьева (из архива Архангельского)

* Ученым секретарем ГУСа в то время мог быть либо Е. А. Чернявский, либо К. К. Юдахин, с которыми был дружески близок Е. Д. Поливанов. Отсюда такой шаржированный стиль его «послания». В верхнем углу записки — штамп «Народный Комиссариат Просвещения. Научный Совет. № г. Ташкент».

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

желание издавать мои работы в Ленинграде, желание заниматься в Азиатском Музее (я истосковался по книгам) и слушать лекции (гл[авным] обр[азом] Ваши, т[ак] к[ак] меня все более интересуют яфетидологические и связанные с ними проблемы) заставляют меня бросить насиженный угол в Туркестане и искать возможности вернуться в Ленинград.

Если возможно было бы мне вернуться в Ленинградский Институт Ж[ивых] Вост[очных] Языков, я мог бы читать там:

1) Введение в языкознание — или общее языкознание — специально для восточников на восточном материале, так как теперь я чувствую себя подготовленным не только по японскому, но и по китайскому, по персидскому и по турецким (узбекский, киргизский) языкам;

2) Японский язык и диалектология;

3) если бы понадобилось — Разговорный китайский язык и

4) Сравнительно-историческую грамматику турецких наречий.

Разумеется, я бы хотел, если только возможно, читать и в Университете.

Потому я прошу Вас, как члена правления Института, передать в правление прилагаемое мое заявление и содействовать моему возвращению в Ленинград.

[1924]

С совершенным уважением Евг. Поливанов
Адрес: Ташкент, общежитие ЦК

ЛО ААН, ф. 800, Н. Я. Марр, оп. 3, № 761, л. 2

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

я рассчитывал, что в течение пребывания моего в Москве я как-нибудь встречу Вас и выясню пригодность или непригодность моих соображений о финских (в частности, эстонских) «яфетизмах», ибо только разговор с Вами покажет мне — на правильном ли я пути или нет. Относительно «меди» — *vask* и другого эст[онского] слова *pask* я уже писал Вам (но ответа не получил); кстати, *bach* ('медь'), которое критикует Миллер (...), он, кажется, напрасно называет аварским, интересно, в каких других кавказских языках есть оно (или его соответствие) — кажется, в каза-кумыц[ом]? Эстонское название «лошади» — (*h*)*obine* тоже мне без Вашего указания не связать (точными соответствиями) с «комонями, кобънями, кобылами, *caballus*'ами и т. д.». О мелочах, вроде $\pi\tau\eta\alpha$ // $\mu\epsilon\nu\delta\alpha$ (*mentha*, мята), $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\varsigma$ и $\acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\acute{\omega}$, ...//*oγyλ* (узб. *اوغول*; *اوغولی*), казакск. *وُول* (?) по новой орфографии), я тоже ни в коей мере не могу высказаться печатно — до Вашего ответа, или до встречи с Вами. Вместо того, чтобы ехать на торжества в Ленинград, мне приходится еще раз съездить в Ташкент, Самарканд и Полторацк, — этого требуют тамошние корректуры. В Москве уже закончил печатание «Узбекск[ой] Грамм[ати]ки. Часть 1» и прокорректировал всю 2-ю часть ее; остальные 7 книг, сданных в Центроиздат (через «Туркпечать»), двигаются весьма медленно. Спасибо за Ваше письмо по поводу Б[иб-

лиотеки б. Лазаревского Ин[ститу]та*; оно помогло, хотя окончательно вопрос о существовании Библиотеки еще и не решен. Выяснится к моему возвращению в Москву (15/X—19/X—1925).

Относительно моего участия в Ленинградском Исследовательском Ин[ститу]те или вообще в Ленингр[адском] Ун[иверсите]те должен указать следующее: 1) В то время, как я лежал в Самарканде с воспалением легких (IV.1925), в Ташкент пришло письмо, к[отор]ое мне так и не удалось прочесть; но из довольно сумбурного пересказа того лица, к[отор]ое это письмо вместо меня (— потому что в Ташкенте уже создан был миф о моей смерти) прочитало, можно догадаться, что письмо — от Ленингр[адского] Иссл[едовательско]го Ин[ститу]та и говорит о моем участии в нем; 2) выяснить мои отношения к Ленингр[адскому] Иссл[едовательскому] Ин[ститу]ту я рассчитывал, съездив на несколько дней из Москвы в Ленинград, но московские дела задерживали меня так, что я эту поездку все откладывал и откладывал — пока теперь уже не стало ясно, что я съездить туда не смогу — 26/VIII выезжаю в Ташкент; 3) посылать отчет о занятиях (в Ленингр[адский] Иссл[едовательский] Ин[ститу]т), не зная, состою ли я в нем, воздерживаюсь. Но если только я узнаю, что я числюсь или могу быть зачислен в Иссл[едовательский] Ин[ститу]т или вообще в Ленингр[адский] Ун[иверсите]т, то я немедленно вышлю отчет и последние работы из печати, а после 20/X готов буду прибыть в Ленинград на исследовательскую или преподавательскую работу. Профессор Самойлович сказал мне, что я упомянут в проекте преподавания Ленингр[адского] Ун[иверсите]та на 1925/1926 ак. год — по японскому языку, но о том, утвержден ли этот проект, мне неизвестно — как вообще я ни строчки официальной не читал по поводу моего участия в ленинградских учреждениях (хотя, повторяю, письмо, вероятно, и было, но ввиду слуха о моей смерти не было мне доставлено и затерялось). Поэтому у меня такие просьбы:

1) поручить кому-либо (из моих сотоварищей-восточников (б[ыть] м[ожет] т[овари]щу Генко) навести справку в Иссл[едовател]ьском Ин[ститу]те обо мне...;

2) выяснить возможность напечатания в «Докладах Ак. Н.» моих 2 статей: 1) Долгие гласные в общетур[ецком] праязыке, 2) Китайские чтения турецких имен в (китайских) надписях на орхонских памятниках. Статьи эти были посланы в Ак[адемию] Наук на имя С. Ф. Ольденбурга, а проф. Малов обещал взять на себя сокращение их до размера, допустимого в «Докладах» (=4 стр-цы) И нельзя ли печатать в «Известиях» главу из японской исторической фонетики — «Категория согласных звуков» [4 глава], которая была послана в «Доклады» уже давно, еще до наводнения.

20/VIII [1925]

Преданный Вам Евг. Поливанов
Адрес: Ташкент, Вост. фак. САГУ
Е. Д. Поливанову

ЛО ААН, ф. 800, Н. Я. Марр, оп. 3, № 761, л. 4—5

* О необходимости спасения части Библиотеки б. Лазаревского Института восточных языков Е. Д. Поливанов писал в предыдущем письме Н. Я. Марру от 9.VII.1925 г. См. ЛО ААН, ф. 800, Н. Я. Марр, оп. 3, № 761, л. 3.

Глубокоуважаемый Василий Владимирович!

Мне очень совестно за мою описку в Вашем имени-отчестве, допущенную в предыдущем письме [от 20.XII.1925. — Л. К.], и прошу извинить за нее. Указанное Вами возражение (против ترکار → «Ту-кюз»), основывающееся на большей функциональности монгольского (на -t, resp. -s) Pluralis'a, чем турецкого (на لر) в названиях народностей, мне приходило в голову во время написания статьи. Однако я не считал обязательным говорить об этом в статье и думаю, что статью можно было бы оставить без этого пополнения и теперь, — и вот почему: мне кажется, для вопроса «Могли ли китайцы слышать тур[ецкую] форму множественного числа?» важны не факты памятников (кстати, в написании Кюль-тегина, насколько я помню, türk встречается главным образом ** в атрибутивной функции, где, конечно, множественное число невозможно), а факты живых турецких языков, поскольку они в данном случае единодушны. И следовательно, вышеуказанный вопрос заменим следующим:

«Встречается ли вообще в тур[ецких] языках основа تورکک *** и другие основы национальных названий в форме множ[ественного] числа?» Не с тем обилием функций, как в русском (напр., «узбеки») или монгольском, но все-таки встречается, и я даже представляю себе такой случай фразы (в узбекском языке), где иначе как множественным числом нельзя обойтись. Вот в сущности и все, что нужно для моей гипотезы, а остальное решает фонетика. А китайская фонетика, мне кажется, ясно говорит за ترکار и против *turgut, *türküt и т. п. ****.

27/I 1927

С глубоким уважением Евгений Поливанов

ЛО ААН, ф. 68.

* Бартольд Василий Владимирович, (1869—1930) — выдающийся русский и советский востоковед-историк, академик, автор многочисленных трудов по истории Средней Азии и стран Ближнего Востока. — *Примеч. сост.*

** К сожалению, у меня сейчас под руками нет текста: на днях получу его и посмотрю все случаи.

*** Пишу здесь по узбекской орфографии 1923 года.

**** Еще можно было бы прибавить некоторые соображения, почему из 2-х возможных в турецкой речи форм — единств[енного] числа (ترك) и множ[ественного] числа (توركلر) — для китайского мышления оказалась более удобной вторая... [Статья Е. Д. Поливанова о «Ту-кюз» опубликована в 1927 г., см. СОЯ, № 70].

По поводу статьи о تاشكەند تاز + تاجيكه , заглавие которой у Вас вызвало сомнение, хочу сказать, что именно ее мне удалось дать за посл[еднее] время в одно Ср[едне]-Азиатское издание *, т[ак] ч[то] вопроса о ее помещении я уже возбуждать не буду, и то, что я пишу ниже, мне просто хочется сообщить Вам лично. Именно как раз в этой статье я привлекал не только лингвистический материал, но и фольклорный (одно предание, записанное мною у сев[ерных] узбеков — уже в пределах Казахск[ой] ССР, — называет основателем Ташкента его завоевателя, богатыря по имени Таш (تاش). Кроме того, я отнюдь не думал настаивать на современном значении термина تاجيك для его прототипа تاز (resp. *tež-ik* в сингармонистической турецкой речи). Гипотеза такая: нынешний Ташкент — место поселения мус[ульман]ских завоевателей Таш'а, которых звали «таж [таск?]'ами, т. е. «арабами». Это значит «арабский поселок». Параллель — эст[онское] назв[ание] Ревеля: *Tal-linn* ← *Tan-linn* 'Датский город' [*tan* — вм. *dan*].

Однако это объяснение мне самому кажется отнюдь не доказанным, а лишь гипотезой, которую я решил высказать (именно как гипотезу) только потому, что ни одно из прежних объяснений слова «Ташкент» мне не представлялось верным.

[1927]

С глубоким уважением Е. Поливанов

ЛО ААН, ф. 68.

* Статья Е. Д. Поливанова о названии «Ташкент» опубликована в 1927 г., см. СОЯ, № 66.

ПИСЬМО А. Н. САМОЙЛОВИЧУ *

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Напоминаю Вам о своей готовности прочесть доклад в Восточном отделении на тему: «О дисиллабизме китайского языка» и в случае, если это осуществимо, прошу меня известить по адресу: Казанская 42, кв. 7.

10 сентября 1919 г.

Евгений Дмитриевич Поливанов

ГПБ, ф. 671, ед. хр. 242, л. 1

* Самойлович Александр Николаевич (1880—1938) — крупнейший востоковед-тюрколог, с 1929 г. академик АН СССР.

Только три дня назад, дорогой друг, я получил В[аше] письмо. Причина отчасти в том, что Вы, не получив моего письма с новым адресом, послали по старому. Новый адрес таков: Ташкент, УзЦИК (((то есть, ЦИК Узб.С.С.Республики))), комната № 67. Комитет Нового Алфавита и Терминологии. Мне.

Принялся за конспект, который пересылаю Вам. Предоставляю Вам полную *carte blanche* пополнить чем хотите из пространной моей рукописи (ее продолж[ение] тоже высылаю).

Насчет напечатания моих замечаний на *Études phonologiques*, I (К хар[актеристике] евразийского языкового... [союза]), конечно, я согласен. Вполне! Вы могли бы меня и не спрашивать (((как и по 3 делу — насчет яп[онской] фонологии; я вполне уверен в правильности Ваших изд[ательских] начинаний))). Только никакого общего заключения (насчет *Études phonologiques*, I — ...евразийского...) я не пришлю: предоставляю Вам написать его:

1) у Вас вообще выйдет лучше, без сомнения! 2) Вам виднее (ведь я не читал местных отзывов о книге), что именно мною в общем подытоживании должно быть подчеркнуто. Это я считаю [решением? — в оригинале слово неразборчиво.— Л. К.] и уж Вы берите это на себя.

Положительный ответ надо дать и фанатику латинизации. Буду очень рад. Только — обязательно со включением акцентуации киотского глагола, с текстами в акцентированной транскрипции (в том числе и *ho'zo'ki* в киотском произн[ошении], и *hanašika* и комментарий, и вообще приложения, какие есть) за исключением только *детских* киотских («заумных») песенок. М[ожет] б[ыть], я пришлю еще I прилож[ение]: морфологическое описание нагасакского говора д[среви] *mie* (=в токийск[ой] фонологии *mie=mi'e*) было бы хорошо присоединить. И добавьте, главное, фонологические штрихи (я плохо умею).

Письмо В[аше] очень обрадовало меня. Терпеливо ждать буду перевода. Англ[ийский] перевод обойдется без меня. Скоро пришлю еще мои новые работы.

Р. S. Если Вы будете утилизировать посылаемую (также) рец[ензию] на Jarring'a («...osttürkische Lautlehre»), то на зачеркнутые карандашом сокращения можете не обращать внимания. Только имейте в виду, что рец[ензия] эта выйдет и здесь.

Р. S.² Да неужели же (тут я принимаю патетический, на альтруистической почве, ламентаторский тон) ученому Миэде, которого и Вы знаете по некоторым его работам (в том числе и на французском языке), не может быть оказано моральной поддержки — всего несколько строк, в которых было бы указано, в чем именно состоят его расхождения с господствующей в его стране лингвистической кликой и насколько он, наоборот, близок к нашей революционной точке зрения? Ведь Ваше, например, перо гораздо весче (=более веско) в этом отношении, чем если бы я, например, или тому подобный стал писать эти несколько строк об этом молодом бедняге.

Моя жена благодарит Вас, что Вы вспомнили о ней, и со своей стороны шлет искренний привет.

Совершенно пред[анный] Вам Поливанов

Р. С.³ № комнаты (в новом адресе, по которому]му следует писать) Вам не трудно будет запомнить на основании той мнемонической штуки, что он (№) совпадает с № Вашего дома: 67=67 **. Да будет такое же единодушие в лингвистических взглядах и начинаниях — с преданным Вам Е. Поливановым.

[1931]

Архив Чехословацкой АН, пл. 3

* Якобсон Роман Осипович (1896—1982) — крупнейший русский и американский языковед и литературовед; один из основателей Московского (1915), Пражского (1926) и Нью-Йоркского лингвистических кружков; один из основоположников структурализма в языкознании и литературоведении. В годы жизни в Чехословакии (1920—1939) он сохранял дружеские связи и переписку со своими коллегами из Советской России, в том числе и с Е. Д. Поливановым, с которым он был знаком еще по ОПОЯЗу. Публикуемые здесь письма Е. Д. Поливанова Р. О. Якобсону относятся ко второму ташкентскому периоду жизни ученого (с 1931 г.).

** Адрес Р. О. Якобсона в то время был: Brno, Wawrova ul., 67.

2

Дорогой друг, и collega, и единомышленник (samideano) в области фонологии и прагматического языкознания вообще. Меня очень обрадовало получение отчета о фонологической конференции 1930 года с моим докладом и (что еще больше меня [по]радовало) со ссылками на меня. Не знаю, как Вас благодарить за помещение этой работы и за всё, что Вы для меня (для моих работ в смысле их распространения) делаете. Тут нельзя выразить словами признательность. Во всяком случае примите и передайте С. Карцевскому * дружеское за все спасибо.

Пользуюсь случаем обратить В[аше] внимание на три, к сожалению, наличные недоразумения: 1) Посланная Вам в рукописи работа «История японского консонантизма» оказалась вышедшей на русском языке (в IV томе Ученых записок Ин[ститу]та яз[ыка] и лит[ерату]ры РАНИОН'а); я сегодня только узнал про это из письма профессора Невского (япониста), к[отор]ый с восторгом отзывается об этой моей работе и предлагает перевести ее на японский язык. Я же думал, что IV том вовсе не выйдет или же Аптекарь выбросит все мои работы, но эту, как прошедшую корректуры, он, видимо, не мог выбросить. Итак, издавать ее как новую никак нельзя. Вообще же я посылаю Вам больше на всякий случай и для Вашего прочтения, чем с надеждой на напечатание (потому и не перевожу на французский); но киотоскую акцентуацию (м[ожет] б[ыть] вместе с японской фонологией), м[ожет] б[ыть], стоит издать (там и переводить почти ничего — всё примеры и текст); 2) Самое неприятное — и я глубоко виноват перед Вами, что ввел Вас в заблуждение. Вы цитируете (в Вашем докладе на конференции) тосаское *to*_: 'погода'. Такого слова (по край[ней] мере в живом языке) нет: есть *to*_: 'пагода' (т. е. башня [буддийск.]). Вероятно, в моем «Введении [в языкознание для востоковедных вузов]» сделали опечатку (корректор[скую]): 'пагода' изменили на 'погода'. [Я не имею у себя моего «Введения» и потому не могу справиться.] Правда,

есть книжное слово *to*: к[оторо]му *при желании* можно дать значение 'погода', но в живом языке Тоса оно совершенно неизвестно. Итак, эта прискорбная ошибка, которую я даже и не знаю, как можно поправить. Лучше оставить как есть — без оговорок, а в другой работе привести тот же пример тосаск[ого] *Γto*: со значением 'пагода'. 3) Тгпка в своем интересном докладе ссылается на чужое мнение, будто в тур[ецких] языках все гомонимы *гибридные* (из 2 разных языков). Это недоразумение, на к[отор]ое Вы обратите его внимание. Я знаю гл[авным] об[разом] именно не гибридные, образовавшиеся благодаря сокращению общетурецких долгот, напр[имер]: 1) *at* 'лошадь' (из **at*), 'имя' (из **a:d*); 2) *bar* 'наличие; имеется, есть [имя, не глагол]' (из **ba:r*), 'иди!' (из **bar*); 3) *jaz* 'лето' (из **ja:z*), 'пиши!' (из **jaz*); 4) *ot* 'травы' (из **ot*), 'огонь' (из **o:t/ø:d*); 5) *et* 'пройти мимо' (из **et*), 'желчь' (из **ø:t/ø:d*). {В ташкентско-бухарской же (иранизированной) группе уз[бекских] говоров (как и в некоторых из ферганских — напр[имер] в *городе* Коканде) все 4 последних слова: 'травы', 'огонь', 'пройти мимо' и 'желчь' — будут гомонимами [звучат они с ультра-закрытым (и типа mixed иногда) звуком *o*, который русские воспринимают как «у»] — благодаря утрате сингармонизма и совпадению (конвергенции) гласных *o* [из **o*, **o:*] и *ø* [из **ø*, **ø:*]. Это все не гибридные (— не из двух разных языков), а все чисто турецкие [из общетурецкого праязыка] слова; и подобных примеров можно легко (во всяком из утративших общетурецкие долготы турецком языке) привести много. Есть и другие (и в языках, удержавших древние долготы): напр[имер], *qara* 'черный' и *qara* 'смотри!' (глагол). Таких меньше, но все же есть. А вот гибридных-то и мало (сравнительно). Потому Тгпка, я считаю, введен в заблуждение, и я считаю позволительным просить его сообщить, что я хочу предупредить его от повторения этой ошибки, в к[отор]ой он как неспециалист по тур[ецким] языкам, конечно, невиновен.

Имею Вам послать ряд работ, уже лежат отобранные. Как соберусь с деньгами на почтовые расходы, пошлю.

Очень прошу Вас не забывать меня. Каждое Ваше письмо такой для меня праздник. И не будь Ваших писем и Вашей заботы о напечатании моих статей, я бы не выжил. Подумайте о том, как много значат для меня Ваши (и Карц[евско]го) письма, и пишите мне. Адрес прежний.

[1931]

Е. Поливанов

Архив Чехословацкой АН, пл. 3

* Карцевский Сергей Осипович (1884—1955) — русский языковед, один из основоположников женевской школы языкознания; в то время примыкал к Пражскому лингвистическому кружку.

3

...Я считаю, что, выпустив из моей *рецензии* (громкое слово для такого отзыва, как мой!) мои соображения насчет добавления нек[оторы]х мотивов к Вашим объяснениям известных слав[яно]-рус[ских] процессов ист[орической] фонетики, я сделал хорошо... Ведь всё это был бы детский лепет в присопоставлении этих вещей к Ва-

шим выводам, покоящимся на детальнейшем анализе материала, до которого (до анализа) мне очень очень далеко (не говоря уже о местном нынешнем удалении моем от слав[янского] материала вообще). И вот, имея нек[от]орые опасения, что Вы используете мою «рецензию» не для Вас лишь лично, а для чего-то похожего на опубликование, я воздержался — тем более, что второй раз писать эти самые детские вещи было вообще совести моей не под силу. Мне столько приходится слышать сейчас на себя невежественной критики, что боюсь незнанием В[ашего] материала [?] обусловленные faux pas моих добавок применить (да еще в качестве рецензии!) на блестящие выводы Вашей книги.

Будьте добры, черкните мне (все Ваши письма я получаю исправно), что стоит высылать Вам. Как только будет хоть некоторое затишье нападков [со стороны ташкентских адептов «нового учения о языке» Н. Я. Марра.— Л. К.], поеду опять на полевые работы — на Ягноб, новосогдийский язык, очень интересуюсь им. Понемногу продолжаю обработку хивинских мат[ериал]ов. Книг не пишу — ибо что зря писать, не зная, когда удастся печатать. От Миэда вести плохие и удручающие. Они даже испортили мне настроение на некоторое время — эти личные его переживания и дела. Жду ответа.

[1931]

Е. Поливанов

Архив Чехословацкой АН, пл. 3

4

Боюсь, что Вы не получили моего письма, в котором я извещал Вас о получении Вашего письма, посланного мне на адрес НКПроса Терминкома (Терминологического Комитета), и где я благодарил Вас и писал, м[ежду] пр[очим] о следующем:

1) с тем, что всех посланных тетрадей моей quasi-рецензии на [Вашу] работу о языковом союзе было 11 (одиннадцать) — но теперь сожаления об утрате тетрадей отпадают, т[ак] к[ак] я нашел черновик 5-й тетради [прочтя ее начало, где я писал не идущие к делу экскурсы, Вы поймете, почему я эту именно тетрадь тогда отослать не мог и должен был ее скопировать, выбросив ненужные отступления (что Вы теперь сами сделаете,— прошу Вас)] — так вот, вкратце дописывая, что было в предыдущих т[етра]дях и продолжая (6 и т. д. тетради), я кое-что восстановил в общем до конца, и двумя порциями вышлю Вам на днях заказным;

2) что я очень рад, что рецензия на ту В[ашу] книгу уже напечатана, и что обязательно на Торгсин прошу перевести (никакой другой способ недопустим), если вообще это не составит труда особого; если Вы это можете сделать, то я и моя жена (она писала и от себя в том письме, которое Вы, вероятно, не получили) очень просили бы поскорее, как можно скорее.

3) Еще я писал, что от членского взноса в Société Lingu[istique] должен отказаться даже на тех условиях, которые Вы мне так любезно предлагаете; слишком велика была бы сумма: когда я бы смог отработать ее!

4) выражал пожелания: о выходе Вашего обзора лингв[истической] л[итерату]ры, в том числе марксистской; об издании литографским способом Яп[онской] фонологии (материала достаточно??),

5) давал полную *carte blanche* на издание (как Вы найдете нужным средактировать) моего доклада о функциях ударения. Кор[ректу]ра не будет нужна, так как Вы отлично все можете сделать. Или только примеры выписав, мне их для верности послать?

6) сообщал, что наконец-то стали набирать здесь (в Ташкенте) серию моих книг,

7) предлагал участие в совместной с Вами работе — тема по В[ашему] выбору. Но считал бы возможным: Теория эволюции языка.

Если это письмо получите, сообщите мне. Писать можно по адресу, где я живу (Ст. Город, Беш-Агач, 5, Мерганча, УзНИИКС, профессору Е. Д. Поливанову), но т[ак] к[ак] в старом городе часто теряются письма, то можно писать еще (на выбор) по 2 учреждениям, где работаю: 1) НКПрос — Терминком, угол Джизакской и Ирджарской, Ташкент; 2) Ташкент, УзЦИК, комната 50, Комитет Нового Алфавита при УзЦИКе, профессору Евг. Дм. Поливанову.

Как только получу от Вас извещение, что это мое письмо и вторично посылаемые (5-я и след.) тетради *quasi*-рецензии [они чересчур разрослись, чтобы быть рецензией: Вы сократите и вообще *все*, что сочтете нужным, изменяйте, добавляйте, убавляйте! Всё это вполне предоставляю Вам — буду только благодарен, как за все заботы о моих рукописях] получены Вами, так сейчас же опять буду писать Вам — уже большое письмо и подробно. А то как-то страшно писать, не будучи уверен в получении Вами, и после такого долгого перерыва.

19⁷
III 33 Ташкент

Всегда благодарный Вам Евгений Поливанов

Архив Чехословацкой АН, пл. 3

ADDENDA

ПИСЬМА В. П. ВАХТЕРОВУ

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич,

вчера, как Вы, м[ожет] б[ыть], знаете из газет, состоялось вторичное осуждение Бодуэна *, в воскресенье он в последний раз будет вести у себя занятия на дому, а затем этот позор — с ним можно будет видиться через решетку. Я его не видел еще, в суде он не был. Для его учеников и не для них одних, конечно, это кошмарный траур. Я поеду в Японию 8—15-го ** мая вместе с моим товарищем преподавателем китайского и японского языков в Киевском Коммерческом Институте Конрадом ***. Пробуду до конца сентября. В октябре уже буду читать лекции на курсах новых языков Гедда и на других подобных курсах Лохвицкой-Скалон, куда получил приглашение недавно. Последнее время занимался тибетским языком, т[ак] к[ак] думаю, что предложение восточного факультета о занятии в будущем Каф[едры] тибетской словесности будет для меня подходить. Вопрос же о назначении меня доцентом по филологическому факультету будет формально поднят только после января. Относительно

денег я должен извиниться за то, что беспокоил, спешности, конечно, нет, и если Вы вышлете в начале мая, я буду вполне устроен.

Поклон Вам от моего папы.

[Весна 1914]

Преданный и благодарный Е. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, оп. 6, № 22

* За издание брошюры «Национальный и территориальный признак в автономии» (1913), в которой И. А. Бодуэн де Куртенэ предупреждал царское правительство о непоправимых последствиях систематического угнетения малых национальностей, ему было предъявлено обвинение в антигосударственной деятельности. Ученый был подвергнут публичному глумлению и осужден на несколько месяцев тюремного заключения в 1914 г.

** Вместо даты было написано «в начале», но потом зачеркнуто.

*** Конрад Николай Иосифович (1891—1970) — выдающийся советский востоковед, академик, специалист по филологии, истории и истории культуры стран Дальнего Востока.

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич,

нашему Кабинету (при Сов[ете] Кр[естьянских] Деп[утатов]) предложены средства для издания учебника или хрестоматии для солдат; более всего первоначально высказывались * за книгу для чтения. Имеется в виду ** печатать по новой орфографии. Я очень просил бы Вас

1) прислать мне новое издание вашей книги, когда оно будет готово,

2) указать, что теперь предполагается переиздавать по новой орфографии[.] Нами <...> *** ли Учит[ельским] Союзом <...> советовать, что следует избрать для переиздания.

8/X [1917]

Преданный Вам Е. Поливанов
Екатерининский канал, 158, кв. 2

ГБЛ, ф. 46, п. 6, № 23

* Было написано «желательно кажется», но потом зачеркнуто и вставлено над строчкой: «первоначально была» (последнее слово тоже зачеркнуто).

** Зачеркнуто: «я» (далее неразборчиво) просн...».

*** Часть письма (две строки) оторвана.

Глубокоуважаемый Василий Порфирьевич,

статью Степного (?) Кабинет разослал в газеты вчера, 6 октября, с измененным заглавием: *О задачах свободной школы*. Мою статью (конец) высылаю Вам на днях *.

6/X [1917] **

Преданный Вам Е. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, п. 6, № 24

* Видимо, речь идет о статье «Удовлетворительно ли разрешен вопрос упрощения письма в русской новой орфографии?», опубликованной без подписи в журнале «Учитель» (№ 23, ноябрь — декабрь 1917 г.).

** Дата в письме зачеркнута.

ПИСЬМО Ю. В. ВАСИЛЬЕВОЙ (СОБОЛЕВОЙ) *

Глубокоуважаемая Юлия Васильевна,

к сожалению, мне не удалось еще раз быть в Москве до моего отъезда в Японию. Пока я живу в Токио, на днях уеду на юг (остр[ов] Сикоку). Вчера был в здешнем Императорском театре // и видел «Вишневый Сад» на японском языке. [На обороте открытки: Аня, Варя и Гаев. Аня, Гаев и Трофимов лучше всех, но и вообще никто не портит [спектакль]; я даже не ожидал от японцев такого хорошего исполнения и понимания русской вещи: смешны были только нек[оторые] детали. Во всем следовали // Станиславскому (режиссер ездил в Россию). Перевод очень точный, даже слишком буквальный («двадцать два несчастья», «огурчик»). [На обороте открытки] — 3е действие, в правых дверях — Раневская, рядом с ней Трофимов, Шарлотта, Пищик, Дуняша, в левых дверях — Аня. Публика вряд ли поняла много, но артисты безусловно. // [На обороте открытки]. 2е действие, направо: Раневская, Фирс, Аня, Варя, Трофимов; сидят Епиходов с гитарой, Яша, Дуняша, Шарлотта, лежит Гаев. Ставила не обычная труппа, а Общ[ество] (любителей) современной драмы. В Россию вернусь в сентябре. Передайте мой поклон Вашему мужу и Ларисе.

29 июля [1915]
Токуо, Kikufujiro

Преданный Вам Е. Поливанов

ЦГАЛИ, ф. 837, Н. А. Попов, оп. 2, ед. хр. 1314

* Васильева (Соболева) Юлия Васильевна (1867—1932) — актриса; в 1915 г. выступала в составе труппы театра К. Н. Незлобина в Москве; тогда же являлась председателем Общества помощи сценическим деятелям (г. Москва).

Письмо Е. Д. Поливанова Ю. В. Васильевой сохранилось в фонде Попова Николая Александровича (1871—1949), известного театрального деятеля, режиссера, драматурга и историка театра. Письмо написано на четырех открытках (в тексте отделены двумя параллельными косыми), на которых изображены сцены из спектакля «Вишневый сад» А. П. Чехова, поставленного Обществом современной драмы в Токио. На конверте адрес: «Ее Высочородию Юлии Васильевне Соболевой, Москва, Леонтьевский пер., д. Гранат» и почтовый штампель: «Ярапа, 30.7.115».

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РОДИТЕЛЕЙ Е. Д. ПОЛИВАНОВА
с В. П. ВАХТЕРОВЫМ

Многоуважаемый Василий Порфирьевич!

Не нахожу слов благодарить вас за стипендию моему сыну. Теперь бедный безручка мой будет спокойно заниматься, не бегая по урокам. Сердечное пожелание всего лучшего шлют вам мой муж и сын. Будем надеяться, что Южн[ый] берег Крыма восстановит ваше здоровье, столь нужное и дорогое для семьи вашей и для близких.

9 мая 1911

СПб

С преданностью остаюсь Е. Поливанова

НА АПН РСФСР, ф. 7, оп. 1, № 17, л. 40

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Порфирьевич!

Я чувствую неудержимую потребность написать Вам теперь — после кончины Екатерины Яковлевны, постоянно думавшей и много раз говорившей со мною о Ваших редких в жизни и ценных отношениях к нам.

Когда сын мой стоит так близко уже к окончательному разрешению его научной карьеры, вполне отвечающей призванию, мы не можем не считать виновником этого счастливого для нас исхода Вас, дорогой Василий Порфирьевич, благодаря Вашей материальной и авторитетной поддержке. Это вдумчивое и прочувствованное сознание сохранится всегда глубоко в сердцах моем, сына и, конечно, с этим сознанием закрывала глаза Екатерина Яковлевна, произносившая за какой-нибудь час до потери сознания — два раза Вашу фамилию. Но договорить свою мысль она уже не смогла тогда. Жаль очень, что она, лелеявшая свою мечту видеть Евгения приват-доцентом, этого не дождалась.

Выработав еще давно уважение к внутреннему миру другого человека, она все время очень интересовалась всем тем, что творится на нашей долго и многострадальной родине и особенно горячо реагировала на кошунственный процесс Бейлиса еще так очень недавно.

После, так сказать, целой кладовой тяжких болезней, мой дивный друг скончался тихо, без агонии и, по ее желанию, тело ее нашло приют на Смоленском кладбище.

Телеграмма Ваша хорошо утешила меня, сына и пасынка.

Крепко обнимаю.

19/XII—13

Сердцем всегда Ваш Д. Поливанов

ГБЛ, ф 46, п. 6, № 25

Глубокоуважаемый и дорогой Василий Порфирьевич!

Никак не могу не разделить мою радость с Вами, который так много и <...> * помогал моему сыну Евгению в осуществлении его научных целей.

Вчера, в день его 24х-летия, он, после изумительно упорной работы, длившейся во время пребывания его в Японии и по его возвращении сюда, передал декану проф. Брауну свою довольно обширную диссертацию для просмотра факультетом профессоров и затем для отпечатывания. Я очень боялся это время, чтобы он не подорвал свои физические силы.

Да, хотя этот возраст еще очень молодой, но, простите за невольную откровенность, при материальной Вашей помощи, сумел выбрать такую работу, которая вызвала к деятельности все его способности, при которых эта юная личность разворачивается во всей своей силе и во всей красе. В этом случае я рассматриваю, разбираю его не с пристрастностью отца, я становлюсь на общую точку зрения людей, не лишенных критического мышления.

Очень грустно, что Екатерина Яковлевна, вложившая в него лучшие чувства и понятия и воспитавшая [в нем чистое] и нежное сердце, будучи вырвана из жизни болезнью, не может быть более свидетельницей постепенного роста своего сына.

Заканчивая мое письмо горячим пожеланием скорейшего окончания такой небывалой в истории тяжелой войны, и да не утомятся силы Ваши и Вашей супруги от тяжелой заботы и труда по устроенному Вами лазарету для раненых.

Мой искренний привет Вашей супруге. Сын будет Вам писать.

1/III — 15 Всегда уважающий и преданный Вам Дм. Поливанов

ГБЛ, ф. 46, п. 6, № 26.

* В оригинале слово неразборчиво.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА *

Евгений Дмитриевич Поливанов родился 28 февраля (12 марта) 1891 г. в Смоленске в дворянской семье [отец: Дмитрий Михайлович (25.I.1840—11/24.V.1918), титулярный советник, служащий железной дороги; мать: Екатерина Яковлевна Поливанова (1849—2.XII.1913), писательница].

1901—1908 — Учился в Александровской гимназии в Риге, которую окончил с серебряной медалью.

1908—1912 — Студент славяно-русского отделения историко-филологического факультета и факультета восточных языков Петербургского университета.

1909—1911 — Слушатель Восточной практической академии по японскому разряду.

1912 — Окончил Петербургский университет и оставлен при кафедре сравнительного языкознания для подготовки магистерской диссертации.

1912—1915 — Преподаватель русского, французского и латинского языков в частной гимназии, на Женских педагогических курсах новых языков.

1914 — Защитил магистерскую диссертацию на тему «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами»; приват-доцент факультета восточных языков по японскому языку.

1914—1916 — Совершенствовал знания в Японии и в других странах Дальнего Востока.

1914—1917 — Преподаватель Высших педагогических курсов новых языков; преподаватель курсов учителей глухонемых.

1915—1920 — Приват-доцент факультета восточных языков Петербургского (Петроградского) университета.

1917 — Печатается в горьковской легальной «Новой жизни»: статьи «Япония и мир без аннексий», «Своевременна ли реформа орфографии?», «Нужна ли „Палата господ“ революционной России?»; опубликовал большую работу «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами».

1917—1918 — Сотрудник Кабинета военной печати при Всероссийском Совете крестьянских депутатов; заведующий Отделом печати Министерства иностранных дел; с октября—ноября уполномо-

* Некоторые факты биографии Е. Д. Поливанова приводятся по Ведомственной анкете Наркомпроса УзССР, заполненной им 14 апреля 1931 г. в г. Самарканде.

ченный наркома по иностранным делам; один из организаторов Союза китайских рабочих в Петрограде.

1918 — Редактор первой китайской коммунистической газеты «Китайский работник».

1918—1920 — Заведующий Восточным отделом Информбюро при Коминтерне.

1919 — Принят в члены РКП(б); избран профессором факультета общественных наук Петроградского университета.

1920—1921 — Организатор Китайской коммунистической секции при Петроградском комитете РКП(б).

1919—1921 — Работает в Политотделе Балтфлота и в политотделе 9-й Армии.

1920—1921 — Профессор японского языка и организатор коммунистической ячейки Института живых восточных языков в Петрограде.

1921 — Помощник заведующего Дальневосточной секцией Коминтерна в Москве; преподает в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ); командирован Коминтерном в Ташкент.

1921—1923 — Заместитель председателя Научного совета Наркомпроса Туркестанской АССР.

1921—1926 — Профессор Туркестанского восточного института в Ташкенте и историко-филологического факультета САГУ.

1922 — Выступает с докладом о латинизации узбекской письменности на II съезде работников просвещения Узбекистана.

1923 — Издал в Москве брошюру «Проблема латинского шрифта в турецких письменностях» (20 с. Нар. ком. нац. ин-т востоковедения в Москве. Серия турецких языков. Вып. III); председатель этнографической комиссии при Туркнаркомпросе; выпускает в Ташкенте работу на узбекском языке арабским шрифтом «Понятие эволюции в языке (179 с.); Государственное издательство РСФСР в Берлине издает «Лекции по введению в языкознание и общей фонетике» (96 с.).

1924 — В составе правительственной комиссии послан в Причирчикский край (Кураминский р-он) для контроля национального размежевания Туркестанской АССР; Подготовлен к печати и направлен в Туркглавлит сборник стихов «Метагlossы» («Поэзы и кляксы») под псевдонимом Бо Цзи-шэн.

1925 — Узбекским Госиздатом издан «Мак», русский букварь для нерусских детей Туркестана (совместно с Л. И. Пальминым) (72 с.).

1926 — Выходят в Ташкенте «Краткая грамматика узбекского языка. Ч. I—II» (123 с.) и «Краткий русско-узбекский словарь» (218 с.); возвращается в Москву; действительный член лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН; профессор Московского института востоковедения; руководитель секции родных языков КУТВ; действительный член Института народов Востока АН СССР.

1927 — Председатель лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН; участвует в работе первого Пленума Всесоюзного Центрального Комитета Нового тюркского алфавита (ВЦК НТА) в Баку с 3 по 7 июня.

1928 — Член Научного совета ВЦК НТА; публикует «Введение в языкознание для востоковедных вузов» (т. 1); участвует в работе второго пленума ВЦК НТА в Ташкенте с 7 по 12 января и третьего пленума в Казани — с 18 по 23 декабря; 27 декабря началась «По-

ливановская дискуссия» в подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии.

1929 — 4 февраля сделал доклад «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория»; по приглашению Наркомпроса Узбекистана переезжает в Самарканд; профессор сектора лингвистики Узбекского государственного научно-исследовательского института; посылает В. Б. Шкловскому из Самарканда три главы фантастического романа «Вечера у пр. П».

1930—1931 — Профессор кафедры языка и литературы Узбекской государственной педагогической академии; принимает участие в Хорезмской, Памирской и Ферганской комплексных экспедициях; закончил «Диалектологический словарь узбекского языка»; выпускает в «Трудах Института востоковедения им. Н. Н. Нариманова» (т. XIV) «Граматику японского разговорного языка» (304 с.) в соавторстве с О. В. Плетнером и (т. XV) «Граматику современного китайского языка» (189 с.) (в соавторстве с А. И. Ивановым).

1931 — Принимает участие в Сайрано-Чимкентской экспедиции; переезжает в Ташкент.

1931—1934 — Профессор Узбекского государственного научно-исследовательского института культурного строительства в Ташкенте; в московском издательстве «Федерация» напечатан сборник популярных лингвистических статей «За марксистское языкознание» (184 с.).

1932 — Участвует в Чирчикско-Ахангаранской экспедиции; получает приглашение на Международный конгресс фонетических наук в Амстердаме.

1933 — Выступает на лингвистическом семинаре УзГНИИКСа в Ташкенте с докладом «О теории эволюции языка»; публикует книги «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык (К современной стадии узбекского языкового строительства)» (45 с.) и «Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком» (Ташкент, 182 с.).

1933—1936 — Написана глава IV из поэмы «Ленин».

1934—1937 — Переезжает во Фрунзе, профессор Киргизского института культурного строительства и Педагогического института.

1935 — Опубликованы: «Грамматика дунганского языка» (ч. 1—2) и «Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам» (ч. 1); совместно с Б. Поливановой сделан перевод с дунганского повести Я. Шиваза «Судьба Мэй Янцзы»; опубликован перевод фрагмента из киргизского эпоса «Манас»; в сентябре принят кандидатом в члены ВКП(б) в г. Фрунзе (Архив АН, ф. 677, оп. 6, д. 224, л. 311 (на обороте)).

1936 — Опубликован перевод трех отрывков из «Манаса» и «Песня об убитых коммунистах». Вместе с Ю. Яншансином участвует в дунганской экспедиции.

1937 — Репрессирован.

1938 — Погиб 25 января.

1963 — 3 апреля полностью реабилитирован.

стях... Новелла. 1929.— Ф. 613, ГИХЛ, оп. 1, ед. хр. 5029, л. 1—15. Как одна из глав неоконченного приключенческого романа «Вечера у пр. П» опубликована в данной книге, см. с. 233—242.

[Рец. на:] *Жирмунский В. М.* Задачи поэтики. 1919.— Ф. 562, В. Б. Шкловский, оп. 1, ед. хр. 929.

[Разные материалы о Е. Д. Поливанове].— Ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8.

* Письмо в редакцию газеты «Вечерняя Москва» (март 1929 г.).— Ф. 562, В. Б. Шкловский, оп. 1, ед. хр. 669, л. 2—4. Ответ Е. Д. Поливанова на клеветническую статью «Кто травит академика Марра?» (Вечерняя Москва. 1.03.1929). Публикуется здесь, см. с. 85—88.

* Письма Е. Д. Поливанова: Васильевой (Соболевой) Юлии Васильевне (1915).— Ф. 837, Н. А. Попов, оп. 2, ед. хр. 1314; Яцимирскому Александру Ивановичу, слависту (1915).— Ф. 584, А. И. Яцимирский, оп. 1, ед. хр. 194; Шкловскому Виктору Борисовичу, писателю, 3.— Ф. 562, В. Б. Шкловский, оп. 1, ед. хр. 669, л. 8 (фотография Е. Д. Поливанова, 8.III.1937); ед. хр. 664 (III.1929); письмо В. Б. Шкловского Е. Д. Поливанову (26.II.1929).— Ед. хр. 431. Маш. копия. 1 л. Частично публикуются здесь, см. с. 32—33, 152, 167, 179.

Пейзажи (горы, верблюды в песках) и другие наброски Е. Д. Поливанова.— Ф. 1987. Собрание рисунков, оп. 3, ед. хр. 41.

Брик Л. Ю. Воспоминания о В. В. Маяковском.— Ф. 336, В. В. Маяковский, оп. 5, ед. хр. 153, л. 25.

Сихотин А. М. Выступление в прениях по докладу Г. К. Данилова и Т. П. Ломтева в Комакадемии 12.XI.1930.— Ф. 454, оп. 1, ед. хр. 40, л. 1—2 (с критикой Е. Д. Поливанова и «нового учения» Н. Я. Марра).

Дарственная надпись Ю. Н. Тынянову на оттиске статьи — (IX.1929).— Ф. 2567, Ю. Г. Оксман, оп. 1, ед. хр. 1287.

Государственный музей В. В. Маяковского (Москва)

* Поэма В. И. Ленин (или «1917»). Глава IV. 1936.— Частично опубликована, см. Леонтьев, 1983, с. 56; полностью публикуется в данной книге, с. 223—232.

Научный архив Академии педагогических наук РСФСР (Москва)

* Письмо Поливановой Екатерины Яковлевны (матери Е. Д. Поливанова) Вахтерову Василию Порфирьевичу (9.V.1911).— Ф. 7, оп. 1, № 17, л. 40. Публикуется здесь, с. 291.

Ленинградское отделение Архива АН СССР

Абхазский аналитический алфавит. Рук.— Ф. 800, Н. Я. Марр, оп. 6. № 395, 23 л.

Еще о критериях единого слова. Рук. 27 л. Сохранилось 2 тетради № 7 и 8 (местонахождение остальных шести неизвестно). Видимо, та же работа, что и «Еще о критериях самостоятельного слова» (ВЯ, 1960, № 4, с. 112); см. также Ф. 700, Л. В. Щерба, оп. 3, № 25.

* И.-е. *sū-s // др.-китайское *си* 'свинья'. Рук. 9 л.— Ср. СОЯ, № 138 (рукопись аналогичного содержания имеется в Архиве АН ЧССР); см. СОЯ, с. 167—171, 321 (коммент. А. А. Леонтьева).

К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского языка. 1936. Маш. 57 л.

* Мутационные изменения в звуковой истории языка. 26.V.1931. Авториз. маш. 37 л.—Ф. 770, Л. В. Щерба, оп. 3, № 25, л. 96—131 (фотокопия имеется в нашем распоряжении); см. СОЯ, с. 90—113.

* Проблемы марксистского языкознания и яфетическая теория. Тезисы доклада, прочитанного в подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4.II.1929. 2 л. (ротаторный экз.); см. СОЯ, с. 176—177.

* [Материалы о поездке Е. Д. Поливанова в Японию в 1915 г.]—Ф. 148, Фонд Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, оп. 1, № 52, л. 68, 74 (письмо и телеграмма); № 68, л. 141, 147 об. (протоколы заседаний); № 94, л. 49—50 (отчет Е. Д. Поливанова о поездке, 24.X.1915). Сведения представлены Д. М. Насиловым (Ленинград); частично опубликованы в этой книге, с. 36.

* Письма Е. Д. Поливанова Марру Николаю Яковлевичу, языковеду, историку культуры, 5 (1924—1925).—Ф. 800, Н. Я. Марр, оп. 3, № 761, л. 1—5 об., два из них публикуются в этой книге, с. 280—281.

Письмо Н. Я. Марра Е. Д. Поливанову (18.X.1924).—Ф. 800, Н. Я. Марр, оп. 2, № 30, л. 82об.—83.

* Письма Е. Д. Поливанова Бартольду Василию Владимировичу, востоковеду-историку, 4 (1925—1927).—Ф. 68. Частично публикуются здесь, с. 282—283.

Архив Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР

Краткая характеристика ходжентского говора таджикского языка. 1930. Рук. 10 л. с табл., л. 11—17 (фольклорные тексты с переводом). Работа написана совместно с Б. Виноградовым и представлена к печати А. Н. Самойловичем в «Труды Института востоковедения АН» 26.XI.1930.—Ф. 2, оп. 6, № 33.

О работах по японской диалектологии Е. Поливанова. Отчет о напечатанных, готовых и задуманных статьях и работах по японской диалектологии. [1915—1916]. Рук. 2 л.—Ф. 1, оп. 4, № 94.

Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)

* Из Ко-ji-ki (История старых дел). Соч. Ясумадо в 712 году... Перевод японской легенды. Сообщение Е. Поливанова. 2 л.—Ф. 865, И. А. Шляпкин, № 259. Публикуется здесь, с. 269—270.

* Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория [стенограмма доклада, прочитанного в подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии 4.II.1929 г.] Маш. Неполный экз.—Тезисы доклада. 2 л. (Ротаторный экз.).—Ф. 246, И. Я. Депман, № 4. См. также в ААН и ЛО ААН; тезисы см. в СОЯ, с. 176—177.

* Письма Е. Д. Поливанова Самойловичу Александру Николаевичу, тюркологу, 2 (1919, 1930).—Ф. 671, А. Н. Самойлович, оп. 1, № 242, л. 1. Письма публикуются здесь, с. 96, 283.

**Центральный государственный исторический архив
Ленинградской области (Ленинград)**

Программа лекций Е. Д. Поливанова как магистранта восточного факультета Петроградского университета. [Одобрена проф. А. И. Ивановым в ноябре 1915 г.].— Ф. 14, оп. 1, ед. хр. 10695, л. 27.

Программа лекций Е. Д. Поливанова как приват-доцента восточного факультета Петербургского университета.— Ф. 733, оп. 156, № 109, л. 87.

Currículum vitae Евг. Дм. Поливанова и Список трудов.— Ф. 733, оп. 156, № 109, л. 88—89 (3.XII.1915).

Отчет о занятиях оставленного по кафедре сравнительного языкознания при историко-филологическом факультете Петроградского университета Евгения Дмитриевича Поливанова. 7.XI.1914 — Ф. 733, оп. 155, № 1042, л. 366—367 (по сути, отчет о научной поездке в Японию в 1914 г.).

[Материалы о Е. Д. Поливанове].— Ф. 733, оп. 155, № 389, л. 106, 108 (30.X. и 12.X.1912, ходатайства проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ о назначении стипендии Е. Д. Поливанову); Ф. 733, оп. 155, № 1042, л. 356об.—357, 365об., 411 (18.X.1914, ходатайство И. А. Бодуэна де Куртенэ о продлении стипендии Е. Д. Поливанову и лестный отзыв о молодом ученом); Ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15802, л. 195об., 214, 217об. (8.V.1915, представление профессоров Ф. И. Щербатского и А. И. Иванова о допущении магистранта Е. Д. Поливанова к пробным лекциям на факультете восточных языков; 16.X.1915, сообщение о двух пробных чтениях лекций Е. Д. Поливановым); ф. 733, оп. 156, № 109, л. 87 (9.XII.1915, уведомление помощника попечителя правительственной канцелярии Маркова в Департамент народного просвещения о программе чтений лекций магистрантом Е. Д. Поливановым в качестве приват-доцента); ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15802, л. 314—314об. (XI.1917, о Е. Д. Поливанове как уполномоченном народного комиссариата по иностранным делам).

**Ленинградское отделение Центрального
государственного архива Октябрьской революции
и социалистического строительства**

[Материалы о Е. Д. Поливанове].— Ф. 7240, ЛГУ, оп. 14, д. 99, л. 5. (20.V.1919, постановление об утверждении курсов лекций Е. Д. Поливанова на факультете восточных языков Петроградского университета); ф. 7222, оп. 2, д. 4, л. 35об. ([1921 г.?], о командировании Е. Д. Поливанова в Туркестанскую АССР).

**Центральный государственный архив Узбекской ССР
(Ташкент) ***

* Бо Цзи-шэн. Метагlossы (Поэзы и кляксы). Сборник стихов Е. Д. Поливанова. Рук.— Ф. 34, оп. 1, ед. хр. 2643 (на тит. л. дата 3.I.1924); частично опубликован в кн.: Леонтьев, 1983, с. 55; полностью публикуется впервые в настоящем издании, с. 206—222.

* Описание дается по неполным сведениям об архиве Туркнаркомпроса, сообщенным С. И. Зининым А. А. Леонтьеву в 1968 г., и по публикации Э. Ш. Абдуллиной (Русский язык в киргизской школе. 1977, № 5, с. 24—29).

Еще раз о Туркестанском Восточном Институте («В многоязычии нет спасения...»). 4 л.

[Доклад о спорных буквах нового алфавита]. Выписка из протокола от 18.IV.1924 г. 2 л.

[Доклад о тюркском языке. Изложение]. 1925. Маш., 2-й экз. 4 л.

О едином общетурецком литературном языке. 2 л.

О работе этнографической комиссии. Информация для журн. «Наука и просвещение», № 3. 2 л.

Рифмология Маяковского. Начало статьи. 1923. 1 л.

План словарной работы [Е. Д. Поливанова]. 1 л.— Ф. 34, оп. 1, ед. хр. 2633, л. 32.

[Записки и заявления Е. Д. Поливанова]: 1) председателю ТуркГУСа о работе ТуркУБУ. 1 л.; 2) с просьбой о посылке в Александровку для сбора материала для дунганского букваря. 20.I.1924. 1 л.; 3) об уходе с должности председателя этнографической комиссии. 16.X.1923. 1 л.; 4) о смене лингвистической комиссии. 1923. 1 л.; 5) об издании ряда работ. 1924. 1 л.; 6)* «О методах начального обучения грамоте в узбекских школах». 1. III. 1925. 2 л.— Ф. 94, оп. 1, ед. хр. 255, л. 184—185 (опубликовано Э. Ш. Абдулиной в РЯКШ, 1977, № 5, с. 27); 7) об улучшении быта местных ученых. 1922. 1 л.

[Отзывы, рецензии, замечания Е. Д. Поливанова на рукописи и книги]: 1) * [рец. на:] *Егоров Т. Г. Русский букварь*. VII.1924.— Ф. 34, оп. 1, ед. хр. 2111, л. 101—103 (опубликована Э. Ш. Абдулиной в РЯКШ, 1977, № 5, с. 28); 2) * «Об узбекском букваре для взрослых» Ш. Рахими. 31.XII.1923.— Ф. 34, оп. 1, ед. хр. 2111, л. 54 (опубликованы Э. Ш. Абдулиной в РЯКШ, 1977, № 5, с. 27); 3) Особое мнение по поводу вопроса переиздания «Тэрмэ-китоб» Наливкина. 3.XII.1923. 1 л.; 4) Замечания на букварь Ш. Рахими. 1925. 1 л.; 5) отзывы; * а) на рукопись «Метагlossы». 9.I.1924. 1 л.— Ф. 34, оп. 1, ед. хр. 2643, л. 59 (см. выше, с. 154—155); б) на рукопись по философии. 1924. 1 л.; в) о брошюре «Дома крестьянина». 1 с.; г) на рукопись Тюймеген (киргизская легенда). 1 с. б) отзывы Акцентра* о рукописях: а) перевода «Практического курса природоведения». Ч. II. Книга для преподавателя. Винтергальтер. Пер. Бурхан; б) букваря Нур-Али-Мухаммадова; в) «Начало жизни на земле и происхождение человеческого рода». Д-р Сайфи-Муллоков.— Ф. 94, оп. 1, ед. хр. 251, л. 30—32.

[Отзыв о работах Е. Д. Поливанова].— Ф. 94, оп. 1, ед. хр. 266, л. 20.

Самаркандский государственный областной архив (Самарканд)

* Программа курса научной грамматики узбекского языка. Рук.— Ф. 521, оп. 1, ед. хр. 42, л. 4—7. Публикуется здесь, с. 92—94.

Протокол объединенного заседания секций лингвистики, литературы и этнографии УзГНИИ. 1929. См. СОЯ, с. 27 (о роли Е. Д. Поливанова в изучении узбекских народных говоров в связи с подго-

* Под этими отзывами, наряду с подписью Е. Д. Поливанова, стоят подписи других членов Академцентра (главного научного и педагогического учреждения в республиках Средней Азии в 20-х годах) и ГУСа. Э. Ш. Абдулина склонна считать автором их Е. Д. Поливанова (см. РЯКШ, 1977, № 5, с. 29).

товкой комплексной экспедиции Иннарвосо; о предложении Е. Д. Поливанова создать при УзГНИИ кабинет экспериментальной фонетики под руководством Л. В. Щербы и изучать там, в частности, вопросительную интонацию в узбекском и азербайджанском языках).

* Ведомственная анкета Наркомпроса УзССР, заполненная Е. Д. Поливановым 14.IV.1931. Рук.—Ф. 521, оп. 2, ед. хр. 40 л. 57—58. Публикуется здесь, с. 99—102.

[О работах Е. Д. Поливанова по узбекскому языку].—Ф. 521, оп. 2, ед. хр. 57, л. 38; оп. 6, ед. хр. 30, л. 106.

Архив АН Киргизской ССР (Фрунзе) *

* Великий поход. Богатырь Манас идет на Пекин великий. Пер. Маш. 15 л., 430 строк. Частично опубликован, см.: Советская Киргизия, 24.09.1935; Литературный Узбекистан, 1936, кн. 2.

Главнейшие особенности дунганского языка. Маш. 252 л. (с исправлениями автора). Готовая к публикации работа.

Главнейшие особенности дунганского языка. Маш. Два неполных экз. и рукопись-оригинал из 30 тетр.

Главнейшие особенности дунганского языка. Маш. 27 л. Два экз. и рукопись-оригинал (тетр. 26—30).

Главнейшие особенности дунганского языка. Маш. Разные части и разные оригиналы.

Грамматика дунганского языка. Ч. I. Маш. 152 л. Отпечатаны разные части, некоторые с исправлениями автора.

Грамматика дунганского языка. Ч. I. Маш. 53 л. Два экз. без авторской правки.

* Грамматика дунганского языка. Ч. II. Морфология. Табл. I. Одноморфемные силлабемы ГС (Ганьсу); Таблица II. Двухморфемные силлабемы ГС. Маш. 26 л. (с исправлениями автора). Готовая к публикации работа. Часть ее под названием «Соотношение фонетики и морфологии» опубликована А. А. Леонтьевым в сб. «Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению». М., 1971, с. 224—227.

Заговор семи ханов против Манаса. Перев. Рук.

* Закон перехода количества в качество — в процессах историко-фонетической эволюции. Маш. Два экз., 27 и 28 л. без авторской правки. См. СОЯ, с. 114—134.

Замечания на рукопись «Грамматики киргизского языка», составленной А. Идрисовым.

Замечания по поводу тезисов тов. Тыныстанова «О перспективах развития киргизского литературного языка и задачи языковедческого фронта в Киргизии». 1934. Авториз. маш. 5 л.

Замечания по работе «Из истории переселения дунган в Семиречье (Исторический очерк)». Маш. 2 л.

Из работы дунганской диалектологической экспедиции КиргНИИКЯП. 1936. Маш. 22 л. Два экз., без авторской правки.

* Лингвистические мелочи. Маш.: а) Дунганский суффикс множ[ественного] числа *-тш-*. Авториз. 6 л. См. СОЯ, с. 172—175, 322

* При описании этого архива использован также список Ю. Яншансина (27 названий), имеющийся в архиве В. Г. Ларцева, и список П. Ф. Оролбаевой (18 названий), присланный в 1961 г. в Институт языкознания АН СССР и хранящийся в архиве А. А. Леонтьева.

(коммент. А. А. Леонтьева); б) О приеме аллитерации в киргизской поэзии — в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других «алтайских» народностей. 1934—1937. 12 л. Опубликовано с некоторыми купюрами А. А. Леонтьевым в сб. «Проблемы восточного стихосложения». М., 1973, с. 100—106.

* Манас. «Великий поход», по варианту Сагымбая. Пер. Е. Д. Поливанова, ред. И. А. Батманов. Маш. Тетр. 1. 132 л., 3105 строк. Частично опубликован: Литературный Узбекистан, 1936, кн. 4; в данной книге, с. 245—258.

[Материалы по киргизскому языку]. Рук. 7 тетр. Черновые записки о происхождении киргизов, их языке и т. д.

Научное описание грамматики дунганского языка. Рук. 30 л.

* Об «аномальных» слогах. Авториз. маш. Середина 30-х годов. Фрагмент, видимо, большой работы «Грамматика [ганьсуйского наречия] дунганского языка». Опубликовано А. А. Леонтьевым в сб. «Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению». М., 1971, с. 227—230.

Общелингвистический курс. Первая лекция. Маш. 8 л. Неоконченная работа.

* О политоническом ударении. Авториз. маш. [1936]. Середина и конец работы утеряны. Опубликовано А. А. Леонтьевым в сб. «Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению». М., 1971, с. 198—223.

* О принципах русского перевода эпоса «Манас». Маш. См. «Манас». Героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968, с. 56—74.

Основные принципы терминологической работы в области дунганского языка. 1937. Маш. 10 л.

Отражение имени уйгур (اورگور) в китайском и дунганском словаре. 1936. Рук. 4 л.

* О трех принципах построения орфографии. Маш. 13 л. Неоконченная работа. См. Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937, с. 59—71.

Отчет о дунганской лингвистической экспедиции КиргНИИКСа VI—VIII. 1936 г. Авториз. маш. 7 л., без авторской правки: а) Таблица соотношений (корреспонденций) тонов. Авториз. маш. 2 л.; б) Отдельные говоры. Маш. 4 л., без авторской правки.

Очерк дунганской диалектологии. Маш. 64 л.

Проезд послов от шести ханов к Манасу. Перев. Маш. 60 л. Два экз.

[Рец. на:] Тыныстанов К. Проект новой орфографии киргизского языка.— Труды КиргНИИКС. 1934.— Авториз. маш. 4 л.

Силовая акцентуация. 1937. Маш. 7 л.

* Фонологическая система [ганьсуйского наречия] дунганского языка. Маш. 13 л., без авторской правки. См. Вопросы орфографии дунганского языка. Фрунзе, 1937, с. 30—40.

Эльчилендин кайтыши (Возвращение от послов). Манас. 4 экз.

Рукописный фонд Отделения общественных наук АН Киргизской ССР (Фрунзе)

О принципах русского перевода эпоса «Манас» [текст доклада, который должен был быть зачитан на совещании переводчиков «Манаса» во Фрунзе]. Авториз. маш. 1936. Тезисы доклада см. «Манас». Героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968, с. 56—74.

Две главы из систематической описательной грамматики эрзянского [=эрзя-мордовского.—Л. К.] языка (по говору дер. Лобаски Нижегородской губернии). Маш. 8 л.—Пл. 5. Сохранились только раздел «Фонетика» и начало раздела «Морфологии». В СОЯ, с. 44, в качестве соавтора указан А. П. Рябов.

Историческая мотивировка своеобразной акцентуации эрзя-мордовского языка. Рук. 5 л.

Краткая фонетика японского языка [имеется ряд вариантов, а также множество комментированных текстов на различных диалектах, с переводом]. В микрофильме имеются только фрагмент примечаний по фонетике японского языка (Рук., л. 22—23) и отрывок из перевода с японского (Рук., л. 28—29).—Пл. 1.

Перечень согласных фонем ганджинского говора азербайджанского языка. Рук. 14 л.

По поводу эмбриональных явлений сингармонического характера в айском языке. Рук. 10 л. Ср. также фрагментарные заметки по айскому языку, хранящиеся в ЦГАЛИ.

* [Рец. на:] *Jarring Gunnar. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre.* Lund — Lpz., 1933, XV, 126, 53 S., 1 Taf.—Рук. (черновой вариант), л. 1—19 а—ж, 1 л. (без нумерации).—Пл. 2. Опубликовано в сокращенном виде в среднеазиатском журнале в 1934 г.: см. СОЯ, № 125. Имеются фрагменты этой рецензии. Рук., л. 19 г—д.—Пл. 3.

* [Рец. на:] *Jakobson Roman. Remarques sur l'évolution phonologiques du russe comparée à celle des autres langues slaves.*—Рук. 11 л. Неоконченная работа. Опубликовано в сокращенном виде в: *Slavia*. 1932. XI, 1; см. СОЯ, № 117.

Quasi-рецензия (вернее — сочинение или набор различных замечаний по поводу) книги Р. Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза». 1931.—Рук. Должно быть 11 тетр. В микрофильме имеются: тетр. 6. 17 л.; тетр. 1. 20 л.; тетр. 4. 16 л.; тетр. 5 (без номера). 26 л.; тетр. 3. л. 27—37; тетр. 2. л. 21—27 (повтор), 35 л.—Пл. 3.

Русский литературный язык в революционную эпоху. Маш. 58 л.

Северо-хорезмийские товары Ходжейлийского (=qoʻzeli) и Кыпчакского (=qirsaq) районов [по материалам экспедиции летом 1930 г.]. Рук. в двух вариантах — 17 л.+5 л. (без нумерации); 20 л.+2 л. (внутри, без нумерации).—Пл. 4. Отдельно даны: Говор 2 аула Ходжейлийского района. Рук. 8 л.—Пл. 4; Говор 7 аула Кыпчакского района. Рук., текст без пагинации, 7 л. (примеч.).—Пл. 4.

* Субъективный характер восприятий звуков языка. Маш. 28 л.

* Материалы Е. Д. Поливанова, сохранившиеся в пражском фонде Романа Якобсона, были получены Вяч. Вс. Ивановым в виде микрофильма из Института чешской литературы Чехословацкой АН в 1958 г. Описание их также дано в письмах Р. О. Якобсона Вяч. Вс. Иванову. На листах рукописей Е. Д. Поливанова из АЧАН стоит круглая печать архива Народного музея в Праге (*Narodní Museum v Praze. Titeální archiv*). Для материалов, имеющих в нашем распоряжении в виде микрофильма, указаны условные номера рулонов фотопленки. Названия остальных рукописей приводятся по письму Вяч. Вс. Иванову из Праги от 25.I.1958 г. (хранится в арх. А. А. Леонтьева), см. также СОЯ, с. 44—45.

Экземпляр, присланный Е. Д. Поливановым Р. Якобсону в Прагу, является, очевидно, русским оригиналом французского перевода данной работы, опубликованной в 1931 г., см. СОЯ, № 116; см. также СОЯ, с. 236—253, 324 (коммент. А. А. Леонтьева).

[Тексты и словарный материал по хорезмийскому говору г. Шорахан (около Турткуля). 16.IV.1931]. Рук. Разрозненные листы, всего 12 л.—Пл. 4.

Узбекский говор города Шорахан (на правом берегу Аму-Дарьи) [по материалам экспедиции летом 1930 г.]. Рук. 10 л.—Пл. 4.

[Фрагменты о яфетической теории]. Корректурa. 7 л.

* Письма Е. Д. Поливанова Якобсону Роману Осиповичу, лингвисту и литературоведу, 6: 1) без даты, из Ташкента. 4 л.—Пл. 3; 2) без даты [25.III.1933 ?], из Ташкента, л. 2—3 (без начала).—Пл. 3; 3) без даты (начало 30-х годов, из Ташкента). 3 л.—Пл. 3; 4) без даты. 4 л.—Пл. 3; 5) 7.III.1933 (из Ташкента). 2 л.—Пл. 3; 6) два обрывка письма, без даты. 2 л.—Пл. 3. Частично публикуются здесь, с. 284—288.

ЧАСТНЫЕ АРХИВЫ *

Архив Алпатова Владимира Михайловича (Москва)

Востоковедное языковедение в СССР (1917—1945). 1984. Маш., л. 13—18. Раздел в кн. История отечественного востоковедения. Т. 2 (в печати).

История изучения японского языка в России и СССР. Маш. Гл. 3. Поливанов как японовед. 42 л.; Гл. 4. Изучение японского языка в послеоктябрьский период, л. 1—9 и др. (в печати).

Е. Д. Поливанов как японовед. 1981. Рук. 58 л.

Переводы из сб. *Поливанов Е. Д. Исследования по японскому языку*. Пер. и сост. Мураяма Ситиро. Токио, 1978 (на яп. яз.).—Воспоминания Н. Поппе о Поливанове (март 1976 г.); *Сакума Канаэ*. Эпизод из истории акцентологических исследований (1930); *Мураяма Ситиро*. Поливанов в деревне Миэ (1972); *Мураяма Ситиро*. После­словие переводчика (1976). Маш. 20 л.

* Конспект статьи: *Сугито Миёко*. Поливанов в деревне Миэ префектуры Нагасаки.—Ученые записки женского колледжа Осака-син, 1983, № 20, с. 191—210 (на яп. яз.).

* Конспект статьи: *Сато*. Поливанов.—Гэнго. 1976, № 2, с. 98—103 (на яп. яз.).

[Архив Архангельского Николая Порфирьевича (Ташкент), см. Архив А. А. Леонтьева и В. Г. Ларцева]

Архив Ашнина Федора Дмитриевича (Москва)

Проект туркменской латиницы. 5.XII.1926. Рук. 1 л.

[Анкета] от Секции родных языков [КУТВа]. Сост. Е. Д. Поливанов. 1926. 12 л.

Е. Д. Поливанов как тюрколог. Текст доклада. 1981. Рук.

[Копии ряда работ Е. Д. Поливанова по тюркским языкам и выписки из архивных материалов].

* Материалы, отмеченные звездочкой, использованы в данной книге.

Архив Зинина Сергея Ивановича (Ташкент)

* Бо-Цзи-шэн. Метагlossы (Поэзы и кляксы). Сборник стихов Е. Д. Поливанова. Маш. См. также ЦГА УзССР, арх. Ларцева и Леонтьева.

Е. Д. Поливанов в Узбекистане. Тезисы к докладу. 1964. Маш. 6 л.

Е. Д. Поливанов и первые буквари в Узбекистане. Маш. 6 л.
Е. Д. Поливанов как поэт и переводчик. 1968. Маш. 12 л.

Архив Иванова Вячеслава Всеволодовича (Москва)

[Воспоминания о Е. Д. Поливанове. Записи бесед с:

- 1) *Кавериным Вениамином Александровичем*, писателем, 1954;
- 2) *Кузнецовым Петром Саввичем*, лингвистом, 1952;
- 3) *Петерсоном Михаилом Николаевичем*, лингвистом, 1952;
- 4) *Шкловским Виктором Борисовичем*, писателем и литературоведом, 1956].

Е. Д. Поливанов и теория исторического развития языка. Текст доклада. 1981. Рук.

[Переписка с Якобсоном Романом Осиповичем о Е. Д. Поливанове].

Архив Концевича Льва Рафаиловича (Москва)

Polivanov E. D. An Introduction into the Science of Language for the High Schools of Oriental Studies (in Russian). Leningrad, 1929. 4 p. (Publications of the Leningrad Oriental Institute).— Резюме на английском языке для книготорговой рекламы работы № 72 (см. СОЯ).

Перевод статьи: *Хаттори Сиро*. Поливанов Евгений Дмитриевич — Большой словарь японского языкознания. Токио, 1980, с. 837—838 (на яп. яз.). Маш. 2 л.

Е. Д. Поливанов как корейст. Текст доклада. 1981. Маш. 19 л.

Архив Ларцева Василия Григорьевича (Самарканд)

* Часовня копченой селедки (Из антирелигиозных мотивов дунганского фольклора). Авториз. маш. 2 л. См. Литературный Узбекистан. 1937, кн. 1, с. 170—171.

* Архивная справка Дальневосточного государственного университета (Владивосток) о Е. Д. Поливанове.

* Справка Государственного архива Приморского края. № 43 от 26.VIII.1964 [о пребывании Е. Д. Поливанова в ДВГУ в 1926 г.].

* Справка Прокуратуры СССР на имя Ю. Яншансина о реабилитации Е. Д. Поливанова. 4.IV.1963.

Воспоминания, записи бесед, письма и рукописные материалы о Е. Д. Поливанове:

*1. *Абдулина Эмма Шакировна* (Фрунзе). Письма В. Г. Ларцеву об архивах и методических работах Е. Д. Поливанова.

*2. *Абдуллаев Вахид Абдуллаевич* (Самарканд). Воспоминания о Поливанове. Запись беседы. 2 л.

*3. *Абражеев Александр Иванович* (Самарканд). Мои воспоминания о Е. Д. Поливанове. IX.1964. 3 л.

*4. *Авалиани Юлия Юльевна* (Самарканд). Поливанов и его время. Воспоминания начала 1984 г. Рук. 5 л.

*5. *Акбаров Махмуд Акбарович* (Фергана). Воспоминания о проф. Е. Д. Поливанове. Записал В. Г. Ларцев. 18.IX.1964. Маш. 1 л.

*6. *Арбузов Константин Николаевич* (Самарканд). Из рассказов о Е. Д. Поливанове. Записал А. Д. Хаютин. IX.1964. Рук. 1 л.

*7. *Архангельский Николай Порфирьевич* (Ташкент): а) К биографии Е. Д. Поливанова (Из личных воспоминаний). VIII—IX.1964. Маш. 14 л.; б) Воспоминания об Евгении Дмитриевиче Поливанове. 1962. Авториз. маш. 5 л. Неоконченный текст. Получен от А. А. Леонтьева; в) Письмо А. А. Леонтьеву. 17.IX.1964. 2 л. Содержит уточнения к статье Л. Ройзензона и А. Хаютина «Замечательный советский ученый» (Ленинский путь, 9.09.1964); г) Почтовая открытка А. А. Леонтьеву. 4.IX.1964. Содержит некоторые данные о Е. Д. Поливанове.

*8. *Батманова Любовь Васильевна* (Фрунзе). Из воспоминаний И. А. Батманова о Е. Д. Поливанове. Записал две беседы В. Г. Ларцев. Рук.

9. *Груза Вадим Викторович* (Ташкент). Из воспоминаний его отца (Виктора Романовича) о встречах с Е. Д. Поливановым в 1926 г. Записал П. А. Дачилов. 1964. Рук. 3 л.

*10. *Данилов Петр Александрович* (Ташкент). Воспоминания о профессоре Евгении Дмитриевиче Поливанове. 5.XII.1964. Маш. 6 л.

*11. *Зинин Сергей Иванович* (Ташкент): 1) Бо-Цзи-шэн. Метагlossы (Поэзы и кляксы). Сборник стихов Е. Д. Поливанова. Рук. См. арх. Зинина; 2) Поливанов как поэт и переводчик. Маш. 12 л. См. арх. Зинина; 3) Письмо В. Г. Ларцеву о Е. Д. Поливанове.

*12. *Зинделович Яков Осипович* (Самарканд). Мысли о Е. Д. Поливанове. Записал В. Г. Ларцев. 1964. Рук. 1 л.

*13. *Иванов Вячеслав Всеволодович* (Москва). Из воспоминаний об отце (писателе Всеволоде Иванове).

*14. *Каверин Вениамин Александрович* (Москва): 1) Трагедия Поливанова. IX.1964. Рук. 1 тетр. 16 л.; 2) Выступление на Самаркандской конференции. 1964; 3) Письмо В. Г. Ларцеву о Е. Д. Поливанове. 10.IV.1984.

*15. *Кардашев Михаил Сергеевич* (Ташкент). Воспоминания о Е. Д. Поливанове. Конец 1963 г. В виде двух писем А. А. Леонтьеву: 1) Рук. 10 двойных листов. 1 тетр.; 2) То же. Маш. 13 л.

*16. *Леонтьев Алексей Алексеевич* (Москва). Современное состояние разработки биографии и архивного наследия Е. Д. Поливанова (Совместно с др.). Маш. 21 л. Тезисы опубликованы в АВСЯЛНП, с. 3—4. См. также арх. Леонтьева.

17. *Лившиц С. Л.* (Ташкент). Из воспоминаний о Е. Д. Поливанове. Рук. 1 л. Частично опубликованы в: Ленинский путь. 19.09.1964.

*18. *Мааруфи Фахриддин* (Самарканд). Воспоминания о Е. Д. Поливанове. Записал на узбекском языке и перевел В. Головин. Маш. 2 л.

*19. *Малиновский Евгений Андреевич* (Самарканд). Е. Д. Поливанов в Самарканде (совместно с А. Д. Хаютиным). Маш. 8 л.

*20. *Насилов Дмитрий Михайлович* (Ленинград). Некоторые данные о поездке Е. Д. Поливанова в Японию в 1915 г. Маш. 4 л. См. также ЛО ААН.

*21. *Никитин Владимир Михайлович* (Рязань). Выступление на Самаркандской конференции. 1964. Маш. 1 л.

*22. *Паперный Зиновий Самойлович* (Москва). Письма В. Г. Ларцеву.

23. *Пестовский Б.* (Ташкент). Рец. на сборник стихов Бо-Цзишэна (Е. Д. Поливанова) «Метаглоссы (Поэзы и кляксы)» (совместно с Н. П. Архангельским). 1924. Получена от С. И. Зинина.

*24. *Рахимов Наби Рахимович* (Ташкент): 1) Воспоминания о Е. Д. Поливанове. Маш. 2 л.; 2) Письмо В. Г. Ларцеву. 14.I.1987. 4 л. (отклик на статью В. Г. Ларцева «Постоянное озарение...» в журн. «Звезда Востока», 1986, № 12, содержащий новые факты о Е. Д. Поливанове).

*25. *Реформатский Александр Александрович* (Москва): 1) Вопросник о жизни и трудах Е. Д. Поливанова (совместно с А. А. Леонтьевым), отправленный в 1962 г. К. К. Юдахину, Ю. Яншансину и др.; 2) Письмо Н. И. Ильиной (вдовы А. А. Реформатского) В. Г. Ларцеву. 1984.

*26. *Робель Леон* (Robel Léon, Париж), организатор Поливановского кружка во Франции. Письма В. Г. Ларцеву. З. 1985—1986.

*27. *Ройзензон Леонид Иванович* (Самарканд): 1) К изучению творческой биографии Е. Д. Поливанова (совместно с У. Т. Турсуновым). Рук. 18 л.; 2) Письма В. Б. Шкловскому и В. А. Каверину относительно проведения «поливановской» конференции в Самарканде (совместно с А. Д. Хаятиным).

*28. *Саади Абдурахман* (Ташкент). Ряд документов о Е. Д. Поливанове, переданных супругой Саади, Надеждой Михайловной, В. Г. Ларцеву.

*29. *Турсунов Улуг Ташмухамедович* (Самарканд). Выписки из стенограммы доклада Е. Д. Поливанова «О теории эволюции языка», прочитанного на лингвистическом семинаре в УзГНИИ (Ташкент) в марте 1933 г., ныне утраченной. Легли в основу неоконченной статьи «К изучению творческой биографии Е. Д. Поливанова» (совместно с Л. И. Ройзензоном).

*30. *Умняков Иван Иванович* (Самарканд): 1) Воспоминания о Е. Д. Поливанове. IX.1964. Маш. 5 л. Были отправлены 3.II.1969 с запиской на имя Р. И. Могилевского, одного из организаторов «поливановской» конференции в Самарканде. Копия хранится также в арх. Леонтьева; 2) Выступление на «поливановской» конференции. 1964. Маш. 9 л.

*31. *Хаятин Александр Давыдович* (Самарканд): 1) Материалы «поливановской» конференции в Самарканде 1964 г. и архивные материалы о Е. Д. Поливанове; 2) Е. Д. Поливанов в Самарканде (совместно с Е. А. Малиновским).

*32. *Хаджимурадов Махмуд* (дехканин из Самаркандской области). Выступление на «поливановской» конференции. 1964. Маш. 3 л.

*33. *Черинкиев Аалы* (Фрунзе). Материалы о Е. Д. Поливанове.

34. *Шелигран Зинаида Натановна* (Ташкент). Воспоминания о Е. Д. Поливанове. 13.XII.1964. Рук. 2 л. Записал П. А. Данилов.

*35. *Шкловский Виктор Борисович* (Москва): 1) Материалы о Е. Д. Поливанове из фонда В. Б. Шкловского в ЦГАЛИ; 2) Письмо в редакцию газ. «Ленинский путь». 30.08.1984. Маш. 3 л.

*36. *Яншансин Юсуп Янхаевич* (Фрунзе): 1) Воспоминания о моем учителе проф. Е. Д. Поливанове, июнь, 1984. Маш. 18 л. Записаны В. Г. Ларцевым; 2) Краткие дополнения к воспоминаниям о проф. Е. Д. Поливанове. 9.XI.1984. Рук. 2 л. Записал В. Г. Ларцев; 3) Список рукописных материалов проф. Е. Д. Поливанова в

фонде Института языка и литературы АН КиргССР (27 названий). Маш. 3 л. См. также арх. Леонтьева; 4) Письма: А. А. Реформатскому. 13.VII.1962. 3 л. (ответ на вопросник о Е. Д. Поливанове); В. Г. Ларцеву. 9.XI.1984.

Н. Я. Марр и Е. Д. Поливанов. Доклад. 1986. Маш. 16 л.

Использование в современных условиях методического наследия Е. Д. Поливанова. Доклад. 1987. Маш. 10 л.

Архив Леонтьева Алексея Алексеевича (Москва)

Айнский язык. Маш. копия. 2-й экз. 2 л. См. также ЦГАЛИ.

* Бо-Цзи-шэн. Метагlossы (Поэзы и кляксы). Сборник стихов Е. Д. Поливанова. Рукописная копия из арх. Н. П. Архангельского (см. арх. В. Г. Ларцева). 1 тетр. 8 л. Включает 24 стихотворения, порядок и состав которых несколько отличается от публикуемых в данной книге. Имеются также разночтения в тексте и строфике стихов.

* [Два стихотворения Е. Д. Поливанова]: а) Посвящается N китайскому отряду Южного фронта. «Их 600...»; б) Посвящается китайскому отряду N минно-подрывного батальона. «Их окружила белая свора...». Маш. копия. 2-й экз. 2 л. Из арх. Н. П. Архангельского. 16.XI.1961.

Еще о критериях единого слова. Фотокопия авториз. рук. из ЛО ААН. Тетр. 7, л. 86—95; тетр. 8, л. 67—85, 2 л. примеч. (видимо, перепутаны номера тетрадей). Имеется также маш. копия этого текста. 2-й экз. 15 л.

К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского (=т. н. бухарско-еврейского, или таджикско-еврейского) языка. Фотокопия рук. из ЛО ААН. 51 л. (пагинация автора), или 57 л. (архивная пагинация, с учетом изъятых автором л. 17—21 и др.). На обложке приписка Е. Д. Поливанова: «Посл[едняя] краткая редакция 1936 года. Убедительная просьба: Перед печатанием заручиться мнением профессора Фреймана, так как он является самым компетентным лицом в вопросах, которые затрагивает настоящая моя работа. Е. Поливанов».

Отличительные особенности туземно-еврейского языка (по сравнению с таджикскими говорами) как результат специфической экономической ситуации в прошлой истории туземно-еврейского коллектива. Маш. 36 л. По-видимому, оригинал работы № 121 (см. СОЯ). Передана в распоряжение редколлегии СОЯ В. А. Лившицем (Ленинград).

* Поэма «Ленин» (или «1917»). Глава IV. Маш. копия. 11 л. Авторский оригинал в Государственном музее В. В. Маяковского (Москва).

* Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса. Рук. Тетр. 1. л. 1—21 (на обложке указано, что всего 58 л.). Часть рукописи работы, опубликованной в СОЯ, с. 57—74.

Воспоминания о Е. Д. Поливанове. Записи бесед с:

1) *Архангельским Николаем Порфирьевичем* (Ташкент), педагогом и методистом. 2.VII.1963. Рук. 2 л.;

2) *Бернштейном Сергеем Игнатьевичем* (Москва), лингвистом. 20.IV.1962;

3) *Боровковым Александром Константиновичем* (Ленинград), лингвистом. 25.III.1962. Рук. 5 л.;

4) *Горнунгом Борисом Владимировичем* (Москва), лингвистом. 2.VIII.1962;

5) *Конрадом Николаем Иосифовичем* (Москва), востоковедом-филологом. I. 1962;

6) *Кузнецовым Петром Саввичем* (Москва), лингвистом. 8.VIII.1962. Рук. 2 л.:

7) *Лыткиным Василием Ильичем* (Москва), лингвистом. 3.V.1962;

8) *Массоном Михаилом Евгеньевичем* (Ташкент), археологом. IX.1964. Записал Н. П. Архангельский. Рук. 1 л.:

9) *Насиловым Владимиром Михайловичем* (Москва), лингвистом. 10.V.1962;

10) *Решетовым Виктором Васильевичем* (Ташкент), лингвистом. Середина 60-х годов;

11) *Шапиро Абрамом Борисовичем* (Москва), лингвистом. 5.V.1962.

[Из архива Н. П. Архангельского]: 1) К истории работы Е. Д. Поливанова над учебником русского языка для узбекских и др[угих] тюркоязычных школ Туркестанской АССР. 1922—1923. В папке имеются а) Маш. копия договора Е. Д. Поливанова и Л. И. Пальмина с К. К. Юдахиным, уполномоченным Научно-педагогической комиссии ГУС Туркнаркомпроса, о сдаче к печати рукописи «Русского букваря для школ тюркского (коренного) населения Туркестана». 1 л.; б) титул. л. «Учебника русского языка для школ коренного населения Туркестана». Вып. I. Букварь. Сост. Л. И. Пальмин и Е. Д. Поливанов. Предисл. Научно-педагогической комиссии Тур[кестанского] ГУСа. Рис. художника Г. К. Глинина. Ташкент, 1924. 1 л.; в) «Русский букварь для школ коренного населения Туркестана». 1-я редакция Поливанова. Тетр. 1. Рук 13 л. (одобрен К. Юдахиным 10.I.1924); тетр. 2. Рук., л. 14—18; тетр. 2А. Рук., л. 19—28; тетр. 2Б. Рук., л. 29—40 (л. 39 отсутствует). Опубликован в 1925 г., см. СОЯ № 47; 2) Невозможно молчать. Рук. 7 л. маш. 4 л. Опубликовано в газ. «Правда Востока». Ташкент, 2.10.1928; 3) Заявления, записки Е. Д. Поливанова в ГУС и другие учреждения. 1923—1925. 21 л.; 4) Краткий отзыв К. К. Юдахина на «Узбекскую грамматику» Е. Д. Поливанова. 10.V.1925. Рук. 1 л.; 5) Письмо Е. Д. Поливанова Архангельскому Н. П. III.1936. Маш. копия. 2 л., с коммент. Н. П. Архангельского.

[Из архива С. И. Зинина]. Латинский шрифт в турецких письменностях. Маш. копия. 5 л. Опубликовано в студенческом журнале «Восток», 1923, декабрь, а также в виде Приложения II в. его кн.: Проекты латинизации турецких письменностей в СССР. Ташкент, 1926. с. 12—15 (см. СОЯ № 58).

[Из архива И. И. Умнякова]. Воспоминания о Е. Д. Поливанове. Маш. 2-й экз. 5 л. См. также арх. Ларцева.

[Из архива М. С. Кардашева]. Воспоминания о Е. Д. Поливанове. Копия наборного экз. статьи с приложением «Об авторе воспоминаний» В. А. Бочина. См. «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1966, № 1.

[Из архива А. А. Холодовича]. Фрагмент работы по истории узбекского языка. Рук. Тетр. 3. Л. 034—044. Передан А. А. Леонтьеву в начале 60-х годов. См. СОЯ, с. 43.

Изосимова М. П. Список научных работ проф. Е. Д. Поливанова и литература о нем, имеющиеся в Фундаментальной библиотеке Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Маш. 2-й экз. 6 л. (71 название). Использован при составлении списка работ Е. Д. Поливанова, опубликованного в СОЯ, с. 31—47.

Письма о Е. Д. Поливанове, полученные А. А. Леонтьевым от:

1) Архангельского Н. П., 4.—а) 7.IX.1964. 3 л.; 6) 15.IX.1964; в) 3.VII.1973; г) 29.VII.1961 (в редакцию журнала «Новый мир» с просьбой напечатать два стихотворения Е. Д. Поливанова о китайцах-красноармейцах); см. также арх. Ларцева; 2) Бочина В. А., журналиста из Нукуса. 3.II.1966. Маш. 3 л. (о публикации воспоминаний М. С. Кардашева о Е. Д. Поливанове); 3) Зинина С. И., 2.—а) 13.III.1967; 6) 26.I.1968. Маш. 3 л. (о редких изданиях и рукописных работах Е. Д. Поливанова в ЦГА УзССР, 23 названия); 4) Коклиновой А. А. Без даты [о рукописи Е. Д. Поливанова 1926 г., принадлежавшей до 1958 г. Ф. Г. Исакову; рукопись содержит: а) анкету о современном состоянии и истории национальных письменностей, с образцом ответов (для узбекского языка). 5 л.; б) сводку данных о письменностях турецких народностей. 6 л.]; 5) Мещанинова И. И. 17.V.1962; 6) Реформатского А. А. 2.VI.1964; 7) Холодовича А. А., 2.—а) 10.X.1957; 6) без даты; 8) Лоя Яна Вилумовича. 3.V.1962.

Письма о Е. Д. Поливанове, посланные другим лицам и хранящиеся у А. А. Леонтьева: 1) из Архива АН УзССР в Институт языкознания АН СССР. 22.IX.1961; 2) из Института чешской литературы Чехословацкой АН Вяч. Вс. Иванову: а) 25.I.1958 (о рукописных работах Е. Д. Поливанова, хранящихся в фонде Р. Якобсона в Архиве Чехословацкой АН); б) 2.IV.1958 (о посылке микрофильма некоторых рукописей Е. Д. Поливанова); 3) письма Симановича Леонида Георгиевича (Рига) Кардашеву М. С. (Ташкент), 2.—а) 15.XII.1964 (отклик на статью М. С. Кардашева о Е. Д. Поливанове в газ. «Советская Каракалпакия», 24.XI.1964); б) 25.I.1965. 2 двойных л. (о последних днях жизни Е. Д. Поливанова и его жены) переданы В. А. Бочинным А. А. Леонтьеву в 1966 г.; 4) из ЦГАОР и СС (Москва) в Институт языкознания АН СССР. 25.III.1964.

Новое о Е. Д. Поливанове. Доклад в Институте языкознания АН СССР 24.IV.1962 г. и в Институте русского языка АН СССР. 28.IV.1962 г.

О рукописном наследии Е. Д. Поливанова. Доклад в Институте языкознания АН СССР в 1962 г. См. ВЯ, 1963, № 1, с. 96—98.

План издания избранных работ по востоковедению Е. Д. Поливанова. От редакции (совместно с другими). 1965. Маш. 3 л.; Комментарий к избранным работам. Маш. 2-й экз. 12 л.

Теоретические проблемы разноструктурных языков в системе научных взглядов Е. Д. Поливанова. 1981. Рук. 22 л.

В архиве А. А. Леонтьева хранятся также паспортная книжка отца Е. Д. Поливанова (Дмитрия Михайловича Поливанова), выданная Рижским полицейским управлением 20.IX.1896 г., ряд редких изданий и копий работ Е. Д. Поливанова и выписок из архивных материалов об ученом.

ADDENDA

Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (Ташкент)

Письма Е. Д. Поливанова: Маллицкому Николаю Гурьевичу (1935?).—Ф. 2231, оп. 1, д. 238; Вяткину Василию Лаврентьевичу, археологу.—Ф. 1591, В. Л. Вяткин, оп. 1, ед. хр. 99, л. 10б. (1928).

НЕНАЙДЕННЫЕ РАБОТЫ

Е. Д. ПОЛИВАНОВА *

Творческий потенциал Е. Д. Поливанова был огромен. Одна только библиография работ ученого, изданных при его жизни и после смерти, охватывает свыше 200 названий. К этому следует добавить еще около 60 рукописей, хранящихся в архивах. Вместе с тем очень многое из научного наследия Е. Д. Поливанова остается пока невыявленным.

Энтузиастам, занимавшимся реабилитацией имени Е. Д. Поливанова, подготовкой конференции в Самарканде в 1964 г. и изданием тома его избранных трудов — «Статьи по общему языкознанию» (М., 1968), удалось выявить много неизвестных работ ученого. Так, в архиве А. А. Леонтьева зафиксировано 46 названий ненайденных работ Е. Д. Поливанова, на которые имеются ссылки в архивах. На основании прямых свидетельств самого Е. Д. Поливанова, а также косвенных данных современников ученого и исследователей его творчества нами собрано более 200 названий ненайденных работ. Среди них, естественно, имеются как завершённые, так и незавершённые или даже оставшиеся только в замысле. Некоторые из них, вероятно, изданы полностью или частично, однако до сих пор не обнаружены. Возможно, часть ненайденных работ навсегда утрачена, но часть хранится в архивах бывших издательств и ведомств, с которыми сотрудничал Е. Д. Поливанов, а также в частных архивах. В помещаемый ниже список включены и названия курсов лекций, семинариев, докладов Е. Д. Поливанова. В нем отражены кроме того варианты названий ненайденных работ.

Мы надеемся, что публикуемый список послужит определенным ориентиром в поисках трудов этого замечательного ученого, которые известны пока лишь по названиям. Убедительная просьба к читателям в случае обнаружения разыскиваемых работ Е. Д. Поливанова сообщить в редакцию языкознания Главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

Каждое название документировано. Сведения, полученные из работ Е. Д. Поливанова и частных архивов, помечены в скобках в конце описания следующим образом: Алп.—В. М. Алпатов, Л.—А. А. Леонтьев, Лар.—В. Г. Ларцев, П.—Е. Д. Поливанов.

Условные сокращения источников: ААН-1 — ААН, ф. 677, оп. 3, д. 78 (личное дело Е. Д. Поливанова); ААН-2 — ААН, ф. 677, оп. 1, д. 12; Абдулина — *Абдулина Э. Ш.* Е. Д. Поливанов и теория обучения грамоте (из неопубликованного наследия). — РЯКШ. 1977, № 5;

* Раздел составлен Л. Р. Концевичем.

Вост. в Пг.—Востоковедение в Петрограде. 1918—1922... Пг., 1923; ГПБ—ГПБ, ф. 671, № 242 (письма Е. Д. Поливанова А. Н. Самойловичу); Иванов 1957—*Иванов Вяч. Вс.* Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова.—ВЯ. 1957, № 3; Леонтьев 1983—*Леонтьев А. А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983; Поливанов 1925—*Поливанов Е. Д.* Введение в изучение узбекского языка... Вып. 1. Ташк., 1925; Сб. в честь Шмидта—Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта... Ташк., 1923; Уч. зап. Иннарвос—Ученые записки Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1929; ЦГА УзССР—ЦГА УзССР, ф. 34, оп. 1, ед. хр. 1185.

Абхазский аналитический алфавит. / Доклад на секции языка и литературы Иннарвос 9.III.1928.—ААН, ф. 667, оп. 1, д. 33, л. 144 (П.); Уч. зап. Иннарвос, с. 243. Доклад на ту же тему в РАНИОН. 1927/28.—ААН-1, л. 23 (П.). Доклад содержит анализ абхазской фонетической системы и критику алфавита, предложенного Н. Я. Марром, как не удовлетворяющего ряду лингвистических и педагогических требований.

Акцентуация японского языка (или Акцентуационные системы японского языка). / Большая работа, подготовленная к печати в РАНИОН. 1926—1928.—ААН-1, л. 23 (П.); СОЯ, с. 146 (П.). Частично изложена в ряде других трудов Поливанова по японскому языку.—СОЯ, с. 320 (Л.).

Америки Маяковского. / Доклад в Доме искусств 20.XII.1920.—По сообщению В. Катаняна (Лар.).

Анализ творчества Маяковского. / Сборник статей.—(Лар.).

[Антивоенная пьеса]. Название неизвестно. Написана на испанском языке в начале первой мировой войны.—Леонтьев 1983, с. 46.

Антирелигиозные беседы для европейских школ II ступени. / Ташк. Начало 20-х гг.—СОЯ, с. 15.

Арабский живой язык (в окрестностях г. Бухары).—(Лар.).

Букварь [по предложенному Е. Д. Поливановым проекту тувинской письменности]. Зима 1928—1929.—(Л.).

Введение в изучение языков Дальнего Востока. / Курс для аспирантов РАНИОН. 1927/28.—ААН-1, л. 23 (П.); СОЯ, с. 20.

Введение в языкознание. / Курс лекций в САГУ. 1922—1924 (?).—Из письма М. С. Кардашева А. А. Леонтьеву 1963 (Л.).

Введение в языкознание для востоковедных вузов. Т. 2. / Маш. Том был на стадии корректуры, однако набор рассыпали.—См. т. 1 (1928); *Поливанов Е. Д.* Общий фонетический принцип... (ВЯ. 1963, № 1, с. 112). Том включал фонетическое описание японского и других восточных языков, раздел «Языкознание и поэтика (фонетическая теория мерной речи)» и др. (Леонтьев 1983, с. 48).

Введение в японскую диалектологию (для 3—8 семестров). 1916.—ЦГИАЛО, ф. 733, оп. 156, № 109, л. 87 (программа лекций Поливанова. 9.XII.1915).

Вечера у пр. П. Приключенческий роман. / Написаны 3—4 главы, посланные В. Шкловскому в 1929 г. из Самарканда.—ЦГАЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 669, л. 4. Найдена только «Правдивая история...», см. выше, с. 233—242.

Взаимозависимость конвергенций и дивергенций. / Неосуществленная статья (?) по теории конвергенций.—Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

- Вокализм азербайджанского языка. 1931.—СОЯ, с. 106 (П.).
- Вокализм ганджинского говора (совместно с Гасановым). Конец 1929.—ААН-1, л. 23 (П.). Ср. АЧАН «Перечень согласных...».
- Вокализм корейского языка. / Статья. 1926.—Из письма Е. Д. Поливанова В. В. Бартольдусу VIII.1926 (ААН). Ср. СОЯ № 4.
- Вопросы синтаксиса туземно-еврейского языка. 6 п. л.—(Лар.).
- Выбор объекта [для психофонетического эксперимента]. / Статья, подготовленная к печати в начале 30-х гг.—АЧАН, пл. 3 (П.).
- Выгоды выжидательной тактики в деле графической реформы. По поводу таджикского алфавита. / Статья, видимо, утеряна. 1926.—СОЯ, с. 199 (П.).
- Генезис иранизированных узбекских говоров. 1933—1935.—(Лар.).
- Генезис туземно-еврейского (= среднеазиатско-еврейского) языка.—(Лар.). Видимо, один из вариантов рукописи «К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского ... языка» (ЛО ААН) или «Введения» к «Грамматике среднеазиатско-еврейского языка» (см. ниже) (Л.).
- Говор дунган Джетысуйского района (выходцев из Ганьсу). / Подготовлена к печати в Иннарвос.—ААН-1, л. 49 (23.VIII.1927) (П.).
- Говор ферганских кыпчаков.—(Лар.). Ср.: Общая характеристика «собственно узбекских», или так называемых «кыпчакских» говоров узбекского языка (см. ниже).
- Гоон и кантон и их значение для истории китайского языка. / Второе пробное чтение лекций в качестве магистранта на фак-те вост. яз. Пг. ун-та. 13.XI.1915.—ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15802, л. 217об.
- Грамматика азербайджанского языка (совместно с Гасановым). / Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7—10 п. л.—ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.); Леонтьев 1983, с. 16.
- Грамматика казакского [=казахского] языка. / Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ.—ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.); Леонтьев 1983, с. 16.
- Грамматика калмыцкого языка (совместно с Дорджиновым). / Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7—10 п. л.—ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.); Леонтьев 1983, с. 16.
- Грамматика самаркандского говора таджикского языка.—(Лар.). Имелось несколько вариантов: а) Грамматика самаркандского таджикского говора (совместно с Б. И. Виноградовым). / Рук. предназначалась для издания в УзГНИИ (П.); б) Грамматический очерк самаркандского говора таджикского языка (совместно с Б. И. Виноградовым). / СГПА. 1930—1931. Была принята к печати Наркомпросом УзССР. Маш.—СОГА, ф. 521, оп. 2, ед. хр. 57, л. 38; в) Грамматика самаркандского говора таджикского языка. Краткий очерк. / Предлагалась к печати в изданиях АН СССР. 1930.—ГПБ (29.X.1930) (П.).
- Грамматика среднеазиатско-еврейского языка (или Туземно-еврейская грамматика). Рук. 1932.—Поливанов Е. Д. К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского... языка. Рук., л. 2 (ЛО ААН). Возможно, был вариант и 1936 г.
- Грамматика эрзя-мордовского языка (совместно с А. П. Рябовым). / Принята к печати в Иннарвос X.1928. 7—10 п. л.—ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.); Леонтьев 1983, с. 16. Е. Д. Поливановым были написаны две главы. Фрагмент грамматики был отправлен Р. О. Якобсону в Прагу в начале 30-х гг. (АЧАН, пл. 5).

Губная работа в японском. / Доклад в Неофилологическом обществе. 1916 (?).—Из воспоминаний С. И. Бернштейна 1962 (Л.).

Детские годы Лермонтова. / Статья для альманаха «Год ХХII». 1936—1937 (?).—ЦГАЛИ, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 215.

Диалектологический [и этимологический] словарь узбекского языка. 1925. 15—17 п. л.—ГПБ (29.X.1930) (П.). Часть его составлял «Фонетический словарь туркестанского говора» (ААН).

Диалектический принцип в описательной («статической») грамматике. / Доклад в УзГНИИ в Самарканде.—Поливанов Е. Д. Еще о критериях единого слова. Рук. Тетр. № 8, л. 84 (ЛО ААН).

[Доклад на подготовительном к Татарской языковой конференции собрании в Московском доме татарской культуры]. Весна 1929.—АЧАН, пл. 3 (П.).

[Доклад о долготах в туркменском языке] на заседании Туркестанского отделения РГО.—Новый Восток. 1924, № 5, с. 411.

[Доклад о латинском алфавите как факультативном средстве узбекской письменности] на Втором съезде узбекских работников просвещения в Ташкенте. 1922.—Поливанов Е. Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР. Ташк., 1926, с. 4.

[Доклады о лингвистической переписи Туркестана] на заседаниях ГУСа при Наркомпросе Турк. АССР 20.II.1923 и 6.III.1923.—Бюллетень Наркомпроса Туркеспублики, № 2, 20.III.1923, с. 14; № 3, 5.IV.1923, л. 14 (Л.).

[Доклад о фонетических предпосылках тюркских алфавитов]. Планировался для I Тюркологического съезда. 1924.—Из воспоминаний А. К. Боровкова 1962 (Л.).

[Доклады по исторической грамматике и диалектологии японского языка] в Неофилологическом обществе и японском отделе Общества востоковедения.—СОЯ, с. 146 (П.).

[Доклады по языкознанию] в Неофилологическом обществе, в Русско-японском обществе, в Восточном отделении РАО. 1912—1914.—Леонтьев 1983, с. 8.

Еще о критериях единого слова (или Еще о критериях самостоятельного слова). / Из восьми тетрадей сохранились две (№ 7 и 8). Рук.—ЛО ААН; ВЯ. 1960, № 4, с. 112 (П.).

За марксистское языкознание. М., ГИЗ [а не «Федерация»!], 1924—1925 (?).—Из письма М. С. Кардашева А. А. Леонтьеву в конце 1963; из воспоминаний А. К. Боровкова 1962 (Л.). Это — первое издание, пока не найденное.

Записки любопытнейших историй.—(Лар.). См. Ташкентское дно.

Изменение русской транскрипции китайских иероглифов в связи с новой русской орфографией. / Доклады в Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН и в Восточном отделении РАО. 1921.—Вост. в Пг., с. 24—25.

Из области исторической японской фонетики. / Доклад в Иннарвос. 1927/28.—Уч. зап. Иннарвос, с. 242. Ср. ниже: Историческая фонетика японского языка.

И математика может быть полезной... / Расширенный вариант статьи был опубликован еще до ее издания в сб. «За марксистское языкознание» (1931).—По воспоминаниям М. С. Кардашева (СОЯ, с. 325).

Историческая фонетика китайского языка в связи с китайскими заимствованиями в японском (для 7—8 семестров). 1916.—ЦИАЛО, ф. 733, оп. 156, № 109, л. 87 (программа лекций Е. Д. Поливанова. 9.XII.1915).

Историческая фонетика китайского языка. / Монография, подготовленная к печати.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Историческая фонетика персидского языка. / Монография, подготовленная к печати.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Историческая фонетика русского языка. / Монография, подготовленная к печати.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Историческая фонетика турецких языков. / Монография, подготовленная к печати.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Историческая фонетика французского языка. / Монография, подготовленная к печати.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Историческая фонетика чувашского языка. / Курсы для аспирантов РАНИОН (1926—1928) и Иннарвос (1927/28).— ААН-1, л. 23; ААН-2, л. 82 (П.).

Историческая фонетика японского языка. / Монография, подготовленная к печати. 1923.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.). Имелось несколько вариантов: а) Предложена к печати в Иннарвос. Включала: I. Консонантизм; II. Музыкальная акцентуация.— ААН-1, л. 49 (23.VIII.1927) (П.); б) Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7—10 п. л.— ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.). Видимо, частично сохранилась в архиве Р. О. Якобсона в Праге (АЧАН)*; см. СОЯ, с. 319; в) Историческая фонетика японского языка со статистической характеристикой образцов главнейших диалектных систем. / Из нескольких глав сохранилась гл. 4, опубликованная под названием «Категории согласных в японском языке» (1959; см. СОЯ, № 140). Издан также план монографии (Алп.). См. выше, с. 44.

История эволюции узбекского языка. / Статья. 1936 — Поливанов Е. Д. К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского... языка. Рук., л. 51 (ЛО ААН).

Казахский язык среди языков мира. / Статья. На каз. яз. Находилась в печати. 1930—1931.— ЦГАЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 669, л. 5.

Категория палатализованных согласных и ее относительная фонетическая неустойчивость. / Статья. Видимо, напечатана в одном из среднеазиатских периодических изданий в 20-х гг.— Из воспоминаний М. С. Кардашева (ВЯ. 1963, № 1, с. 110) (Л.).

[Киносценарий о басмачестве]. Название неизвестно. Получил премию в 30-е гг.— Из воспоминаний А. К. Боровкова 1962 (Л.).

Китайские чтения турецких имен в китайских надписях на орхонских памятниках. / Статья, посланная в ДАН С. Ф. Ольденбургу. 1925.— Из письма Е. Д. Поливанова Н. Я. Марру 20.VIII.1925 (ЛО ААН, ф. 800, оп. 3, № 761, л. 5). Не является ли вариантом работы № 70 (СОЯ)?

Китайский словарь. / Готовился в РАНИОН в 1926—1928.— ААН-1, л. 23 (П.); Леонтьев 1983, с. 16.

Конвергенция в условиях гибридных и метисованных языков и говоров. / Неосуществленная (?) статья по теории конвергенций.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Конвергенция крупных фонетических величин (например, слоговых представлений). / Неосуществленная (?) статья по теории конвергенций.— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Конвергенция мелодических (музыкально-акцентуационных) пред-

* Е. Д. Поливанов еще в 1926 г. предлагал В. В. Бартольд у напечатать восемь отдельных работ по исторической фонетике японского языка (ААН) и в 30-е гг. планировал издать серию монографий по историческим фонологиям разных языков в Праге (СОЯ, с. 113).

ставлений. / Неосуществленная (?) статья по теории конвергенций.—Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.). Частично опубликована в 1917 г., см. СОЯ № 10.

Конвергенция с точки зрения индивидуальной (детской) психологии и с точки зрения истории языка. / Неосуществленная (?) статья по теории конвергенций.—Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

Консонантизм чеченского (плоскостного) языка (совместно с Яндаровым). / Предложен к изданию в Иннарвос. 27 XII.1929.—Леонтьев 1983, с. 16.

Краткая характеристика ходжентского говора таджикского языка (совместно с Б. И. Виноградовым). / СГПА. 1930—1931. Принята к печати в изданиях АН СССР. Авториз. маш.—СОГА, ф. 521, оп. 2, ед. хр. 57, л. 38; Архив ЛО ИВ АН СССР (26.XI.1930).

Краткая фонетика японского языка. / Видимо, часть рукописи, хранящейся в АЧАН. Имелось несколько вариантов.—(Алп.); Леонтьев 1983, с. 14.

Краткая фонетическая характеристика китайского языка. / Доклад в Иннарвос и РАНИОН. 1926/27.—Уч. зап. Иннарвос, с. 241; ААН-1, л. 23 (П.); см. СОЯ № 61 и 73.

Краткий очерк гармского говора таджикского языка (совместно с Б. И. Виноградовым). / СГПА. 1930—1931. Маш.—СОГА, ф. 521, оп. 2, ед. хр. 57, л. 38.

Краткий очерк узбекских говоров Хорезма. / Статья, посланная в ДАН А. Н. Самойловичу. 1930.—ГПБ (29.X.1930) (П.).

Курс китайского языка. / САГУ. 1921—1924.—СОЯ, с. 18.

Курс лекций по истории литератур Востока. / Высший литературно-художественный институт. 1924.—(Лар.).

Курс лекций по японской диалектологии. / Фак-т вост. яз. Пг. ун-та. 1915—1921.—ЛО ЦГАОР и СС, ф. 7240, оп. 14, д. 99, л. 5; СОЯ, с. 146.

Курс научной грамматики русского языка. / Для аспирантов УзГНИИКС в Ташкенте. 1931.—СОЯ, с. 28.

Курс общей этнографии. / САГУ. 1925.—СОЯ, с. 18.

Курс политграммы (на узб. яз.). / Предложен к изданию в акционерное общество «Туркпечать». 1925.—Поливанов 1925, с. 4 обложки.

Курс социологического языкознания. Учебник. 1933—1935 (?).—(Лар.). Ср. ниже: Социология и лингвистика.

Курс сравнительной грамматики тюркских языков. / Просеминарий для аспирантов Иннарвос. 1926/27.—ААН-2, л. 4 (П.).

Курс формальной поэтики. / САГУ. 1921—1924.—СОЯ, с. 18; Леонтьев 1983, с. 53.

Латинизация и акцентуация киотоского глагола. / Статья, предлагавшаяся автором Р. О. Якобсону в начале 30-х гг.—АЧАН, пл. 3.

Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. Изд. 3-е. Берлин, 1924. 8 п. л.—ААН-1, л. 22 (П.). Я. Лоя редактировал в 1937 г. сильно исправленную рукопись «Лекций...».—Из письма Я. Лоя А. А. Леонтьеву 3.V.1962 (Л.).

Лекции по эволюции религий. / Партшкола. Ташк. 1923. Предложены к печати через ГУС Наркомпроса Турк. АССР в ГИЗ. 6 п. л.—ЦГА УзССР, л. 117.

Лингвистические методы в применении к китайскому и японскому языкам (для I—II семестров). / Из программы лекций магистранта Е. Д. Поливанова в качестве приват-доцента в Пг. ун-те.—ЦГИАЛО, ф. 733, оп. 156, № 109, л. 87 (9.XII.1915).

Маргеланский говор узбекского языка.—(Л.).

Материалы по грамматике узбекского языка. Т. 2. Фонетика: Т. 3. Морфология (Словоизменение). / Подготовлены для издания УзНИИЯЛ. 6 п. л.— (Л.; Лар.).

Материалы по узбекской диалектологии. 1931. Рук. Ок. 50 п. л. / Были посланы в Институт языка и мышления. Судьба их неизвестна.— Из воспоминаний А. К. Боровкова 1962 (Л.).

Маяковский как революционный поэт. / Статья для журн. «Искусство и жизнь» (Ташк.).— Анонс в журн. «Искусство и жизнь», март 1922, № 1, с. 24.

Методическое пособие к преподаванию русского языка в узбекской школе. 1925.— ЦГА УзССР, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 266, л. 20; Абдулина, с. 29.

Методология и методика изучения современных классовых диалектов. / Брошюра.— (Лар.).

Методы сравнительного описания диалекта. / Доклад в РАНИОН. 1927 (?).— СОЯ, с. 20.

Морфологическая классификация Щербы. / Доклад в секции русского языка КУТВ. 1928/29.— СОЯ, с. 20.

Морфологические особенности опорных диалектов узбекского языка (совместно с И. А. Батмановым). 3 п. л.— (Лар.).

Морфологическое описание говора Киото. / Осуществлено частично. Япония. 1914—1916.— Архив ЛО ИВ АН СССР (Алп.).

Морфологическое описание говора Токио (совместно с Ор. В. Плетнером). / Япония. 1914—1916.— Архив ЛО ИВ АН СССР (Л.).

Морфологическое описание нагасакского говора (дер. Миэ). / Статья, предлагавшаяся автором Р. О. Якобсону в начале 30-х гг.— АЧАН, пл. 3.

Морфологическое описание южнояпонских рюкюских диалектов.— (Алп.).

Музыкальное ударение в говоре Киото. / Япония. 1914—1916.— Архив ЛО ИВ АН СССР (Л.).

Народный эпос (1-я часть истории мировой литературы для перевода на киргизский язык). / Ташк. Начало 20-х гг.— СОЯ, с. 15.

Научная грамматика узбекского языка. / Плановая работа 1931 г. 10 п. л. Срок выполнения — III.1933. Выполнена частично.— СОГА, ф. 521, оп. 1, ед. хр. 42, л. 48. Программа по научной грамматике публикуется выше, с. 92—94.

[Научные (лингвистические) основы методики преподавания русского языка в тюрко-татарских школах]. Задумано как введение к одному из учебных пособий. III.1929.— ААН-1 (П.).

Начальный курс русского языка с орфографическими упражнениями (для 1 класса киргизской школы). / Фрунзе. 1934 (?) — (Лар.).

Начальный учебник русского языка для тюркских школ (совместно с К. К. Юлахиным). / Издательский план ГУСа на 1-е полугодие 1923/24.— ЦГА УзССР, ф. 34, оп. 1, ед. хр. 2101. л. 21; Абдулина, с. 28—29. Видимо, один из вариантов букваря «Мак» (1925), см. СОЯ № 47.

Несколько узбекских суеверий как материал для сравнительного анализа религиозных верований. / Предложена через ГУС Наркомпроса Турк. АССР в ГИЗ. V.1923. 1,5 п. л.— Из письма ГУСа Е. Д. Поливанову 27.I.1925 (ЦГА УзССР, л. 117); Абдулина, с. 27.

[О блатном языке]. Рук., хранившаяся у С. Б. Болотина в 20-х гг.— Из воспоминаний А. А. Реформатского 1964 (Л.). Видимо, копия работы, опубликованной в сб. «За марксистское языкознание», см. СОЯ № 111.

Образцы ферганских говоров: андижанского и кокандского. / Работа, предложенная к печати в Иннарвос.— ААН-1, л. 48 (23.VIII.1927) (П.).

Образцы фонетических систем современного уйгурского языка.— (Лар.).

Об узбекских диалектах. / Доклад в Иннарвос. 1926/27.— Уч. зап. Иннарвос, с. 240.

Общая характеристика «собственно узбекских», или так называемых «кыпчакских» говоров узбекского языка. / Работа, предложенная к печати в Иннарвос.— ААН-1, л. 49 (23.VIII.1927) (П.).

О влиянии наркотиков на языковое сознание человека. / Статья. 1935—1937 (?).— Из воспоминаний В. Б. Шкловского (Письмо в газ. «Ленинский путь» 30.08.1984) (Лар.).

О генезисе иранизированных говоров узбекского языка. / Статья, подготовленная к печати.— Из письма Е. Д. Поливанова В. В. Бартольд у VIII. 1926 (ААН). Видимо, опубликована в 1928 г. на франц. яз., см. СОЯ № 93а и 94.

[О диалектах Причирчикского края]. Рук. 1924.— Из воспоминаний А. К. Боровкова 1962 (Л.). Рукопись может находиться в отчетах комиссии в делах Средазбюро.

О дисиллабизме китайского языка. / Доклад, предлагавшийся А. Н. Самойловичу для прочтения в Туркологическом кабинете.— ГПБ (10.IX.1919) (П.).

О лингвистической переписи [Туркестана]. / Доклад на заседании ГУСа. 1923.— СОЯ, с. 17.

Описательная грамматика японских языков [включая, видимо, рюкюский]. / Курс для аспирантов РАНИОН. 1927/28.— СОЯ, с. 20.

О понятии психолингвистики. Рук.— (Л.).

О построении марксистской лингвистики. / Доклад в РАНИОН. 1928.— СОЯ, с. 21. Ср. выше: Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория (ААН).

О принципах построения турецкой грамматики. / Доклад. Ташк. 1921. Рук.— (Лар.). Тезисы см. СОЯ № 23.

О проекте тунгусского алфавита. / Доклад в Иннарвос. 1927/28.— Уч. зап. Иннарвос, с. 243.

[О происхождении китайского и японского языков]. Предложена к печати в РАНИОН. 1926—1928.— ААН-1, л. 23 (П.); Леонтьев 1983, с. 16. Ср. ниже: Происхождение японского языка и японцев.

Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам. Ч. II. / Рук. послана УзГИЗом на рецензию в НИИ педагогики. Ташк. 1936.— Из письма Е. Д. Поливанова Н. П. Архангельскому III.1936 (Л.). Часть I была издана в 1935 г., см. СОЯ № 128.

О родстве корейского и урало-алтайских языков (или Тождество корейского языка с урало-алтайскими; О принадлежности корейского языка к «алтайским»). / Доклады в Иннарвос и РАНИОН. 1926/27.— Уч. зап. Иннарвос, с. 240; ААН-1, л. 23 (П.); СОЯ, с. 20. Видимо, легли в основу статьи в СОЯ № 69 и с. 156—164.

О самодовлеющей функции конвергенций в историко-фонетическом процессе. / Утеряна до 1923 г. Частично восстановлена в виде статьи «Фонетические конвергенции».— Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.). Последняя перепечатана Вяч. Вс. Ивановым в ВЯ, 1957, № 3, с. 77—83.

О теории эволюции языка. / Доклад на лингвистическом семинаре в УзГНИИКС. Ташк. 26.III.1933. [Стенограмма его, хранившаяся у У. Т. Турсунова, ныне утеряна].— Из неопубликованной статьи У. Т. Турсунова и Л. И. Ройзензона «К изучению творческой био-

графий Е. Д. Поливанова» (Лар.); из переписки Е. Д. Поливанова с Р. О. Якобсоном (АЧАН, пл. 3). Ср. ниже: Теория эволюции языка.

Отрицательные (мнимые) конвергенции. / Неосуществленная (?) статья по теории конвергенций.—Сб. в честь Шмидта, с. 115 (П.).

[Оценка перспектив, имеющихся у разных национальных алфавитов (на почве общего письма и общего языка)]. Работа по заказу Ассоциации востоковедения. 1923 (?).—Поливанов Е. Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР. Ташк., 1926, с. 16.

Очерк грузинской фонетики.—Леонтьев 1983, с. 16.

Очерк языка самаркандских евреев. / Подготовлен к печати в изданиях АН СССР. Конец 1929 г.—ААН-1 (П.).

О японской транскрипции (или О русской транскрипции японских слов и имен). / Статья, подготовленная к печати. 1936.—Поливанов Е. Д. К вопросу о происхождении среднеазиатско-еврейского... языка. Рук., л. 51 (Ю ААН).

О яфетической теории акад. Марра. / Доклад в РАНИОН. 1928.—ААН-1, л. 22об. (П.). Ср. выше: Абхазский аналитический алфавит. Там же было второе выступление Е. Д. Поливанова — «Дополнительные вопросы в связи с критикой яфетической теории».

[Перевод «Песни Мефистофеля» с немецкого на узбекский].—Из воспоминаний М. С. Кардашева (Лар.).

[Перевод стихов Аалы Токомбаева с киргизского на русский]. Фрунзе. 1934—1937.—(Лар.).

[План издания серии учебников русского языка для тюркоязычных школ]. Фрунзе. 1934—1937.—(Лар.).

[Подстрочные переводы произведений киргизских поэтов и прозаиков на русский язык]. Фрунзе. 1934—1937.—Из воспоминаний Ю. Яншансина (Лар.).

Полная грамматика узбекского языка. / Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7—10 п. л.—ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.).

Практический словарь узбекского языка (Русско-узбекский). / Предложен к печати в Иннарвос.—ААН-1, л. 49 (23.VIII.1927) (П.). Не расширенный ли вариант работы № 57 (СОЯ)?

Принципы сравнения языков малайских и японского. / Доклад в Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. 1921—1923 (?).—Вост. в Пг., с. 24—25.

Принципы статико-фонетического описания языка (совместно с М. Н. Петерсоном). / Доклад в РАНИОН. 1927 (?).—СОЯ, с. 20.

Проблемы эволюции языка. / Доклад в РАНИОН. 1926—1927 (?).—СОЯ, с. 20.

Проект айсорского алфавита. / Доклад в Иннарвос. 1928/29.—Уч. зап. Иннарвос, с. 246.

Проект программы по русскому языку для начальных политехнических школ коренных национальностей (совместно с И. А. Батмановым). / Самарканд. 1930 (?).—СОЯ, с. 27—28.

Проект тувинской письменности. Зима 1928—1929.—(Л.).

Происхождение японского языка и японцев. / Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7—10 п. л.—ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.).

Процесс падения сингармонизма в ташкентско-бухарской группе узбекских говоров. / Предложена к печати в Иннарвос.—ААН-1, л. 48 (23.VIII.1927) (П.).

Рифмология В. В. Маяковского. / Обширная работа. 1921—1924.—Леонтьев 1983, с. 53. Фрагмент — в ЦГА УзССР; краткое содержание опубликовано А. А. Леонтьевым в «Известиях АН СССР. ОЛЯ». 1980, т. 39, № 2, с. 153—162.

Руководство по диалектологической работе для краеведческих организаций СССР. 7 п. л.— ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.); Леонтьев 1983, с. 16.

Руководство по собиранию лингвистических материалов. / Курс, читавшийся в ТВИ. 1923.— Из воспоминаний А. К. Боровкова 1962 (Л.); Бюллетень Наркомпроса Туркеспублики. № 2, 20.III.1923, с. 14; № 3, 5.IV.1923, с. 14; СОЯ, с. 17; Абдулина, с. 27.

Русская грамматика для узбеков.— (Лар.). Видимо, вариант работы СОЯ № 119.

Русский литературный язык в революционную эпоху. Рук.— Леонтьев 1983, с. 15, 46. Видимо, статья для «Сборника по теории поэтического языка», вып. 6 (АЧАН).

Русский язык в туркестанской школе. / Предложена к печати в акционерное общество «Туркпечать». 1925.— ЦГА УзССР, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 266, л. 20; Поливанов 1925, с. 4 обложки; Абдулина, с. 29.

Русско-таджикский словарь. / Предложен к изданию в РАНИОН. 1926—1928.— ААН-1, л. 23; Леонтьев 1983, с. 16.

Русско-узбекский «грамматический» словарь (на 10 тысяч основ). / Неосуществленная (?) работа.— Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташк., 1933, с. 3; Иванов 1957, с. 63; Леонтьев 1983, с. 64.

Самаркандский говор узбекского языка (по материалам экспедиции 1927 г.). / Доклад в Иннарвос. 1927/28.— Уч. зап. Иннарвос, с. 242. Частично опубликован, см. СОЯ № 83.

Сборник фонетических записей по опорным говорам [узбекского языка?]. 5 п. л.— (Лар.).

Свод поэтик (Corpus poetiarum). / Замысел большой работы, в которой Е. Д. Поливанов «собирался сопоставить особенности строя отдельных языков мира с особенностями поэтики соответствующих литератур».— Из воспоминаний В. Б. Шкловского (Иванов 1957, с. 65); Леонтьев 1983, с. 48, 54.

Семинарий по общему языкознанию (для 1 курса). / Для аспирантов Иннарвос. 1927/28.— ААН-2, л. 82 (П.).

Семинарий по турецким языкам. Чтения диалектологические. / Для аспирантов 2 курса Иннарвос. 1927/28.— ААН-2, л. 82 (П.).

Семинарий по турецким языкам. Чтение памятников древних турецких языков. / Для аспирантов 2 курса Иннарвос. 1927/28.— ААН-2, л. 82 (П.).

Систематический курс русского языка в сопоставлении с узбекским языком. / Предложен к печати в УзГИЗ. 1929—1931.— СОГА, ф. 521, оп. 6, ед. хр. 30, л. 106. Не является ли вариантом работы № 119 (СОЯ) ?

Словарные материалы и тексты по говорам Хорезма. 1931. Около 20 п. л.— Часть в АЧАН, пл. 4.

Словарь блатной музыки (воровского аргю). / Составлял по договору с МУРОМ. 1923.— Из воспоминаний М. С. Кардашева (Л.).

Современная Япония. / Брошюра, предложенная к печати через ГУС Наркомпроса Турк. АССР в ГИЗ. V.1923. 3 п. л.— ЦГА УзССР, л. 117.

Современное состояние японской диалектологии. / Первое пробное чтение лекций в качестве магистранта на фак-те вост. яз. Пг. ун-та. 16.X.1915.— ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15802, л. 214—214об.

Современные штудии по сравнительной грамматике японских языков [включая, видимо, рюкюский]. / Курс для аспирантов РАНИОН и Иннарвос. 1927/28.— ААН-2, л. 97 (П.); СОЯ, с. 20.

Состояние национальных письменностей народов СССР. / Материал для докладной записки в КУТВ. IX.1926. Рук.—Из письма А. А. Кокляновой А. А. Леонтьеву 8.V.1962 (Л.). Рукопись включала: 1) анкету о современном состоянии и истории национальных письменностей с образцом ответов на узбекском языке. 5 л.; 2) сводку данных, составленных на основе ответов на анкету, о письменности: якутов, казахов, киргизов, узбеков, туркмен, татар, чувашей, азербайджанцев, карачаевцев, шорцев, хакасов. 8 л. Видимо, частично опубликована, см. СОЯ № 58.

Социология и лингвистика. / Курс для аспирантов 2 года обучения в Иннарвос. 1927/28.—ААН, ф. 677, оп. 4, д. 12, л. 82 (П.). Ср. выше: Курс социологического языкознания.

Сравнительная фонетика тибето-китайских языков. / Курс для аспирантов РАНИОН. 1927/28.—ААН-1, л. 23 (П.); СОЯ, с. 20.

Сравнительное изучение турецких языков. / Семинарий для аспирантов РАНИОН (1927/28) и Иннарвос (1928/29).—ААН-1, л. 23 (П.); Уч. зап. Иннарвос, с. 246.

Сравнительные штудии по грамматике алтайских языков. / Курс для аспирантов РАНИОН. 1926—1928.—ААН-1, л. 23 (П.); СОЯ, с. 20.

Статическое и историческое исследование языков советского и зарубежного Востока. / По этой коллективной теме вел (совместно с Б. К. Пашковым) исследования в области языков Дальнего Востока в Иннарвос. 1928/29.—Уч. зап. Иннарвос, с. 246.

Таджикская грамматика. / Первоначально предложена к печати в акционерное общество «Туркпечать» (1925), затем в РАНИОН (1926—1928).—Поливанов 1925, с. 4 обложки; ААН-1, л. 23 (П.); Леонтьев 1983, с. 16.

Ташкентский диалект (Материалы по лингвистической переписи Туркестана. № 4. Турецкая серия). / Предложена к печати через ГУС Наркомпроса Турк. АССР в ГИЗ. V.1923. 7—8 п. л.—ИГА УзССР, л. 117. Работа включала: 1) Тексты, 2) Фонетику и 3) Морфологию; видимо, частично опубликована, см. СОЯ № 46.

Ташкентское дно. [Серия материалов 20-х гг.].—Из воспоминаний М. С. Кардашева 1963 (Л.).

Тексты по говорам Киото, Тоса, дер. Морочи, дер. Миэ (Нагасаки), с переводом и частично с грамматическим комментарием. / Япония. 1914—1916.—Архив ЛО ИВ АН СССР (Алп.). Частично опубликованы, см. СОЯ № 2, 3, 9, 52, 53, 79.

Тексты ташкентского, самаркандско-узбекского и других узбекских говоров. / Предложены к печати в Иннарвос.—ААН-1, л. 49 (23.VIII.1927) (П.).

[Теория конвергенций]. Спецкурс в Пг. ун-те (1920/21) и доклады в Неофилологическом обществе и Московском лингвистическом кружке (1921).—СОЯ, с. 99 (П.).

Теория фонетической эволюции языка как трудового процесса. / Доклад в РАНИОН. 1928.—ААН-1, л. 22об. (П.). Видимо, опубликован, см. СОЯ № 75.

Теория эволюции сходных языков. / Курс для аспирантов РАНИОН. 1926—1928.—ААН-1, л. 23 (П.).

Теория эволюции языка. / Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 6 п. л.—ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.). Первоначальный вариант частично опубликован, см. СОЯ № 27 (на узб. яз.) и 75. На эту же тему Е. Д. Поливанов предлагал Р. О. Якобсону написать совместную работу (см. выше письмо Р. О. Якобсону 7.III.1933). Читал также курс в Иннарвос. 1926/27.—ААН-2, л. 1 и др.

Туркмено-русский и русско-туркменский словарь. / Подготовлен в РАНИОН. 1926—1928.— ААН-1, л. 23 (П.); Леонтьев 1983, с. 10.

Туркменская грамматика. / Предложена к печати в акционерное общество «Туркпечать». 1925.— Поливанов 1925, с. 4 обложки. Фрагменты в АЧАН.

Узбекская хрестоматия. / Предложена к печати в акционерное общество «Туркпечать». 1925.— Поливанов 1925, с. 4 обложки.

Узбекский и таджикский говоры города Самарканда. / Предложены к печати в Иннарвос.— ААН-1, л. 48 (27.VIII.1927) (П.); Леонтьев 1983, с. 16.

Узбекско-русский словарь. / Предложен к печати в акционерное общество «Туркпечать». 1925.— Поливанов 1925, с. 4 обложки.

Умлаутные говоры узбекского языка (уйгурско-узбекское языковое соответствие).— (Лар.).

Условия антирелигиозной пропаганды на Востоке. / Принята к печати в журн. «Атеист». 1923.— Из письма С. И. Зинина А. А. Леонтьеву 26.I.1968 (Л.); Абдулина, с. 27 (из письма ГУСа Е. Д. Поливанову 27.I.1925).

Фонетика японского языка. / Монография, первоначально подготовленная к печати в МИВ. 1924 (см. СОЯ, с. 146), затем в РАНИОН. 1926—1928 (ААН-1, л. 23); в начале 30-х гг. была также послана Р. О. Якобсону для «Трудов Пражского лингвистического кружка», см. АЧАН (П.).

Фонетическая характеристика японского языка. / Вступительная лекция магистранта Е. Д. Поливанова в качестве приват-доцента Пг. ун-та. 29.I.1916.— (Л.).

Фонетические словари диалектов Нагасаки (дер. Миэ, около 10 тыс. слов), Токио (около 1200 слов; совместно с Ор. В. Плетнером), Киото (около 14 тыс. слов), Нафа (о-ва Рюкю), Тоса. / Япония. 1914—1916.— Архив ЛО ИВАН СССР (Алп.).

Фонетический словарь турецких наречий Туркестана (или Фонетический словарь туркестанского говора; Диалектологический словарь узбекских говоров). / Предложен к печати в Иннарвос.— ААН-1, л. 48 (23.VIII.1927) (П.); Абдулина, с. 27 (из письма ГУСа Е. Д. Поливанову 27.I.1925).

Фонетический словарь туркменского языка. / Принят к печати Центриздатом народов Востока. 1927.— Поливанов Е. Д. К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке (ДАН СССР. Серия В, 1927, № 7, с. 153).

Фонетическое и морфологическое описание диалекта Тоса. / Япония. 1914—1916.— (Алп.). Издан только очерк фонетики диалекта Тоса; см. СОЯ № 79.

Фонетическое описание ревельского говора эстонского языка (или Долготы и музыкальная акцентуация в эстонском языке [ревельский говор]). / Подготовлена к печати.— ААН-1, л. 49. (23.VIII.1927) (П.); Леонтьев 1983, с. 16.

[Хивинские материалы]. Начало 30-х гг.— Из переписки с Р. О. Якобсоном (АЧАН, пл. 3) (П.).

Ходжентский говор таджикского языка (совместно с Б. И. Виноградовым). / Отправлена А. Н. Самойловичу в Туркологический кабинет Х. 1930.— ГИБ (29.X.1930) (П.).

Чтение и письмо в связи с фонетикой нерусских народностей. / Доклад на конференции преподавателей русского языка в Москве. 1928.— ААН-1, л. 22об. (П.). Видимо, опубликован, см. СОЯ № 85.

Чтение орхонских надписей. / Просеминарий для аспирантов Ин-

нарвос. 1926/27.— ААН-2, л. 76 (П.). Ср. выше: Семинарий по турецким языкам. Чтение памятников древних турецких языков.

Что такое христианская обедня? / Антирелигиозная брошюра, предложенная к печати через ГУС Наркомпроса Турк. АССР в ГИЗ. 1923. 1 п. л.— ЦГА УзССР, л. 117.

Этимологический и диалектологический словарь японского языка (или Этимологический словарь японского языка). Вып. I / Предложен к печати через Иннарвос в ГИЗ (остальные выпуски обещаны автором в течение года).— ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.). Издано «Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка» (Проблемы востоковедения. 1960, № 3, с. 174—184). Составлялся по материалам 1914—1916 гг. и содержал более тысячи основ.

[Южнояпонско-рюкюский процесс $Vri \rightarrow Vr' \rightarrow Vi$]. Монография. 1918. Несколько печ. л.— СОЯ, с. 102 (П.). Главнейшие ее части опубликованы, см. СОЯ № 112.

Японская грамматика. / Предложена к печати через Иннарвос в ГИЗ. 7—10 п. л.— ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.). Видимо, большая часть вошла в совместную с Ор. В. Плетнером работу, см. СОЯ № 100.

Японские и корейские сказки, легенды. Введение, перевод и комментарий. / Предложена к печати в Иннарвос. 10 п. л.— ААН-1, л. 58 (14.III.1929) (П.); Леонтьев 1983, с. 16.

Японские названия (=имена) животных. / Готовая к печати статья. 1936.— СОЯ, с. 167 (П.).

ADDENDA

[Доклад об учении Винклера относительно родства коми-зырянского и японского языков]. / Должен был быть представлен на лингвистическую секцию Неофилологического общества. 1912.— «Речь», № 336, 7(20).12.1912 (Л.).

Курс лекций по общему и сравнительному языкознанию. / Вост. фак-т САГУ. 20-е гг.— Из воспоминаний М. С. Кардашева (Лар.).

Мелодические явления, использованные для семасиологических целей в дальневосточных языках. / Доклад в Московском лингвистическом кружке. III.1921—III.1922.— ЦГАЛИ, ф. 42, Г. О. Винокур, оп. 1, ед. хр. 1 (Л.).

О конвергенции. / Доклад в Московском лингвистическом кружке. III.1921—III.1922.— ЦГАЛИ, ф. 42, Г. О. Винокур, оп. 1, ед. хр. 1 (Л.).

[Статьи о В. В. Маяковском]. / Рук. Фрунзе. 30-е гг.— Из воспоминаний Ю. Яншансина (Лар.).

Упражнения по развитию русской речи [для туркменской школы]. / Рук.— Из письма Е. Д. Поливанова Н. П. Архангельскому 1925 (?). (П) (Л.).

Учебная хрестоматия по истории Средней Азии (совместно с Н. П. Архангельским). / Замысел не был завершен. Ташкент. 1921.— Из воспоминаний Н. П. Архангельского (Лар.).

[Шугнанский язык]. / Статья, предлагавшаяся для «Докладов АН». 1925.— Из письма Е. Д. Поливанова С. Ф. Ольденбургу (ЛО ААН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 472) (П.).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЛАН	— Архив Академии наук СССР
АВСЯЛНП	— Материалы конференции «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова». Т. I. Самарканд, 1964.
АЧАН	— Архив Чехословацкой Академии наук
ВЦК НТА	— Всесоюзный Центральный комитет нового тюркского алфавита
ВЯ	— «Вопросы языкознания». М.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГДВУ	— Государственный дальневосточный университет
ГИАЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области
ГИХЛ	— Государственное издательство художественной литературы
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГУС	— Государственный ученый совет Наркомпроса Туркестанской АССР
ДАН	— Доклады Академии наук СССР
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения». СПб.
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества». СПб.
Иннарвос	— Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока
ИОРЯС	— «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». СПб.
КЛЭ	— Краткая литературная энциклопедия
КНИИКС	— Киргизский научно-исследовательский институт культурного строительства.
КУТВ	— Коммунистический университет трудящихся Востока
ЛВИ	— Ленинградский восточный институт
ЛО	— Ленинградское отделение
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИВ	— Московский институт востоковедения
МУР	— Московский уголовный розыск
НА АПН	— Научный архив Академии педагогических наук РСФСР

НДВШ ФН	— «Научные доклады высшей школы. Филологические науки»
НИИКЯП	— Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности
НКИД	— Народный комиссариат иностранных дел
ОПОЯЗ	— Общество изучения поэтического языка
РАН	— Российская Академия Наук
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	— Русское археологическое общество
РГО	— Русское географическое общество
РЯКШ	— «Русский язык в киргизской школе»
РЯЛТШ	— «Родной язык и литература в трудовой школе»
РЯНШ	— «Русский язык в национальной школе»
РЯСШ	— «Русский язык в советской школе»
РЯУШ	— «Русский язык в узбекской школе»
РЯШ	— «Русский язык в школе»
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
СамГУ	— Самаркандский государственный университет
Сам СХИ	— Самаркандский сельскохозяйственный институт
СГПА	— Самаркандская государственная педагогическая академия
СОГА	— Самаркандский областной государственный архив
СОЯ	— <i>Поливанов Е. Д.</i> Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
ТВИ	— Туркестанский восточный институт
УзГНИИ	— Узбекский государственный научно-исследовательский институт
УзГНИИКС	— Узбекский государственный научно-исследовательский институт культурного строительства
УзНИИЯЛ	— Узбекский научно-исследовательский институт языка и литературы
УзГУ	— Узбекский государственный университет
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГА	— Центральный государственный архив
ЦГИАЛО	— Центральный государственный исторический архив Ленинградской области
ЦГАОР и СС	— Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства
ЭО	— «Этнографическое обозрение». М.

Вместо предисловия	3
------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Е. Д. ПОЛИВАНОВ — СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«Поливановская» конференция в Самарканде	8
Трагедия Поливанова	12
Ему все удавалось (<i>совместно с В. М. Алпатовым</i>)	18
Легендарная личность	23
Учителя и ученики	30
Япония. Дальний Восток. Е. Д. Поливанов как японовед	34
«Я встретил революцию как революцию труда»	47
«Задание товарища Ленина»	50
Редактор газеты «Китайский работник»	53
Языковое строительство	57
В Ташкенте	61
Свидетельства очевидцев	65
Человек огромной воли, чести, веры в советскую науку (<i>совместно с Л. Р. Концевичем</i>)	74
В Самарканде	90
Самаркандская анкета	97
«Узбекский язык он знал в совершенстве...»	103
Опять в Ташкенте	105
Откровенные признания	108
Во Фрунзе	114
Дунганские экспедиции	117
Из архива Ю. Яншансина	121
Домик Поливанова	128

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Е. Д. ПОЛИВАНОВ — ЛИТЕРАТУРОВЕД, ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК

Е. Д. Поливанов и ОПОЯЗ	132
Е. Д. Поливанов — стиховед и теоретик литературы	145
«Поэзия, поэзия... Она всегда в моем сердце...»	153
«Манас»	167
Поливанов—Драгоманов	177
Вместо послесловия	188
Примечания	191

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Бо Цзи-шэн (Е. Д. Поливанов). Метагlossы (Поэзы и кляксы)	206
Дополнение к сборнику «Поэзы и кляксы»	221
Поэма «Ленин» (или «1917»). Глава IV	223
Правдивая история о паломничестве в Мешед, о коварстве вероломной Фатимы-Султан	233
Часовня Копченой Селедки	243

ИЗ ПЕРЕВОДОВ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

«Манас». Великий поход (Чон Газат)	245
<i>Шиваза</i> . Пушкину	259
Из Ко-ji-ki (История старых дел)	260
<i>Умарджан Исмаилов. Рустам</i> (Два эпизода из пьесы)	269

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА (публ. Л. Р. Концевича)

Письма В. П. Вахтерову	271
Письма и записки Н. П. Архангельскому	274
Письма ученым секретарям ГУСа	278
Письма Н. Я. Марру	280
Письма В. В. Бартольдy	282
Письмо А. Н. Самойловичу	283
Письма Р. О. Якобсону	284
<i>Addenda</i>	
Письма В. П. Вахтерову	288
Письмо Ю. В. Васильевой (Соболевой)	290
Из переписки родителей Е. Д. Поливанова с В. П. Вахтеровым	291

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

293

РУКОПИСИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА И НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НЕМ, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВАХ (описание Л. Р. Концевича)

296

НЕНАЙДЕННЫЕ РАБОТЫ Е. Д. ПОЛИВАНОВА (описание Л. Р. Концевича)

312

Условные сокращения

325

Василий Григорьевич Ларцев

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ПОЛИВАНОВ

Страницы жизни и деятельности

Редактор Г. А. ДАВЫДОВА

Младшие редакторы Л. Б. Годунова, Д. Ш. Хесина. Художник В. В. Локшин. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор Э. С. Теплякова. Корректор Е. В. Карюкина

ИБ № 15657

Сдано в набор 16.07.87. Подписано к печати 16.02.88. А-03829. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,22+0,42 вкл. Усл. кр.-отт. 17,85. Уч.-изд. л. 20,37. Тираж 6600 экз. Изд. № 6411. Зак. № 595. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

*Это нужно было
быть человеком
огромной воли
и огромной чести
и огромной веры
в советскую науку
для того,
чтобы действовать так,
как действовал
Поливанов.*

В. Каверин

*Поливанов
был обычным
гениальным человеком.
Самым обычным
гениальным человеком.*

В. Шкловский